

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я ЭТНОГРАФИЯ

*НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ
50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ*

5

Сентябрь — Октябрь

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров

ПОЛВЕКА СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

До Великой Октябрьской социалистической революции этнографическая наука в России развивалась главным образом в рамках научных обществ — Географического общества в Петербурге, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, Общества любителей истории, археологии и этнографии в Казани и др. Лучшие представители русской этнографии активно боролись против великодержавной империалистической идеологии, шовинизма и расизма. Эти гуманистические традиции, ярко сказавшиеся в деятельности Н. Г. Чернышевского, Н. Н. Миклухо-Маклая, М. М. Ковалевского, Д. Н. Анучина, Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза и других передовых ученых, затрудняли проникновение в русскую науку многих реакционных тенденций, которые распространились в эпоху империализма в этнографии ряда западных стран.

Деятельность научных обществ с их разветвленными филиалами способствовала широкому развитию этнографической работы, накоплению полевых материалов и публикаций, расширению тематики исследований, контактам с другими науками. Так, в области изучения сельской общины этнография близко соприкасалась с экономикой и статистикой, в изучении обычного права — с правоведением, в изучении фольклора — с литературоведением. Крупным достижением предреволюционной русской этнографии было связанное в особенности с именем Д. Н. Анучина комплексное привлечение как собственно этнографических, так и антропологических и археологических данных для решения многих историко-культурных проблем.

Однако как ни заметны были достижения дооктябрьской этнографии в России, их не следует переоценивать. Хотя уже с 1870-х гг. в работах отдельных передовых ученых начало сказываться влияние марксизма, в целом в русской этнографии преобладало эволюционистское направление. Предмет этнографии оставался неопределенным, ее преподавание — эпизодическим, этнографические исследования — неплановыми, накопленные данные — необобщенными¹.

В первые же годы после установления Советской власти в стране началось развертывание этнографической работы. «Преодолевая экономическую и культурную отсталость, остатки былой национальной розни, партия, Советская власть терпеливо и последовательно налаживали всестороннее сотрудничество народов, которые в декабре 1922 года добровольно объединились в Союз Советских Социалистических республик»². Для этого были важны данные этнографии, помогавшие установлению правильных национальных взаимоотношений, тесному сотруд-

---

¹ См.: С. А. Токарев, История русской этнографии (Дооктябрьский период), М., 1966.

² Тезисы Центрального Комитета КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», «Правда», 25.VI.1967.

ничеству народов, экономическому и культурному переустройству отсталых в прошлом национальных окраин страны. Коммунистическая партия и Советское правительство, требуя, чтобы государственное строительство в национальных районах проводилось с учетом исторически сложившихся хозяйственных и бытовых условий, отпускало большие средства на восстановление старых и создание новых этнографических учреждений. Уже в 1917 г. в составе Академии наук была восстановлена Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, позднее преобразованная в Комиссию по изучению племенного состава населения СССР, в 1919 г. созданы университетские этнографические центры в Петрограде и Москве, в 1924 г. — Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа, в 1930 г. — Институт народов Севера. В 1933 г. на основе Музея антропологии и этнографии был создан Институт антропологии, археологии и этнографии, затем преобразованный в Институт этнографии Академии наук СССР. С 1926 г. стал выходить журнал «Этнография» (с 1931 г. — «Советская этнография»), ставший центральным печатным органом всех этнографов страны. В эти же годы начали возникать этнографические центры и печатные органы на Украине, в Белоруссии, в республиках Кавказа, Средней Азии и других, стали складываться местные кадры квалифицированных специалистов, в том числе из среды коренных национальностей. Этнографы широко привлекались к решению практических вопросов социалистического строительства. Их деятельность по изучению этнического состава СССР и изданию этнографических карт оказала большую помощь при проведении национального районирования, полученные ими данные сыграли значительную роль при определении конкретных форм хозяйственного и культурного преобразования национальных окраин.

Большое значение для становления и развития советской этнографии имели труды В. И. Ленина, в особенности его теория наций и учение об общественных укладах. Ленинские положения о равноправии наций и языков, национальной автономии, национальной культуре и ее классовом содержании, соотношении общественных укладов на многие годы определили направление работы этнографов СССР и составили ее прочную теоретическую базу.

Становление этнографии в СССР потребовало, разумеется, немалого времени. В 1920-х гг. ее развитие имело скорее количественный, чем качественный характер. Продолжая прогрессивные традиции дореволюционной русской науки, этнография тех лет еще только подходила к своей перестройке на основе марксистской методологии. Эта перестройка началась в 1930-х гг., когда в ходе острых дискуссий стали впервые вырисовываться черты советской этнографической школы с присущим ей историческим методом исследования и стремлением выявить на конкретном материале изучаемых народов общие закономерности развития. Отражением и результатом этого нового теоретического уровня явился ряд работ советских этнографов старшего поколения, посвященных главным образом общественному строю народов СССР и его эволюции от первобытнообщинных отношений до позднейших форм переплетения капиталистических или даже социалистических отношений с остатками родового строя. Но в то же время укрепление теоретических основ науки, ее рост вглубь закономерно повлекли за собой временное сужение проблематики, из которой во второй половине 1930-х гг. выпали многие традиционные объекты этнографического исследования.

Новый подъем в развитии советской этнографии начался после второй мировой войны. Его особенности могут быть поняты только в связи

с особенностями и потребностями современной исторической эпохи. Как известно, два послевоенных десятилетия ознаменовались огромными революционными сдвигами в жизни народов мира. Возник ряд новых социалистических стран; волна национально-освободительных движений вызвала к жизни десятки новых независимых государств; в мире, как никогда, активизировались этнические, социально-экономические, культурно-бытовые процессы. Народы СССР, завершив построение социализма, перешли к строительству коммунистического общества, открывшему широкие перспективы дальнейших преобразований во всех областях экономики, культуры и быта. В этих условиях одной из главных задач советской этнографии становится изучение этнических и культурно-бытовых процессов современности, тесно связанное с практикой строительства коммунизма в СССР и борьбой прогрессивных сил во всем мире. Одновременно необычайно возрастает научное и практическое значение этнографии, точнее определяются ее предмет, проблематика и место в системе общественных наук.

Современная советская этнография является специализированной отраслью истории, изучающей этническое и культурно-бытовое развитие народов мира. Но, будучи отраслью исторической науки, этнография в некоторых отношениях ее шире. Она включает в известной мере ряд дисциплин, возникших на стыках этнографии с другими гуманитарными, а также естественными науками. К их числу принадлежат фольклористика, в которой этнография тесно соприкасается с литературоведением, этногеография, в которой она переплетается с географией, этнолингвистика, этническая антропология, этнопсихология, этноботаника и т. д. Это позволяет рассматривать этнографию как комплексную область знания с чрезвычайно широким кругом подлежащих исследованию проблем. Сюда относятся расселение и классификация народов мира, их этногенез и этническая история, история их общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры и т. д. Особое внимание советских этнографов привлекают современные этнические и культурно-бытовые процессы, т. е. этнический аспект новейшей истории человечества, и имеющие большое мировоззренческое значение проблемы истории первобытного общества.

В послевоенные годы складывается также единство основных исследовательских установок, позволяющее говорить о вполне сформировавшейся советской этнографической школе. Опираясь на методологию исторического материализма, этнографы СССР придерживаются в своих исследованиях принципа историзма. Они считают неправомерным как принятое во многих западных странах различие «теоретической» этнологии и «описательной» этнографии, ибо теоретическая сторона науки не может быть отделена от ее фактической базы, так и выделение двух самостоятельных дисциплин, одна из которых изучает свой собственный народ или народы европейского происхождения, а другая — отставшие внеевропейские народы, ибо изучение разных этнических общностей не может вестись на основе различных исследовательских принципов. Методологические установки советской школы в этнографии ярко отразились в своего рода итоге послевоенных работ советских ученых — тринадцатитомной серии «Народы мира» (вышедшей под общей редакцией С. П. Толстова), коренным образом отличающейся от аналогичных трудов Бушана, Бернатчика или Бьясутти. Как известно, названные издания ставили своей главной целью дать описание наименее развитых в культурном отношении народов земного шара; в них, кроме того, характеризуется не столько современная, сколько традиционная, в значительной своей части ставшая делом прошлого культура этих народов.

Напротив, в «Народах мира» в соответствии с общими принципами советской этнографии исследуется этническое и культурное развитие все без исключения народов — как малых, так и больших, как отставших так и высокоразвитых. Отдельные книги этого многотомника, а в последнее время и все издание в целом получили положительную оценку в советской и зарубежной печати. Два тома, «Численность и расселение народов мира» (1962) и «Народы Восточной Азии» (1965), были удостоены премий Н. Н. Миклухо-Маклая Президиума Академии наук СССР.

Следует отметить, что в послевоенные годы особенно прочно утвердились наметившиеся еще до революции контакты этнографов с работниками смежных областей знания и применение, наряду с собственными этнографическими, историческими, археологическими, социологическими методов исследования. Так, в ряде трудов советских этнографов (Б. О. Долгих, В. К. Гарданова, М. О. Косвена, Л. П. Потапова, С. А. Токарева, С. П. Толстова и др.) поставлены крупные исторические проблемы и широко привлечены исторические и археологические источники; в то же время во многих исторических исследованиях (Ю. В. Бромлей, И. М. Дьяконова, А. И. Неусыхина, Н. Б. Янковской и др.) исследуются такие традиционно этнографические темы, как развитие большой семьи и соседской общины.

Для послевоенного периода очень характерно также значительное расширение базы этнографической работы. В настоящее время этнографические научно-исследовательские центры имеются в составе Академий наук почти всех союзных республик, а также в составе отраслевых институтов по общественным дисциплинам многих автономных республик и областей. На Украине³ и в Белоруссии секторы этнографии имеются в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Министерства культуры БССР. В Молдавии этнографы работают в Институте истории АН МССР. Этнографические секторы или группы существуют также в составе институтов истории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Большого размаха достигла в последние годы этнографическая работа в союзных республиках Закавказья, где она сосредоточена главным образом в Институте истории, археологии и этнографии АН ГрузССР, в Институте археологии и этнографии АН АрмССР и в Институте истории АН АзербССР. Успешно работают и этнографы Средней Азии и Казахстана, организационно входящие в состав различных гуманитарных институтов Академий наук соответствующих республик.

Этнографические группы входят в состав Казанского и Карельского филиалов АН СССР. С организацией Сибирского отделения АН СССР создались новые возможности для углубления и расширения этнографических исследований среди различных народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе среди русских, алтайцев, тувинцев, хакасов, бурятов, якутов, а также малых народов Севера. Работа эта сосредоточена главным образом в новосибирском Институте истории, философии и филологии Сибирского отделения и в его филиалах — Дальневосточном (Владивосток), Бурятском и Якутском. Научные результаты этнографических исследований публикуются в различных серийных изданиях, выходящих в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и в некоторых краевых и областных центрах, а также на страницах двух специальных научных журналов «Советская этнография» (Москва) и «На-

³ К. Гуслистый, Українська радянська етнологія (підсумки і перспективи розвитку), «Народна творчість та етнологія», 1967, № 1.

родна творчість та етнографія» (Киев). Оба журнала систематически публикуют обзорные статьи по истории этнографической науки в СССР.

Заканчивая на этом наш по необходимости сжатый общий обзор развития советской этнографии⁴, перейдем к характеристике разрабатываемых в ней основных комплексов научных проблем.

Этногенез и этническая история

Большое место в работах советских этнографов занимают вопросы этногенеза и этнической истории. До Великой Октябрьской социалистической революции вопросы эти в России разрабатывались главным образом лингвистами, так что происхождение народов сводилось, по существу, к происхождению их языков, а самый процесс этногенеза часто выглядел как связанное с непрерывными миграциями распространение по земному шару тех или иных народов. Яркими примерами подобных исследований могут служить работы А. А. Шахматова и Д. К. Зеленина, посвященные происхождению восточнославянских народов.

В 1920-х годах собственно этногенетические проблемы ставились в работах этнографов СССР сравнительно редко. Только к концу этого периода и в особенности в следующее десятилетие рассматриваемым проблемам стало уделяться все большее и большее внимание. Освещались они значительной частью исследователей, главным образом на базе лингвистической теории Н. Я. Марра, который полностью отрицал роль миграций в этнической истории народов и считал формирование их исключительно результатом автохтонного развития. Принятие концепции Н. Я. Марра помогло советским ученым (в том числе и этнографам) пересмотреть устаревшие, примитивно-миграционистские теории о происхождении многих народов СССР и зарубежных стран (славян, германцев, индо-европейцев в целом, финно-угров, тюрков, народов Сибири и др.). Однако безоговорочное, некритическое отрицание миграций привело к искаженному представлению о процессах этногенеза и этнической истории, к игнорированию даже тех переселений, которые были отражены с полной несомненностью в археологических и собственно исторических (письменных) памятниках.

После Отечественной войны, до начала 1950-х гг., как конкретные, так и теоретические работы советских этнографов, посвященные вопросам происхождения народов, проводились преимущественно в Институте этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде и публиковались главным образом на страницах журнала «Советская этнография» и в «Трудах Института этнографии». К концу этого периода комплексные этнографические исследования при участии этнографов, археологов, антропологов, в меньшей мере историков и языковедов, развертываются также в некоторых союзных республиках, особенно в Прибалтике и в Средней Азии⁵. В ходе известной дискуссии по вопросам языкознания взгляды Марра были подвергнуты резкой и не во всем справедливой

⁴ Подробнее об основных этапах развития советской этнографии см.: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография» (далее СЭ), 1947, № 4; его же, Сорок лет советской этнографии, СЭ, 1957, № 5; С. А. Токарев, Советская этнография за 40 лет, «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2; В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов, Л. Н. Терентьева, Основные проблемы этнографического изучения народов СССР, СЭ, 1961, № 3; Л. П. Потапов, Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР, СЭ, 1962, № 2; А. И. Першин, Актуальные проблемы советской этнографии, СЭ, 1964, № 4.

⁵ См., например: С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX — начале XX вв., «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. IX, 1950; Б. О. Долгих, Происхождение иганасанов, «Сибирский этнографический сборник», ТИЭ, т. XVIII,

критике, что привело наряду с отказом от крайностей автохтонизма к заметному понижению общего интереса к этногенетическим проблемам.

Тем не менее комплексное изучение проблем этногенеза и этнической истории учеными различными специальностями продолжалось в течение всего послевоенного периода и позволило в конце 1950-х и особенно в 1960-х гг. снова подойти к широкому обобщению накопленных фактических материалов по большим региональным группам советских и зарубежных народов. Этногенетическим проблемам всех периодов истории человечества, вплоть до национального развития наших дней, уделено большое внимание во всех томах серии «Народы мира», в трудах различных региональных комплексных экспедиций, организованных Институтом этнографии или проводившихся при его участии, в отдельных монографиях, сборниках и журнальных статьях, опубликованных в последние годы. Можно считать, что в той или иной степени в работах советских ученых освещены основные этапы этнического развития всех народов мира и в первую очередь, конечно, народов нашей страны. Важно подчеркнуть, что речь идет как об отдельных народах, так и об их больших группах, говорящих на родственных языках или рассеянных в пределах историко-этнографических областей разных порядков, таких, например, как Прибалтика, Поволжье и Прикаспье, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Западная и Восточная Сибирь, Советский и Зарубежный Дальний Восток, Передняя, Южная и Юго-Восточная Азия, Африка, Америка, Австралия и Океания⁶.

В самые последние годы значительно возрос интерес советских этнографов к разработке теоретических проблем этногенеза и этнической истории. На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.) работал специальный симпозиум «Проблемы происхождения древних и современных народов». После конгресса на страницах различных журналов, главным образом «Советская этнография», «Вопросы истории» и «Вопросы философии», появилось несколько работ советских этнографов, посвященных определению самого понятия «этническая общность», их характерным признакам, принципам классификации, типам этнических общностей различных исторических эпох (племенам, народностям, нациям) и их соот-

1952; Сб. «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)», ТИЭ, т. XXIII, 1954; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу, ТИЭ, т. X, 1951.

⁶ См., например: «Балтийский этнографический сборник», ТИЭ, т. XXXII, 1956; Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956; Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», Труды Прибалт. объедин. комплексн. экспедиции, т. I, М., 1959; Сб. «Вопросы этнической истории мордовского народа», ТИЭ, т. LXIII, 1960; «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», тт. I—IV, М., 1952—1959; «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», тт. I—IV, М., 1956—1960; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, ТИЭ, т. LXXXI, 1958; Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. I—II, М.-Л., 1960—1966; К. Г. Гуслистый, Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа, Киев, 1963; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., ТИЭ, т. LV, 1960; его же. Происхождение долган. «Сибирский этнограф. сборник», ТИЭ, т. LXXXIV, 1963; С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX вв.), ТИЭ, т. LXXXI, 1963; И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, М.-Л., 1965; И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири, ТИЭ, т. 89, М., 1966; Сб. «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии», ТИЭ, т. 83, 1963; Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии, СЭ, 1966, № 2; Д. А. Ольдерогге, Происхождение народов Центрального Судана, СЭ, 1952, № 2; его же, Западный Судан в XV—XIX вв., ТИЭ, т. LIII, 1960; Н. А. Бутин, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, ТИЭ, т. LXXX, 1962; Сб. «Нации Латинской Америки», М., 1964, и мн. др.

ношению с общностями хозяйственно-культурными, расовыми, классовыми, государственно-политическими и др.⁷ С докладами на различные этногенетические темы советские этнографы неоднократно успешно выступали на международных форумах, в частности на состоявшихся в 1966 г. международных конгрессах⁸. В настоящее время многие советские ученые готовят доклады по этногенетическим вопросам для VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, который состоится в Токио в 1968 г.

Несмотря на то, что многие конкретные и теоретические вопросы происхождения народов еще далеки от своего окончательного разрешения, в работах советских этнографов (как и ученых других смежных специальностей) сформулированы основные положения концепции этногенеза и этнической истории. Нет сомнения, что мировой процесс образования, развития и взаимодействия этнических общностей разных типов и порядков, начавшийся в глубокой древности у людей современного вида (*Homo sapiens*), продолжался на всем протяжении истории человечества и продолжается в наши дни. Этнические общности разных типов — племена, народности и нации, их родственные группы и подразделения, разграничивающиеся по многим признакам (язык, территория формирования и расселения, наличие экономических связей, культура и др.), складываются и распадаются под влиянием различных факторов, среди которых наибольшее значение имеют общие темпы социально-экономического развития, хозяйственно-культурные особенности, связанные с естественно-географическими условиями, демографические показатели, переселения всех видов, процессы биологического смешения, культурного взаимодействия и ассимиляции, явления географической и общественно-бытовой изоляции, изменения политических границ.

В своих этногенетических исследованиях советские этнографы не ограничиваются прошлым, но очень большое внимание уделяют этническим процессам нашего времени, которые в различных формах разворачиваются как в Советском Союзе, так и в зарубежных странах в эпоху строительства коммунизма и социализма, распада мировой империалистической системы и огромных успехов национально-освободительного движения в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. В самые последние годы опубликовано несколько работ, посвященных этническим процессам в отдельных регионах нашей страны — Прибалтике, Кавказе, Средней Азии и др. В этих работах на базе большого фактического материала (включая и статистические данные) рассматриваются локальные внутренние переселения, хозяйственно-культурное взаимодействие разных народов в городах и сельских местностях, смешанные браки, явления двуязычия и многоязычия⁹. В Институте этно-

⁷ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, СЭ, 1967, № 2; его же. Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории», 1967, № 1; Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, «Вопросы истории», 1967, № 4; С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме), VII МКАЭН, М., 1964; его же, Проблемы типологии этнических общностей в работах советских этнографов, СЭ, 1967, № 4.

⁸ Ю. П. Аверкиев, На XVIII Международном конгрессе психологов и VI Международном конгрессе социологов (впечатления этнографа), СЭ, 1967, № 1; Т. Д. Златковская, Ю. В. Иванова, Л. В. Маркова, Вопросы этнографии на I Международном конгрессе балканских исследований в Софии, там же; Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе, там же.

⁹ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, СЭ, 1961, № 4; Л. Н. Чижикова, Заселе-

графии АН СССР готовится сводная коллективная монография, посвященная этническим процессам в СССР. В этой монографии особое внимание будет уделено как сохранению и развитию национальных особенностей культуры и быта, так и характерному для эпохи развернутого строительства коммунизма сближению социалистических наций нашей родины, в частности распространению у них русского языка как основного языка межнационального общения.

Аналогичные работы велись и ведутся в настоящее время также по зарубежным странам¹⁰. Близка к завершению коллективная монография «Национальное развитие в странах Передней, Южной и Юго-Восточной Азии», в которой будет дана характеристика этнических процессов, протекающих на наших глазах в Турции, Иране, Афганистане, Индии, Пакистане, Цейлоне, Непале, Бирме, Таиланде, Лаосе, Камбодже, Вьетнаме, Малайзии и на Филиппинах. Материалы, положенные в основу этой монографии, частично собраны советскими учеными на месте во время командировок в страны Передней, Южной и Юго-Восточной Азии. Развернута работа над коллективными монографиями того же профиля, посвященными этническим процессам и национальному развитию в странах зарубежной Европы, Африки, Северной и Латинской Америки.

С проблемами происхождения народов и их дальнейшего этнического развития тесно связаны вопросы этнолингвистики, в разработке которых многие советские этнографы, имеющие филологическую подготовку, участвуют вместе со специалистами-языковедами. Так как язык является одним из основных этнических определителей, ясно, что ни один этногенетический вопрос не может быть полностью разрешен без привлечения лингвистических материалов. Особенно часто этнографам приходится обращаться к разработке лингвистических проблем при изучении вопросов происхождения народов, языки которых, сравнительно недавно не имевшие собственной письменности, слабо изучаются филологами. Именно так обстоит дело с языками коренного населения Африки (к югу от Сахары), Америки, Австралии и Океании. В Советском Союзе больших успехов достигло этнолингвистическое изучение народов Африки, имеющее большое теоретическое значение для решения проблем этногенеза народов всего мира¹¹. Этнолингвистические исследования

на Кубани и современные этнические процессы, СЭ, 1963, № 6; А. В. Смоляк, О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура, СЭ, 1963, № 3; Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР, СЭ, 1964, № 6; О. А. Ганцкая и Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, СЭ, 1965, № 5; А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник, там же; Н. Г. Волкова, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, СЭ, 1967, № 1; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии, СЭ, 1967, № 4; И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, СЭ, 1967, № 5.

¹⁰ И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, ТИЭ, т. XXIX, 1955; его же, Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы, СЭ, 1957, № 4; его же, Африка смотрит в будущее, М., 1960; С. Р. Смирнов, Образование и пути развития северосуданской народности, «Африканский этнографический сборник», 1, ТИЭ, т. XXXIV, 1956; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, СЭ, 1961; № 4; «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии», ТИЭ, т. 83, 1963; И. Г. Григулевич, А. В. Ефимов, К вопросу о возникновении и развитии наций в Латинской Америке, Сб. «Нации Латинской Америки», М., 1964; Э. Л. Нитобург, О негритянском вопросе в США, «Новая и новейшая история», 1963, № 5; Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии, СЭ, 1966, № 2.

¹¹ Африканские этнографические сборники, тт. I—VI, М.-Л., 1956—1966; последний из этих сборников носит название «Africa» (Культура и языки народов Африки).

играют также немалую роль в разработке новых систем письменности для бесписьменных народов. В 1963—1964 гг. в республике Мали под руководством Д. А. Ольдерогге группа советских и африканских этнолингвистов провела большую работу по созданию проектов алфавитов для разных языков народов этого государства (бамбара, сонгаи, томашек и др.). Этнолингвистические работы, при которых этническая история народа исследуется в тесной связи с историей его языка и культуры ведутся не только по народам Африки, но и по другим крупным этническим общностям. Особенно успешными в последние годы были этнолингвистические работы по тюркоязычным народам и афганцам¹².

Этническая география

С проблемами этногенеза и этнической истории теснейшим образом связаны вопросы этнической географии, которая за годы Советской власти сложилась в особую научную дисциплину, изучающую этнический состав населения нашей планеты, территориальное размещение и численность отдельных народов, а также входящих в их состав этнографических групп¹³. Еще в 1940 г. при Московском государственном университете была основана лаборатория этнической статистики и картографии, переданная два года спустя в Институт этнографии АН СССР. С 1944 г. в этой лаборатории начинаются планомерные работы по составлению карт расселения народов всех регионов земного шара. Особенно широко работы эти развернулись после Великой Отечественной войны, когда повсеместно возрос интерес к жизни народов различных стран, к их этническим и культурным особенностям, географическим и национальным взаимоотношениям. В 1951 г. была опубликована учебная карта народов СССР. Несколько позднее, начиная с 1956 г., вышли в свет карты народов Индостана, Китая, МНР и Кореи, Индокитая, Передней Азии, Индонезии, Малайи и Филиппин и, наконец, Африки. К 1961 г. относится публикация обобщающей карты «Народа мира». Почти все перечисленные карты сопровождались объяснительными записками в виде брошюр, содержащих основные сведения о численности народов данного региона, об их хозяйственно-культурных особенностях и этнической истории¹⁴.

После проведения переписи населения СССР в 1959 г. по ее данным были подготовлены две карты народов СССР, одна из которых предназначалась как учебное пособие специально для средней школы. К VII МКАЭН (в 1964 г.) был подготовлен «Атлас народов мира»; он состоит из 76 многоцветных карт, дающих наглядное представление о расселении народов мира, а также языковых и расовых группах человечества. К атласу приложен ряд таблиц и текстовых материалов, содержащих общие сведения о населении мира, его этническом, расовом,

ТИЭ, т. ХС, 1966. Под руководством Д. А. Ольдерогге были подготовлены: Суахили-русский словарь, М., 1961; Хауса-русский словарь, М., 1963; см. также работы Д. А. Ольдерогге, указанные в прим. 6.

¹² См., например: Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, тт. I—II, М., 1952; его же, Тюркские языки, М., 1960; его же, Диалекты гериевых татар (туба-кииси), М., 1960; Э. Р. Тенишев, Саларский язык, М., 1964; его же, Язык желтых уйгуров, М., 1966; М. Г. Асланов, Афганско-русский словарь, М., 1966.

¹³ См.: С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования), М., 1964.

¹⁴ М. Я. Берзина, Карта народов Индонезии, М., 1956; С. И. Брук, Карта народов Китая, МНР и Кореи, М., 1959; его же, Карта народов Индокитая, М., 1959; его же, Народы Передней Азии, М., 1961; Б. В. Андрианов, Народы Африки (карта), М., 1960; Б. В. Андрианов, М. Я. Берзина, С. И. Брук, Я. Р. Винников, Ф. Н. Каменецкая, В. И. Козлов, Карта народов мира, М., 1961; М. Я. Берзина, С. И. Брук, Народы Индонезии Малайи и Филиппин (карта), М., 1962.

языковом и конфессиональном составе. Помимо перечисленных карт, лабораторией этнической статистики и картографии было подготовлено много других этнографических карт, опубликованных в многотомной серии «Народы мира» и других изданиях Института этнографии, а также в различных энциклопедиях и учебниках географии. Этнической статистике и картографии посвящен также особый том многотомника «Народы мира»¹⁵.

В процессе работы над составлением карт расселения народов мира советские этнографы должны были разрешить целый ряд сложных теоретических и методических проблем этнической картографии и статистики. В Институте этнографии АН СССР было разработано несколько новых методов картографирования, в том числе метод этнических территорий, который дает возможность наносить на карту области со смешанным этническим составом населения. В настоящее время метод этот является основным при составлении этнографических карт. Наряду с ним был предложен и другой метод этнического картографирования, позволяющий показать на одной карте как этнический состав, так и плотность населения. Для точного воспроизведения этнического состава слабо заселенных территорий применяется также метод людности, который дает возможность показать этнический состав каждого отдельного поселения. При помощи этого метода еще в начале 1930-х гг. была составлена «Карта расселения народностей Крайнего Севера»¹⁶. Дальнейшая разработка методов этнического картографирования и, в частности, способов сочетания на картах различных показателей, должна рассматриваться в качестве одной из важнейших задач этнографической науки.

С этнической географией тесно связана также проблема классификации народов мира, частично уже затронутая нами в разделе, посвященном вопросам этногенеза и этнической истории. Как известно, одним из основных этнических определителей является язык. Действительно, на одинаковых или близких языках говорят в большинстве случаев народы, связанные общим происхождением или длительным соседством и хозяйственно-культурным взаимодействием. Таким образом, языковая близость позволяет до известной степени судить о близости этнической. Однако язык является только одним из этнических показателей; лингвистическая и этническая классификация народов далеко не равнозначны. Попытки некоторых зарубежных ученых создать классификации народов смешанного характера — языково-антропологические, языково-конфессиональные и даже языково-политические методологически неприемлемы, как это хорошо показали в своих работах многие советские этнографы. Универсальный принцип классификации народов до настоящего времени еще не найден, однако определенным шагом на этом пути можно считать разработанную советскими учеными этнолингвистическую классификацию, в которой основой группировки народов служит язык, но в тех случаях, когда он не является достаточным разграничительным критерием, принимаются во внимание и другие этнические признаки, прежде всего характерные культурные особенности народа и этническое самосознание¹⁷.

¹⁵ С. И. Брук, Я. Р. Винников, В. И. Козлов, Б. В. Андрианов, Карта народов СССР, М., 1962; С. И. Брук, Я. Р. Винников, В. И. Козлов, Народы СССР. Учебная карта для средней школы, М., 1963; «Численность и расселение народов мира», М., 1962; «Атлас народов мира», М., 1964.

¹⁶ П. Е. Терлецкий, Карта расселения народностей Крайнего Севера, М., 1933.

¹⁷ П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, ТИЭ, т. XV, 1951; его же, Методы картографирования национального состава населения, СЭ, 1950, № 4; П. Е. Терлецкий, О новом методе этнического картографи-

Этническая социология

Одним из важнейших разделов советской этнографии является изучение социально-бытового уклада народов мира, а вместе с тем особенностей и взаимодействия составляющих их классов, профессиональных, локальных, конфессиональных и иных групп, т. е. обширный круг вопросов, который может быть объединен под названием этнической социологии.

Как уже отмечалось, исследование общественных отношений получило значительный размах еще в 1930-х гг., когда практические нужды переустройства отсталых в прошлом национальных окраин страны потребовали историко-этнографического анализа форм и проявлений общинно-родового уклада в его переплетении с позднейшими классовыми отношениями. Эта теоретически сложная проблема продолжала разрабатываться и в послевоенные годы как на материалах тех народов СССР, у которых до Октябрьской революции господствовали докапиталистические отношения, так и на материалах ряда народов зарубежных стран¹⁸. Начатая историками и этнографами разработка этих вопросов в последние годы развернулась в широкие общесоциологические дискуссии об общественном строе кочевников-скотоводов, характере раннеклассовых обществ и, наконец, периодизации мирового исторического процесса в докапиталистическую эпоху.

Наряду с общесоциологическими исследованиями, в значительной степени обращенными к историческому прошлому народов мира, в послевоенные годы стали разрабатываться и выступили на первый план проблемы современного развития народов и составляющих их социальных организмов. Будучи связаны с актуальными задачами построения коммунизма в нашей стране, эти исследования охватывают главным образом народы СССР и пока лишь самым незначительным образом — народы зарубежных, в основном новоразвивающихся, стран.

Работа в этой области началась во второй половине 1940-х гг. с изучения социально-бытового и культурного укладов колхозного крестьянства народов СССР, развернувшегося сперва в Институте этнографии АН СССР, а затем и в этнографических учреждениях союзных и автономных республик. Первые публикации, посвященные этой теме, по преимуществу журнальные статьи, содержали простое описание современного быта колхозников в сравнении с их дореволюционным бытом; научная ценность таких работ снижалась еще и от того, что в них чаще всего замалчивались наблюдавшиеся этнографами отрицательные явления. Более глубокие исследования появляются с середины 1950-х гг.,

рования, СЭ, 1953, № 1; С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, СЭ, 1961, № 5; С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин, О предмете и задачах этногеографии, СЭ, 1963, № 1; С. И. Брук, Принципы этнического картографирования, «Eugora et Hungaria. Congressus ethnographicus in Hungaria», Budapest, 1965.

¹⁸ См., например: П. Кушнер, Горная Киргизия (Социологическая разведка), М., 1928; Л. П. Потапов, Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, Изв. ГАИМК, вып. 103, 1934; С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков; сб. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955; Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, Ереван, 1958; Р. Харадзе, Грузинская семейная община, т. I—II, Тбилиси, 1960—1962; А. И. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в., ТИЭ, т. LXIX, 1961; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., ТИЭ, т. LXXIV, 1962; Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии, М., 1964; В. К. Гарданов, Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.), М., 1967; Сб. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967, и др.

когда выходит ряд крупных коллективных монографий о колхозном крестьянстве народов СССР¹⁹, авторы которых поставили перед собой задачу изучения процесса развития, с тем, чтобы выявить, с одной стороны, его положительные линии, а с другой — вредные, несовместимые советским образом жизни пережитки прошлого. Эта же задача решается в обширной серии специальных публикаций, посвященных хозяйству, общественному быту, семейно-бытовым отношениям и другим сторонам жизни колхозного крестьянства народов СССР. Количество таких работ, изданных как Институтом этнографии АН СССР, так и этнографическими учреждениями почти всех союзных и автономных республик, сейчас уже настолько велико, что мы лишены возможности назвать даже крупнейшие из них.

Подобный же путь — от неглубоких, нередко чисто публицистических очерков до серьезного научного исследования — проделало за последнее двадцатилетие этнографическое изучение рабочего класса. В публикациях, посвященных русским, украинским, белорусским, грузинским, киргизским, узбекским, туркменским, азербайджанским рабочим исследуются культурно-бытовая специфика различных профессиональных групп рабочего класса, особенности жизненного уклада населения промышленных поселков, лишь недавно перешедшего или еще переходящего от крестьянского к рабочему быту, складывание общесоветских традиций и прогрессивных линий культурно-бытового развития. Большое внимание уделено также этнографическому исследованию формирования рабочего класса у тех народов СССР, у которых он стал складываться только или преимущественно после Октябрьской революции — многих народов Крайнего Севера, Сибири, Поволжья, Средней Азии и Казахстана, Кавказа²⁰.

Этнографическое изучение колхозного крестьянства и рабочего класса народов СССР оказало действительную помощь в решении практических задач коммунистического строительства. Полученные этнографами данные были учтены, например, при планировании новых типов поселений и жилищ, выработке новой гражданской обрядности, развертывании борьбы партийных, общественных и советских организаций с такими вредными пережитками прошлого, как остатки фактического неравенства женщины, покупного брака, многоженства, обычаев избегания, религиозно-бытовых традиций. Особенно много в этом отношении дали работы этнографов-сибиреведов, позволившие значительно ускорить

¹⁹ Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русаякина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, ТИЭ, т. XXIV, 1954; О. А. Сухарева, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955; «Село Вирятинно в прошлом и настоящем», ТИЭ, т. XLI, 1958; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, ТИЭ, т. XXXVII, 1958; Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, ТИЭ, т. LIX, 1960; Ю. В. Арутюнян, Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг., М., 1960; его же, Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны, М., 1963; «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области», М.-Л., 1964; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964; О. Ф. Кувеньова, Громадський побут українського селянства, Київ, 1966; «Культура и быт Казахского колхозного аула», Алма-Ата, 1967, и др.

²⁰ См., например: А. И. Робакидзе, Некоторые черты семейного быта цинатурских горняков, СЭ, 1953, № 4; С. М. Абрамзон, Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия, СЭ, 1954, № 4; В. Ю. Крупянская, Этнографическое изучение советского рабочего класса, «Вопросы истории», 1960, № 11; Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Ашхабад, 1961; В. Т. Зинич, Соціалістичні перетворення, паростки нового, комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України, Київ, 1963; В. А. Чарыкзاده, О производственном быте рабочих шелковой промышленности г. Нухи, «Азербайджанский этнографический сборник», 2, 1965.

темпы дальнейшего развития хозяйства и быта наиболее отсталой в прошлом части населения СССР — малых народов Севера²¹. Многие работы, как, например, этнографическое исследование процесса оседания среднеазиатских кочевников и полукочевников в советское время, оказали также большую практическую помощь новоразвивающимся странам Азии и Африки. Опыт нашей страны по созданию условий для перехода кочевников к оседлости в 1966 г. обсуждался на проходившем в СССР семинаре Международной организации труда представителями 16 стран, в которых продолжающийся кризис кочевого скотоводства делает сейчас оседание насущной потребностью развития²².

Вместе с тем проделанная этнографами работа по изучению рабочего класса и колхозного крестьянства народов СССР выявила необходимость дальнейшего совершенствования методики исследования. Выводы, полученные на материалах отдельных заводов или колхозов, или даже районов, не всегда достаточны для понимания процессов, протекающих в среде рабочих или колхозников того или другого народа. Рассмотрение рабочего класса и колхозного крестьянства как отдельных объектов исследования облегчает детализированное изучение этих классов советского общества, но не дает возможности судить о взаимодействии различных слоев городского или сельского населения, а тем более городского и сельского населения между собой. Поэтому в последние годы советские этнографы, поднимаясь на новую ступень научного обобщения, значительно расширяют территориальные рамки исследований, а вместе с тем переходят от изучения классов к изучению локальных общностей — городов, поселков, селений. Следующий шаг, изучение социально-бытовых и культурных процессов в общенациональном масштабе — должен подвести к решению наиболее сложной задачи этнической социологии — сравнительному анализу этих процессов у разных народов СССР.

Происходящее сейчас углубление этносоциологической работы облегчается уже начавшимся проникновением в этнографию методов конкретной социологии. Наряду с проведением анкетных обследований этнографы все шире используют статистические данные ЦСУ, ЗАГСов, милиции и т. д., машинные методы обработки материала, применяют, а в необходимых случаях организуют разработку новых математических приемов сопоставления количественных показателей²³. Такая методика, состоящая в тесном сочетании полевых и массовых статистических данных, впервые была применена участниками Прибалтийской комплексной экспедиции и в настоящее время уже нашла отражение в этнографических публикациях по другим регионам СССР²⁴. Важно отметить перспективность этой методики, которая дополняет непосредственные наблюдения необходимыми элементами любой науки — числом и мерой и тем

²¹ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.-Л., 1955; В. Н. Увачан, Переход к социализму малых народов Севера, М., 1958; «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», М., 1960; В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, Проблемы реконструкции быта малых народов Севера, СЭ, 1966, № 3; Л. В. Хомич, Ненцы, Л., 1966; Ч. М. Таксами, Нивхи, Л., 1967, и др.

²² См.: Т. А. Жданко, Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в республиках Средней Азии и Казахстана, СЭ, 1967, № 4.

²³ См.: О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебеч, О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков, СЭ, 1966, № 3; Ю. И. Першиц, О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности, СЭ, 1967, № 4.

²⁴ См. статьи О. А. Ганцкой, Л. Н. Терентьевой, А. Г. Трофимовой и Я. С. Смирновой, цит. в прим. 9.

самым исключает всякую субъективность в оценке наблюдаемых процессов.

Развертывание этносоциологических исследований в различных регионах страны делает неотложной задачей выработку унифицированных программ и анкет, без чего невозможна сопоставимость данных, а следовательно, и широкие теоретические обобщения. Вместе с тем трудоемкость анкетных обследований и получения статистических материалов в местных учреждениях требуют улучшения организационных форм этносоциологической работы. В частности, следует, по-видимому, подумать об установлении контактов с действующими на местах краеведческими и конкретно-социологическими коллективами.

История культуры

От исследования общественного строя народов мира разных исторических периодов неотделимо изучение их материальной и духовной культуры. Вряд ли можно отрицать, что из всех признаков этнических общностей для этнографов наибольший интерес представляет специфика культуры. Специфичность культуры каждого народа, рассматриваемая в целом, не только не исключает, но, напротив, предполагает наличие у каждой большой или малой этнической общности культурных черт, сходных или даже одинаковых с такими же чертами других народов. В то же время каждый этнос, особенно расселенный на обширной территории, включает разнообразные местные хозяйственно-культурные варианты, которые обычно называются «этнографическими группами». В классовом обществе значительные культурные различия существуют также между различными слоями одного и того же народа. Ленинское положение о двух нациях в каждой современной нации, двух национальных культурах в каждой национальной культуре²⁵ должно быть отнесено не только к этническим общностям капиталистического периода (т. е. к нациям), но и к общностям всех других этапов социально-экономического развития человечества, характеризующимся наличием антагонистических классов и непрерывной борьбой между ними.

Для понимания общих закономерностей развития культуры человечества в целом, а также складывания ее специфики у отдельных народов большое значение имеет разработанное советскими этнографами учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. Между этими понятиями существует принципиальное различие: хозяйственно-культурные типы складываются самостоятельно в сходных природных условиях у разных народов, близких между собой по уровню развития производительных сил, но часто разобщенных географически, тогда как историко-этнографические области объединяют народы, расселенные на смежных территориях и реально связанные между собой, хотя и принадлежащие иногда к разным хозяйственно-культурным типам²⁶. Выделение историко-этнографических областей

²⁵ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

²⁶ С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, СЭ, 1932, № 2; его же, Этнография и современность, СЭ, 1946, № 1; М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, СЭ, 1955, № 4; «Хозяйственно-культурные типы», в кн. «Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957; Н. Н. Чебоксаров, О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики, СЭ, 1960, № 3; Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных областях и районах Прибалтики, там же; Линь Яо-хуа, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы Китая, ТИЭ, т. LXXIII, М., 1961; Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии, «Народы Восточной Азии», М.-Л., 1965.

разных порядков может служить основой для собственно этнографической классификации народов. В сущности говоря, распределение материалов в многотомнике «Народы мира» (как и в других аналогичных изданиях) построено по крупнейшим историко-этнографическим областям, частично совпадающими с отдельными частями света, наиболее обширными странами или их главнейшими подразделениями. Для нашей родины, например, такими крупнейшими историко-этнографическими областями, сложившимися исторически на протяжении многих веков и не потерявшими своей реальности и в наши дни, являются Европейская часть СССР (бывшая «Европейская Россия»), Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Сибирь. Каждая из этих провинций может быть подразделена на историко-этнографические области второго порядка (например, Прибалтика, Волго-Камье, Северный Кавказ и Закавказье, Западная и Восточная Сибирь, Советский Дальний Восток и т. п.). Примерами крупных историко-этнографических провинций за пределами СССР могут служить Передняя (Юго-Западная), Южная и Юго-Восточная Азия.

Кроме многотомника «Народы мира», вопросы истории культуры отдельных народов или целых стран освещались также в многочисленных историко-этнографических сборниках, монографиях и журнальных статьях, подготовленных как этнографами Москвы и Ленинграда, так и учеными многих союзных и автономных республик, краев и областей нашей страны — Украины, Белоруссии, Прибалтики, Поволжья и Прикамья, Северного Кавказа и Закавказья, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. В большинстве работ по истории культуры, написанных советскими этнографами, используются не только собственно этнографические материалы, собранные путем непосредственного наблюдения, но и данные археологии, а также письменных исторических источников²⁷. Особое внимание советских этнографов привлекали, естественно, культурные преобразования, происходящие в современную эпоху у народов Советского Союза и других социалистических стран, а также процессы развития и трансформации самобытной культуры вне-европейских народов, испытывавших тяжелый колониальный гнет и в наши дни вступивших на путь социально-экономического и политического освобождения. Советские этнографы приняли активное участие в подготовке историко-культурных разделов очерков истории почти всех

²⁷ Краткий обзор важнейших этнографических работ по истории культуры народов СССР и зарубежных стран см. в статьях: А. И. Першиц, Актуальные проблемы советской этнографии, СЭ, 1964, № 4; В. К. Соколова, Советская фольклористика к 50-летию Октября, СЭ, 1967, № 5; Из новых работ, не названных в этих статьях, можно упомянуть: A. Viiges, Eesti rahvapärase puutööndus, Tallinn, 1960; С. Ш. Гаджиева, Кумыки, М., 1961; К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962; P. Dundulienė, Zemdirbystė Lietuvoje, Vilnius, 1963; «Исследования по материальной культуре мордовского народа», ТИЭ, т. LXXXVI, 1963; Г. Ю. Стельмах, Историчный розвиток сільських поселень на Україні, Київ, 1964; «Abriss der Estnischen Volkskunde», Tallin, 1964; «Lietuvii etnografijos, bruožai», Vilnius, 1964; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев, Декоративное прикладное искусство башкир, Уфа, 1964; К. Т. Каракашлы, Материальная культура азербайджанцев, Баку, 1964; И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Казахская национальная одежда (XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1964; В. В. Пименов, Вепсы, М.-Л., 1965; Р. Ф. Тароева, Материальная культура карел, М.-Л., 1965; Е. П. Бусыгин, Русское население Среднего Поволжья, Казань, 1966; А. А. Попов, Нганасаны, М.-Л., 1948. См. также статьи в журналах «Сов. этнография» и «Народна творчість та етнографія», в Сборниках Музея антропологии и этнографии АН СССР (вып. I—XXIV) и в различных серийных изданиях, как, например: «Из истории культуры литовского народа» (Вильнюс, вып. I—IV, на лит. яз.); «Археология и этнография» (Рига, вып. I—VI, на латыш. яз.); «Ежегодник Этнографического музея Эстонской ССР» (Тарту, вып. I—XXI, на эст. яз.) и др.

союзных и многих автономных Советских республик, а также подготовили несколько работ, посвященных истории культуры зарубежных стран, в особенности стран Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании. В своих исследованиях по истории культуры внеевропейских народов советские этнографы всегда обращают особое внимание на их вклад в сокровищницу мировой цивилизации, исходя из положения о равных возможностях всех народов для достижения высших ступеней социально-экономического и культурного прогресса²⁸. Пристальное внимание ученых СССР привлекают в последние годы процессы взаимодействия традиционных и общечеловеческих элементов в культуре различных народов в той или иной степени испытывавших воздействие западноевропейской и американской цивилизации капиталистической эпохи²⁹.

За пятьдесят лет советской власти появилось много специальных исследований, посвященных истории отдельных элементов материальной и духовной культуры народов СССР и в меньшей степени зарубежных стран. Большое внимание в этих работах уделялось истории сельскохозяйственной техники, средств передвижения, поселений, жилища, пищи, костюма, а также народного художественного творчества — поэтического, драматического, музыкального, танцевального, изобразительного и т. д.³⁰. В последние годы вышел ряд работ, посвященных изучению религиозных верований и культов. Эти работы представляют большой интерес как в связи с общими теоретическими проблемами истории культуры, так и в связи с практическими задачами научно-атеистической работы³¹. Особое место в работах по истории культуры занимают специальные исследования, посвященные дешифровке систем письменности различных древних и средневековых народов — майя,

²⁸ См. например: А. С. Орлова, *Африканские народы. Очерки культуры, хозяйства и быта*, М., 1958; «Востоочноазиатский этнографический сборник», ТИЭ, т. LX, 1960; «Индейцы Америки. Этнографический сборник», ТИЭ, т. XXV, 1955; «Американский этнографический сборник», 1, ТИЭ, т. LVIII, 1960; «Индийский этнографический сборник», ТИЭ, т. LXXV, 1961; Д. Д. Тумаркин, Роль американских миссионеров в разрушении самобытной культуры гавайского народа и его колониальном порабощении, сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», ТИЭ, т. LXXX, 1962; его же, Вторжение колонизаторов в «край вечной весны», М., 1964; Л. А. Фадеев, Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречьи Замбези-Лимпопо, «Африканский этнографический сборник», IV, ТИЭ, т. LXXII, 1962; сб. «Культура индейцев. Вклад индейцев Америки в мировую культуру», М., 1963; сб. «Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов», М.—Л., 1966, и мн. др.

²⁹ См., например: Сб. «Нации Латинской Америки», М., 1964; И. Р. Григулевич, *Культурная революция на Кубе*, М., 1965; С. А. Арутюнов, *Современный быт японцев* (в печати).

³⁰ Важнейшие работы по этим вопросам уже упомянуты в предыдущих примечаниях (особенно в прим. 27); из работ, ранее не упоминавшихся, отметим: Г. С. Чита, *Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии*, «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952; В. Р. Кабо, *Каменные орудия австралийцев*, ТИЭ, т. LXXX, 1962. «Востоочнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.», ТИЭ, т. XXXI, 1956; С. Д. Лисицян, *Старинные пляски и театральные представления армянского народа*, Ереван, 1958; сб. «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», ТИЭ, т. LVII, 1960; Ю. Ф. Новиков, *Из истории пахотных орудий в России*, «Вестник истории материальной культуры», 1961, № 5; Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков, *Некоторые вопросы агроэтнографических исследований*, СЭ, 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чистов, *Некоторые проблемы агроэтнографии* (на примере народов Юго-Восточной Азии), СЭ, 1967, № 3.

³¹ В. В. Бардавелидзе, *Древние религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен*, Тбилиси, 1957; И. А. Кривелев, *Религии и церкви в современном мире*, М., 1961; С. А. Токарев, *Ранние формы религии*, М., 1964; его же, *Религия в истории народов мира*, М., 1964; Б. И. Шаревская, *Старые и новые религии тропической и южной Африки*, М., 1964, и др.

обитателей острова Пасхи, создателей древнеиндийской культуры Харappy, киданей и чжурчженей³². Хотя работа по расшифровке этих систем письменности далеко еще не закончена, но именно этнографами, имеющими филологическую подготовку, здесь достигнуты значительные успехи. К сожалению, советские этнографы уделяют еще мало внимания теоретическим работам по истории культуры: только в самое последнее время повысился интерес к соотношению традиции (преемственности) и инновации (обновления) в развитии культуры.

С исследованиями историко-культурного характера тесно связано составление историко-этнографических атласов, дающих наглядное представление об этнографическом распространении в различные периоды истории отдельных элементов материальной и духовной культуры, а также их взаимосвязанных комплексов. Еще в 1961 г. вышел из печати «Историко-этнографический атлас Сибири», основанный на изучении музейных коллекций и полевых материалов, собранных дореволюционными русскими и особенно советскими исследователями. Карты, помещенные в этом атласе, вместе с сопровождающим их текстом могут служить хорошими источниками для дальнейших научных работ в области этногенеза и истории культуры народов нашей страны. В ближайшее время выйдут из печати первые выпуски историко-этнографического атласа «Русские», посвященные технологии земледелия, жилищу и одежде. Более 60 карт этого атласа наглядно показывают, как на протяжении 2-й половины XIX и начала XX века изменялись хозяйство, культура и быт русского крестьянства. Начата подготовка историко-этнографических атласов Украины, Молдавии, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа и Средней Азии³³.

История первобытного общества.

В ряду теоретических проблем, разрабатываемых советскими этнографами, одно из наиболее видных мест принадлежит проблемам первобытной истории. Это объясняется не только важностью этнографических материалов для интерпретации молчаливых данных первобытной археологии, но и огромным мировоззренческим значением первобытно-исторической тематики. Созданная основоположниками научного коммунизма общая концепция исторического процесса и прежде всего ее основные положения, что частная собственность, моногамная семья, классы и государство являются исторически обусловленными, а следовательно, и преходящими общественными институтами, поныне остается объектом ожесточенной критики идеологов антикоммунизма, пытающих-

³² См.: Б. Г. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, «Сборник МАЭ», т. XI, 1949; Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты таблиц острова Пасхи, там же; Н. А. Бутинов, Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи, СЭ, 1956, № 4; Ю. В. Кнорозов, Письменность индейцев майя, М.—Л., 1963; «Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма», М., 1964; «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», М., 1965.

³³ «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961; «Русские, Историко-этнографический атлас» (в печати); см. также К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко, Работа над историко-этнографическим атласом на Украине, СЭ, 1967, № 1; В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе, Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа (материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу), СЭ, 1967, № 2; Е. Н. Студенецкая, Одежда народов Кавказа (о собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа), СЭ, 1967, № 3.

ся противопоставить им новые, не известные во времена Маркса и Энгельса данные этнографии. Вот почему перед советской этнографией с первых же лет ее существования встала задача изучения, обобщения и осмысления вновь накопленных фактов, которые, как выяснилось, не только подтвердили, но и помогли еще больше укрепить и развить все методологически важные положения марксистского учения о первобытном обществе.

Уже начиная с 1930-х гг. в работах советских этнографов обобщается значительный фактический материал, в том числе материал собственных полевых исследований, доказывающий универсальность первобытно-общинного строя как первой социально-экономической формации, свойственной историческому прошлому всех народов мира. Особенно большое внимание уделяется обнаружению основной ячейки первобытного общества — родовой общины и установлению широчайшей распространенности одного из признаков первоначального рода — дуальной организации. Одновременно идет изучение брачно-семейных отношений первобытности, дающее новые свидетельства в пользу сравнительно позднего происхождения индивидуальной семьи. Исследуются поздние формы родового строя, в особенности патриархальный род и его структурные ячейки, а также конкретный механизм распада первобытной общины и становления классового общества³⁴. Ленинградскими этнографами много делается также для разработки сложной проблемы развития систем родства³⁵.

Вместе с тем развитие материалистической концепции первобытной истории и борьба против антимарксистских историко-этнографических построений уже в довоенные годы потребовали отграничения основных, принципиальных положений от более частных тезисов, которые не могли не устареть в процессе развития науки. Эта работа, в особенности широко развернувшаяся в послевоенное время, породила ряд научных проблем, продолжающих разрабатываться и дискутироваться историками первобытности. Важнейшие среди них — общая периодизация первобытной истории, периодизация развития брачно-семейных форм, соотношение рода и родовой общины.

Накопление новых этнографических и археологических данных, как это предполагал в свое время еще Энгельс, показало, что в созданной

³⁴ Из этнографических или написанных с широким привлечением этнографических данных монографий и сборников по истории первобытного общества следует назвать: А. М. Золотарев, Происхождение экзогамии. «Изв. ГАИМК», т. X, 1931; его же, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939; его же, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964; А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов), Л., 1936; его же, Духовная жизнь первобытного общества, Л., 1966; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, Л., 1936; М. О. Косвен, Матриархат. История проблемы, М.-Л., 1948; его же, Семейная община и патронимия, М., 1963; Ю. П. Аверкиева, Рабство у индейцев Северной Америки, М.—Л., 1941; ее же, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. XX, 1961; Л. А. Файнберг, Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к соседской общине, М., 1964; Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, М., 1966. М. В. Крюков, Формы социальной организации древних китайцев, М., 1967. Сборники: «Вопросы истории доклассового общества», М.-Л., 1936; «Родовое общество, Этнографические материалы и исследования», ТИЭ, т. XIV, 1951; «Проблемы истории первобытного общества», ТИЭ, т. LIV, 1960, и др.

³⁵ См.: Д. А. Ольдерогге, Некоторые вопросы изучения систем родства, СЭ, 1958, № 1; его же, Основные черты развития систем родства, СЭ, 1960, № 6; Ю. М. Лихтенберг, Австралийские и меланезийские системы родства, сб. «Проблемы истории первобытного общества»; ее же, Системы родства у папуасов Новой Гвинеи, сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гаванских островов», и др.

Морганом периодизации первобытной истории, во-первых, имеется ряд фактических погрешностей и, во-вторых, не учтены качественные особенности начальной и конечной эпох первобытности. Поэтому советскими исследователями было предложено на обсуждение несколько вариантов новой периодизации, большинство из них, расходясь в терминологических частностях, сближаются между собой в главном — членении первобытной истории на эпохи становления, расцвета и разложения родового строя³⁶.

Полностью подтвердив тезис о позднем возникновении моногамной семьи, данные современной этнографии позволили уточнить схему предшествующих ей форм, из которой выпали реконструированные Морганом кровнородственная и пуналуальная семья³⁷. Сравнительный анализ пережитков, сохранявшихся у различных народов мира, привел большинство советских ученых к выводу, что первой исторической формой общественного регулирования отношений между полами был экзогамный дуально-родовой групповой брак, позднее сменившийся парным браком, разными формами полигамии и, наконец, моногамией. Другие исследователи, отправляясь от живых институтов отсталых народов, практически отождествляемых ими с народами классической первобытности, считают первой формой семейно-брачных отношений парный брак и основанную на нем семью³⁸.

Новые данные по ранним формам семьи и брака естественным образом заставили вновь обратиться к вопросу о соотношении в родовом обществе кровнородственных и производственных отношений. Значительное распространение получила точка зрения, по которой в классическом родовом обществе дислокальность брачного поселения вела к совпадению кровнородственных связей с экономическими и, следовательно, рода с общиной. Сторонники другой точки зрения, указывая на сравнительно небольшое распространение дислокальности среди отсталых племен нового времени, различают род и родовую общину, в которых видят не совпадающие между собой коллективы³⁹. Однако эти взгляды не так уж противоположны: хотя бы одно то бесспорное обстоятельство, что как при матриликальном, так и при патриликальном поселении большинство общины составляли члены одного рода, показывает, что род и община в значительной степени совпадали друг с другом.

В публикациях последних лет намечен широкий круг вопросов истории первобытного общества, требующих углубленной разработки на основе накопленных этнографией материалов. Это, наряду с уже названными, — вопрос об историческом соотношении материнского и отцовского рода, о конкретно-исторических вариантах распада родового строя и другие. Центральное место среди них принадлежит проблеме

³⁶ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, СЭ, 1946, № 1; М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1952, № 3; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, СЭ, 1955, № 4; Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1965, № 5; Ю. П. Аверкиева, Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества, сб. «От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки», М., 1967.

³⁷ А. М. Золотарев, К истории ранних форм группового брака, «Ученые записки Мос. обл. пед. института», т. II, 1940; Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, Сб. «Родовое общество»; Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в. СЭ, 1954, № 4.

³⁸ Подробнее см. А. И. Першиц, Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографии, «Вопросы истории», 1967, № 2.

³⁹ См., например: Ю. И. Семенов, О некоторых вопросах становления человеческого общества, «Вопросы философии», 1965, № 6; Обзор писем, там же; сб. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967.

источниковедения первобытной истории и прежде всего методике интерпретации этнографических данных для первобытно-исторических реконструкций, от разработки которой во многом зависит эффективность всех начатых и еще далеко не завершенных дискуссий.

* * *

В нашей статье мы осветили далеко не все стороны работы советских этнографов. Так, из-за недостатка места мы не имели возможности остановиться на историографической работе советских этнографов и, в частности, на большой проделанной ими работе в области критики антимарксистских этнографо-социологических школ⁴⁰. Почти ничего не было сказано о подготовке этнографических кадров в университетах, академических и других научных учреждениях Москвы, Ленинграда, всех союзных и многих автономных республик, а также о заметно продвинувшейся в последние годы вперед подготовке учебных пособий по этнографии и истории первобытного общества⁴¹. Не могли мы уделить также должного внимания работе этнографических музеев, среди которых многие являются не только местом хранения и экспозиции ценнейших коллекций, но и крупными научно-исследовательскими центрами. Яркими примерами здесь могут служить Музей антропологии и этнографии АН СССР и Государственный музей этнографии в Ленинграде, Этнографический музей Эстонской ССР в Тарту, Музеи народной культуры и быта под открытым небом в Латвии (Рига) и в Эстонии (Таллин), Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла (г. Львов). Большую этнографическую работу проводят также многие республиканские, краевые, областные, а в некоторых случаях и городские музеи общекраеведческого направления. Следует особо подчеркнуть, что многие из перечисленных музеев работают в тесном контакте с академическими учреждениями, ведущими этнографические исследования; одним из видов таких контактов является участие музеев в полевых работах комплексных экспедиций.

Все советские этнографы, где бы они ни работали, в той или иной степени принимают участие в разрешении широкого круга актуальных теоретических и практических проблем, тесно связанных с преобразованиями культуры и быта в СССР и других странах социалистического сотрудничества, с национально-освободительной борьбой народов, сбросивших ярмо колониализма, с социально-экономическим и культурным прогрессом всего человечества. Изучая характерные культурно-бытовые особенности каждого народа, его вклад в мировую культуру, советская этнография, опираясь на методологическую базу марксизма-ленинизма, раскрывает в то же время общие закономерности хозяйственного, общественного, культурного, а, следовательно, и этнического развития всех народов, наглядно показывая на своих материалах единство этого процесса. Тем самым этнография вносит свою, очень значительную лепту в борьбу всех прогрессивных сил современного человечества с различными националистическими и расистскими концепциями, сеющими ми вражду и рознь между народами.

Отдавая должное большим успехам советской этнографии за полвека ее существования, отметим, вместе с тем, что не все задачи, стоящие

⁴⁰ См. в особенности сборники: «Англо-американская этнография на службе империализма», ТИЭ, т. XII, 1951; «Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции», М., 1963; «Против расизма», М., 1967.

⁴¹ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958; Г. Г. Громов, Методика этнографических экспедиций, М., 1966; в печати: «Основы этнографии»; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев, История первобытного общества.

перед нашей наукой, разрешены в должной мере. Сосредоточивая свое главное внимание на вопросах этногенеза, истории общественного строя и культуры отдельных народов или целых стран и даже частей света, советские этнографы в известной степени оставляли в тени или, во всяком случае, отодвигали на второй план разработку общетеоретических проблем нашей науки в масштабах всего земного шара. Можно сказать, что работы описательного характера и до настоящего времени преобладают в советской этнографии над исследованиями теоретического плана. В ближайшее время необходимо активизировать разработку таких общетеоретических проблем, как этническая классификация народов мира, соотношение хозяйственно-культурных, историко-этнографических, собственно этнических, языковых, расовых, социально-классовых, политических и других групп человечества на разных этапах исторического развития. Больше внимание должно быть также уделено вопросам развития типов этнических общностей, общих закономерностей истории родовой организации и различных видов общины, отдельных элементов материальной и духовной культуры (в частности, религии) и культуры в целом. Очень мало делается в области этнопсихологии, этноботаники, юридической этнографии. Еще важнее другое: в этнографии, как и в других общественных науках, наблюдается отмеченное Центральным Комитетом КПСС «отставание в исследовании фундаментальных теоретических проблем, всесторонне раскрывающих механизм действия закономерностей современного общественного развития»⁴². Из актуальных вопросов, непосредственно связанных с современностью, настоятельно требуют дальнейшей теоретической разработки при активном участии этнографов проблемы национального развития и закономерностей культурно-бытовых преобразований в социалистических, развивающихся и других странах. Все еще недостаточна работа в области методики этнографических исследований и создания унифицированных программ и анкет. Много еще предстоит сделать в области расширения и углубления подготовки этнографических кадров различной квалификации, а также в области популяризации подлинно научных этнографических знаний.

Одним из самых ярких показателей успехов этнографической науки в последние годы является быстрый, хотя и все еще далеко не достаточный, рост всех видов научных связей между этнографами СССР и зарубежных стран. Связи эти находят свое выражение в командировках советских этнографов в зарубежные страны (в ряде случаев с возможностью собирать оригинальные материалы и вести полевые исследования), в посещении иностранными учеными Советского Союза, в совместной работе над коллективными трудами (например, над томами «Народы зарубежной Европы» серии «Народы мира» и рядом латиноамериканских сборников), в обмене научной литературой, наконец, в участии советских этнографов в международных конгрессах, конференциях, совещаниях и других форумах, проводимых как в нашей стране, так и за рубежом. В частности, большое значение для развития советской этнографии и упрочения контактов с зарубежными учеными имел состоявшийся в 1964 г. в Москве VII Международный конгресс антропологов и этнографов. В настоящее время Институт этнографии Академии наук СССР и все другие научные этнографические центры ведут активную подготовку к VIII МКАЭН, который должен состояться в Токио осенью 1968 года. Особенно интенсивны взаимные связи совет-

⁴² Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», «Правда», 22 августа 1967 г.

ских этнографов с социалистическими странами Европы и с республикой Куба, куда наши исследователи выезжают регулярно из года в год. С каждым годом крепнут также связи советских этнографов с развивающимися странами Азии и Африки. Так, в Индии в 1964 и 1966 гг. проводились совместные антропологические и этнографические работы советских и индийских ученых; эти исследования предполагается продолжить. Нет сомнения, что в ближайшем будущем формы творческого сотрудничества советских и зарубежных этнографов станут еще более постоянными, глубокими и разнообразными. Развитие этого сотрудничества будет непрерывно обогащать и совершенствовать наши знания и методы, способствуя в то же время пропаганде за рубежом советской этнографической науки, достижения которой за 50 лет ее развития заняли значительное место в научной и культурной жизни нашей страны и вместе с тем явились крупным вкладом в передовую науку всего мира.

SUMMARY

Although pre-revolutionary ethnography in Russia had achieved considerable successes nevertheless its development was limited in many ways. Only after the October Revolution did ethnography gain a wide scope. This was the result of large-scale aid from the Soviet Government and the Communist Party who desired to provide a sound scientific basis for the economic and cultural reconstruction in national republics and districts. The formation of the Soviet school in ethnography began in the early thirties and was accomplished after World War II. This school is based on the methodology of historical materialism. This includes the principle of a consistently historical viewpoint, a common approach to the study of all peoples of the world, merging of theoretical and factual aspects of investigation, and close linking of theory with current practical tasks. In union republics and autonomous republics and districts emerged several large ethnographic centres with trained ethnographic personnel of local origin.

The authors define the most important theoretical problems of Soviet ethnography. This embraces problems of ethnogenesis, ethnic history, ethnic geography, ethnic sociology, history of culture, history of primitive societies. They are studied by ethnologists either independently or in collaboration with adjacent disciplines, i. e. history, archaeology, anthropology, sociology, economics, geography, linguistics, etc.

During the half-century Soviet ethnologists have achieved considerable successes in the study of these problems and thus have made their contribution to the development of Marxist sociology, the theory and practice of socialist and communist construction in the USSR and other socialist countries, toward more profound understanding of struggle for liberation and of national up-building in the developing countries of Asia, Africa and Latin America.

Naturally, not every task posed before Soviet ethnography has been fulfilled in an equal degree. Focusing their attention on the study of certain peoples or their groups, ethnologists sometimes underestimate the importance of theoretic investigations on a global scale. Descriptive ethnographic publications still prevail in number over studies in theory. Such problems, as an ethnic classification of the peoples of the world, the relative role of economic, cultural, historical, ethnic, linguistic, racial, social, class, political, and other groupings of mankind at different stages of its historical development, the evolution of types of ethnic entities, of community and clan organization need further investigation. The most urgent problems for ethnographic study of modern society are problems of development of nationalities and laws of cultural change in socialist and developing countries. These problems need further theoretical elaboration. Work in methods of ethnographic investigations and in the unification of questionnaires and programs for collecting data is still insufficient. Much remains to be done in the field of popularization of ethnographic knowledge and broader training of ethnographers.

В. П. Алексеев

ИЗУЧЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СССР ЗА 50 ЛЕТ

Состояние изученности России в антропологическом отношении перед Великой Октябрьской социалистической революцией

После работы А. Ретциуса о подразделении черепов по черепному указателю измерение прочно вошло в антропологическую науку и стало основным методом антропологических исследований. Одним из первых на русском языке антропологических сочинений, содержавших измерения, был перевод книги немецкого анатома К. Каруса «Основания краниоскопии», появившийся в 1844 г.¹ Но она не сыграла большой роли, так же как и замечательные краниологические работы К. Бэра, как и его огромная по размаху целенаправленная деятельность по сбору черепов российских народов: современное население России осталось полностью неизученным в антропологическом отношении. Изучение его началось практически только тогда, когда одним из первых в Европе в ряду антропологических научных обществ возникло в Москве в 1863 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии со специальным Антропологическим отделом.

Размах работ, осуществленных Антропологическим отделом под руководством сначала А. П. Богданова, а затем Д. Н. Анучина, чрезвычайно велик и, несмотря на большое число историографических и мемориальных работ, посвященных Отделу, в его деятельности открываются все новые и новые аспекты. Отдел сумел привлечь внимание русского общества к антропологической науке, добиться необходимых ассигнований и послать целый ряд значительных экспедиций в разные уголки нашей страны со специальной целью антропологического изучения населения. Результаты этих экспедиций нашли освещение в многочисленных трудах Антропологического отдела, содержавших как сборники статей, посвященных отдельным антропологическим темам или антропологии отдельных народов, так и крупные монографии².

Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — конечно, центральное антропологическое учреждение страны до Великой Октябрьской социалистической революции, вокруг которого сплачивались немногочисленные кадры специалистов на местах и на деятельность которого в известной мере ориентировались другие антропологические общества и организации. В их числе: Антропологическое общество при Военно-медицинской академии в Петербурге, Русское антропологическое общество при Петербургском

¹ О нем см.: И. И. Канаяев, Очерки из истории сравнительной анатомии до Дарвина, М.-Л., 1963.

² Их перечень см.: Т. Д. Гладкова, Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 85, М., 1963.

университете, Общество естествоиспытателей и Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Кавказский и Восточно-Сибирский отделы Русского географического общества³. В этих организациях сосредотачивались почти все исследования антропологического состава народов России, так как антропология ни в университетах, ни в Российской Академии наук не была представлена в качестве официальной дисциплины и не имела своего официального организационного центра. Основным местом публикации собранных материалов был «Русский антропологический журнал», выходивший с 1900 г.

Помимо авторов многочисленных мелких публикаций по антропологии отдельных народов, можно назвать ряд имен русских антропологов, для которых изучение антропологического состава России было делом жизни. На Кавказе работали Р. Ф. Эркерт, И. И. Пантюхов, Н. В. Гильченко, А. Н. Джавахов, антропологии русского и других восточнославянских народов были посвящены труды Н. Ю. Зюграфа, В. В. Воробьева, Д. Н. Анучина, Ю. Д. Талько-Гринцевича, А. Г. Рождественского, К. Н. Икова, Ф. К. Волкова, Е. М. Чепурковского и др., антропологией поволжских народов много и плодотворно занимались Н. М. Малиев, С. М. Чугунов и М. М. Хомяков, антропологией Средней и Центральной Азии — А. П. Федченко, Н. Л. Зеланд, А. Н. Харузин, А. А. Ивановский, антропологический тип сибирских народов изучал П. Г. Мацокиным, К. И. Горощенко, Ю. Д. Талько-Гринцевичем, И. И. Майновым и др. Собранные материалы позволили А. А. Ивановскому составить первую сводную работу по антропологии России, методические основы которой неоднократно подвергались резкой и вполне справедливой критике, но которая и сейчас является неоценимым источником сведений об антропологической изученности народов России в дореволюционное время⁴. Через несколько лет А. А. Ивановский опубликовал дополнительную библиографию литературы по антропологии России в приложении к антропологической сводке земного шара⁵.

Каков был методический уровень всех этих многочисленных исследований? В целом он соответствовал науке своего времени. Как показали дальнейшие работы, даже строгая согласованность программ, по которым собирается антропологический материал, не освобождает от субъективизма и несравнимости данных разных авторов. Тем более такой субъективизм был характерен для всех дореволюционных исследований, так как в процессе их не удалось достичь унификации методики и даже согласовать измерительные программы. К этому прибавлялось еще малое число исследованных в отдельных группах, и поэтому сравнение антропологических особенностей отдельных народов не могло привести к удовлетворительным выводам об их генетических взаимоотношениях. Поэтому же использование работ дореволюционных авторов для характеристики антропологического состава Советского Союза может производиться лишь с большой осторожностью.

Все сказанное не означает, конечно, что на этом фоне не было достигнуто определенных фактических и методических успехов. В первую очередь следует назвать классическую работу Д. Н. Анучина о длине

³ Литературу см.: В. П. Алексеев, Антропологические исследования в СССР, «Сов. этнография», 1964, № 4. К этой статье следует обращаться и в тех случаях, когда выходные данные той или иной работы не будут указаны в дальнейшем изложении.

⁴ А. А. Ивановский, Об антропологическом составе населения России, «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. CV, М., 1904.

⁵ А. А. Ивановский, Население земного шара. Опыт антропологической классификации, «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. CXXI, М., 1911.

тела в разных территориальных группах русского народа, основанную на антропологических материалах призывных комиссий⁶. В ней, пожалуй, впервые в истории антропологии дана характеристика территориальных вариаций одного признака, основанная на однородных данных, и таким образом заложена основа географического метода в расовом анализе.

Другой пример, относящийся уже непосредственно к годам, предшествующим Великой Октябрьской социалистической революции, — труды С. И. Руденко и Е. М. Чепурковского. Хотя башкиры были изучены С. И. Руденко по программе, значительно отличающейся от современной, подробность этой программы и охват большого числа групп до сих пор делают его работу уникальным источником сведений об антропологическом составе башкирского народа⁷. Труды Е. М. Чепурковского, основанные на изученных им тысячах индивидуумов почти по всей территории расселения русского народа, позволили ему твердо установить факт различий по головному указателю и цветности населения различных районов⁸. Но кроме чисто фактической обоснованности их отличает высокая методическая культура: Е. М. Чепурковский значительно развил географический метод, первым, на 15 лет раньше английских биометриков, показал несопоставимость материалов разных авторов, одним из первых проанализировал и показал разницу между внутригрупповыми и межгрупповыми корреляциями и т. д. Таким образом, некоторые методические достижения антропологов дореволюционной эпохи сохранили свое значение до нашего времени, как и часть собранных ими фактических данных.

Три периода в истории советской антропологии

Окончательная периодизация истории антропологических исследований в СССР будет установлена, очевидно, только после того, как будет написана полная история этих исследований, основанная на исчерпывающей источниковедческой базе. Пока главные этапы этих исследований освещены лишь в нескольких более или менее подробных статьях, написанных в связи с юбилейными датами в истории нашего государства. Они обычно подразделяются в связи с уже установившейся традицией на три периода⁹.

Первый период охватывает 15 лет — начиная с Великой Октябрьской социалистической революции и кончая 1932 г., когда после годичного перерыва стал выходить реформированный «Антропологический жур-

⁶ Д. Н. Анучин, О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874—83 гг.), «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. VII, вып. 1. СПб., 1889. Через 50 лет грандиозное мероприятие Д. И. Анучина было повторено: см. В. В. Бунак, Географическое распределение роста призывного населения СССР по данным 1927 г., «Антр. журнал», 1932, № 2. Сравнение данных обоих исследований показывает отчетливое увеличение длины тела за 50 лет.

⁷ С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 1 — «Физический тип башкир», «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XLIII, вып. 1, Пгр., 1916.

⁸ Основная работа: Е. М. Чепурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами, «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. CXXIV, вып. 2, М., 1913.

⁹ Впервые сказано об этом, насколько мне известно, в статье: М. Г. Левин, Советская антропология за 30 лет: «Сов. этнография», 1947, № 4. Более подробное обоснование этой периодизации см.: Г. Ф. Дебец, Сорок лет советской антропологии, «Сов. антропология», 1957, № 1.

нал». Этот период ознаменован значительными событиями. В 1919 г. была организована первая в стране кафедра антропологии в Московском государственном университете на физико-математическом факультете, в 1922 г. там же был организован Научно-исследовательский институт антропологии, включавший также музей. Кроме Москвы, интенсивно работавшие антропологические центры существовали на Украине (в Харькове — в системе университета, в Киеве — в системе Академии наук Украинской ССР) и в Ленинграде, в Музее антропологии и этнографии АН СССР. Однако, если говорить о теоретическом «лице» проводившихся этими организационными центрами исследований, то они мало отличались от дореволюционных работ, хотя их методический уровень был заметно выше (особенно это касается работ, выполненных учреждениями МГУ).

Повышение теоретического уровня антропологических исследований и стремление практически приблизить их к задачам социалистического строительства падают на следующий период. Роль организационного рубежа сыграл IV съезд зоологов, анатомов и гистологов, проведенный в 1930 г. в Киеве, на антропологической секции которого были прочитаны доклады о теоретических основах советской антропологии. На протяжении этого периода, прерванного Великой Отечественной войной, были оформлены контуры учения о расах и расовом анализе, развита и по многим пунктам тщательно аргументирована трудовая теория антропогенеза, создан ряд трудов по кардинальным проблемам морфологии человека.

После Великой Отечественной войны советская антропология получила новые организационные возможности для своего развития. В системе реорганизованного в 1943 г. Института этнографии АН СССР в Москве был создан отдел антропологии, а затем — лаборатория пластической реконструкции лица по черепу. Центральное место в работе вновь организованного отдела заняло изучение антропологического состава Советского Союза на значительно более высоком уровне, чем это делалось до войны. От обобщенной характеристики антропологического типа отдельных народов был сделан переход к исследованию конкретных этнографических групп в составе народов, выделению локальных вариантов, одним словом — к гораздо более подробному и тщательному рассмотрению географической изменчивости антропологических признаков. Объем исследовательских работ при этом резко вырос, но их осуществление значительно облегчилось организацией нескольких новых антропологических центров в союзных академиях — в Киеве, Тбилиси, Баку, Риге, Таллине, Алма-Ате, Душанбе. В Киеве и Тбилиси они были выделены в самостоятельные организационные единицы, в остальных городах антропологи работали в составе этнографических отделов институтов истории и археологии.

В самом начале 60-х гг., в период подготовки к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук в Москве, намечилась в значительной мере новая тенденция в развитии советской антропологии — в практику антропологических работ широко вошли физиологические методы исследования наподобие того, как это произошло и в других странах, и антропология из морфологической науки стала превращаться в морфофизиологическую. В какой-то мере подобные исследования проводились в стране и раньше — на протяжении первого и второго периодов, но были свернуты после Великой Отечественной войны в связи с почти полным прекращением генетической работы вообще. После проведения конгресса указанная тенденция усилилась, и сейчас всеми антропологическими учреждениями страны посте-

ленно начинается проводиться в жизнь широкая программа обследования населения СССР по физиологическим признакам — группам крови, типам сыворотки, вкусовой чувствительности к фенилтиокарбамиду, цветной слепоте, кислородному и основному обмену и т. д. Шире стала и программа собственно морфологических исследований, включившая одонтологию и дерматоглифику. Такое расширение фактической базы антропологических работ самым тесным образом связало их с популяционной генетикой человека. Все это намечает контуры четвертого периода в истории советской антропологии, начало которого падает на самые первые годы нашего десятилетия. Однако, о выделении этого четвертого периода пока можно говорить, конечно, лишь предположительно.

Антропологические экспедиции на протяжении первого периода

Несмотря на возникновение целого ряда новых антропологических учреждений, организация исследовательской работы по изучению антропологического состава СССР не приняла еще на протяжении первого периода планомерного характера, и те или иные экспедиционные мероприятия отражали в основном интересы отдельных специалистов. Все эти экспедиции можно подразделить на две категории — экспедиции центральных учреждений, направлявшиеся в различные районы страны, и экспедиции, организуемые местными исследователями, которые работали, как правило, в своих республиках. Публикация всех собранных материалов частично следовала непосредственно за годами их сбора, а частично была осуществлена в последующий период.

Московские антропологи работали в различных районах страны. В пределах Восточной Европы они, следуя традициям Е. М. Чепурковского, продолжали изучение разных территориальных групп русского народа. К сожалению, собранные материалы оказались в подавляющей своей части неопубликованными¹⁰. Но они все же позволили создать довольно полную картину географической изменчивости антропологических признаков на территории Восточной Европы и разработать достаточно подробную классификацию расовых вариантов у восточнославянских народов. Проблемы генетических взаимоотношений этих вариантов решались тогда в основном умозрительно из-за крайней фрагментарности палеоантропологических данных¹¹. Антропологический тип русского народа изучался не только в целом, но и применительно к отдельным этнографическим группам, которые в силу своеобразия исторического развития заняли особое место в этнической истории русского народа¹². Наряду с этим экспедиции Института антропологии при МГУ работали среди соседей русского народа — финноязычных народов Поволжья. В работе В. В. Бунака, на которую только что сделана ссылка, был выделен особый вятско-камский антропологический тип, характерный для них и сложившийся при участии ощутимой примеси монголоидных элементов.

¹⁰ Частично они были опубликованы: V. Bunak, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», B. XXX, 1932, Hf. 3.

¹¹ Палеоантропологическое продолжение указанной статьи: V. Bunak, The craniological types of the East Slavic kurgans, «Anthropologie», t. X, Prague, 1932. Иная трактовка генеалогических взаимоотношений выделенных типов содержится в рецензии Г. Ф. Дебеца на эту статью. См.: «Антр. журнал», 1934, № 1—2.

¹² См.: В. В. Бунак, Антропологический тип донских казаков, «Русский антр. журнал», т. 12, 1922, вып. 1—2.

Московские антропологи работали и в Сибири. В. В. Бунак собрал первые материалы по антропологии тувинцев с применением современной методики¹³, М. Г. Левин в самом начале 30-х гг. — антропометрические данные по коренным народам Охотского побережья — эвенкам и эвенам, опубликованные, однако, лишь через 20 лет. Но особенно плодотворны были экспедиции А. И. Ярхо, охватившие все этнические группы Алтае-Саянского нагорья. В процессе именно этих экспедиций были выработаны те приемы измерения и определения описательных признаков, которые легли в основу почти всех работ советских исследователей и которые были суммированы в известной «Методике антропологических исследований», вышедшей под редакцией В. В. Бунака и выдержавшей три издания. На стыке европеоидных и монголоидных народов — в Поволжье и Приуралье — работал П. И. Зенкевич, исследовавший удмуртов, марийцев и чувашей, но опубликовавший все свои материалы также лишь в следующем десятилетии. Кроме того, интенсивные исследования производились в Закавказье под руководством В. В. Бунака и на Северном Кавказе под руководством В. И. Левина.

Однако при всем размахе полевых исследований московских антропологов изучение антропологического состава Советского Союза не сводилось только к их деятельности. В Ленинграде плодотворно работал Д. А. Золотарев, собравший довольно большой антропологический материал по народам севера Европейской части СССР — карелам, саамам, северным группам русских, Б. Н. Вишневский изучал распределение групповых факторов крови известной тогда системы АВО у разных народов Советского Союза¹⁴. В Средней Азии начал свои многолетние исследования Л. В. Ошанин, в конце 20-х гг. опубликовавший материалы по узбекам и киргизам¹⁵, а также выступивший с весьма плодотворной, хотя в то время в значительной мере умозрительной гипотезой длинноголовости древнейшего населения Средней Азии¹⁶. На Украине работала группа учеников Ф. К. Волкова.

Антропологические экспедиции и освещение антропологического состава населения СССР на протяжении второго периода

С началом этого периода практически совпало появление статьи А. И. Ярхо, посвященной унификации определения описательных признаков¹⁷. Она сопровождалась большим количеством графических схем

¹³ V. B u n a k, Un pays de l'Asie peu connu: Le Tanna-Touva, «Archive internationale de ethnographie», t. 29, Leiden, 1928.

¹⁴ Результаты изучения изосерологии в СССР за этот период были подведены в книге: В. Я. Р у б а ш к и н, Кровяные группы, М.-Л., 1929.

¹⁵ Л. В. О ш а н и н, Материалы по антропологии Средней Азии. Киргизы южного побережья Иссык-Куля. В кн.: «В. В. Бартольд — друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927; его же, Материалы по антропологии Средней Азии. Узбеки Хорезма, ч. I—II, «Бюллетень Среднеазиатского гос. ун-та», № 16 и 17, Ташкент, 1927—1928; Л. В. О ш а н и н, В. К. Я с е в и ч, К сравнительной антропологии этнических групп, пришедших из Передней Азии — арабов и евреев и этнических групп Узбекистана — узбеков и таджиков, «Материалы по антропологии населения Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1929.

¹⁶ Л. В. О ш а н и н, Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования скифо-сарматского происхождения туркменского народа, «Изв. Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926; его же, Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен, «Изв. Средазкомстариса», вып. 2, Ташкент, 1928.

¹⁷ А. И. Я р х о, Унификация определений мягких частей лица, «Антр. журнал», 1932, № 1.

и содержала полное описание моделей строения мягких тканей лица. В 1941 г. вышла в свет известная книга В. В. Бунака, содержащая подробное описание антропометрической методики. Эти два события отражают огромное внимание, которое уделялось на протяжении десяти предвоенных лет методическим вопросам при антропологическом изучении территории СССР. Интенсивное накопление материалов, собиравшихся иногда этнографами, показало частую несопоставимость данных разных исследователей и потребовало особенно тщательного контроля за выполнением методических требований.

Продолжалось широкое исследование антропологии Восточной Европы. М. А. Гремяцкий и П. И. Зенкевичем были изучены инвенские коми-пермяки — первая группа народов коми, исследованная советскими антропологами после Н. М. Малиева¹⁸. Г. Ф. Дебеч, П. И. Зенкевич, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров работали среди различных групп русского народа — на территории распространения так называемого «восточного великорусса»¹⁹, в Волжско-Ветлужском междуречье²⁰, в северных районах Европейской части СССР. Г. Ф. Дебеч опубликовал также значительный материал по антропологии мордвы и по вепсам, Н. Н. Чебоксаров — по коми, калмыкам, Т. А. Трофимова — по западно-сибирским татарам, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров — по манси²¹. С. А. Шлугер изучал молдаван²². Помимо своей специальной ценности все эти конкретные материалы служили основой для реконструкции истории антропологических типов и выявления их генеалогических взаимоотношений²³.

В Средней Азии продолжал свои плодотворные исследования Л. В. Ошанин, охватывая ими все более широкий круг народов и накапливая данные о локальных вариациях антропологических признаков, что для Средней Азии имеет особое значение в связи с их изолированным положением. Л. В. Ошанин сразу же публиковал собранные материалы, и они быстро становились достоянием антропологической общественности, а результаты их разработки использовались в этногенетических исследованиях. Параллельно с Л. В. Ошаниным занимались исследованиями в Средней Азии А. И. Ярхо среди киргизов, туркмен, узбеков и каракалпаков²⁴ и В. В. Гинзбург среди горных таджиков,

¹⁸ М. А. Гремяцкий, Антропологический тип коми (пермяков), Сб. «Материалы по антропологии Восточной Европы», «Уч. записки МГУ», вып. 63, 1941.

¹⁹ Г. Ф. Дебеч, Так называемый «восточный великорусс» (к вопросу о франко-и проторасах), «Антр. журнал», 1933, № 1—2.

²⁰ Материалы П. И. Зенкевича были частично опубликованы: Т. И. Алексеева, Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна (к проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье), «Антропологический сборник, I», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956.

²¹ Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров, Североуральская экспедиция Музея антропологии, «Краткие сообщения о научных работах Н.-и. ин-та и Музея антропологии при МГУ за 1938—39 гг.», М., 1941.

²² С. А. Шлугер, Материалы по антропологии молдаван, «Антр. журнал», 1936, № 4.

²³ Примеры: Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антр. журнал», 1936, № 2; Г. Ф. Дебеч, К проблеме расового типа «протофиннов», Сб. «Материалы по антропологии Восточной Европы», «Уч. записки МГУ», вып. 63, 1941.

²⁴ А. И. Ярхо, Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. Антропологический очерк о длинноголовом европеоидном компоненте турецких народностей СССР, «Антр. журнал», 1933, № 1—2; его же, Антропологический тип каракалпаков, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М., 1952. См. также: А. И. Ярхо, Антропологический состав турецких народностей Средней Азии, «Антр. журнал», 1933, № 3.

издавший результаты своих работ отдельной книгой²⁵. А. И. Ярхо, кроме того, изучал на Кавказе азербайджанцев²⁶.

В Сибири на протяжении второго периода кроме уже упомянутых исследований Т. А. Трофимовой в западных областях работали еще несколько экспедиций. Среди них особое место, пожалуй, занимает экспедиция Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина к эвенкам Прибайкалья. Антропологическое обследование эвенков позволило выявить среди них особый антропологический тип, отличный от типа центрально-азиатских монголоидов и, как оказалось потом, широко распространенный среди монголоидов Сибири²⁷. Весьма плодотворны были исследования А. М. Золотарева на Амуре²⁸, работа Г. Ф. Дебеца среди селькупов и С. А. Шлугера среди ненцев²⁹. Г. Ф. Дебечу принадлежит и классификация сибирских монголоидов, опубликованная в 1934 г. Автор сам потом отказался от нее, так как, не имея в своем распоряжении достаточного материала, опирался преимущественно на головной указатель. Но для своего времени она сыграла большую положительную роль, как одна из первых попыток систематизации всех данных об антропологическом составе Сибири.

Наряду с антропометрией и антропоскопией определенное место в программах антропологических экспедиций занимал и сбор данных по физиологической антропологии. В. В. Гинзбург собрал небольшие, но очень выразительные данные по вариациям системы АВО у горных таджиков, которые и сейчас служат примером резких различий по мономерным признакам между близкими селениями в условиях изоляции, а также у туркмен³⁰. Им же было изучено кровяное давление у горных таджиков³¹. Н. Н. Чебоксаров исследовал вариации групповых факторов крови системы АВО и цветной слепоты у коми³². Наконец, в области дерматоглифики интенсивно работал М. В. Волоцкий, не только опубликовавший большое число исследований по методике дерматоглифических исследований, но и составивший обширную сводку данных по дерматоглифическим вариациям у различных народов, в том числе и народов Советского Союза³³.

²⁵ В. В. Гинзбург, Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза, М.—Л., 1937; его же, Таджики предгорий, «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XII. М.—Л., 1949. Им были изданы также материалы Н. В. Богоявленского, собранные в 1898 и 1901 гг.: В. В. Гинзбург, Антропологический состав населения Западного Памира (по материалам Н. В. Богоявленского), «Антр. журнал», 1936, № 1.

²⁶ А. И. Ярхо, Ганджинские тюрки, «Антр. журнал», 1932, № 2.

²⁷ Я. Я. Рогинский, Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья, «Антр. журнал», 1934, № 3.

²⁸ Данные опубликованы Г. Ф. Дебечом. См. также: А. М. Золотарев, Антропологические исследования в Приамурье, «Кр. сообщения Н.-и. ин-та и Музея антропологии при МГУ за 1938—39 гг.», М., 1941.

²⁹ С. А. Шлугер, Антропологическое исследование ненцев, «Кр. сообщения Н.-и. ин-та и Музея антропологии при МГУ за 1938—39 гг.», М., 1941.

³⁰ В. В. Гинзбург, Изогемоагглютинация у горных таджиков, «Антр. журнал», 1934, № 1—2; его же, Изогемоагглютинация у туркмен, «Антр. журнал», 1937, № 2.

³¹ В. В. Гинзбург, Изучение кровяного давления у горных таджиков, «Антр. журнал», 1936, № 2.

³² Н. Н. Чебоксаров, Группы крови и дальтонизм у коми, «Антр. журнал», 1936, № 2.

³³ М. В. Волоцкий, Новый дактилоскопический индекс и его распределение по земному шару, «Уч. записки МГУ», вып. 10, 1937; его же, Географическая изменчивость пальцевых узоров, «Кр. сообщения Н.-и. ин-та и Музея антропологии при МГУ за 1938—39 гг.», М., 1941.

Антропологическое изучение населения СССР на протяжении третьего периода

В первые послевоенные годы продолжалась публикация материалов, собранных еще в довоенные годы. Так, в 1949 г. вышла из печати капитальная монография Т. А. Трофимовой, посвященная этнической антропологии татар и ногайцев. С другой стороны, были продолжены некоторые исследования, начало которых падает на предвоенный период — в качестве примера укажу на антропологическое изучение казахов³⁴. Но отличительной чертой третьего периода в истории советской антропологии применительно к изучению антропологического состава СССР стало гораздо более детальное исследование физических особенностей разных народов, непременно включающее обследование всех входящих в них этнографических групп. Таким образом, географическая изменчивость антропологических признаков на территории СССР только в работах третьего периода и получила подробную и тщательную характеристику.

Антропологический отряд Прибалтийской комплексной археолого-этнографической экспедиции, организованной Институтами этнографии и археологии АН СССР, а также Институтами истории АН Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, изучил на протяжении 1952—1954 гг. свыше 20 территориальных групп эстонцев, латышей и литовцев. М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров издали в 1959 г. результаты этой работы отдельной книгой. Р. Я. Денисова изучила ливов³⁵, латышей и литовцев восточных районов, белорусов³⁶. Ю. М. Ауль издал обширные материалы по антропологии Эстонии, собиравшиеся им на протяжении многих лет³⁷. Им же были обследованы латыши³⁸, русские северных районов Европейской части СССР³⁹, водь и ижорцы⁴⁰. М. В. Витов работал среди саамов, карелов и русских северных районов Европейской части Советского Союза, но собранные им большие материалы опубликованы лишь частично⁴¹. Также неопубликованными остаются пока обстоятельные данные по антропологии всех финно-угорских народов СССР, собранные К. Ю. Марк, — исключение составляет мордва, антропологическому типу которой посвящена специальная статья⁴².

³⁴ В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Очерки по антропологии Казахстана, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XVI, 1952.

³⁵ Р. Я. Денисова, Антропологический тип ливов, «Балтийский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXII, М., 1956.

³⁶ Р. Я. Денисова, К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев, «Изв. АН Латвийской ССР», 1958, № 2; ее же, Антропологический тип восточных литовцев, «Изв. АН Латвийской ССР», 1963, № 9.

³⁷ Ю. М. Ауль, Антропология эстонцев, «Уч. записки Тартуского ун-та», вып. 158, Тарту, 1964.

³⁸ Ю. М. Ауль, О взаимоотношениях эстонцев и латышей по антропологическим данным, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIX, 1958; его же, Данные к антропологии латышей, «Труды по антропологии», I, «Уч. записки Тартуского ун-та», вып. 155, Тарту, 1964.

³⁹ Ю. М. Ауль, К антропологии русских восточных окраин Эстонской ССР, «Труды по антропологии», I, «Уч. записки Тартуского ун-та», вып. 155, Тарту, 1964.

⁴⁰ Ю. М. Ауль, Антропологические исследования водь и ижорцев на западе Ленинградской области, «Труды по антропологии», I, «Уч. записки Тартуского ун-та», вып. 155, Тарту, 1964.

⁴¹ М. В. Витов, Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера, «История СССР», 1964, № 6.

⁴² К. Ю. Марк, Этническая антропология мордвы, Сб.: «Вопросы этнической истории мордовского народа», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LXIII, М., 1960.

В Южной Белоруссии работал В. В. Бунак⁴³. Им же проведено исследование населения Закарпатья⁴⁴. Но в полном объеме населения Украины было изучено только после того, как в рамках Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН Украинской ССР был организован антропологический отдел. На протяжении нескольких лет антропологическими экспедициями было охвачено население всех районов Украины. В. Д. Дяченко суммировал все собранные материалы в отдельной монографии⁴⁵. Им же ранее были исследованы гагаузы⁴⁶. Первые в послевоенный период данные по антропологии русских были собраны Т. И. Алексеевой в Верхнем Поволжье на территории бывшего расселения летописных племен «мещеры» и «муромы»⁴⁷. Ею же были обследованы татары-мишари⁴⁸ и чувашаи⁴⁹. Основное обследование русского народа в антропологическом отношении было произведено Русской антропологической экспедицией Института этнографии АН СССР в конце 50-х — начале 60-х гг., работавшей под общим руководством В. В. Бунака. Полевые исследования возглавляла Т. И. Алексеева. Собранные данные были изданы отдельной книгой⁵⁰. Чтобы закончить обзор исследований на территории Восточной Европы, следует упомянуть работу А. Н. Пулянос, посвященную караимам⁵¹ и работу Р. С. Левман о молдаванах⁵².

Первые исследования на Кавказе в послевоенные годы проводили М. С. Акимова, М. А. Булатова и Н. Н. Миклашевская. М. С. Акимова и М. А. Булатова работали среди аварцев и лезгин⁵³, Н. Н. Миклашевская — среди кумыков, даргинцев и ногайцев⁵⁴. Однако эти работы носили характер небольших экспедиций, ни в коей мере не исчерпывавших многообразия антропологических типов народов Кавказа. Большие по объему исследования на Кавказе были проведены только после организации антропологического отдела в Институте экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР (сейчас переведенного

⁴³ В. В. Бунак, Антропологические исследования в Южной Белоруссии, «Антропологический сборник, I», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956.

⁴⁴ В. В. Бунак, Антропологические исследования в Закарпатской области УССР, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. IV, 1948.

⁴⁵ В. Д. Дяченко, Антропологичний склад українського народу, Київ, 1965.

⁴⁶ В. Д. Дяченко, Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XV, 1953.

⁴⁷ См. примеч. 20. См. также: Т. И. Алексеева, Этническая принадлежность сицкарей в свете данных антропологии, «Сов. антропология», 1958, № 1.

⁴⁸ Т. И. Алексеева, Б. А. Васильев, К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXI, 1959.

⁴⁹ Т. И. Алексеева, Антропологический тип населения Чувашии, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIII, 1955.

⁵⁰ Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 88, М., 1965. См. также: Т. И. Алексеева, Антропологические материалы к этногенезу восточных славян, «Сов. археология», 1964, № 3 (переведено: «Нотом», Bd. 16, 1965, № 3).

⁵¹ А. Н. Пулянос, К антропологии караимов Литвы и Крыма, «Вопросы антропологии», 1963, вып. 13.

⁵² Р. С. Левман, Антропологические типы коренного населения Молдавской ССР (к проблеме этногенеза молдаван), М., 1950 (автореферат). См. также: Р. С. Левман, К вопросу об антропологическом типе бессарабских молдаван, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. IV, 1948.

⁵³ М. С. Акимова, М. А. Булатова, К антропологии аварцев, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. II, 1947; М. С. Акимова, Антропологический тип лезгин, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XVI, 1952.

⁵⁴ Н. Н. Миклашевская, Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XIX, 1953.

в Институт истории АН Грузинской ССР). Исследования эти проводились сначала под руководством А. Н. Натишвили, затем под руководством М. Г. Абдушелишвили и охватили почти все этнические и территориальные группы Северного Кавказа, Грузии и Армении⁵⁵. Параллельно антропологический материал собирался в Азербайджане, но он опубликован лишь частично⁵⁶. Научное руководство этими экспедициями осуществлял Г. Ф. Дебеч. Он изучил также антропологический тип народов Дагестана, уделив особое внимание западным этническим группам — аварцам и андо-дидойцам⁵⁷. Подробная антропологическая съемка Дагестана была доведена до конца А. Г. Гаджиевым⁵⁸.

Л. В. Ошанин упорно продолжал расширять круг своих исследовательских работ в Средней Азии, в конце концов охватив ими все среднеазиатские народы⁵⁹. Все собранные им на протяжении многолетних экспедиций данные легли в основу синтетической картины этнической антропологии и этногенеза народов Средней Азии, которая была завершена им к концу его огромной по масштабу деятельности в области среднеазиатской антропологии и антропологии сопредельных стран⁶⁰. Те народы, которые не были достаточно представлены в материалах Л. В. Ошанина, например киргизы, были изучены Н. Н. Миклашевской при работе ее в Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР и АН Киргизской ССР. И. М. Золотарева, участвуя в той же экспедиции, собрала в Ферганской долине данные по всем среднеазиатским народам (кроме туркмен) на протяжении одного полевого сезона, чем и создала базу для сравнения их антропологических особенностей с помощью вполне сопоставимых материалов. Ю. Г. Рычков работал на территории Западного Памира, но собранные им соматологические данные остались неопубликованными.

Говоря об антропологическом изучении Сибири в первую очередь нужно назвать капитальные книги Г. Ф. Дебеча и М. Г. Левина, посвященные рассмотрению происхождения народов Восточной Сибири и Дальнего Востока в свете антропологических данных. Они содержат не только публикацию обширных оригинальных материалов, но и сводку данных старых исследований, а также их разработку и анализ под углом зрения антропологической классификации народов Сибири и выяснения генезиса антропологических типов сибирских монголоидов. Более частный характер в этом отношении носили исследования М. Г. Левина среди якутов, тофаларов и тувинцев, И. М. Золотаревой среди бу-

⁵⁵ М. Г. Абдушелишвили, *Антропология древнего и современного населения Грузии*, Тбилиси, 1964. Там же и библиография многочисленных предварительных сообщений.

⁵⁶ Р. М. Касимова, *Антропологическое исследование современного населения Куринской долины, «Вопросы антропологии», вып. 5, 1960.*

⁵⁷ Г. Ф. Дебеч, *Антропологические исследования в Дагестане, «Антропологический сборник, I», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956.*

⁵⁸ А. Г. Гаджиев, *Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии)*, Махачкала, 1965.

⁵⁹ Последняя публикация материалов: Л. В. Ошанин, *Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен южного Таджикистана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. LXII, Душанбе, 1957.*

⁶⁰ Л. В. Ошанин, В. И. Зезенкова, *Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии*, Ташкент, 1953; Л. В. Ошанин, *Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 1—3, Ереван, 1957—1959.* Антропологическому типу отдельных групп узбеков, туркмен и таджиков посвящена книга: К. Наджимов, *Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области*, Ташкент, 1958.

рят, нганасанов⁶¹ и долган⁶², Ю. Г. Рычкова среди эвенков, Н. С. Розова среди селькупов и западносибирских тюрков⁶³. Но и они обогатили наши представления об антропологическом составе народов Сибири существенными новыми деталями. Особое место занимают исследования В. В. Бунака и Г. М. Давыдовой по русскому старожильческому населению Сибири⁶⁴.

К сказанному остается добавить несколько слов о расширении программы антропологических исследований за последние годы. Частично это возрождение традиции, угасшей за послевоенные годы, но характерной, как мы помним, для первого и второго периодов в истории советской антропологии. Это относится к изучению групповых факторов крови системы АВО и дерматоглифики. Частично же — это ответ на быстрые успехи антропологической методики, в результате которых оказывается возможным ввести в полевые антропологические исследования определение одонтологических признаков, многих физиологических показателей и групповых факторов крови, открытых за последние годы, а также белков, сыворотки и аномальных гемоглобинов. В процессе развертывания таких исследований антропология все теснее смыкается с популяционной генетикой человека.

Все перечисленные области развиваются так быстро, что подавляющая часть собранных материалов остается пока неопубликованной. В обработке и публикации данных по дерматоглифике народов СССР особенно велики заслуги Т. Д. Гладковой и Г. Л. Хить, хотя отпечатки пальцев и ладоней собираются и другими работниками⁶⁵. Среди изо-серологических исследований можно назвать работы И. И. Гохмана, И. М. Золотаревой, М. Г. Левина, Ю. Г. Рычкова по коренному населению Сибири⁶⁶, Г. Л. Хить — по населению западного Памира⁶⁷, А. Г. Гаджиева — по народам Дагестана⁶⁸. Темп публикации сведений о вариациях строения зубов у народов Советского Союза особенно отстает от темпов их сбора. Пока публикуются лишь результаты одонтологического исследования палеоантропологических серий. Но уже собраны и подготовлены к публикации одонтологические данные по казахам, кетам, якутам, русскому старожильческому населению Сибири, русским центральных районов Европейской части СССР.

Сделанный обзор демонстрирует широкий фронт и интенсивное развитие антропологических исследований по изучению населения СССР

⁶¹ И. М. Золотарева, Антропологическое исследование нганасан, «Сов. этнография», 1962, № 6.

⁶² И. М. Золотарева, Антропологическое исследование долган, «Сов. этнография», 1965, № 3.

⁶³ Н. С. Розов, Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 6, 1961.

⁶⁴ В. В. Бунак, Русское население в Забайкалье, «Антропологический сборник, IV», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 82, М., 1963; Г. М. Давыдова, Антропологические исследования среди семейских русских Забайкалья, Там же.

⁶⁵ Библиографию работ см.: Т. Д. Гладкова, Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека, М., 1966.

⁶⁶ М. Г. Левин, Группы крови у чукчей и эскимосов, «Сов. этнография», 1958, № 5 (перепечатано: «Arctic anthropology», vol. 1, 1951, № 1); его же, Новые материалы по группам крови у эскимосов и ламутов, «Сов. этнография», 1959, № 3; И. И. Гохман, Материалы к антропологии елогуйских кетов, «Кр. сообщения Ин-та этнографии. АН СССР», вып. XXXVIII, 1963; И. М. Золотарева, Распределение групп крови у народов Северной Сибири, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве, М., 1964; Ю. Г. Рычков, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 21, 1965.

⁶⁷ Г. Л. Хить, Распределение групп крови в населении Памира, «Вопросы антропологии», вып. 8, 1961.

⁶⁸ А. Г. Гаджиев, Данные по группам крови народов Дагестана, «Вопросы антропологии», вып. 17, 1964.

на протяжении последних лет, их возросший размах по сравнению с двумя предшествующими периодами. Это нашло отражение и в заметно увеличившемся числе публикаций, и в их более широкой тематике — углублении трактовки специально антропологических вопросов, более тесной увязке их с историко-этнографическими работами, конкретизации этногенетических проблем, рассматриваемых под углом зрения антропологических материалов.

Антропологическая классификация народов СССР и их место в расовой систематике

До сих пор нет ни одной работы, которая охватывала бы рассмотрение антропологического состава населения СССР в целом. Известная сводка по палеоантропологии СССР Г. Ф. Дебеца содержит в заключительной своей части обзор выделенных типов, но их выделение произведено применительно к запросам палеоантропологического исследования и базируется в основном на результатах палеоантропологического анализа. Антропологические типы СССР рассматриваются обычно в рамках общих работ по расовому составу земного шара. В качестве примера можно назвать учебник антропологии, вышедший в довоенные годы под редакцией В. В. Бунака, учебник антропологии Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина, выдержавший два издания, статью Н. Н. Чебоксарова в коллективном сборнике «Происхождение человека и древнее расселение человечества», дискуссионные статьи В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца, посвященные принципам классификации человеческих рас и их иерархии. Поэтому целесообразно суммировать главные точки зрения на антропологическую классификацию народов СССР и дать обзор важнейших дискуссий по конкретным проблемам генеалогических взаимоотношений антропологических типов той или иной территории.

Население северо-западных районов Европейской части СССР — западнофинские народы, коми, летто-литовские народы и некоторые северные группы русских — относятся к беломоро-балтийской или восточнобалтийской группе антропологических типов, употребляя очень удачную терминологию Н. Н. Чебоксарова. Это восточная группа северной ветви европеоидов. Вокруг происхождения этих типов более 10 лет идет оживленная дискуссия. Подавляющее большинство исследователей (Т. И. Алексеева, В. П. Алексеев, Ю. М. Ауль, М. В. Витов, Г. Ф. Дебеч, Р. Я. Денисова, Е. В. Жиров, М. Г. Левин, К. Ю. Марк, Я. Я. Рогинский, Н. Н. Чебоксаров) защищает представление о наличии небольшой монголоидной примеси в составе представителей восточнобалтийской группы. Все они основываются при этом на морфологических различиях между населением Скандинавии, с одной стороны, Восточной Прибалтики и севера Восточной Европы — с другой, характере исторической корреляции между признаками, палеоантропологических материалах, результатах анализа археологических данных. Противоположную точку зрения о недифференцированности этого комплекса признаков впервые высказал К. Кун применительно к лопарям в своей сводке по антропологии Европы; по отношению к народам Восточной Прибалтики и севера Восточной Европы — И. Швидецкая⁶⁹. В советской литературе эту точку зрения защищает В. П. Якимов, однако, его аргументация опирается в основном на палеоантропологиче-

⁶⁹ I. Sch w i d e t z k y, Das Menschenbild der Biologie, Stuttgart, 1959.

ский материал и оставляет без внимания результаты изучения современного населения⁷⁰.

Начало формирования объективных представлений об антропологическом составе народов Восточной Европы падает на 1910-е гг., когда вышли в свет труды Е. М. Чепурковского. Им были выделены два антропологических типа в составе русского народа — восточновеликорусский и валдайский, различающиеся пигментацией и головным указателем. В процессе дальнейших исследований число их было значительно увеличено. Но проблема их группировки и таксономического соподчинения не может считаться сколько-нибудь решенной до настоящего времени. Почти все исследователи объединяют эти варианты в восточноевропейскую группу антропологических типов, занимающую промежуточное положение между северной и южной ветвями европеоидов и образовавшуюся в результате смешения между ними. С другой стороны, нельзя стричать, что известное значение в формировании этой группы промежуточных вариантов могло иметь и сохранение недифференцированных комплексов, широко распространенных на территории Восточной Европы в предшествующие эпохи. В. В. Бунак ведет происхождение этой группы типов от древнейшего европейского населения эпохи каменного века; другие исследователи, учитывающие роль последующих переселений, видят в ней более позднюю формацию, хотя для отдельных типов и находят аналогии в населении эпохи бронзы и даже неолита.

Авторы позднейших и наиболее детальных сводок по антропологии русского населения В. В. Бунак и Т. И. Алексеева выделяют разное число локальных или областных типов в пределах расселения русского народа. В. В. Бунак выделяет двадцать локальных типов только на этой территории, Т. И. Алексеева — восемь типологических комплексов на всей территории Восточной Европы, включая Белоруссию и Украину. В. Д. Дяченко дифференцирует антропологический состав населения Украины на пять локальных типологических комплексов (против одного у Т. И. Алексеевой). Их можно было бы уменьшить, если последовать за В. Д. Дяченко в попытке увидеть морфологическое сходство и установить генетическое родство между выделенным им центрально-украинским типом и типами, представленными в составе русских, — восточновеликорусским и валдайским. Однако, в рецензии Т. И. Алексеевой на его книгу было справедливо указано на существенные различия между ними. Сопоставляя все эти классификационные схемы, можно увидеть, что разница между ними проявляется не только в числе выделяемых вариантов и способах их группировки, но и в разной их подробности, разном уровне, на котором каждая из них отражает расовую дифференциацию. Наряду с типологической характеристикой антропологических особенностей восточнославянского населения была сделана попытка аргументировать представление о преобладании локальной изменчивости над типологической, во всяком случае в пределах расселения русских⁷¹. Правда, она опиралась в основном на краниологический материал, и сама идея еще ждет подробной разработки на соматологических данных.

⁷⁰ В. П. Якимов, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики. «Балтийский этнографический сборник». «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXII, 1956; его же, Реплика оппонентам, «Вопросы антропологии», вып. 9, 1962; Разбор дискуссии см.: Г. Ф. Дебец, О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики, «Сов. этнография», 1961, № 6.

⁷¹ В. П. Алексеев, Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения, М., 1967 (автореферат докт. дисс.).

Первый вопрос, который встает при рассмотрении антропологических типов Кавказа и который интенсивно обсуждался в советской антропологической литературе — участие северных элементов в формировании этих типов. Еще в конце 20-х гг. В. В. Бунак писал о северной расе в связи с анализом палеоантропологических материалов из погребений раннего железного века в районе южного побережья озера Севан⁷². Совершенно очевидно, что допуская контакт с представителями северной расы для населения рубежа II—I тысячелетий до н. э., трудно полностью исключить влияние северных элементов и на формирование современных народов Кавказа. Г. Ф. Дебец резко и аргументированно возражал против этого в сводной работе по палеоантропологии СССР. Он высказал мнение, что в физическом типе населения Кавказского хребта сохраняются особенности протоевропейского типа. Позднее, Г. Ф. Дебец предположил, что у населения Кавказского хребта имеется не только морфологическое сходство, но и элементы генетического родства с народами Северной и Восточной Европы⁷³. Его позиция была поддержана Н. Н. Миклашевской⁷⁴.

М. Г. Абдушелишвили, А. Г. Гаджиев и автор настоящей статьи защищают точку зрения о сложении кавказских антропологических типов и, в частности, кавказионского типа, характерного для народов Центрального Кавказа, без участия северных элементов. Аргументы в пользу этой точки зрения — их морфологическое своеобразие и отсутствие аналогий им на территории Восточной Европы, четкость ареалов, палеоантропологические аналогии на самом Кавказе, наконец, историко-этнографические данные, демонстрирующие самобытность и неповторимость этнической истории и культуры кавказских народов. Однако, если первые два автора видят основной процесс формирования антропологических особенностей современных кавказских народов в трансформации физического типа древнего населения, зафиксированного в многочисленных палеоантропологических находках и отличавшегося грацильностью и узколицестью, В. П. Алексеев защищает представление о сохранении на Кавказе в условиях изоляции протоморфной комбинации признаков с древних эпох, возможно, даже с каменного века⁷⁵.

Подавляющее большинство исследователей согласно в числе выделяемых на Кавказе антропологических типов. Их четыре почти во всех классификациях: понтийский — население западных районов Северного Кавказа (абхазо-адыгские народы), кавказионский — население Центрального Кавказа (осетины, балкарцы и карачаевцы, горные этнографические группы грузинского народа, аварцы и андо-дидойские народы), каспийский — население Азербайджана и южного Дагестана (азербайджанцы, часть лезгин), арменоидный — население южной и частично восточной Грузии и Армении (армяне, часть грузин). Что же касается группировки этих типов в разных классификациях, то здесь

⁷² В. В. Бунак, Черепя железного века из Севанского района Армении, «Русский антр. журнал», т. 17, 1929, вып. 3—4.

⁷³ См. примеч. 57. См. также: Г. Ф. Дебец, Антропологические типы. В кн.: «Народы Кавказа», т. 1, М., 1960.

⁷⁴ Н. Н. Миклашевская, Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана, «Материалы по археологии Дагестана», т. 1, Махачкала, 1959; е е же, Антропологический состав населения Дагестана в алано-хазарское время, «Вопросы антропологии», вып. 5, 1960.

⁷⁵ В. П. Алексеев, Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта, «Антропологический сборник, IV», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 82, М., 1963.

пока не достигнуто единства во мнениях. В. В. Бунак считает наиболее древней на Кавказе понтийскую комбинацию признаков и связывает ее происхождение с Передней Азией. По мнению М. Г. Абдушелишвили, все антропологические типы Кавказа примерно одинаково древни, но относятся к разным группам антропологических типов: каспийский — к индо-памирской или, лучше, индо-афганской, понтийский — к средиземноморской, кавкасионский и арменоидный — к переднеазиатской. Автор этой статьи, соглашаясь с ним в определении таксономического положения каспийского и арменоидного типов, по иному группирует локальные варианты, выделяемые в составе населения Северного и Центрального Кавказа: понтийская комбинация признаков рассматривается как результат трансформации более древней кавкасионской, и обе они вместе с аналогичными комбинациями в составе населения Балканского полуострова объединяются в балкано-кавказскую группу антропологических типов — равноценное с переднеазиатской и средиземноморской группами подразделение южной ветви европеоидов.

Если для антропологии Кавказа основным был вопрос о роли контактов с представителями северной расы, то в антропологии Средней Азии такое же место заняла проблема монголоидной примеси, ее удельного веса и времени ее появления. Казахи и киргизы — два монголоидных народа Средней Азии — были объединены в южносибирский антропологический тип, происхождение которого рассмотрено М. Г. Левиным в специальной статье⁷⁶. По его мнению, поддерживаемому в настоящее время почти всеми специалистами, это преимущественно монголоидный тип с европеоидной примесью, сложившийся в процессе смешения центральноазиатских монголоидов и европеоидного населения андроновской культуры. Что касается остальных народов Средней Азии, то они входят в состав южной ветви европеоидов, хотя монголоидная примесь присутствует и в их составе за исключением, может быть, народов западного Памира. Начиная с работ Л. В. Ошанина и А. И. Ярхо, в составе южной ветви европеоидов в Средней Азии выделяются два локальных типа — закаспийский среди туркмен, почти тождественный каспийскому типу азербайджанцев (в целях унификации терминологии его также лучше называть каспийским, так как заметная монголоидная примесь в составе туркмен имеет сравнительно позднее происхождение), и памиро-ферганский (А. И. Ярхо) или раса среднеазиатского междуречья (Л. В. Ошанин) среди узбеков и таджиков.

Особенно обстоятельно обсуждалась в советской антропологической литературе проблема происхождения памиро-ферганского типа. Г. Ф. Дебец полагал, что памиро-ферганский тип образовался в процессе брахикефализации древних длинноголовых средиземноморцев. Т. А. Трофимова видит в нем результат смешения грациозного и длинноголового средиземноморского и массивного андроновского населения⁷⁷. В. В. Гинзбург склонялся в своих первых работах, посвященных происхождению памиро-ферганского типа, к идее непосредственной генетической связи его с комплексом признаков, представленным в составе населения андроновской культуры, но затем примкнул к точке зрения Т. А. Трофимовой и рассматривает сейчас формирование этого типа как сложный процесс брахикефализации средиземноморцев и

⁷⁶ М. Г. Левин, К вопросу о южносибирском антропологическом типе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXI, 1954.

⁷⁷ Т. А. Трофимова, Древнее население Хорезма и сопредельных областей по данным палеоантропологии, М., 1962. Там же библиография более ранних работ.

грацилизации андроновцев⁷⁸. Недавно был аргументирован принципиально новый подход к происхождению памиро-ферганского типа — типичными представителями этого типа считаются горные таджики, не несущие в своем составе монголоидной примеси в отличие от узбеков, а сам тип рассматривается со всеми своими морфологическими особенностями, в частности, брахицефалией, как самостоятельная достаточно древняя формация в составе южной ветви европеоидной расы⁷⁹. Наконец, высказана точка зрения о том, что типичными представителями памиро-ферганской расы можно считать только узбеков и равнинных таджиков, а памирцев и, по-видимому, горных таджиков следует включить в каспийский тип⁸⁰.

Генезис антропологических типов Поволжья и Приуралья тесно связан с антропологическим составом Западной Сибири. В уральской группе антропологических типов выделяются многими исследователями два локальных варианта, характерных для финских и тюркских народов Поволжья, — субуральский и сублапоноидный. Первый отличается от классических представителей уральской группы большим удельным весом европеоидной примеси, вернее сказать, даже преобладанием европеоидного компонента, второй отличается от первого значительным повышением головного указателя и характерен специально для удмуртов. На основании того, что между представителями этих типов нет заметной разницы в остальных признаках, в частности, удмурты не отличаются от своих соседей ни более низким лицом, ни более выраженными монголоидными особенностями, было высказано мнение, что сублапоноидный тип — просто локальный вариант субуральского и его нет необходимости возводить в таксономический ранг самостоятельной единицы расовой классификации. Что же касается происхождения уральской группы антропологических типов, то в отличие от В. В. Бунака все остальные исследователи видят в ней продукт древнего смешения европеоидных и монголоидных форм, относящегося, возможно, еще к неолиту⁸¹. Первыми эту мысль высказали М. Г. Левин, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров⁸².

Привычная форма генеалогического древа антропологических типов Сибири, состоящего из трех ветвей — палеосибирского или байкальского, центральноазиатского и арктического типов, претерпела за последние годы некоторые изменения. Подобно тому как в составе уральской группы антропологических типов Западной Сибири были выделены два типа — собственно уральский и енисейский, так и число типов, выделяемых среди сибирских монголоидов, увеличилось в процессе накопления материалов и их более тщательного анализа. М. Г. Левин разделил арктическую группу антропологических типов на две подгруппы, составленные берингоморским и камчатским типами. Своеобразное поло-

⁷⁸ В. В. Гинзбург, Раса среднеазиатского междуречья и ее происхождение, VII Международной конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964; его же, Теория происхождения расового типа среднеазиатского междуречья, «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (ленинградское отделение) за 1966 г.», Л., 1967.

⁷⁹ Ю. Г. Рычков, Происхождение расы среднеазиатского междуречья, Сб. «Проблемы этнической антропологии Средней Азии», «Научные труды Ташкентского ун-та», вып. 285, Ташкент, 1964.

⁸⁰ В. П. Алексеев, Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки, Сб. «Археология и этнография Средней Азии» (в печати).

⁸¹ Обсуждение проблемы см.: В. П. Алексеев, О смешанном происхождении уральской расы, «Вопросы археологии Урала», вып. 1, Свердловск, 1961.

⁸² См. примеч. 21. См. также: М. Г. Левин, Краниологический тип хантэ и манси, «Краткие сообщения Н.-и. ин-та и Музея антропологии МГУ за 1938—1939 г.», М., 1941.

жение нивхов среди народов Амура по антропологическим признакам, отмеченное Г. Ф. Дебецом в книге об антропологии Камчатской области, было подтверждено М. Г. Левиным на более полном материале и учтено в расовой классификации сибирских монголоидов — был выделен амуро-сахалинский тип. Наконец, выявленная исследованиями Г. Ф. Дебеца на Подкаменной Тунгуске низколицая комбинация признаков, выделенная в особый катангский тип, была открыта М. Г. Левиным и в других районах (восточные тувинцы, тофалары) и таким образом ее ареал был значительно расширен. Ю. Г. Рычков пытался показать в работе, посвященной антропологии эвенков, очень широкое распространение катангского типа не только в Средней, но и в Западной и Восточной Сибири, рассматривая его как древнейший из всех сибирских типов. Эта точка зрения вызвала серьезные возражения⁸³.

Группировка всех перечисленных типов в определенную таксономическую систему была произведена Н. Н. Чебоксаровым, объединившим арктическую группу типов вместе с восточными и южными монголоидами в тихоокеанскую ветвь в отличие от континентальной, представленной байкальским и центральноазиатским типами⁸⁴. Туда же, очевидно, должен быть отнесен и катангский тип. Эта схема классификации была принята другими исследователями и в настоящее время является наиболее распространенной в советской литературе. Что же касается положения той комбинации признаков, которая была выделена М. Г. Левиным у нивхов и получила наименование амуро-сахалинского типа, то, по его мнению, она образовалась в результате древнего смещения представителей континентальной и тихоокеанской ветвей. Во всяком случае именно такое предположение в наибольшей степени соответствует морфологическим данным.

* * *

Соматологические данные практически почти по всем этническим группам Советского Союза собраны в достаточном количестве, хотя и не всегда по вполне сравнимой программе, и сейчас на очереди стоит задача их обобщения. Она распадается на ряд более частных проблем — сведения всех материалов, даже неопубликованных, и их строгого отбора, разработки приемов коннекции не вполне сопоставимых данных, может быть, даже с организацией специальных экспедиций, использования фотодокументации для характеристики описательных признаков и, вероятно, организации ее дополнительного сбора, особенно, по народам Восточной Прибалтики, Поволжья и Приуралья, Средней Азии, Сибири. Что же касается групповых факторов крови, белков сыворотки и других физиологических показателей, дерматоглифических и одонтологических данных, то, хотя сбор их и производится достаточно интенсивно экспедициями антропологического отдела Института этнографии АН СССР, кафедры и Института антропологии МГУ, республиканских антропологических центров, но при огромной географической протяженности территории СССР и этническом многообразии населяющих ее народов он вряд ли будет закончен в ближайшие несколько лет. Между тем только накопление всех этих данных позволит охарактеризовать антропологические типы населения СССР с должной пол-

⁸³ М. Г. Леви н, О некоторых вопросах антропологии Северной Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 12, 1962.

⁸⁴ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. II, М.-Л., 1947.

нотой и тщательностью, выявить действительные генетические взаимоотношения между ними и дать дополнительную информацию о всех тех спорных проблемах истории антропологического состава и происхождения советских народов, которые не могут быть решены на современном уровне наших знаний.

SUMMARY

Studies in physical anthropology in Russia before the Great October Socialist Revolution were carried out mainly in three centres: Moscow, St. Petersburg and Kazan, within the framework of the Anthropological Department of the Society of Lovers of Nature Study, Anthropology and Ethnography attached to the Moscow University, the Anthropological Society attached to the St. Petersburg Military Medical Academy, and the Anthropological Department of the Society for Nature Study attached to the Kazan University. These studies covered most peoples of Russia. Their shortcoming was in an almost complete incomparability of the gathered data. The exception were excellent works about the stature of population in the European part of Russia and about the anthropological composition of the Russian nation.

The history of Soviet anthropology can be divided into three stages. The first period begins with the October Revolution and ends in the early thirties, the second period lasts until the Patriotic War of 1941—1945, the third is the postwar period, till the end of fifties. From the beginning of the sixties the fourth, present-day period can be traced. The first period was marked by a reorganization of the work of existing anthropological institutions and by the establishment of new institutions, namely the institute of Anthropology and the Anthropological Department of the Moscow University. The beginning of the second period was marked by a transformation of the ideological foundations of science and a trend towards its utilization for the needs of the socialist reconstruction. During these years the Anthropological Department of the University of Central Asia was established. The third period is characterized by a considerable growth in number of anthropological centres in Tallin, Riga, Kiev, Tbilisi, Baku, Dushanbe and the intensification of studies of the anthropological composition of the population of the USSR, embracing more or less completely all ethnographic and territorial groups within each nationality. The beginning of the fourth period closely coincided with the resumption of genetic studies in this country and preparations for the VII-th International Congress of Anthropologists and Ethnologists in Moscow. This resulted in a growing attention to the physiological features with an established genetic structure in the study of races. Soviet anthropology today has become not only morphological, but a morphophysiological science. All these studies have enabled the main outlines of anthropological classification of the peoples of the USSR to be drawn, the distribution of anthropological types to be delimited, their origin to be roughly traced, and the gathered data to be successfully used in ethnogenetic studies.

В. К. Соколова

СОВЕТСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА К 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции советская фольклористика приходит сложившейся научной дисциплиной со своими достаточно четко определенными задачами и проблемами. Накоплен большой материал по фольклору всех народов Советского Союза — традиционному и современному; достигнуты значительные успехи в разработке ряда основных проблем и, — что особенно важно, — не только в крупных союзных республиках, но и во всех автономных республиках и областях выросли научные кадры, способные решать эти проблемы.

Методология и основная проблематика советской фольклористики определились, естественно, не сразу, они вырабатывались постепенно с развитием собирательской и исследовательской работы, в жарких спорах и товарищеских дискуссиях. Наряду с успехами у фольклористов были и неудачи, ошибки, порою значительные. Но уже с первых лет революции были заложены те здоровые основы, которые послужили залогом дальнейшего плодотворного развития советской фольклористики. Это было понимание общественного значения народного поэтического творчества, его связи со всеми сторонами жизни народа, стремление уяснить его социальную природу, пристальное внимание к процессам, происходящим в нем в современности¹. Так, первый номер начавшего выходить в Сибири этнографического журнала открывался статьей Г. С. Виноградова «Этнография и современность», в которой талантливый исследователь подчеркивал, что народная поэзия неизменно откликается на все происходящие в жизни изменения, и призывал эти изменения изучать: «Внимательное выслеживание всего, что создает народ под влиянием тех или иных событий или обстоятельств, показывает, с какой чуткостью душа народная отзывается на все, что так или иначе ее касается, и едва ли есть область народного творчества, где бы не было отзвуков ее на совершающееся вокруг»². На связь фольклора с жизнью, на отражение в нем всех изменений, происходящих в быту и мировоззрении народа, постоянно указывали Б. М. и Ю. М. Соколовы, М. К. Азадовский и Н. П. Андреев, которые по праву могут считаться основоположниками советской фольклористики.

Мысль, выраженная в ставших афоризмом словах из учебника «Русский фольклор» — первого советского учебника по фольклору для вузов, «фольклор — это отзвук прошлого, но в то же время громкий голос настоящего»³, — развивалась в многочисленных выступлениях

¹ Об отношении советских фольклористов к изучению современности см.: Н. В. Новиков, Советские фольклористы и современность, в кн. «Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор», IX, М.-Л., 1964, стр. 25—38.

² Г. С. Виноградов, Этнография и современность, «Сибирская живая старина», вып. 1, Иркутск, 1923, стр. 15.

³ Ю. М. Соколов, Русский фольклор. Учебник для вузов, М., 1938, стр. 14.

Ю. М. Соколова уже с начала 1920-х гг. Так, на Краеведческом съезде в 1923 г. он подчеркивал, что народная поэзия ценна не только своей «археологической» и художественной стороной, она особенно важна, как живой голос современного крестьянства. Отсюда вытекало и требование — внимательно наблюдать и фиксировать все изменения, которые происходят в народном поэтическом творчестве под воздействием революционных преобразований. «Если бы систематически и в массовом масштабе произведена была работа по собиранию песен, частушек и легенд, то будущий историк искусства получил бы ценнейший материал о сменяющихся настроениях масс в том или ином крае»⁴, — говорил Ю. М. Соколов в том же выступлении перед краеведами. Фольклор раскрывает отношение разных социальных групп к происходящим событиям, помогает глубже понять современность.

Из признания большого общественного и исторического значения фольклора естественно вытекало требование широко и планомерно развлекать собирательскую работу, не упустить ничего, что может ярко характеризовать нашу эпоху. Чтобы активизировать собирательскую работу и направить ее по верному пути в 20-х годах были изданы пособия для собирателей: «Беседы собирателя» М. К. Азадовского и «Поэзия деревни» Б. М. и Ю. М. Соколовых⁵. Написанные в увлекательной популярной форме, что отнюдь не снижало их научного уровня, они были рассчитаны на самые широкие круги собирателей. Основное внимание их направлялось на современное состояние фольклора. «Научные теории, — писали Соколовы, — в течение почти первых двух третей XIX в. уводили собирателей и исследователей в туманную даль, заставляли прежде всего интересоваться «стародавнюю стариною», мифами, религиозными преданиями и совершенно игнорировали то, что в устной поэзии бывало не только пережитком старины, а живым откликом на современность. Лишь в самое последнее время, особенно за годы революции, тесная связь устной поэзии с реальной жизнью, политической и экономической, стала отчетливо осознаваться не одними специалистами-исследователями, но также общественными деятелями, партийными организациями, журналистами и т. д.»⁶. От собирателей требовалось, чтобы они наблюдали процессы, происходящие в устном народном творчестве, отмечали все изменения в нем, фиксировали, что создается вновь, что отмирает. «...Фольклориста должны интересовать не только традиционные формы, но также и новообразования, частью, впрочем, выросшие из традиции. Это сочетание старого и нового наблюдается почти во всех видах фольклора», — писал Ю. М. Соколов⁷. Особо подчеркивалась необходимость своевременно записывать такие быстро реагирующие на современность жанры, как частушки, устные рассказы. «Нечего и говорить об общественном и историческом значении таких произведений, как частушки, — эти яркие документы, без которых не обойдется будущий историк нашей эпохи». Об этом же говорил и М. К. Азадовский: «Пожалуй, нигде с такой отчетливостью, как в частушке, не отразились противоречивые настроения современной деревни. И с этой стороны частушка должна заинтересовать в равной степени

⁴ Ю. М. Соколов, *Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ*, «Вопросы краеведения», М., 1923, стр. 110.

⁵ М. К. Азадовский, *Беседы собирателя. Пособие для собирателей устной народной поэзии. Применительно к Сибири, Иркутск*, 1924; Б. и Ю. Соколовы, *Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности*, М., 1926.

⁶ Б. и Ю. Соколовы, *Поэзия деревни*, стр. 10.

⁷ Ю. М. Соколов, *Очередные задачи изучения русского фольклора*, «Художественный фольклор», 1, М., 1926, стр. 28.

и этнографа-словесника и историка-общественника»⁸. В руководстве для сбора этнографических материалов, изданном под редакцией В. Г. Тан-Богораз, также особое внимание обращалось на частушки «лирические, бытовые и политические, отразившие новый быт» и «сказки новейшего содержания, переделанные из старых, сказки военного и революционного времени»⁹. Подчеркивая неразрывную связь устной поэзии со всеми сторонами народной жизни, Азадовский и Соколовы считали, что фольклористы-собиратели обязаны глубоко изучать быт народа, понимать, какое место в нем занимает тот или иной вид фольклора, какое значение он имеет.

Неустанно, почти во всех своих статьях и выступлениях, говоря о важности собирательской работы, Ю. М. Соколов подчеркивал, что вести ее нужно систематически, по определенному научному плану: «Естественно, и собирательская работа должна сойти с пути дилетантского любительства и вестись по правильно положенным рельсам обдуманной, планомерной, научно намеченной исследовательской линии»¹⁰. Такая планомерная собирательская работа была начата самими Соколовыми. До революции работа по записи фольклора велась в основном отдельными энтузиастами и любителями, собиравшими порою очень ценный материал, но главным образом по тем жанрам, которые их интересовали. Экспедиций, направлявшихся центральными и местными научными учреждениями, обществами, было немного; разные области нашей страны в фольклорном, как и в этнографическом отношении были изучены очень неравномерно. Лишь после Октябрьской революции стали организовываться экспедиции с большим количеством участников. Это были прежде всего студенческие экспедиции. Б. М. Соколов, будучи профессором Саратовского университета, начал со студентами систематическое этнографическое изучение Саратовского края по разработанным им программам; активными участниками этих экспедиций были Т. М. Акимова, В. Ю. Крупянская, А. Н. Лозанова. Ю. М. Соколов проводил экспедиции со студентами Тверского педагогического Института, а затем со студентами и аспирантами московских вузов. Большая работа по собиранию фольклорных и этнографических материалов у разных народов СССР проводилась студентами Ленинградского университета под руководством В. Г. Тана-Богораз, особенно много сделавшего для изучения фольклора народов Сибири и Севера. Постепенно подобные экспедиции стали систематически проводиться многими университетами и педагогическими институтами. М. К. Азадовским было широко развнуто собирание фольклора в Сибири, где под его руководством начали работу А. В. Гуревич, А. А. Мисюрев, Л. Е. Элиасов и др.

Принципиально новым типом экспедиций была экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга», работавшая в 1926—1928 гг. в Прионежье под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых. В ней участвовали Э. Г. Бородина, В. А. Дынник-Соколова, Ю. А. Самарин, В. И. Чичеров и др. Экспедиция имела целевую установку — проследить изменения в былинной традиции, происшедшие за 50—60 лет, со времени записей П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга¹¹. Это была первая экспедиция «по следам», после которой стали организовываться и другие, в том

⁸ М. К. Азадовский, Указ. раб., стр. 38—39.

⁹ С. А. Макарьев, Полевая этнография. Краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР, под ред. В. Г. Богораз, Л., 1928.

¹⁰ Ю. М. Соколов, Очередные задачи изучения русского фольклора, стр. 15—16.

¹¹ См.: «Онежские былины», Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова, подготовка текстов к печати и словарь В. Чичерова, М., 1948.

числе и по следам братьев Соколовых¹². Такого типа экспедиции проводились и на местах, например экспедиция казанских фольклористов под руководством Х. Х. Ярмухаметова в 1940 г. в Сибирь по следам В. В. Радлова. Повторные экспедиции в места, где проводились уже записи фольклора, дают возможность особенно убедительно проследить изменения, происходящие в народном поэтическом творчестве.

Очень важной в теоретическом плане была комплексная искусствоведческая экспедиция Социологического Комитета Гос. института истории искусств, обследовавшая в 1926—1929 гг. Заонежье, Пинегу, Мезень и Печору. Экспедиция изучала все виды крестьянского искусства, в том числе словесного и музыкального. В ней участвовали: А. М. Астахова, с тех пор много и плодотворно работающая по собиранию и изучению северо-русского фольклора, особенно былин, Н. П. Колпакова, В. Н. Всеволожский — Гернгросс, музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд и др.¹³. Как подтвердила практика, именно комплексные экспедиции дают наилучшие результаты. Так стремятся организовывать сейчас этнографические экспедиции, в которых изучаются разные стороны материальной и духовной культуры народа, фольклор, искусство и пр. Такие экспедиции были организованы Институтом этнографии АН СССР с Институтом истории искусств в Восточную Сибирь, в Горьковский край; с ИРЛИ — в Костромскую область; комплексные экспедиции работают в Прибалтике, в Средней Азии, на Северном Кавказе и др.

Экспедиции 20-х — 30-х годов дали обширный материал как по новому, рожденному революцией, народному поэтическому творчеству, так и по традиционному, особенно по былинам и сказкам. Изучено было современное состояние этих жанров, изменения в них под влиянием революционных событий, открыты были неизвестные ранее талантливые сказители былин (Ф. А. Конашков, Г. А. Якушев, А. С. Богданова-Зиновьева, М. С. Крюкова и др.) и сказочники (А. К. Барышникова (Куприяниха), И. Ф. Ковалев, М. М. Коргуев, А. Н. Королькова, Е. И. Сороковиков и др.), репертуар которых записан достаточно полно. Большое внимание было уделено записи песен и преданий, выражавших социальный протест, антиклерикальные и антирелигиозные настроения, в дореволюционных собраниях представленных очень незначительно. Таким образом, и о дореволюционном фольклоре составилось более полное и правильное представление.

Первые методические руководства для собирателей говорили о сборе крестьянского фольклора, в деревнях же проводилась и собирательская работа. В этом сказались традиции дореволюционной науки, а также и то, что революционная ломка быта и сознания в деревне проходила более остро и ярче отражалась в народной поэзии. Но Соколовы же выступили и пропагандистами собирания рабочего фольклора. Материалы, обнаруженные в архивах Е. И. Коротина, дополняя их известные статьи и выступления, показывают, как настойчиво, с самого начала 20-х годов говорили они о том, что нельзя ограничиваться изучением только крестьянского фольклора. Так, Ю. М. Соколов уже в 1921 г. говорил о необходимости включения в школьную программу крестьян-

¹² Последняя из этих экспедиций — экспедиция Института русской литературы в 1962 г. в Кирилловский и Выжегодский районы Вологодской области, где в 1909 г. проводили собирательскую работу Соколовы. О ней см.: Н. В. Новиков, О состоянии сказочной традиции в Белозерском крае, «Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор», IX, М.-Л., 1964, стр. 229—239.

¹³ Отчеты о ней опубликованы в сборниках «Крестьянское искусство Севера», вып. 1 — Заонежье, Л., 1927; вып. II — Пинежско-Мезенская экспедиция, Л., 1928. Фольклорные материалы частично вошли в сб. «Былины Севера», запись, вступ. статья и комм. А. М. Астаховой. т. I, М.-Л., 1938, т. II, М.-Л., 1951.

ской и пролетарской народной поэзии, а Б. М. Соколов в докладе в Наркомпросе первоочередной задачей изучения фольклора считал собирание народного поэтического творчества в крестьянской и рабочей среде. Эти мысли развивались ими и в других статьях и выступлениях¹⁴. По почину и под руководством Ю. М. Соколова был проведен ряд экспедиций по изучению рабочего фольклора (на фабрике им. Калинина Тверской губ., в Орехово-Зуеве, на московских заводах и на Урале). В докладе «Об изучении фабрично-заводского фольклора», прочитанном в ГАХН'е, Ю. М. Соколов обобщил некоторые результаты этих работ и наметил дальнейшие задачи. С начала 30-х годов началось собирание фольклора у ленинградских рабочих (П. Г. Ширяева и др.); в Сормове была организована специальная экспедиция, на Урале записывали рабочий фольклор П. П. Бажов, В. И. Бирюков, Е. М. Блинова и др., в Сибири — А. В. Гуревич, А. А. Мисюрев. В Ярославле на фабрике «Красный Перекоп» работали М. И. Кострова и В. Ю. Крупянская, у подмосковных шахтеров — Р. С. Липец. Этот неполный перечень показывает, что собирание рабочего фольклора в 30-е годы проводилось достаточно широко. Фольклористы восполняли пробел, оставленный дореволюционной наукой, игнорировавшей поэтическое творчество пролетариата.

Собирание и изучение рабочего фольклора, естественно, было связано с изучением революционной песни. Большую ценность представляют материалы, собранные С. Д. Магид и В. И. Чичеровым у старых большевиков. Они записали не только тексты старых революционных песен, но и воспоминания об исполнении этих песен и отношении к ним; выяснили ряд авторов и обстоятельства, при которых песни были созданы. Материалы эти использовались в трудах В. И. Чичерова по революционной песне, составленный же ими сборник до сих пор не опубликован (хранится в архиве Института этнографии АН СССР). С музыкальной стороны рабочие и революционные песни изучали М. С. Друскин, Е. В. Гиппиус, Л. Н. Лебединский.

От рабочих записывались также рассказы-воспоминания об их участии в революционной борьбе и гражданской войне, о Ленине, о прошлой и современной жизни¹⁵. Автобиографические рассказы записывались и у крестьян¹⁶. К этим рассказам у фольклористов было разное отношение и о них велись дискуссии, продолжающиеся до сих пор¹⁷. Одни видели в сказах рождение нового революционного эпоса, другие же исключали их из фольклора и считали, что они могут иметь лишь некоторое историко-познавательное значение. Но несомненно, что эти рассказы раскрывали изменения в сознании, показывали отношение масс к происходившим событиям и порою сохраняли важные для истории детали.

Таким образом, в собирательской работе по фольклору в первые революционные десятилетия были достигнуты значительные успехи. В ней имелись и недостатки: разные районы все еще были обследованы неравномерно (наиболее крупные экспедиции попрежнему отправлялись на север); преувеличение значения личного начала в фольклоре

¹⁴ См.: Е. И. Коротин, Братья Ю. М. и Б. М. Соколовы — пропагандисты изучения и собирания рабочего фольклора, в кн.: «Устная поэзия рабочих России», Сб. статей под ред. В. Г. Базанова, М.-Л., 1931, стр. 182—188.

¹⁵ Наиболее значительными сборниками, горячо обсуждавшимися фольклористами, были: С. Мирер и В. Боровик, Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне, М.-Л., 1931; «Рассказы рабочих о Ленине», записали С. Мирер и В. Боровик, предисл. Н. К. Крупской, М., 1934.

¹⁶ «Жизнь колхозницы Васюнкиной, рассказанная ею самой», записала Р. Липец, М.-Л., 1931 и др.

¹⁷ См. например: С. Н. Азбелев, Современные устные рассказы, «Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор», IX, М.-Л., 1964, стр. 132—177.

приводило к тому, что основное внимание обращалось иногда на отдельных наиболее выдающихся сказителей и сказочников; из желания собрать все, иногда записывали и материалы, не представляющие никакой ценности в идейном и художественном отношении и не являющиеся в сущности поэтическим творчеством. Но в целом фольклористы, — и в этом их большая заслуга, — сумели зафиксировать процессы, которые происходили в фольклоре в первые послереволюционные годы. Издавались (отдельно и сборниками) не только новые записи, но и архивные материалы, начато было переиздание наиболее крупных дореволюционных сборников, что давало в руки исследователям научно проверенные и прокомментированные тексты¹⁸.

Собирательская работа по фольклору развернулась среди большинства народов Советского Союза, в том числе и тех, об устной поэзии которых раньше не было никаких сведений; в научный оборот были введены вновь открытые поэтические богатства. Запись фольклора у ранее бесписьменных народов имела очень большое значение для развития литературы этих народов и изучения их истории. Особенно интенсивно работа по собиранию и изданию фольклора развернулась после первого съезда советских писателей, на котором прозвучали пламенные слова А. М. Горького, призывавшего писателей собирать и изучать фольклор своего народа, использовать его в своем творчестве. Именно в 1930-х гг. появляется большое количество фольклорных сборников как на национальных языках, так и в переводах на русский язык. Своего рода антологией советского фольклора был сборник «Творчество народов СССР», изданный к 20-летию Великой Октябрьской революции. Таким образом, в довоенные годы была подготовлена солидная база для научно-исследовательских работ. Одновременно с этим шла подготовка научных кадров. В 1937 г. в Московском и Ленинградском Институтах истории, философии и литературы были организованы специальные кафедры фольклора, которые затем вошли в состав филологических факультетов университетов. Важным завоеванием советской национальной политики явился рост национальных кадров, особенно у народов советского Востока и Севера, среди которых до революции фольклористы и этнографы были исключительным явлением. За советский период сформировались и успешно работают такие крупные ученые, как Х. Т. Зарифов, М. И. Афзалов (Узбекистан), Р. А. Амонов (Таджикистан), Е. Исмаилов (Казахстан), М. Г. Тахмасиб (Азербайджан), Б. А. Карриев (Туркмения), Г. У. Эргис (Якутия) и др., много внимания уделяют они и подготовке молодых специалистов. Значительно активизировалась фольклористическая работа и увеличились кадры фольклористов и в республиках, в которых этнографическая наука имела прочные традиции: на Кавказе (особенно в Грузии), в Белоруссии, а на Украине перед войной был создан специальный Институт фольклора. С воссоединением Украины и Белоруссии и вхождением в Советский Союз Прибалтийских республик ряды советских фольклористов пополнились рядом крупных ученых и научными коллективами со сложившимися традициями¹⁹.

¹⁸ Так, в 1936—1940 гг. были переизданы под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева и Ю. М. Соколова «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева»; в 1938 г. начало выходить 3-е издание «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга под ред. М. К. Азадовского; под ред. С. К. Шамбинаго в 1938 г. были переизданы «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» и др.

¹⁹ Подробнее о советской фольклористике 20-х—40-х годов и перечень наиболее крупных изданий см.: М. К. Азадовский, Советская фольклористика за 20 лет, «Советский фольклор», № 6, М.—Л., 1939; Е. В. Гиппиус и В. И. Чичеров, Советская фольклористика за 30 лет, «Сов. этнография», 1947, № 4.

Более сложными были методологические поиски. 1920-е — 1930-е годы — время становления советской фольклористики. Как и все общественные науки, фольклористика могла успешно развиваться, лишь овладев теорией марксизма-ленинизма, усвоив историко-диалектический метод и критически переосмыслив опыт, накопленный дореволюционной наукой. Далось это не сразу; в конце 20-х — начале 30-х гг. среди фольклористов шли горячие дискуссии о сущности и задачах фольклористики и ее методологии. Возглавившие советскую фольклористику Б. М. и Ю. М. Соколовы и М. К. Азадовский как ученые сложились до революции, и в их трудах нашли отражение отдельные положения, развивавшиеся в дореволюционной науке, особенно «исторической школы». Ранние работы Н. П. Андреева были написаны в духе методологии «финской школы», которую он позднее справедливо критиковал за то, что она изучает фольклорные произведения в отрыве от живой действительности, от социальных условий жизни. Отдали фольклористы дань и вульгарному социологизированию, в чем сказалось недостаточное глубокое понимание существа марксизма; у некоторых были и формалистические тенденции. Позднее, справедливо критикуя буржуазные концепции, отдельные исследователи порою выбрасывали и то ценное, что было внесено в науку крупнейшими русскими и зарубежными учеными. Так было с «исторической школой», с работами А. Н. Веселовского; долгое время отвергалось как ненаучное сравнительно-историческое изучение фольклора и только в последние годы сравнительный метод в трудах В. М. Жирмунского и др. получил глубокое теоретическое обоснование и начинает все шире применяться советскими фольклористами.

Понять и преодолеть эти и другие ошибки, выработать правильную методологию фольклористам помогала партия, для которой судьбы народного творчества всегда были кровным делом. Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, по вопросам литературы и искусства, народной самодеятельности, руководящие статьи в «Правде» побуждали фольклористов критически относиться к своей работе, пересматривать и уточнять те или другие положения. Большое значение имело и то, что исследователи фольклора сами были и собирателями, наблюдали фольклор в его живом бытовании, а это помогало правильнее раскрыть его сущность, понять его роль в жизни народа. «Без близкого знания деревенской жизни и деревенского творчества, по-моему, невозможно добиться каких-либо заметных успехов в исследовательском деле», — писал Ю. М. Соколов, и дальше подчеркивал, что «нет таких проблем в области фольклорной поэтики, которые бы не упирались в вопросы быта, экономики, социальной жизни»²⁰.

Большое значение для развития советской фольклористики имели опубликованные в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича высказывания В. И. Ленина о народной поэзии²¹. В. И. Ленин, как известно, подчеркивал важность народного поэтического творчества «для изучения народной психологии в наши дни» и призывал весь накопленный материал обобщить, «просмотреть под социально-политическим углом зрения». Слова В. И. Ленина заставили исследователей задуматься над сущностью фольклора, глубже вникать в его идейный смысл.

²⁰ Ю. М. Соколов, Очередные задачи изучения русского фольклора, стр. 15 и 17.

²¹ Впервые они были опубликованы в журнале «На литературном посту», 1931, № 4. В более полном виде см.: В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин об устном народном творчестве, «Сов. этнография», 1954, № 4.

В упоминавшейся уже статье Ю. М. Соколова об очередных задачах изучения русского фольклора была намечена основная проблематика; над которой работали советские фольклористы. Эти проблемы остаются актуальными, а над некоторыми — сравнительно-историческое изучение фольклора славянских народов, систематизация и каталогизация фольклорных произведений, — работа по настоящему начинает развертываться только сейчас. К картографированию же фольклора, на важность которого указывали Б. М. и Ю. М. Соколовы, по существу еще не приступлено.

В 30-е годы фольклористами выдвигается задача создания истории народного поэтического творчества. О значении и возможности ее создания, о материалах, на которых она может быть построена, говорил Н. П. Андреев, он же наметил и кратко охарактеризовал основные ее этапы²². Подготовкой к этому должно послужить изучение отдельных жанров в их историческом развитии и взаимодействии.

В исследовании отдельных жанров, особенно героического эпоса и сказок, уже в довоенные годы были достигнуты значительные успехи (труды В. Я. Проппа, А. И. Никифорова, Э. В. Померанцевой, С. И. Минц и др.). Крупным достижением советского сказковедения был составленный Н. П. Андреевым указатель сюжетов русских сказок. Им же был составлен и указатель украинских сказочных сюжетов, к сожалению, до сих пор неизданный. Фольклористы должны позаботиться об издании его, вместе с составленным сейчас Л. Г. Барагом указателем сюжетов белорусских сказок и дополненным указателем русских сказочных сюжетов; такое издание явится крупным научным вкладом не только в советскую, но и в мировую фольклористику. Большое внимание после революции стало уделяться и изучению песен и преданий, связанных с революционными движениями, Разиным, Пугачевым, декабристами (здесь в первую очередь должны быть отмечены работы А. Н. Лозановой), раскрытию подлинного отношения народа к господствовавшим классам и существовавшему порядку. В таком плане были составлены Ю. М. Соколовым сборники сказок «Барин и мужик» и «Поп и мужик», а также сборник антипоповских сказок, подготовленный М. К. Азадовским (вышел уже после его смерти). Об использовании фольклора в антирелигиозной работе много писал Н. П. Андреев²³ и другие.

Критическое освоение дореволюционного научного наследия заставило пересмотреть традиционную схему истории русской фольклористики и во многом по-новому построить ее. В области истории фольклористики особенно плодотворной была работа М. К. Азадовского. Именно он хорошо показал огромное значение высказываний о фольклоре А. Н. Радищева, А. С. Пушкина и особенно революционных демократов — Н. Г. Чернышевского, А. Н. Добролюбова, ввел их в историю науки. Впоследствии демократическая фольклористика успешно изучалась В. Г. Базановым, В. Е. Гусевым и др. В разных аспектах стали изучаться взаимосвязи фольклора и литературы и фольклоризм отдельных писателей; проблема фольклор и литература ставилась и в теоретическом плане (прежде всего М. К. Азадовским и Н. П. Андреевым).

В годы Великой Отечественной войны основное внимание фольклористов было переключено на запись фольклора тех лет, рождавшегося и бытовавшего на фронте и в тылу. Значение и задачи фольклористов

²² Н. П. Андреев, Проблема истории фольклора, «Сов. этнография», 1934, № 3.

²³ Н. П. Андреев, Фольклор и антирелигиозная работа (К постановке вопроса), «Воинствующий атеист», 1931, № 12.

этого периода были очень хорошо охарактеризованы в предисловии к книге «Фронтной фольклор», первому крупному сборнику военного фольклора, составленному В. Ю. Крупянской и вышедшему под редакцией М. К. Азадовского: «В дни Великой Отечественной войны работа фольклориста-собиранья приобрела особый смысл и значение. На долю его выпала большая и ответственная задача запечатлеть голос народа, вставшего с невиданным в истории героизмом и единодушием на защиту своего отечества, учесть и осмыслить те новые факты народного творчества, которые возникли под влиянием грозных и величественных дней войны»²⁴. По собиранию и изучению фольклора военных лет активно и плодотворно работали фольклористы всех республик, особенно украинцы и белорусы. И из послереволюционного фольклора сейчас наиболее всесторонне и глубоко изучен пока именно фольклор Великой Отечественной войны²⁵.

* * *

О проблемах, над которыми теперь работают советские фольклористы, уже говорилось в статье, написанной Б. Н. Путиловым и мною к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук²⁶. Доклады и обмен мнений на Московском Конгрессе показали, что над этими же проблемами работают и зарубежные фольклористы. Их внимание также привлекают проблемы развития и специфики отдельных фольклорных жанров, их систематизация; творческий метод фольклора, соотношение традиции и новаторства, личного и коллективного, объем и характер импровизации в разных жанрах и др.; особое значение придается изучению современного состояния народного поэтического творчества и перспектив его развития. Над всеми этими проблемами продолжают работать и советские фольклористы.

Исследования советских фольклористов последних лет отличаются стремлением к постановке и все более глубокой разработке важных теоретических проблем. Они решаются как в работах, посвященных отдельным жанрам, циклам, фольклору отдельных исторических периодов или областей, так и в специальных трудах.

Своего рода итогом теоретических исканий и споров последних лет явился труд В. Е. Гусева «Эстетика фольклора» (Л., 1967). В нем поднимаются такие важнейшие проблемы, как социальная природа фольклора, его специфика, взаимоотношение коллективного и личного начала в нем, отношение фольклора к действительности и др. Автор показывает, что сделано уже в разработке этих проблем и, соглашаясь с одними положениями, с другими полемизирует, высказывает свою точку зрения. В значительной мере по-новому он ставит и решает ряд теоретических проблем. Не все положения, высказанные в этом труде, будут, очевидно, приняты; часть их вызовет возражения, но дискуссия будет только содействовать углубленной разработке теории фольклора. Сам В. Е. Гусев справедливо говорит в предисловии, что «предлагаемая вниманию читателей книга — лишь один из возможных опытов теоретического изучения фольклора» (стр. 8); она свидетельствует об инте-

²⁴ «Фронтной фольклор», сост. В. Ю. Крупянской, ред. М. К. Азадовский, М., 1944, стр. 3.

²⁵ Достаточно назвать такой фундаментальный труд, как «Русский фольклор Великой Отечественной войны», М.-Л., 1964. Той же теме посвящен коллективный труд белорусских фольклористов «Беларускі фальклор Вялікай Атчыннай вайны», Мінск, 1961 и др.

²⁶ Б. Н. Путилов и В. К. Соколова, Основные проблемы советской фольклористики, «Сов. этнография», 1964, № 4. В статье указаны и наиболее значительные исследования и издания фольклора народов СССР. Поэтому далее указываются в основном работы, появившиеся после опубликования этой статьи.

ресе к теории фольклора, будит творческую мысль, привлекает внимание к нерешенным еще или разработанным в недостаточной степени теоретическим вопросам.

Изучая фольклорные жанры в их историческом развитии, взаимосвязях с другими жанрами и выявляя их специфические особенности, советские фольклористы считают очень важным установить их отношение к исторической действительности, выяснить, какие стороны действительности и как они изображают²⁷. Это дает возможность не только глубже понять идейное и художественное своеобразие разных жанров и научно классифицировать их, но и открывает широкие возможности использования фольклора в качестве исторического источника, его правильной интерпретации в этом плане.

В последние годы появились крупные работы в области разных жанров и сборники, снабженные статьями и комментариями исследовательского характера. Дискуссия о характере историзма русских былин, связанная с трудами В. Я. Проппа и Б. А. Рыбакова, оказалась весьма полезной для дальнейшего изучения эпоса. Итоги изучения русских былин подведены в обобщающем труде А. М. Астаховой²⁸, в котором рассматриваются такие кардинальные проблемы, как определение жанра и классификация былин, их генезис и развитие, особенности их содержания и стиля, распространение былин и судьбы былинной традиции в XVIII—XX вв.; здесь же намечены и задачи дальнейшего изучения былин. Былины изучаются и как историко-этнографический источник (в таком плане строится монография Р. С. Липец «Материальная культура древней Руси в былинах» и другие работы).

Продолжается исследование и публикация эпических произведений разных советских народов²⁹. О внимании к героическому и историческому эпосу свидетельствует значительное количество докторских и кандидатских диссертаций, подготовленных в последние годы³⁰. В них

²⁷ Проблема эта ставится в кн.: «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965; «Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор», X, М.-Л., 1966 и в исследованиях по отдельным жанрам и произведениям.

²⁸ А. М. Астахова, Былины. Итоги и проблемы изучения, М.-Л., 1966. Былинам посвящена также работа: В. П. Аникин, Русский богатырский эпос. Пособие для учителей, М., 1964 и др.

²⁹ Б. П. Кирдан, Украинский народный эпос, М., 1965; В. М. Гацак, Восточно-романский героический эпос. Исследования и тексты, М., 1967; Г. Ботезату, Фольклор хайдуцеск ын Молдова, Кишинэу, 1967; «Грузинская народная историческая словесность. Исследования», подготовка текстов и примечания К. Сихарулидзе, т. I—III, Тбилиси, 1961—1967 (на груз. языке), М. Я. Чиковани, Народный грузинский эпос о прикованном Амрани. Исследования и тексты, М., 1966; Ш. Х. Салака, Абхазский героический эпос, Тбилиси, 1966; К. Г. Цхурбаева, Об осетинских героических песнях, Орджоникидзе, 1965. А. И. Маскаев, Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964; «Эпические песни ненцев», Составление, вступ. статья и комм. З. Н. Курпировой, М., 1965; Г. М. Василевич, Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания, М.-Л., 1966 и др. Институт мировой литературы АН СССР совместно с фольклористами союзных и автономных республик продолжает подготовку изданий эпических произведений народов СССР. В Башкирии А. Н. Киреевым подготовлено научное издание эпоса «Заятулак» и сборник «Эпические памятники башкирского народа» и др.

³⁰ А. И. Уланов, Бурятский героический эпос, Улан-Удэ, 1963; А. А. Ахведиани, Историческая словесность Аджарии, Тбилиси, 1966; Г. А. Каландадзе, Грузинская народная баллада, Тбилиси, 1965; Г. В. Цулая, Историческая интерпретация основных образов абхазского героического эпоса, М., 1966; А. М. Гадагаль, Адыгский эпос «Нарты», Тбилиси, 1965; С. Ш. Аутлева, Адыгские историко-героические песни, Тбилиси, 1965; М. Г. Тахмасиб, Азербайджанские народные дастаны (Средние века), Баку, 1965; Ш. А. Джамшидов, «Китабе-Деде Коркут» как памятник азербайджанского народного творчества, Баку, 1965; С. Якубова, Азербайджанское народное сказание «Ашуг-Гариб», Баку, 1964; П. Кичикулов, «Героглы» как

исследуются идейные и художественные особенности эпических произведений, соотношение их с исторической действительностью, характер происхождения и развитие центральных эпических персонажей; выясняются особенности национальных версий и их соотношение с другими национальными версиями. В научный обиход вводятся некоторые неизвестные или мало известные произведения и их редакции. Расширяется исследование эпоса в сравнительном плане, особенно славянского. В этом плане ведет работу Б. Н. Путилов, опубликовавший монографию о славянской исторической балладе³¹ и сейчас исследующий взаимосвязи русских былин и южнославянских юнацких песен. Закарпатскую балладу в сопоставлении с западно- и южнославянскими балладами изучает П. В. Линтур; В. М. Гацак изучает связи молдавских и румынских героических песен с южнославянскими. Исследуются в сравнительном плане нартовский эпос северо-кавказских народов и абхазов, «Кер-Оглы», «Алпамыш» и другие эпические произведения тюркских народов и т. д.

Постановка в исследованиях по эпосу важных и сложных проблем показывает, как вырос за последние годы теоретический уровень советской фольклористики. Проблемы происхождения и ранних форм развития эпоса обсуждались в связи с трудом Е. М. Мелетинского³². Большинство выступавших, признавая, что этот труд явился ценным вкладом в науку, указывали также, что дальнейшей углубленной разработки с привлечением международного материала требуют проблемы происхождения эпоса и его форм на разных стадиях исторического развития, характер эпических образов, соотношение эпоса и мифа и др.

Значительно продвинулось изучение самого массового, продолжающего жить полной жизнью и сейчас вида народной поэзии — лирических песен. До последнего времени изучение русских песен отставало по сравнению с былинами и сказками. Сейчас вслед за исследованиями Н. П. Колпаковой появились работы С. Г. Лазутина, Т. М. Акимовой и др., в которых рассматривается развитие русских песен, характеризуются их жанры и пр.³³ Секция народной музыки Союза композиторов РСФСР подготавливает под руководством Д. Д. Шостаковича 15-томное издание свода русских народных песен (включая эпос и обрядовые песни). Е. В. Гиппиус и П. Г. Ширяева заканчивают работу над капитальным сводом русской рабочей и революционной песни — собрание текстов и мелодий с исследовательскими статьями и комментариями. Устной поэзии рабочих дореволюционного периода посвящены работы

героический народный эпос, Ашхабад, 1964; Т. Мирзаев, Узбекские варианты дастана «Алпамыш», Ташкент, 1965; Т. Ачилов, Исторические основы дастана «Маматкарим палван», Ташкент, 1965; У. Алиев, Каракалпакский народный эпос «Маспатша», Нукус, 1965; К. М. Максегов, Поэтика каракалпакского героического эпоса, Нукус, 1966; С. Мусаев, Образ Каныкей (К проблеме народности эпоса «Манас»), Фрунзе, 1964; М. Ч. Мамыров, «Манас» — героический эпос киргизского народа (по варианту Саякбая Каралаева), Фрунзе, 1964; Р. З. Кыдырбаев, К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе «Манас», Фрунзе, 1967; С. Садырбаев, Вопросы циклизации казахского эпоса, Алма-Ата, 1965; И. Т. Дюсембаев, Социально-бытовой эпос казахского народа, Алма-Ата, 1965; А. Джунди, Курдские эпические песни-сказы, М., 1962; Г. Г. Ботезату, Фольклорные жанры и историческая действительность (по материалам молдавского гайдуцкого эпоса), Кишинев, 1965.

³¹ Б. Н. Путилов, Славянская историческая баллада, М.-Л., 1965.

³² См. дискуссию по книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса» в журнале «Сов. этнография», 1965, № 5; 1966, №№ 1, 2, 3 и 6.

³³ С. Г. Лазутин, Очерки по истории русской народной песни (филологическое исследование), Воронеж, 1964; его же, Русские народные песни. Пособие для вузов, М., 1965; Т. М. Акимова, О поэтической природе народной лирической песни, Саратов, 1966; И. Земцовский, Русская народная песня, М., 1964; его же, Русская народная песня. Опыт исследования. Л., 1967 и др.

Н. С. Полищук, диссертации К. Е. Сергеевой, А. И. Нутрихина, О. Б. Алексеевой и др.

Значительных успехов в изучении и научной публикации народных песен добились фольклористы Прибалтики, особенно много внимания уделяющие их систематизации и выяснению жанровой специфики их отдельных групп. Здесь прежде всего следует отметить труды Я. Я. Витолина и Х. Тампере, подготовивших фундаментальные издания латышских и эстонских песен (тексты и мелодии). Литовские фольклористы заняты сейчас разработкой принципов систематизации песен и составлением их каталога; начата подготовка сводного издания литовских песен (предположительно в 15 томах). Над классификацией украинских песен работает А. И. Дей³⁴, грузинских — Е. Б. Вирсаладзе и т. д. Весьма сложная и мало разработанная проблема классификации песен стала предметом серьезных изысканий советских фольклористов.

В исследованиях и сборниках песен ряда народов СССР выясняются идейно-художественные особенности разных песенных жанров и их национальное своеобразие, причем значительное внимание уделяется песням социального протеста³⁵. Определенным вкладом в изучение обрядовых песен являются соответствующие тома свода украинского фольклора³⁶. Литовские свадебные песни исследованы в диссертации Л. Сауки, обрядовый фольклор таджиков изучает Р. К. Кадыров и т. д. Песни изучаются и в сравнительном плане (работы П. П. Охрименко о взаимосвязях песенного творчества восточно-славянских народов, В. Н. Скрипки о взаимосвязях украинских, чешских и словацких лирических песен и др.).

Более глубоко стали изучаться и современные песни в их развитии. Выясняются их идейно-художественные особенности, бытование, соотношение в современном песнетворчестве традиции и новаторства, взаимосвязи с литературой и т. п., разрабатывается и классификация их³⁷. Интересные наблюдения над современными песнями сделаны украинскими и белорусскими фольклористами. Изучаются советские песни и песни других народов³⁸.

³⁴ О. І. Дей, Принципи жанрової класифікації пісень, «Народна творчість та етнографія», Київ, 1966, № 2, стр. 3—16. В статье рассмотрено состояние разработки этой проблемы в советской фольклористике.

³⁵ «Українські народні пісні. Родинно-побутова лірика», ч. 1—2, вступ. стаття Г. К. Сидоренко, Київ, 1964; «Закарпатські пісні та коломийки», Упорядники М. М. Кречко, П. В. Лінтур, Ужгород, 1965; И. И. Одюков, Чувашиские народные песни социального протеста и революционной борьбы, Чебоксары, 1965; D. Kriščiūnaitė, Letuvių liaudies harines-istorinis dainos («Литовские народные военно-исторические песни»), Vilnius, 1965, и др. Народной лирике посвящен ряд диссертаций, напр.: О. Кыйва, Традиция рунических песен на острове Кихну, Тарту, 1965; А. Г. Самошкин, Современная мордовская народная лирика, М., 1965; С. М. Хайбуллаев, Аварская народная лирика, Махачкала, 1965; Ш. С. Григорян, Армянские гусанские песни и их литературные соотношения, Ереван, 1965; Р. Б. Рустамзаде, Героические песни о крестьянском движении в Азербайджане во второй половине XIX века, Баку, 1965; Ф. Б. Кендыбаев, Казахская народная лирика, Алмата, 1964; К. З. Темирбекова, Песенное творчество казахов Семиречья, Л., 1966; А. Тажимуратов, Каракалпакские народные песни (дореволюционный период), Нукус, 1966.

³⁶ «Іррі та пісні. Весняно-літня поезія труд. року», Упорядкування, предмова і примітки І. О. Дея, Київ, 1963; «Колядки та щедрівки. Зимові обрядова поезія труд. року», Упорядкування, предмова і примітки І. О. Дея, Київ, 1965.

³⁷ В. М. Потявин, Принципы классификации современной русской народной песни, в кн.: «Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор», X, стр. 248—263.

³⁸ Ф. А. Рубцов, Современное народное песнетворчество. «Вопросы теории и эстетики музыки», вып. 5, М.—Л., 1965; М. П. Гвоздев, Песенный репертуар современной белорусской деревни. Канд. дисс., 1965; Р. Кудайбергенов, Киргизские советские народные песни, Фрунзе, 1964 (автореферат канд. дисс.) и др.

Из работ, посвященных частушке, следует отметить сборник, составленный З. И. Власовой и А. А. Гореловым³⁹. Это первый свод частушек советского времени (до сих пор в сборниках частушки были ограничены локально или хронологически), снабженный статьей исследовательского характера, в которой говорится о художественных особенностях частушек и предлагается их классификация. Типам и классификации частушек посвящены также работы Н. П. Колпаковой и И. В. Зырянова⁴⁰. Таким образом, в исследовании песенного фольклора русского и других народов можно констатировать заметные успехи.

Значительными исследованиями и научными публикациями текстов пополнилась сказковедческая литература. Вышло обобщающее исследование Э. В. Померанцевой, в которой прослеживается развитие русской сказки с XVIII века⁴¹. В законченной монографии Н. В. Новикова, отдельные части которой опубликованы, сопоставляются центральные персонажи волшебных сказок восточно-славянских народов. В сравнительном же плане изучает Л. Г. Бараг белорусскую сказку. Исследованием отдельных сказочных сюжетов занимается И. Г. Левин.

Национальное своеобразие сказок и взаимосвязи их со сказками других народов, особенности их образов и стиля исследуются в специальных работах и вступительных статьях к сборникам; изучаются отдельные виды сказок разных советских народов, в частности сатирическая сказка и народный анекдот⁴². Интересная проблема разнообразных функций рассказывания сказок (в историческом разрезе) поднята в монографии Р. Я. Вийдалеппа⁴³ (на эту же тему им был сделан доклад на УП МКАЭН).

Все более повышается интерес к народной несказочной прозе. Продолжая изучение народных воззрений, выраженных в преданиях и ле-

³⁹ «Частушки в записях советского времени», Издание подготовили З. И. Власова и А. А. Горелов, М.-Л., 1965; см. также: «Русская частушка», сост. и вступ. статья В. С. Бахтина, «Библиотека поэта», М.-Л., 1966.

⁴⁰ И. В. Зырянов, О внутрижанровой классификации частушек, «Русский фольклор», IX, М.-Л., 1965, стр. 122—131; Н. П. Колпакова, Типы народной частушки, «Русский фольклор», X, М.-Л., 1966, стр. 264—288.

⁴¹ Э. В. Померанцева, Судьбы русской сказки, М., 1965.

⁴² Например: «Господин леший, господин барин и мы с мужиком. Записки о сказочниках Дм. Молдавского и сказки, собранные В. Л. Бахтиным и Дм. Молдавским», М.-Л., 1965; «Латышские народные сказки. Избранное», т. I—III, сост. К. Араис, Рига, 1965—1967 (то же на латышском яз.); «Эстонские народные сказки», перевод, вступ. статья Э. Прииделя, М.-Л., 1965; «Карельские сказки», вып. II, изд. подг. У. С. Конкка, А. С. Тупицына, Л., 1967; Д. Я. Яшин, Удмуртские народные сказки, Ижевск, 1965; «Сказки и предания чуваш», собрал и перевел Н. Ф. Данилов, Чебоксары, 1964; А. П. Дульзон, Кетские сказки, вступ. статья Я. Р. Кошелева, Томск, 1966; М. Г. Воскобойников, Эвенкийско-русские параллели в волшебных сказках, в кн.: «Вопросы фольклора», Томск, 1965; «Якутские сказки» (в двух томах) изд. подг. Г. У. Эргис, т. I. Якутск, 1964; «Казки зеленых гір» [рассказанные М. М. Галицей] запис упорядкування и ред. П. В. Лінтура, І. М. Чендея, Ужгород, 1966; «Сказки народов Дагестана», сост. и автор примечаний Х. Халилов, М., 1965; «Армянские народные сказки», вступ. статья, сост. и прим. А. Т. Ганоляна, Ереван, 1965; «Азербайджанские сказки», в обработке М. Г. Тахмасиба, Баку, 1965; Н. Х. Сеидов, Мотивы борьбы против социальной несправедливости в азербайджанских сказках (автореферат канд. дисс.), Баку, 1965; М. И. Афзалов, Узбекская народная сказка, Ташкент, 1965; К. Мамбетназаров, Каракалпакские народные сказки, Нукус, 1966 (автореферат канд. дисс.); М. Э. Джимгиров, Калмыцкие народные сказки (автореферат канд. дисс.), М.-Элиста, 1966 и др. По сатирическим сказкам и народному анекдоту см.: У. С. Конкка, Карельская сатирическая сказка, М.-Л., 1965; авторефераты канд. дисс.: Ш. Халмухамметов, Анекдот как жанр туркменского фольклора (по материалам традиционного народного творчества), Ашхабад, 1965; Т. А. Фарзалиев, Азербайджанские народные латифа, Баку, 1965; Э. Касымов, Сатира и юмор в татарских сказках, Казань, 1964; «Таджикский народный юмор», собрал А. Дехоти, Душанбе, 1965.

⁴³ Р. Я. Вийдалепп, О характере, функциях и рассказчиках эстонских народных сказок, Таллин, 1965 (автореферат канд. дисс.).

гендах, К. В. Чистов закончил монографию «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.». В ней рассмотрена очень важная и почти неисследованная сторона народных воззрений — народные социальные утопии. Разрабатываются принципы и системы классификации преданий и легенд, составлением которой в международном масштабе занимается сейчас Sagenkommission⁴⁴. Интересная монография о литовских преданиях закончена Б. Кербелите. Работа по собиранию и изучению башкирских и русских преданий, главным образом горнозаводских, развернулась в Башкирии. Интересные исследования преданий горняков (в сравнительном плане) ведет Р. Р. Гельгардт, рабочие предания, так же как фольклор рабочих в целом, изучают А. И. Лазарев, В. П. Кругляшова и др.

Как весьма положительное явление надо отметить, что круг жанров, над которыми работают фольклористы, расширяется, в орбиту изучения включаются жанры, которыми долгое время почти не занимались. Так, В. В. Митрофанова исследует специфику загадок и их современное состояние. Пословицы и загадки разных народов начинают привлекать все большее внимание. Исследуется построение пословиц, их художественная образность, язык, разрабатывается их классификация⁴⁵. К забытому фольклористами детскому фольклору обратились В. А. Василенко и О. Н. Гречина. Интересные новые материалы собраны по народному театру. Н. Н. Велецкой был обнаружен и исследован очаг народной драмы в Горьковской области. Разнообразные народные представления открыты в Молдавии, где обнаруживаются связи как с южно-славянскими и румынскими гайдуцкими песнями («войницкий театр»), так и с русским («Царь Максимилиан») и украинским народным театром⁴⁶.

Работы по отдельным жанрам фольклора народов СССР, как можно видеть, все чаще ведутся в сравнительно-историческом плане, в сопоставлении с фольклором родственных и соседних народов. Сравнительный метод начинает использоваться и при изучении современного фольклора. Большой интерес в этом плане представляют работы В. Е. Гусева, посвященные партизанскому и современному фольклору славянских народов. Экспедиции, выезжающие в районы со смешанным населением, ставят одной из своих задач изучение фольклорных взаимосвязей, свидетельствующих о сближении национальных культур советских народов. Изучение русского фольклора в Прибалтике проводится комп-

⁴⁴ С. Н. Азбелев, Проблемы международной систематизации преданий и легенд, «Русский фольклор», X, М.-Л., 1966, стр. 176—195; К. В. Чистов, К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы, М., 1964 и др.

⁴⁵ Например: «Українські народні прислів'я та приказки», Київ, 1965; «Грузинские пословицы и поговорки», сост. А. Иомая-Иссава, Тбилиси, 1964; «Татарские народные пословицы», собиратель и составитель Н. Исанбет, Казань, 1959—1967 (трехтомное издание); «Армянские пословицы и поговорки», перевод с армянского Г. О. Карапетяна, М., 1964; «Сборник якутских пословиц и поговорок», сост. Н. В. Емельянов, Якутск, 1965; Х. Абдурахманов, Синтаксические особенности узбекских народных пословиц, Ташкент, 1964 (автореферат канд. дисс.); З. Хусайнова, Основные особенности и источники узбекских народных загадок, Ташкент, 1967 (автореферат канд. дисс.); А. Суфиев, Таджикские народные загадки, Душанбе, 1965 (автореферат канд. дисс.); А. И. Калонтаров, Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими, Душанбе, 1965; М. Абжанов, Казахские народные загадки, Алма-Ата, 1966 (автореферат канд. дисс.). Систематизацией эстонских загадок и пословиц занимается Э. М. Норман (Э. М. Норман, Систематизация загадок, пословиц и поговорок. Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов, Вильнюс, 1964). Грузинским пословицам посвящен ряд работ П. З. Зандукели и др.

⁴⁶ В. М. Гацак, Войницкий и гайдуцкий народный театр в Молдавской ССР, Северная Буковине и Северо-Восточной Румынии, М., 1964.

лексной Прибалтийской экспедицией Института этнографии АН СССР, на Кубани изучались русско-украинские фольклорные связи, Т. И. Орнатская, выезжавшая в Коми АССР, наблюдала связи местного русского фольклора с фольклором Коми; изучается русский фольклор в разных республиках и национальных областях⁴⁷. Прибалтийские фольклористы широко исследуют фольклорные взаимосвязи народов Прибалтики; Л. Г. Бараг изучает взаимодействие фольклора русского, башкирского и других народов, живущих в Башкирии; татарские фольклористы изучают связи в области фольклора на территории Татарской АССР, сибирские фольклористы — взаимосвязи между различными сибирскими народами и т. д.

По проблемам современного народного поэтического творчества еще продолжаются дискуссии, у фольклористов нет пока единого мнения о том, что понимать под современным фольклором, тождественны ли понятия современный фольклор и современное народное творчество, каково соотношение фольклора и художественной самодеятельности и др.⁴⁸. Чтобы решить эти проблемы, необходимо расширять полевую собирательскую работу, используя и стационарный метод, применение который пока еще не удалось, и более глубоко изучать происходящие процессы. Но важно, что сейчас работы по современному фольклору основываются на конкретных материалах, число которых все возрастает⁴⁹ и теоретический уровень исследований повышается. Многие существенные проблемы современного народного поэтического творчества и задачи его изучения рассматриваются в специальном IX вып. «Русского фольклора» — «Проблемы современного народного творчества». Наблюдения над фольклором отдельных областей и современным состоянием ряда жанров обобщены в статьях изданного Институтом этнографии сборника «Современный русский фольклор» (М., 1966). Пока это отдельные наблюдения и некоторые выводы, но взятые в целом они уже дают материал для известных обобщений⁵⁰. Выходит из печати подготовленная коллективом фольклористов «Пушкинского Дома» антология «Русский советский фольклор».

Выявление специфики фольклора — традиционного и современного — связано с изучением его творческого метода и художественных особенностей. И естественно, что весьма оживленную дискуссию вызвала проблема коллективного и индивидуального начала в фольклоре⁵¹, традиции и новаторства. Эти проблемы встают при анализе творчества отдельных

⁴⁷ Напр.: «Русский фольклор Тувинской долины», общая ред. и вступ. статья Л. Е. Элиасова, Улан-Удэ, 1966; Р. Богомольная, Русский фольклор в Молдавии, в кн.: «Региональное освещение по молдавско-русско-украинским взаимосвязям. Тезисы докладов», Кишинев, 1963. Г. Н. Курбатский. О русском фольклоре в Туве. «Труды Кызыльского пед. ин-та», 1963, вып. 3, стр. 78—103 и др.

⁴⁸ См.: В. Е. Гусев, О критериях фольклорности современного народного творчества, в кн.: «Современный русский фольклор», М., 1966, стр. 7—23; Л. И. Емельянов, Нерешенные проблемы в изучении современного народного творчества, «Русский фольклор», IX, стр. 39—59 и др.

⁴⁹ Краткий обзор экспедиций по русскому фольклору последних лет см.: В. В. Митрофанова, Экспедиционная работа по русскому фольклору за последние десять лет, «Русский фольклор», IX, стр. 215—228.

⁵⁰ См. рецензию С. Г. Лазутина на этот сборник, публикуемую в этом же номере журнала.

⁵¹ См. дискуссионные статьи: В. П. Аникин, Коллективность как сущность творческого процесса в фольклоре, «Русский фольклор. Материалы и исследования», V, 1960; его же, Об антисторицизме в изучении традиционного фольклора, там же, VI, 1961; Н. В. Новиков, О проблеме традиционного и индивидуального в советской фольклористике, преимущественно в сказковедении (ответ В. П. Аникину), там же; статьи К. В. Чистова, Б. Н. Путилова, В. П. Аникина, Э. В. Померанцевой в ж-л «Вопросы литературы», 1964, № 6, стр. 122—136.

мастеров фольклора. В последние годы значительное внимание уделяется среднеазиатским и казахским сказителям. На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук им был посвящен обобщающий доклад В. М. Жирмунского и развернутые выступления Х. Т. Зарифова (об узбекских сказителях) и Е. С. Исмаилова (о казахских айтысах). Подготовлены и монографии об отдельных сказителях, изучается творчество азербайджанских ашугов, украинских кобзарей и др.⁵² Возможности и характер импровизации в разных фольклорных жанрах рассматриваются в работах А. М. Астаховой и П. Г. Богатырева⁵³. Специфике фольклорных жанров посвящен X выпуск «Русского фольклора», исследованием художественного своеобразия фольклора занимается кафедра фольклора МГУ⁵⁴.

Продолжается издание памятников фольклора и собрания фольклора разных народов — академические издания и типа антологии⁵⁵. Исключительно большую ценность представляет составленная М. Я. Мельц полная библиография по русскому фольклору за советский период⁵⁶, издание это действительно является подарком фольклористов к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Учет, систематизация и издание материалов по фольклору народов СССР, изучение их в историческом аспекте открывает возможности создания обобщающих исследований самого различного характера. Изданы и подготовлены новые обобщающие труды по фольклору ряда

⁵² Например: А. А. Правдюк, Кобзарь Егор Мовчан, М., 1966; Б. Маленов, Великий акын-демократ Токтогул Сатылганов, Фрунзе, 1964; К. Аймбетов, Каракалпакские народные сказители, автореферат докт. дисс., Ташкент, 1965; М. М. Магауин, Казахские акыны в жису XV—XVIII вв., Алма-Ата, 1966 (автореферат канд. дисс.); М. М. Акимов, Жизнь и творчество ашуга Гусейна Джавана, Баку, 1965 (автореферат канд. дисс.) и др.

⁵³ А. М. Астахова, Импровизация в русском фольклоре (ее формы и границы в разных жанрах), «Русский фольклор», X, стр. 63—78; П. Г. Богатырев, Традиция и импровизация в народном творчестве, М., 1964.

⁵⁴ Вышел первый сборник «Фольклор как искусство слова», отв. ред. Н. И. Кравцов, М., 1966; этой же теме посвящена монография: К. С. Давлетов, Фольклор как вид искусства, М., 1966.

⁵⁵ В издаваемой Институтом русского языка и литературы АН СССР серии «Памятники русского фольклора» добавились: второй том свода русских исторических песен «Исторические песни XVII века»; М.—Л., 1967; Великорусские сказки в записях И. А. Худякова, М.—Л., 1964; «Песенный фольклор Мезени», издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов, М.—Л., 1967. Продолжается издание свода украинского фольклора (вышли, как отмечалось выше, тома, посвященные обрядовой поэзии). Литовскими фольклористами закончено пятитомное издание «Литовский фольклор» («Lietuvių liautosaļa»); вышли 4 тома, посвященные песням, причитаниям, сказкам и преданиям, последний том «Мелкие жанры фольклора» сдан в печать. В Грузии вышел пятитомник «Народная мудрость» (т. I — «Животные и волшебные сказки», сост. М. Я. Чиковани, 1963; т. II — «Волшебные и реалистические сказки», сост. А. Глонти, 1964; т. III — «Предания, сказания и легенды», сост. Е. Вирсаладзе, 1964; т. IV — «Поэзия», сост. К. Сихарулидзе, 1965; т. V — «Анекдоты, загадки, пословицы», сост. М. Чиковани, А. Цанова, Д. Бардавелидзе, Л. Лежава, 1965). Сотрудниками отдела фольклора Института истории грузинской литературы АН ГрузССР готовится к печати многотомник грузинской народной поэзии (тексты, варианты, исследования), подготовлены 5 томов. Изданы в 4-х томах материалы по народной словесности, собранные во второй половине XIX в. П. Уминашвили. Издается мордовский фольклор (в 8-ми томах), готовится собрание белорусского фольклора (5 томов), таджикского фольклора (в 20-ти томах) и др.

⁵⁶ «Русский фольклор», Библиографический указатель. 1917—1944, сост. М. Я. Мельц. Под ред. А. М. Астаховой и С. П. Луппова, Л., 1966; то же, 1944—1959, Л., 1961; вып. III — 1960—1965 гг. сдан в производство. В Белоруссии вышел «Белорусский фольклор (1926—1963). Короткі бібліяграфічны даведнік». Складальнік І. В. Саламевіч, Минск, 1964. В 1965 г. была издана на грузинском языке аннотированная библиография материалов по грузинской народной словесности, опубликованных в газете «Кавказ»; аналогичное описание «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа» находится в печати.

народов⁵⁷. Научный совет по фольклористике (председатель Н. И. Кравцов) начал подготовку к изданию фольклорной энциклопедии, потребность в которой назрела.

Советские фольклористы не ограничиваются изучением устного поэтического творчества только народов Советского Союза, но все чаще обращаются к зарубежному фольклору, без глубокого анализа которого невозможны обобщающие исследования по истории и теории фольклора. Работы, посвященные сравнительно-историческому рассмотрению западного фольклора, в частности славянских народов, публикуются в форме разделов в историко-этнографических монографиях или кратких обзорах (в серии «Народы мира», изданной Институтом этнографии АН СССР, в «Истории всемирной литературы», подготавливаемой Институтом мировой литературы АН СССР). Многолетние исследования исландского фольклора продолжает М. И. Стеблин-Каменский. Монография об «Эдде» закончил Е. М. Мелетинский.

Большая работа проводится по изучению фольклора народов Азии и Африки. Это прежде всего издание русских переводов фольклорных произведений и тесно связанных с ними памятников письменности фольклорного происхождения⁵⁸. На этой основе осуществлен ряд исследований. Так, в работе И. С. Брагинского «Из истории таджикской народной поэзии» (М., 1956) разработана методика реконструкции истории фольклора на основе историко-филологического анализа письменных памятников в связи с этнографическими данными и сопоставлениями с мировым фольклором. Г. Пермяков, подготовивший сборник «Пословицы народов Востока», разработал систему классификации пословиц с семантической точки зрения⁵⁹.

Как можно видеть из очень краткого по необходимости обзора, советская фольклористика прошла сложный путь. Сделано немало, однако, перед фольклористами стоят еще большие задачи. Остаются еще нерешенными или недостаточно разработанными некоторые важные проблемы, неравномерно все еще собран и изучен фольклор разных народов и разных областей, не всем жанрам уделяется должное внимание,

⁵⁷ Напр.: «Беларуская народная вусна-поэтычная творчасць. Гісторыка-тэарэтычнае даследаванне», Мінск, 1967; «Беларуская вуснапаэтычная творчасць», лад. рэд. М. Р. Ларчанкі, Мінск, 1966; «Українська народна поетична творчість», Київ, 1965; М. Я. Сироткин, Чувашский фольклор «Очерки устно-поэтического творчества, Чебоксары, 1965; «Грузинское народное поэтическое творчество (общий курс)» (на груз. яз.); ч. I — 1960; ч. II — сдана в печать; ч. III подготавливается. Над подготовкой обобщающих монографий работают коллективы фольклористов среднеазиатских республик; Х. Х. Ярмухаметовым закончена монография «Татарское народное творчество». Завершены монографии об эпосе «Гороглы» И. С. Брагинского (о таджикской версии) и Б. А. Каррыева (о туркменской версии).

⁵⁸ Здесь прежде всего необходимо отметить серию «Сказки и мифы народов Востока», выпускаемую Главной редакцией восточной литературы Издательства «Наука». В этой серии вышли: «Сказки, притчи, легенды хауса», пред. и пер. В. В. Лаптухина, М., 1964; «Сказки Мадагаскара», пер. с франц., пред. и комм. Ю. С. Родман, М., 1965; «Сказки мамбури», собрала и записала Г. Апеткова-Шарова, М., 1966; «Мифы и сказки Австралии», собр. К. Ланглю-Паркер, М., 1965 и др.

⁵⁹ Из других исследований по этому кругу проблем укажем еще: Ц. Дамдинсүрэн, Исторические корни Гесериады, М., 1957; Б. Л. Рифтин, Сказание о великой стене и проблемы жанра в китайском фольклоре, М., 1961; «Литература и фольклор народов Востока. Сборник статей», М., 1967; И. К. Федорова, Фольклорные памятники острова Пасхи как исторический источник (автореферат канд. дисс.), М., 1966; Е. С. Котляр, Мифы бантуязычных народов Тропической и Южной Африки, «Сов. этнография», 1967, № 3, и др. Востоковеды изучают также историю фольклора разных народов Азии в общих работах по истории их литератур. В серии «Литература Востока», издаваемой Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука», в 1961—1967 гг. вышло 14 книг.

еще слабо ведется комплексное изучение фольклора, не всегда есть должный контакт между фольклористами словесниками и музыковедами.

Сейчас важнейшей задачей фольклористов остается создание историй фольклора разных народов и, на их основе, истории устного поэтического творчества народов мира, установление общих закономерностей его развития. Для этого необходимо развивать еще больше исследования различных фольклорных жанров в их историческом развитии, взаимосвязях и сравнительно историческом плане. Больше внимания надо уделять специфике фольклора и его творческому методу. Шире следует привлекать фольклор как исторический и этнографический источник. Для выполнения этих сложных работ необходимо учесть и систематизировать все имеющиеся фольклорные фонды, разработать (с учетом международного опыта) научную классификацию фольклорных жанров, издать национальные библиографии фольклора. Само собой разумеется, что должно продолжаться и расширяться издание сводов памятников и сборников фольклора всех советских и зарубежных народов. Приобретают большое значение проблемы фольклористической текстологии⁶⁰. Более глубокое изучение процессов, происходящих в современном народном творчестве, требует, прежде всего, расширения и систематического проведения полевых исследований. Для дальнейшего успешного развития фольклористики надо ликвидировать и имеющиеся организационные недостатки, теснее связать фольклористику с этнографией.

Работы фольклористам предстоит много, но накопленный опыт и все возрастающий теоретический уровень научных кадров дают основания надеяться, что стоящие перед ними сложные задачи будут выполнены.

SUMMARY

The article describes first the beginnings of Soviet folklore studies, developments in the collection of data and the search for a new theory in the years immediately after the October revolution. It was not at once that the main tasks, problems and methods of folklore studies were defined, but from the very beginning they were characterized by an admission of a great social significance of folk poetry, an attention to the new elements brought to life by the Revolution. A big achievement was the growth of trained folkloristic personnel in every national republic and district, collections and studies of the folklore of all Soviet peoples.

Next the article notes the main problems under consideration of Soviet folklore experts today: history and peculiarities of certain genres, problems of folklore classification, a correlation of collective and individual aspects, traditions and innovations etc. It cites also main research works and large miscellaneous collections, published in the recent years.

---

⁶⁰ См.: «Принципы текстологического изучения фольклора», М.-Л., 1966.

И. С. Гурвич

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СССР

В числе многих коренных социальных проблем, решенных Великой Октябрьской социалистической революцией, находится и национальный вопрос.

«Декларация прав народов России» 15 ноября 1917 г. провозгласила великий принцип национального равноправия, свободного развития, суверенности всех больших и малых народов. Коммунистическая партия и Советское правительство, претворяя в жизнь ленинскую национальную политику и решения X и XII съездов партии, наметившие путь ликвидации фактического неравенства угнетенных царизмом народов, помогли многим, стоявшим на докапиталистической стадии общественного развития народам нашей страны, перейти на путь строительства социализма, минуя капитализм. Освобожденные от всех форм социального угнетения, ставшие подлинными хозяевами своей судьбы народы Советского Союза за полвека прошли огромный путь в своем политическом, экономическом и культурном развитии, создали свою национальную советскую государственность, ликвидировали хозяйственную и культурную отсталость, вырастили кадры своей национальной интеллигенции и сплотивились в нерушимое братское содружество. Социализм из теории превратился в жизненную практику. За советский период, в короткий исторический срок преобразился облик не только промышленных областей, но и бывших аграрных национальных окраин. В союзных и автономных республиках, в национальных областях и округах возникла промышленность, индустриальные центры, новые города, современное крупное сельскохозяйственное производство. Пробуждаемые к творческой жизни все народы, вне зависимости от уровня социально-экономического развития, на котором их застала Октябрьская революция, добились величайших успехов в области просвещения и культуры.

Результаты национального строительства в Советском Союзе явились мощным ударом по всевозможным расистским и колониалистским теориям о народах «неисторических», не способных к развитию, обреченных на вымирание.

Национальная политика КПСС, огромные достижения народов СССР во всех областях экономического и культурного строительства, дружба народов, советское национальное государственное строительство, национальное развитие народов СССР в целом привлекли к себе пристальное внимание экономистов, философов, юристов, историков, этнографов. Обильная литература посвящена расцвету социалистических наций и народностей, выравниванию уровня экономического развития отдельных союзных республик. В последнее время значительно возрос интерес к вопросам сближения социалистических наций и укрепления интернациональных связей, к соотношению национального и ин-

тернационального в жизни народов¹. Для этнографов важное значение имеет внутреннее национальное, этническое развитие отдельных наций, народностей, этнических групп, т. е. изменения в самом этносе.

Следует отметить, что методология этих исследований находится в стадии становления, и в понятие «этнические процессы» вкладывается нередко разное содержание. Под этническими процессами мы понимаем различные виды взаимодействия этносов, приводящие к изменению старых или возникновению новых этнических образований. Основные из них: консолидация народностей из близкородственных племен и этнографических групп; консолидация наций из близких по языку и культуре народностей, этнографических групп, национальных меньшинств и т. д.; сближение и постепенное слияние между собой различных народностей и наций; ассимиляция отдельных племен, этнических групп, народностей и наций в ходе консолидационных процессов. Эти процессы находят проявление прежде всего в языке. Изживание диалектальных особенностей и сложение общего литературного разговорного языка свидетельствует обычно о преодолении барьеров между обособленными локальными группами того или иного народа. Сближение с иноязычными народами отражается в обогащении словарного состава, у небольших народов, национальных меньшинств — в двуязычии, многоязычии и последующем переходе на язык своих более многочисленных соседей.

Не менее характеризуют этнические процессы сдвиги в бытовом укладе и в области национальной культуры. У бесписьменных народов это проявляется в изменениях сложившихся веками форм материальной и духовной культуры, именуемых часто традиционными. У других народов, культура которых не ограничивается традиционными формами, но включает литературу, профессиональное искусство, школу, изменения охватывают и эти области. Взаимообогащения национальных культур, культурные взаимовлияния говорят, как правило, и об этнических процессах.

Для характеристики этнических процессов особенно показателен субъективный фактор — национальное или этническое самосознание — нередко выступающий на первый план по сравнению с вышеотмеченными объективными признаками.

Учет национального самосознания переписями позволяет выявить процессы этнического слияния, они определяются путем сопоставления естественного прироста и численности, выявленной переписными материалами. Следует подчеркнуть, что отмеченные показатели этнического развития не равноценны, и к тому же обычно не проявляются одновременно в комплексе. Так, например, при утрате родного языка и даже культурных особенностей продолжает часто сохраняться национальное самосознание (обрусевшие немцы, евреи, отатарившиеся башкиры). Но можно привести немало примеров утраты национального самосознания при сохранении культурных и даже языковых особенностей (якутоязычные звенки, чуванцы) или изменения в национальном самосознании вследствие культурного развития и осознания своего родства или культурной близости с соседями. Так, у обособленных в прошлом тундровых юкагиров и ряда других групп народов Севера национальное самосознание было крайне неустойчивым. Обычно на вопрос о национальности

¹ См., например, сб. «Формирование социалистических наций», М., 1962; М. С. Джунусов, О диалектике развития национальных отношений в период строительства социализма и коммунизма, М., 1963; сб. «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений», М., 1966; Сб. «Нация и национальные отношения», Фрунзе, 1966; «Расцвет социалистических наций и их сближение», Материалы научной сессии Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1967.

они указывали на свою принадлежность к определенному «административному роду», хотя соглашались и с причислением себя к юкагирам. С подъемом культуры, расширением кругозора родоплеменные формы самосознания у народов Севера отступили на второй план, уступив место более развитым. Сходный процесс наблюдался и в глухих русских деревнях, где господствовали локальные формы самосознания.

Этнические процессы, протекающие в нашей стране, стали детально исследоваться в последние два десятилетия². В настоящее время опубликованы ценные материалы и наблюдения, характеризующие этническое развитие ряда народов в различных областях Советского Союза³. Особой интенсивностью и сложностью этнические процессы отличаются в многонациональных районах, таких как Северный Кавказ, Средняя Азия, Крайний Север, Поволжье, среди народов, раздробленных в прошлом на племена или обособленные локальные этнографические группы.

Так, например, в Дагестанской АССР, насчитывающей более 30 народов, в ходе социалистического переустройства политической, экономической и культурной жизни, изживая вековой изолированности обитавших в труднодоступных горных районах малых народов, наметилась определенная тенденция к преодолению этнической раздробленности. После укрепления в Дагестане социалистической экономики, подъема культуры со сравнительно крупными народами, создавшими свою письменность и литературу, стали сближаться и сливаться малые народы, близкие к ним по языку и культуре.

Так, родственные аварцам соседние народности андо-дидойской группы стали пользоваться аварским языком наряду со своим родным и в переписи 1959 г. показали себя аварцами. Кубачинцы, кайтагцы сблизились с даргинцами и теперь причисляются к последним. В то же время малые народы (агулы, рутульцы, цахуры), говорящие на языках лезгинской ветви, в связи с известной разобщенностью языков, несмотря на некоторое культурное сближение между собой, не консолидировались с лезгинами. Как самостоятельные народности развиваются лакцы и табасаранцы.

Наряду с формированием сравнительно крупных народов (по переписи 1959 г. аварцев было 239 тыс., даргинцев — 148 тыс., дагестанских лезгин — 109 тыс., табасаранцев — 35 тыс.) в Дагестане идет и другой процесс, далекий от своего завершения, — образование общедагестанской национальной общности на базе окрепших экономических и культурных связей, урбанизации, широкого распространения русского языка, ставшего в этой автономной республике вторым родным языком населения⁴.

Своеобразно протекает национальное развитие так называемых малых народов Севера — чукчей, эскимосов, коряков, ительменов, юкаги-

² Л. П. Потапов, К вопросу о национальной консолидации алтайцев, «Сов. этнография», 1952, № 1; его же, О консолидации народов Сибири, «Вопросы истории», 1955, № 10.

³ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4; Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций, «Сов. этнография», 1965, № 6, и др.

⁴ «Народы Дагестана», М., 1955; «Народы Кавказа» (Серия «Народы мира, Этнографические очерки»), I, М., 1960, стр. 403—535; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Указ. раб. А. Агаев, В единой семье, М., 1962; А. Магомедов, Борьба Коммунистической партии за братское сотрудничество народов Дагестана, Махачкала, 1963; Н. Г. Волкова, Национальный состав городского населения Северного Кавказа, «Сов. этнография», 1965, № 2; ее же, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, «Сов. этнография», 1967, № 1; М. М. Ихтилов, К вопросу о национальной консолидации народов Дагестана, «Сов. этнография», 1965, № 5; Г. А. Сергеева, Арчинцы, М., 1967; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии, «Сов. этнография», 1967, № 4.

ров, алеутов, чуванцев, нивхов, нанайцев, ульчей, ороков, орочей, удегейцев, негидальцев, эвенов, эвенков, хантов, манси, селькупов, кетов, ненцев, энцев, нганасан, долган, саамов, тофаларов. При общей небольшой численности (128 тыс. чел.—1959 г.) они населяют огромные таежные и тундровые просторы, равные примерно 50% площади РСФСР. У каждого из этих народов в той или иной степени сохраняется своя традиционная культура, свой язык и свое самоназвание. Накануне Октябрьской революции некоторые из этих народов находились на грани вымирания. Советская власть спасла их, избавив от губительных эпидемий и чудовищных голодовок.

В ходе социалистической перестройки промыслового хозяйства, подъема культуры и реконструкции быта наблюдается преодоление былой замкнутости отдельных групп народов Севера. Ускорились, например, консолидация обособленных в прошлом групп коряков, у них стали исчезать мелкие диалекты, участились смешанные браки между лицами из разных этнографических групп, происходит обмен культурным достоянием, выработанным отдельными подразделениями этого народа. Такие же явления имеют место среди чукчей, эвенков⁵.

В ряде районов Севера отмечается сближение разноразличных, обособленных в прошлом этнических групп. Мероприятия по укрупнению колхозов и совхозов привели к тому, что большинство их на Севере стали многонациональными по своему составу. Так, в низовьях р. Колымы в настоящее время совместно трудятся эвены, юкагиры, чукчи, якуты и русские. Совместный труд сблизил их. Участились смешанные браки, получили широкое распространение явления двуязычия и многоязычия. Аналогичные процессы наблюдаются на Чукотке, Камчатке, в ряде районов Красноярского края, Тюменской и Томской областей. Однако ни в одном из районов Севера за советский период не возникли новые народности.

Имеет место и слияние небольших групп народов Севера с социалистическими нациями. Так, например, северные якуты-оленьеводы, в прошлом обособленная группа якутского народа, быстро сближаются с основной массой якутов. С народом коми сливаются некоторые группы ненцев. Наблюдается и сближение народов Севера с русскими. Русский язык получил там широкое распространение.

Отмеченные процессы протекают на Севере с разной степенью интенсивности. Быстрые этнические изменения характерны для промышленных районов с большим притоком пришлого населения⁶.

⁵ В некоторых работах, в частности, в книге А. Г. Агаева «К вопросу о теории народности» (Махачкала, 1965) на стр. 150, утверждается, что за советский период на Севере из племен и родов сформировались народности. Фактический материал не подтверждает этого. Народности Севера возникли задолго до Октябрьской революции; см. Б. О. Долгих, *Образование современных народов Севера СССР*, «Сов. этнография», 1967, № 3. Переписью 1959 г. на севере выявлены те же коренные народы, которые числились и по данным переписи 1897 г. Ср. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том)». М., 1962, стр. 186; С. К. Патканов, *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев*, СПб., 1912, ч. I—III.

⁶ И. С. Гурвич, *Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии*, «Сов. этнография», 1960, № 5; З. П. Соколова, *О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области*, «Сов. этнография», 1961, № 3; В. Г. Ларькин, *Некоторые вопросы этнического развития малых народов советского Дальнего Востока в период развернутого коммунистического строительства. Материалы второго научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока, IV. Секция этнографии и географии населения. Тезисы докладов, Владивосток, 1962*; А. В. Смоляк, *О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура*, «Сов. этнография», 1963, № 3; е е же, *О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина*, «Сов. этнография», 1967, № 3; В. И. Васильев, *Современные этнические процессы в низовьях Енисея*, М., 1964.

Значительный интерес представляет этническое развитие народов Поволжья. В силу исторических причин, несмотря на наличие автономных республик, здесь получили развитие не только процессы национальной консолидации, но и этнической ассимиляции. Это вызвано значительной расчлененностью этнической территории этих народов, чередой полосным расселением, наличием в среде ряда народов Поволжья этнографических групп с особыми диалектами, проживанием части этих народов за пределами своих республик. Так, в пределах Мордовской АССР проживало в 1959 г. лишь 28% мордовского населения страны, в пределах Марийской АССР — 55% марийцев, в Чувашской АССР — 52% чувашей, в Башкирской АССР — 75% башкир. В своей республике мордва составляла 35% населения, марийцы — 43%, чуваша — 70%, удмурты — 35%, а башкиры — 22%.

Для понимания сложности национального развития народов Поволжья известной иллюстрацией может служить этническое развитие мордвы. Мордовское население республики, как показала перепись 1959 г., четко подразделяется по языку и национальному самосознанию на мокшанцев и эрзянцев, хотя в ряде смешанных эрзянско-мокшанских районов наблюдается слияние этих групп. В Мордовской АССР имеет место развитие мордовской национальной культуры. Однако почти 22% мордвы (в пределах республики 2,6%) утратило свой родной язык. В связи со смешанными браками и утратой национального самосознания численность мордвы с 1939 по 1959 г. снизилась на 11%⁷.

Сложные этнические процессы происходят и в среде социалистических наций, миновавших в той или иной степени этап буржуазного развития. Например, узбеки начали складываться в нацию еще до Октябрьской революции. Однако этнически они были слабо сплочены. Такие этнографические группы как тюрки, кипчаки, курама, насчитывавшие в своем составе от 20 до 60 тыс. чел., будучи узбекоязычными, сохраняли обособленность и свое племенное самосознание. После национально-государственного размежевания Советских республик Средней Азии (1924—25 гг.) резко усилился процесс консолидации в нацию отдельных близких по происхождению этнографических групп. В ходе социалистического строительства и роста экономических связей, прогрессивные элементы культуры, выработанные отдельными племенами и народностями, стали общенациональными. Распространение литературного языка, общих черт культуры привело к тому, что обособленные узбекоязычные группы слились с узбеками, в их среде утвердилось узбекское национальное самосознание. Слияются с узбеками и вкрапленные в их среду арабы, уйгуры Ферганы, а также отдельные группы каракалпаков, живущие за пределами своей автономной республики.

Аналогичные не менее сложные процессы имеют место в Туркмении, где наблюдалось еще в 1930-х гг. деление на обособленные племенные группы, такие как текинцы, йомуды, сарыки. С таджиками сближаются мелкие припамирские народности, сохраняющие свой язык и в известной степени свою традиционную культуру⁸.

⁷ В. И. Козлов, Изучение этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4.

⁸ Об этнических процессах в Средней Азии см.: «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, I, стр. 165—166, 403—409 и др.; Т. А. Жданко, Ленинская национальная политика на новом историческом этапе. (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму), «Сов. этнография», 1960, № 2; М. Г. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961; С. М. Абрамзон, Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе, «Сов. этнография», 1962, № 3; С. Мирхасилов, Г. Файзиев, Национально-государственное размежевание Средней Азии, «Сов. этнография», 1964, № 6; Ш. Аннаклычев, Роль промышленных центров в

Значительные этнические изменения имеют место и в среде давно сформировавшихся наций, таких как русская, украинская, белорусская, армянская, грузинская, эстонская, латвийская, литовская и другие. К сожалению, эта своеобразная область этнических процессов мало затронута этнографическими исследованиями.

Имеющиеся материалы показывают, что в этих нациях в той или иной степени идет процесс внутреннего сплочения, стирание диалектальных и областных этнографических различий. Сформировавшиеся в прошлом нации пополняются и за счет слияния с соседними, находящимися с ними в экономическом и культурном контакте инонациональными группами.

Процесс внутренней консолидации русской нации проявляется, например, в размывании пятен обособленных групп русского населения, утрачивающих свои языковые и культурные особенности⁹. Постепенно исчезает замкнутость так называемых поморов — русских жителей побережья Белого и Баренцева морей, бывших старообрядцев (кержаков) лесной полосы Среднего Урала. Наблюдения, сделанные в Сибири, показали, что в прошлом обособленные группы русских старожилов севера Якутии, потомки русских переселенцев XVII—XVIII вв., — колымчане и индигирщики (русско-устинцы), близкие по образу хозяйственной деятельности к юкагирам Якутии, но сохранившие свой родной язык и этнический облик, теперь быстро сближаются с пришлым русским населением, утрачивают особенности своего говора, а вместе с ними и свой далекий от норм современного русского языка фольклор¹⁰. Освобождаются они и от рациональных в прошлом, но примитивных особенностей в одежде, жилище, которые выделяли их из среды пришлого русского населения, хотя в этих группах сохраняется склонность к занятиям, связанным с охотой и рыболовством, и некоторые особенности материальной культуры. Слияние с пришлыми русскими из основной массы русского народа проявляется и в исчезновении локальных самоназваний, таких как русско-устинцы, колымчане, гижигинцы. Аналогичные явления были зафиксированы нами на северо-востоке Сибири в Магаданской и Камчатской областях. Русские старожилы долины р. Камчатки — «камчадалы» — в результате концентрации их в сравнительно крупных поселках сблизились с преобладающим пришлым русским населением. Камчадалы утратили свои прежние особенности культуры, восприняли современные формы. Широкое распространение получили браки между старожилами и пришлыми русскими¹¹.

Процесс современного развития русской нации характеризует и слияние с ней включенных в массивы русского населения обособленных групп других народов, в недавнем прошлом сохранявших в быту свой язык. Примером могут служить мордва-терюхане Горьковской области, вепсы Ленинградской и Вологодской областей. По переписи 1926 г. вепсов было 32,8 тыс. чел., по переписи 1959 г. — 16,4 тыс. чел.¹².

процессе сближения национальностей, «Сов. этнография», 1964, № 6; Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6; Р. Ш. Джарылгасинова, К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами, «Сов. этнография», 1966, № 3.

⁹ Л. Н. Чижикова, Заселение Кубани и современные этнические процессы, «Сов. этнография», 1963, № 6.

¹⁰ И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 9—10.

¹¹ И. С. Гурвич, Русские старожилы долины р. Камчатки, «Сов. этнография», 1963, № 3, стр. 31—41.

¹² «Численность и расселение народов мира» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 85; Н. И. Богданов, Вепский язык на современном этапе развития. Прибалтийско-финское языкознание, Петрозаводск, 1958, стр. 74—82; В. В. Пименов, Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры, М.—Л., 1965, стр. 7—9.

Сложные этнические процессы протекают в крупных, в прошлом буржуазных, нациях Закавказья. В ходе превращения армянской нации в социалистическую произошло тесное культурное и экономическое сплочение локальных групп армян (Арагатская долина, Зангезур, Нагорный Карабах и др.). Широкое распространение получил литературный язык, в основу которого лег диалект арагатских армян. Общеизвестны большие этнические изменения, имевшие место в процессе консолидации грузинской социалистической нации: изживание этнографических различий между локальными группами грузин — карталинами, кахетинами, ингилоями, хевсурами, пшавами, тушинами, имеретинами, гурийцами, аджарцами; слияние с грузинами родственных в языковом отношении народов мегрелов, сванов.

Этническое развитие азербайджанской социалистической нации характеризуется сплочением азербайджанцев, сближением и частичным слиянием с ними как тюркоязычных этнических групп (айрумов, пада-ров, шахсенов), сохранявших до недавнего времени значительные культурно-бытовые особенности, так и иноязычных народов (татов, талышей, удинов)¹³.

Глубокие процессы, как показали исследования, протекают среди давно сложившихся национальных образований Прибалтики¹⁴; здесь происходит быстрое взаимообогащение культур, нивелируются былые локальные особенности в жилище, пище. Исчезают пережитки прежней обособленности в быту национального населения этих республик. Увеличилось, по сравнению с прошлым, число смешанных браков. Они составляют в крупных городах около 35% по отношению ко всем бракам заключенным в 1963 г.

Наконец, нельзя не видеть, что за советский период вследствие усиленного межнационального общения у народов Советского Союза возникло много общих объединяющих их черт. «Народы СССР — подчеркивается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» — ощущают плодотворность усиливающегося обмена материальными и духовными богатствами между социалистическими нациями, который стал для них жизненной необходимостью. На основе экономической и социальной общности в социалистических нациях активно развиваются интернациональные черты, утверждаются общесоветские традиции строителей коммунизма. Единство целей и марксистско-ленинской идеологии, преданность делу коммунизма, глобальный интернационализм и советский патриотизм, уважение национального достоинства, дружба и братство — таковы характерные черты единого и вместе с тем многонационального социалистического общества»¹⁵.

Интернациональное единство народов Советского Союза с особой силой проявилось в общем патриотическом подъеме в годы Великой Отечественной войны.

Процесс постепенного сближения социалистических наций и народов, сложение новой своеобразной многонациональной исторической общности советского народа явственно ощущается в повседневной жизни нашей страны, в поступательном развитии науки, техники, культуры, в распространении русского языка, ставшего языком межнационального

¹³ «Народы Кавказа», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 37—38, 187—189, 212—213.

¹⁴ О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике, «Сов. этнография», 1965, № 5.

¹⁵ «Правда», 25 июня 1967 г.

общения в масштабах всей страны. Всесоюзные системы просвещения, здравоохранения, усиленное межнациональное литературное общение, печать, радио, телевидение, кино оказали несомненное влияние на формирование общих явлений в быту и культуре всего населения страны Советов. «У советских людей разных национальностей — указывается в Программе КПСС, — сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»¹⁶.

Таким образом, этнические процессы в СССР в зависимости от типов этнических общностей, в которых они протекают, могут быть подразделены на ряд категорий: процессы, вызванные сложением социалистических народностей; процессы, связанные с формированием социалистических наций у народов, не прошедших стадию капитализма; процессы, порожденные преобразованием оформившихся буржуазных наций в социалистические; процессы, являющиеся следствием сближения социалистических наций.

Важной проблемой является выяснение общих причин, породивших бурные этнические процессы. Однако этот вопрос освещен в советской литературе недостаточно. Остановимся на главных факторах, оказавших влияние на этнические изменения.

Прежде всего укажем на огромную роль уничтожения эксплуататорских классов, эксплуатации человека человеком и национального гнета. Эти прямые результаты завоеваний Октябрьской революции оказали величайшее влияние на приобщение широких слоев населения Советского Союза, особенно угнетенных народов, к сознательной творческой жизни, к строительству социализма.

Не только в среде крупных наций, но и в среде малых народов, этнических групп пробудилось чувство национального достоинства. Некоторые народы стали протестовать против названий, утвердившихся для них у соседей, настаивая на самоназваниях. В связи с этим в советское время, например, ненцев перестали называть самоедами, эвенков — тунгусами, хантов — остяками.

Мощным фактором, способствовавшим экономическому и культурному подъему национальных образований нашей страны, преодолению между ними национальной розни явилось национально-государственное размежевание, государственное национальное строительство. Практическая реализация права народов на самостоятельное развитие — образование союзных и автономных республик, национальных областей и округов — оказала большое влияние на территориальное сплочение ряда народов и формирование социалистических наций. Эти процессы интенсифицировала индустриализация страны, сопровождавшаяся ускоренным экономическим развитием отсталых в прошлом национальных районов. Огромное значение имело переустройство сельского хозяйства на социалистических началах. «В результате коллективизации деревни — отмечается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — мелкотоварный уклад уступил место социалистическому: сельское хозяйство, в прошлом самая отсталая отрасль экономики, было переведено на социалистические рельсы»¹⁷. Все это вызвало уже в 1930—1934 гг. коренные изменения в бытовом укладе народов СССР. Особой сложностью отличалась перестройка хозяйства и быта кочевников. Коллективизация, техническая реконструкция сельского хозяйства повлекли за собой их переход на оседлый образ жизни,

¹⁶ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 405.

¹⁷ «Правда», 25 июня 1967 г.

привели к возникновению многодворных сельских поселений. Население, переходившее на оседлость, приспособлявало к новым условиям свой быт, усваивало новые формы материальной культуры, заимствуя их в значительной степени у соседей.

Вследствие этих глубоких прогрессивных сдвигов в ходе коллективизации, широкого распространения по всей стране целесообразной формы общественного ведения хозяйства — сельскохозяйственной артели — стала исчезать былая замкнутость как отдельных этнографических групп, так и целых народов.

Этот процесс ускорила культурная революция. В трудных условиях культурной отсталости страны была ликвидирована неграмотность, введено преподавание в школах на родном языке коренного населения. На 50 языках народов, не имевших до революции своей письменности, она была создана. Развернулась решительная борьба против реакционной идеологии эксплуататорских классов, всевозможных патриархальных пережитков, за внедрение в сознание трудящихся идей научного коммунизма. Культурная революция в дальнейшем ходе своего развития поставила на службу советских народов завоевания науки, современные знания, лучшие достижения человеческого разума. Это не только ускорило ликвидацию фактического неравенства народов, но облегчило сотрудничество между ними, привело к известной интернационализации культурной жизни в СССР.

Политические, экономические и культурные мероприятия, осуществленные Советской властью в борьбе за построение коммунистического общества, оказали прямое воздействие на этническое развитие народов СССР.

Остановимся подробнее на отдельных факторах, влияющих на ход этнических процессов.

На ускорение процессов этнического сближения несомненное влияние оказывают такие экономические мероприятия, как межреспубликанские стройки всесоюзного значения, а также развитие транспортных связей. Строительство железных дорог, распространение автомобильного сообщения, прокладка авиационных линий связали самые отдаленные уголки нашей страны с городами, промышленными центрами. Это повысило подвижность населения, устранило былую изолированность населения высокогорных районов Кавказа, Памира, тундровых и таежных районов Сибири.

Особо следует подчеркнуть значение миграций. Они оказывают большое влияние на смешение населения, что влечет за собой взаимообогащение культур и сближение социалистических наций. Индустриализация страны, создание мощной современной экономики, освоение природных богатств потребовали значительного перераспределения трудовых ресурсов между городом и деревней. С 1926 по 1959 г. прямое переселение из сельской местности в города составило 43,3 млн. чел.¹⁸. Если перепись 1926 г. отразила картину распределения населения, характерную для аграрной страны, то перепись 1959 г. показала, что население в значительной мере сконцентрировано в местах сосредоточения естественных природных ресурсов, в районах добычи угля, железа, нефти и т. е. в Донбассе, Кузбассе, на Урале, в Центральном промышленном районе. Концентрация населения в городах оказала воздействие на подъем культурного уровня страны в целом и на урбанизацию быта значительных масс населения. Следует отметить и другую сторону это

¹⁸ М. Я. Соколов. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959 стр. 144.

го процесса — возросшее разнообразное влияние городов на сельское население, постоянный обмен населением между селом и городом. Все это нанесло значительный удар по бывшей замкнутости отдельных групп населения страны.

Значительные миграционные потоки вызвало выравнивание уровня экономического развития отдельных областей Советского Союза, ускоренные темпы развития промышленности бывших отсталых национальных районов.

Опытные кадры рабочих, техников, инженеров многим республикам дала РСФСР. По сравнению с данными переписи 1926 г. доля русского населения в 1959 г. в Узбекской ССР возросла с 4,7% до 13,5%, в Киргизии с 11,5% до 30,2%. Такое же положение наблюдается и в других республиках Средней Азии. Если в 1926 г. вне РСФСР проживало 5% от общего числа русских в СССР, то в 1959 г. — 14,2%¹⁹. Хотя миграционные процессы в национальном разрезе изучены очень слабо, имеются все же данные, позволяющие видеть, что в миграциях участвуют не только русские. Например, переселенцы в Западную Сибирь в 1956—1960 гг. из Поволжья составляли 6,7%, с Северного Кавказа — 5,5%, из Средней Азии — 4,5%, из Белорусской ССР — 2%, из Закавказья — 0,8%, из Прибалтики — 0,8%²⁰. В 1926 г. в РСФСР проживало 26 тыс. азербайджанцев; в 1959 г. их было в РСФСР 71 тыс., в Грузии — 153,6 тыс., в Армении — 107 тыс., в республиках Средней Азии — 102 тыс. В 1926 г. в РСФСР было 195 тыс. армян; в 1959 г. их насчитывалось там 256 тыс., в Грузии — 443 тыс., в Азербайджане — 442 тыс., в республиках Средней Азии — 56 тыс.²¹.

В связи с миграциями значительно усложнился национальный состав многих союзных и в особенности автономных республик. Перепись 1959 г. показала, что в каждой союзной республике проживают представители нескольких национальностей, причем число сравнительно крупных, составляющих более 1% от численности соответствующей республики, колеблется от 4 до 10. Так, например, в Азербайджанской ССР проживает азербайджанцев 67,5%, русских — 13,6%, армян — 12%, лезгин 2,7%, евреев 1,1%, в Узбекской ССР — узбеков 62%, каракалпков 2%, русских — 13,5%, татар 5,5%, казахов 4%, таджиков 3,8%, корейцев 1,7%, евреев 1,2%, киргизов 1,1%, украинцев 1,1%²². Усложнение национального состава, тенденция к уменьшению удельного веса коренных национальностей особенно заметны в автономных республиках. Значительный приток населения в них вызван строительством промышленных предприятий, интенсивной разработкой природных богатств. В автономных республиках проживают представители от 3 до 12 национальностей, превышающих 1% от общей численности населения каждая. Доля коренной национальности в автономных республиках колеблется от 13% (карелы в Карельской АССР) до 70% (чуваши в Чувашской АССР)²³.

В связи с развитием промышленности, массовыми свободными передвижениями представителей отдельных народов СССР, население большинства городов является сложным по своему национальному составу.

¹⁹ Э. В. Тадевосян, Дальнейшее сближение социалистических наций в СССР, «Вопросы философии», 1963, № 3.

²⁰ В. И. Переведенцев, Миграции населения и трудовые проблемы Сибири, Новосибирск, 1966, стр. 80.

²¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, СССР (сводный том)», М., 1962, стр. 209—210.

²² Там же, стр. 206—207.

²³ Там же, стр. 202—208.

По переписи 1959 г. в Ташкенте проживали представители 105 национальностей и народностей, в Киеве — 89, в Ашхабаде — 75 и т. д.²⁴

В крупных стройках участвуют, как правило, представители разных национальностей.

Следствием массовых миграций населения явилось увеличение числа смешанных в национальном отношении браков. В ряде республик такие браки в последние годы составили от 8 до 15%²⁵. Таким образом, миграции являются мощным фактором, способствующим национальному сближению в нашей стране. Миграции оказали сильнейшее влияние и на разнообразные языковые процессы, ускорили распространение русского языка, взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР²⁶.

Национальное сближение, преодоление былой замкнутости, несомненно, ускоряется развитием массовых средств коммуникации: печати, кино, радио, телевидения. Благодаря этому каждый народ имеет возможность пропагандировать свою самобытную культуру, знакомиться с культурой других народов. В то же время печать, кино, телевидение оказывают огромное влияние на внедрение в быт разных народов современных образцов одежды, обуви, мебели и способствуют быстрому распространению моды.

Большую роль в преодолении отчуждения и недоверия между отдельными национальными группами нашей страны сыграли отмена законов Российской империи, запрещавших браки между представителями ряда вероисповеданий, а затем и массовый отход населения от религии. Скомпрометировавшее себя поддержкой эксплуататорских классов реакционное духовенство, освящавшее архаические обычаи, осуждавшее или запрещавшее браки между лицами разного вероисповедания, потеряло влияние на широкие слои населения.

Это обстоятельство не замедлило сказаться. В Прибалтийских республиках, например, при образовании семьи перестала быть препятствием различная религиозная принадлежность брачующихся. Имеют место смешанные браки между бывшими католиками и старообрядцами²⁷.

В Азербайджане, где в прошлом население исповедовало ислам, в связи с распространением атеизма смешанные браки азербайджанцев с русскими, армянами, грузинами стали частым явлением²⁸.

Перечень причин, так или иначе влияющих на этнические процессы, можно было бы значительно расширить. Приведенные материалы и примеры, нам кажется, в достаточной мере показывают, что этнические изменения в каждом отдельном случае являются следствием целого комплекса конкретных причин, связанных с экономикой, культурой, бытом, расселением отдельных национальных образований. Необходимо отметить, что одни и те же причины в зависимости от численности, расселения, исторических особенностей развития тех или иных народов

²⁴ Д. А. Исупов, Национальный состав СССР, М., 1964, стр. 32.

²⁵ Там же, стр. 38.

²⁶ О языковых процессах, проблемах развития языков народов СССР, см.: Ю. Д. Дешериев, Развитие младоплеменных языков, М., 1957; его же, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966; В. А. Аврорин, Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР, «Вопросы языкознания», 1960, № 2; Х. К. Ханазаров, Строительство коммунизма и развитие национальных языков, Ташкент, 1963.

²⁷ О. А. Гандкая, Л. Н. Терентьева, Указ. раб., стр. 15—16.

²⁸ А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как исторический источник, «Сов этнография», 1965, № 5.

и наций вызывают нередко совершенно различные этнические изменения. Так, внутриобластные миграции в большинстве случаев привели лишь к устранению особенностей отдельных локальных групп населения. Напротив, на Северном Кавказе, в особенности в Дагестане, различного рода местные миграции, в том числе и переселения с гор в равнинные районы, вызвали изменения в этническом составе населения, породили такие явления, как двуязычие и многоязычие²⁹. Приведем еще один пример. Бурное обогащение словарного состава русского языка ни в коей мере не влечет за собой угасание его функций, тогда как пополнение словарного состава таких бесписьменных языков как ительменского, алеутского, ижорского, вепского и других за счет языка соседей, главным образом, за счет русского языка, ведет к двуязычию и постепенному переходу на русский язык, что сопровождается и изменением национального самосознания.

С проблемой этнического развития тесно связан ряд больших теоретических и практических вопросов. Один из них — вопрос о тенденциях развития семейно-бытовых укладов народов СССР и возможности использования их изучения для характеристики современных национальных образований. С утверждением социалистической экономики и внедрением советского законодательства, вытеснившего обычное право, произошла глубокая перестройка семейного и общественного быта. У всех народов СССР за советский период в процессе изживания патриархальных устоев утвердилось малая семья. Отношения в семье строятся на основе взаимоуважения всех ее взрослых членов. Экономическая независимость женщины обусловила ее возросший авторитет в семье. Как правило ушли в прошлое семейная социально-культурная замкнутость, заключение браков по настоянию или выбору родителей, деспотическая власть главы семьи, хозяина дома и т. д.

Значительные сдвиги произошли в области здравоохранения и народного образования. Это связано с большой сетью родильных домов, больниц, амбулаторий, ясель, детских садов, всеобщим охватом школьным образованием детей соответствующего возраста. В связи с распространением атеизма упростилась семейная обрядность. В настоящее время в большинстве случаев свадьба, рождение ребенка оформляются гражданским обрядом. Хотя в семейной обрядности, в семейных обычаях, очищенных в большинстве случаев от религиозной окраски, сохраняются традиционные национальные особенности, нельзя не видеть, что в семейном быту народов СССР ведущими являются возникшие в советский период новые черты. Разумеется, у разных народов, в силу исторических причин, смена старых традиций новыми происходит по-разному.

Еще более значительные перемены произошли в области общественного быта. Перестройка его началась с первых лет Советской власти и выразилась прежде всего в изживании вредных обычаев, традиций, несовместимых с социалистическим образом жизни. В ряде районов Советского Востока это проявилось в преодолении обычаев кровной мести, сковывавших общественную жизнь, в борьбе против затворничества женщин. Изживание пережитков прошлого освободило в значительной степени быт и других народов от архаических элементов.

В результате утверждения нового образа жизни, распространения просвещения уже в 1930-х гг., например, из жизни киргизского общества исчезли такие пережитки прошлого, как кровная месть, шаманство, левират. Вместе с тем у всех народов сохраняются и культивируются

²⁹ Н. Г. Волкова, Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти, «Сов. этнография», 1966, № 1.

положительные общественные традиции. У киргизов, например, бытуют *ошар* — взаимопомощь при выполнении трудоемких работ, *джуртчулук* — общественная помощь потерпевшим от стихийных бедствий, соблюдается традиционное почтительное отношение к старшим³⁰. У всех народов СССР в той или иной форме бытуют свои обычаи гостеприимства. В настоящее время в общественный и семейный быт вошли революционные праздники — годовщина Великой Октябрьской революции, 1 Мая, Международный женский день, входит и обычай праздновать Новый год, и т. д. Сохраняются и национальные праздничные традиции, хотя за последние десятилетия они претерпели значительные изменения.

Наблюдающаяся тенденция к интернационализации быта, сближению семейно-бытовых укладов не означает ликвидации национальных и местных особенностей. Несмотря на усиление общесоветских черт, специфика быта является и в наши дни важным показателем для характеристики национальных образований.

Другой большой вопрос, связанный с проблемой этнического развития — это вопрос о судьбах традиционных культур народов СССР. Этнографы накопили обильные материалы, свидетельствующие о глубоких разносторонних изменениях в культуре различных народов нашей страны, вызванных главным образом общим подъемом материального благосостояния, стремлением широких народных масс полнее использовать достижения техники и блага современной цивилизации.

Наиболее яркой стороной этих изменений является отход от архаических примитивных элементов материальной культуры, широко бытовавших до Октябрьской революции в связи с тем, что жизненный уровень широких масс населения царской России был крайне низок.

Так, например, даже в самых глухих русских деревнях после коллективизации население перестало употреблять лапти и онучи. Их заменили сапоги, ботинки, валенки, туфли. К 1930-м годам прекратилось трудоемкое домашнее производство тканей для одежды, из быта ушли прялки; лучины для освещения были вытеснены свечами, керосиновыми лампами, а затем электричеством. В повседневный обиход вошло нательное белье, городские формы одежды, головные уборы. Резко изменилась меблировка жилья, исчезли нары, полаты³¹.

Аналогичные процессы ломки архаических форм материальной культуры, замены их современными имели место у всех народов Советского Союза. Особенно резкие изменения претерпела традиционная материальная культура народов Средней Азии, перешедших на оседлый образ жизни, отсталых в прошлом народов Сибири и Севера.

С ростом культуры, подъемом материального благосостояния якутов, например, перестали удовлетворять их традиционные юрты-балаганы, представлявшие собой четырехугольные в плане жилища из стоячих бревен, по виду напоминавшие усеченную четырехгранную пирамиду. Стены юрты с внешней стороны обмазывали глиной в смеси с коровьим навозом, а к окнам вместо стекол примораживали льдины. Под одной крышей с юртой, отделяясь от нее лишь тонкой перегородкой, помещался хотон — хлев. Такое совмещение было рассчитано на экономию тепла и облегчение зимнего ухода за скотом, хотя это ухуд-

³⁰ А. Ч. Чотонов, Коммунизм и традиции, Сб. «Нация и национальные отношения», Фрунзе, 1966, стр. 3-5.

³¹ «Село Вирятно в прошлом и настоящем», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLI, М., 1958, стр. 178-204; Л. А. Анохина и М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964, стр. 78-156.

шало атмосферу жилища, увеличивало грязь³². Большинство якутов-бедняков не знало нижнего белья. Вместо него употреблялись штаны и рубахи из телячьих кож. Зимой в связи с нехваткой продуктов в пищу употреблялась полусгнившая квашеная в ямах рыба и сушеная сосновая заболонь. После коллективизации эти «особенности» культуры якутов, разумеется, исчезли. Широкое распространение у них получило срубное жилище и городские формы одежды.

Под влиянием социалистических преобразований у народов Востока вышли из употребления элементы одежды, связанные с былым неравноправием и затворничеством женщин.

Число подобных примеров нетрудно умножить. Следует заметить, что замена старых форм материальной культуры современными производится обычно не путем изобретения новых специфических национальных, а путем приспособления к местным условиям имеющихся или заимствованных у соседей образцов, а также городских форм. При этом многие элементы традиционной материальной культуры получают иное назначение. Национальный костюм превращается в промысловый, как это, например, случилось у народов Севера, или сложный национальный костюм становится лишь народной праздничной (Прибалтика) или сценической (Северный Кавказ) одеждой. Нередко современная одежда, обувь моделируется с учетом национальных вкусов, национальных традиций. При этом обычно используются лишь элементы национального костюма: некоторые особенности покроя, украшений и т. д. Наиболее стойко сохраняются народные традиции в области пищевого режима. Все же и в этой области повсеместно произошло немало изменений, выразившихся, главным образом, в широком внедрении в пищевой рацион фабричных изделий.

Отход от архаических, примитивных или негигиенических форм жилища, одежды, обуви, утвари, отказ от использования разных неполноценных или даже вредных пищевых продуктов — несомненно прогрессивные явления. Распространение современной городской одежды и обуви, новых форм жилища, механического транспорта, обогащение пищевого рациона представляет собой внедрение научных достижений нашего времени и поднимает быт населения на новую, более высокую ступень.

Можно ли эти изменения, известную нивелировку форм жилища, одежды, утвари, транспорта квалифицировать как сумерки национальной культуры? Конечно, нет. Этнография давно опровергла наивные представления о неизменности национальной культуры. Очевидно, жесткий пересмотр материальной культуры, производимый самими народами, знаменует собою лишь процесс (сознательный и стихийный) реконструкции национального культурного наследия, приспособление его к уровню техники второй половины XX в.

Общеизвестны достижения народов СССР в развитии просвещения, науки, здравоохранения, искусства, литературы. Даже самые малые этнические группы, как эвены, юкагиры, тофалары получили возможность приобщиться благодаря русскому языку и братскому содружеству советских народов к современным достижениям цивилизации.

Культура каждого из народов Советского Союза теперь прежде всего характеризуется степенью развития просвещения и здравоохранения, науки, литературы, профессионального искусства. Однако язык, фольклор, элементы традиционной культуры, культурное наследство, некоторые особенности быта придают культуре каждого народа особую

³² О. В. Ионов. Жилище и хозяйственные постройки якутов. «Сибирский этнографический сборник», I, М.—Л., 1952, стр. 239—319.

окраску и своеобразие. Современная национальная культура представляет собой совокупность традиционных элементов, общесоветских и общечеловеческих достижений. В силу этого, очевидно, разграничительную линию между национальными культурами применительно к нашему времени следует искать не в различии форм жилища, одежды, пищи, а более глубоко — прежде всего в области языка, литературы, искусства.

В заключение коснемся некоторых аспектов развития общесоветской культуры. Ее формирование — ярчайшее проявление сотрудничества и сближения социалистических наций. Общесоветская культура основывается на достижениях социалистического производства, стремительном развитии науки и техники, идеологическом единстве советского общества. Общесоветскую культуру характеризуют прежде всего единые общегосударственные системы просвещения, здравоохранения, массовых средств коммуникаций, новое индустриальное градостроительство и т. д. За пятьдесят лет Советской власти в быт вошли не только общесоветские праздники, но и целый ряд других новых обычаев и традиций. Каждый из народов Советского Союза вносит свой вклад в сокровищницу общесоветской культуры. Наиболее яркое проявление сближения культур и взаимообмена культурным достоянием представляет собой постепенное формирование единой многонациональной советской литературы. В ее идейном содержании отчетливо прослеживаются общие социалистические черты³³.

Сложение общесоветской культуры можно показать и на этнографическом материале. В последние десятилетия между народами Советского Союза резко ускорился обмен трудовыми навыками, взаимообмен культурными ценностями.

В этнографической литературе неоднократно отмечалось широкое распространение отдельных элементов культуры, выработанных тем или иным народом или группой народов какой-либо географической области по всему Советскому Союзу³⁴. Всесоюзную популярность, например, завоевали среднеазиатские ковры. В южных районах страны широко бытует вышитая украинская рубаха. В послевоенный период широким спросом стали пользоваться прибалтийские народные металлические украшения, детская зимняя одежда, выполненная по покрою ненецкой малицы с характерным орнаментом. Значительное распространение получили некоторые блюда кавказской кухни. Этнографический материал отражает также постепенное сложение современных зональных культурных общностей, характеризующих распространение среди народов, входящих в эту зону, отдельных приспособленных к самой природно-географической среде и выдержавших испытание временем некоторых форм одежды, обуви, жилища и пищевого режима, производственных навыков. В этих зонах часто распространяются также сходные традиции в области фольклора, литературы и изобразительного искусства³⁵.

Наметившееся сложение этих областей (Северный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия, Крайний Север, Южная Сибирь и т. д.) — проявление не только древних исторических связей, но и следствие широкого обмена культурным достоянием между соседними народами,

³³ См., например, сб. «Социалистический реализм в литературе народов СССР», М., 1962; Г. И. Ломидзе, Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения литератур, М., 1963; сб. «Пути развития советской многонациональной литературы», М., 1967.

³⁴ Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Быт и его преобразование в период построения социализма, «Сов. этнография», 1965, № 3.

³⁵ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Указ. раб., стр. 20—22.

результат современных этнических взаимовлияний. Хотя, возможно, этот процесс будет перекрыт сложением общесоветской культурной общности, не приходится говорить о том, какое важное значение имеет глубокое изучение формирования современных зональных культурных общностей, темпов их формирования и соотношения их развития со сложением общесоветской культуры. Между тем, пока что эти вопросы не получили широкого отражения в работах этнографов. Углубленной теоретической разработки требуют и проблемы формирования общесоветской интернациональной культуры.

Интенсивные этнические процессы, протекающие в Советском Союзе, и связанные с ними процессы развития и взаимообогащения культур знаменуют собой глубокие прогрессивные изменения, происходящие в советском обществе в эпоху перехода от социализма к коммунизму.

SUMMARY

The article views ethnic development as one of many aspects of the national development of the peoples of the USSR. Ethnic processes are viewed as a consolidation of closely affiliated tribes or dispersed local groups into nationalities; assimilation of certain ethnic groups by others, elimination of ethnic bars within an entity, an integration of ethnographic groups and peoples in the composition of large nations, etc. Ethnic processes are manifested in changes in language, everyday life patterns, national culture and self-consciousness. The author states that these indicators usually are not manifested simultaneously and in a complex. The article shows peculiarities of ethnic processes in various regions of the USSR, among various peoples, focusing on general and particular causes of these processes.

Finally the article touches upon certain problems, connected with recent ethnic developments of peoples of the USSR (trends in family life, changes in traditional aspects of national cultures, the problems of the formation of a common Soviet popular culture).

И. С. Вдовин

МАЛЫЕ НАРОДНОСТИ СЕВЕРА НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗА 50 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Огромные пространства тайги и тундры от берегов Тихого океана на востоке до границ с Норвегией и Финляндией на западе издавна населяли малочисленные народности Севера. Здесь проживают 26 малых народностей. Общая численность коренного населения Севера (малых народностей и примыкавших к ним этнографических групп других народов) до Великой Октябрьской социалистической революции едва достигала 140 тыс. человек.

В суровых условиях народности Севера создали оригинальную культуру, хорошо приспособленную к местным условиям, обжили этот край, чем подготовили возможность освоения его природных богатств в наше время. Значительная часть жителей занималась оленеводством, охотой, рыболовством, морским зверобойным промыслом и вела кочевой и полукочевой образ жизни. Экономика народностей Севера носила ярко выраженный натуральный характер. Почти все продукты оленеводства и промыслового хозяйства, за исключением пушнины, потреблялись самими производителями. Орудия промысла, средства передвижения, жилища, утварь во многом еще сохраняли черты глубокой древности. В своем экономическом, общественном и культурном развитии малые народности Севера резко отставали от других народов России. Ко времени Октябрьской революции они находились на различных ступенях разложения первобытнообщинного строя и перехода к классовому обществу.

Малые народности Севера были почти поголовно неграмотны. Например, из 12,3 тысяч чукчей только 77 человек могли читать и писать, а среди 13 тысяч хантов Тобольского округа в 1923 г. не нашлось ни одного грамотного¹.

Отсутствие медицинской помощи, антигигиенические условия жизни, частые голодовки способствовали распространению инфекций, от которых у коренного населения не было средств защиты. Болезни ежегодно уносили тысячи жизней. Особенно опустошительными были эпидемии оспы и кори. Повсеместно на Севере были распространены туберкулез, трахома и т. п.

Октябрьская революция создала условия для преодоления общественно-экономической отсталости народностей Севера и открыла широкие возможности для коренного переустройства их жизни, быта, развития культуры.

«Декларация прав народов России», принятая 15 ноября 1917 г. Советом народных комиссаров, провозгласила равноправие всех народов

¹ К. Я. Лукс, Проблема письменности у туземных народностей Севера, «Сов. Север», 1930, № 1, стр. 43; Д. К. Зеленин, Народы Крайнего Севера после Великой Октябрьской социалистической революции, «Сов. этнография», 1938, № 1, стр. 35.

России как непоколебимую основу национальной политики Советского государства. Четвертый пункт этой декларации предусматривал «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»². Таким образом, все народы бывшей царской России, в том числе и малые народности Севера, становились во всех отношениях равноправными гражданами первого в мире Советского государства.

Однако провозглашение равноправия не ликвидировало еще исторически сложившегося фактического неравенства, которое заключалось в разных уровнях общественно-экономического и культурного развития народов России. Для устранения фактического неравенства народов нужна была целая система мероприятий Советского государства, способствующих быстрому подъему экономики и культуры отсталых народностей до уровня передовых народов нашей страны.

На II Конгрессе Коминтерна в июле 1920 г. В. И. Ленин предложил пути практического применения идеи К. Маркса о переходе отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. «...Коммунистический Интернационал,— указывал В. И. Ленин,— должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Какие средства для этого необходимы, заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт. Но установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя...»³. В. И. Ленин отметил также, что в бывших колониях царской России, где почти не было пролетариата и где коммунисты взяли на себя роль руководителей, «приходится преодолевать колоссальные трудности», но «несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата»⁴. Эти положения В. И. Ленин высказал в связи с первыми шагами социалистического строительства в таких отсталых тогда районах, каким был Туркестан. Однако в 1921 г., в статье «О продовольственном налоге» В. И. Ленин распространил эти положения на все отсталые народы бывшей царской России, в том числе и на народы Севера. Он писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»⁵. Чтобы «успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму,— указывал В. И. Ленин,— для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму»⁶.

Эти важнейшие марксистско-ленинские положения о возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм, получили дальнейшую конкретизацию в решениях X съезда партии по националь-

² «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I, 1941, стр. 19.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

⁴ Там же, стр. 244.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228.

⁶ Там же.

ному вопросу. В решениях съезда записано: «...Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию»⁷. И подчеркивалось, что «уничтожение фактического национального неравенства здесь есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства»⁸. Изживание фактического неравенства должно было осуществляться путем последовательного оказания экономической, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям. Эти решения и легли в основу всех мероприятий, проводимых советскими и партийными органами на Крайнем Севере. На первых порах, в силу глубокой хозяйственно-экономической и культурно-политической отсталости, малые народности Севера нуждались в систематической заботе о них, в проведении специальных мероприятий, направленных на выполнение решений X съезда партии.

В 1922 г. при Народном комиссариате по делам национальностей был создан специальный «Полярный подотдел Управления туземными народами Севера», в задачи которого входила охрана и управление «первобытными племенами Севера России». Уже в том же году Наркомнац проделал большую работу по оказанию материальной помощи народностям Крайнего Севера, созданию у них органов управления, изучению их культурного и экономического положения. В помощь населению, например, Туруханского края было направлено 110 тысяч пудов хлеба, в Нарымский край — 90 тысяч пудов, а на Тобольский Север около 400 тысяч пудов и т. д.⁹

С этого времени началось и систематическое изучение народов Севера, рассматривавшееся как одна из важнейших первоочередных задач.

Тогда же, в 1922 г. Отдел национальных меньшинств внес в Коллегию Наркомнаца предложение о введении письменности для малых народностей Севера и создании алфавитов, отвечающих особенностям местных языков.

Постепенно на Севере налаживалась кооперативная и государственная торговля, регулярное снабжение населения продуктами питания, товарами первой необходимости, охотничье-промысловыми орудиями.

Развернули работу среди малых народностей Севера первые учреждения здравоохранения, в том числе специальные отряды Красного Креста.

Состоявшийся в апреле 1923 г. XII съезд партии в решениях по национальному вопросу с новой силой подчеркнул как одну из первоочередных задач партии необходимость борьбы «за ликвидацию фактиче-

⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 559.

⁸ Там же.

⁹ О мероприятиях Советского правительства по оказанию материальной помощи малым народностям Севера, об организации государственной и кооперативной торговли в районах их расселения см.: М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.-Л., 1955; В. Н. Увачан, Переход к социализму малых народов Севера, М., 1958, стр. 57—69; И. Т. Белимов, Меры Советской власти по коренному улучшению жизни малых народов Нарымского края в 1921—1927 годах, «Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук» Томск, 1958; В. А. Зибарев и В. С. Флеров, Организация советской государственной и кооперативной торговли среди малых народов Дальнего Востока (1922—1926 гг.), «Сборник научных трудов Томского инженерно-строительного ин-та», т. VI, Томск, 1959; В. И. Юртаева, Возникновение органов государственной торговли и кооперации у малых народов Енисейского Севера (1917—1923), «Уч. записки Горьковского государственного Ун-та», серия историко-филологическая, вып. 65, Горький, 1964.

ского неравенства национальностей», «за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов»¹⁰. При этом в решениях съезда указывалось, что преодолеть фактическое неравенство «можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния»¹¹.

После ликвидации Наркомнаца в 1924 г. был создан при Президиуме ВЦИК Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Комитет Севера очень много сделал для экономического и культурного развития, создания советского самоуправления у народностей Севера, пробуждения у них политического сознания, общественной активности, вовлечения их в строительство нового общества¹². Он готовил необходимые решения по восстановлению хозяйства, развитию культуры малых народностей Севера, вовлекая представителей этих народностей в обсуждение намечаемых решений. В работе Комитета Севера приняли участие такие ученые, как В. Г. Богораз-Тан, С. А. Бутурлин, С. В. Керцелли, П. Е. Терлецкий и др. Возглавляли Комитет П. Г. Смидович, А. Е. Скачко.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о том, что Советы для отсталых народов должны быть приспособлены к условиям их докапиталистического общественного строя, у большинства народностей Севера создавали родовые собрания (там, где насчитывалось менее 15 семей жителей), родовые советы, районные туземные исполнительные комитеты. Эти формы советов рассматривались как временные, переходные, поскольку в экономике и общественной жизни малых народностей Севера еще сохранялись первобытнообщинные связи¹³.

Успехи социалистического строительства, а вместе с ними пробуждение политической активности и классового сознания трудящихся Севера позволили в 1930 г. перейти к более высоким формам национально-территориального районирования на Севере¹⁴, т. е. к таким формам советской автономии, которые вытекали из условий жизни, быта и культуры народностей Севера. 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера». Было создано восемь национальных округов (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский, Эвенкийский, Чукотский, Корякский, Витимо-Олекминский), включавших 36 районов и 8 национальных районов, не входящих в национальные округа.

Новая Конституция СССР, принятая в 1936 г., зафиксировала приобщение к управлению Советским государством малых народностей

¹⁰ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 714.

¹¹ Там же.

¹² А. Е. Скачко, Десять лет работы Комитета Севера, «Советский Север», 1934, № 12.

¹³ «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», принято ВЦИК и СНК РСФСР в 1926 г. («Собрание узаконений и распоряжений 1926 г.», № 73, ст. 575). Родовой принцип, положенный в основу самоуправления, далеко не везде отвечал истинному состоянию малых народностей Севера. Родовые и родоплеменные связи у большинства из них уже разложились и не были ведущими в их общественно-экономических отношениях, поэтому Советы в большинстве случаев были родовыми только по названию. А среди ненцев и некоторых других групп народов Севера Советы с первых шагов Советской власти создавались по территориальному признаку. В дальнейшем все родовые советы были преобразованы в территориальные.

¹⁴ Ненецкий национальный округ был создан еще в 1929 г.

Севера. В соответствии с Конституцией, закрепившей образование национальных округов, избирательный закон предусматривает представительство в Совете Национальностей от каждого национального округа по одному депутату независимо от числа избирателей. Таким образом малые народности Севера получили право через своих представителей в Совете Национальностей непосредственно участвовать в законодательной деятельности высшего органа Советского государства. Ни в одном капиталистическом государстве малые народности не пользуются такими политическими правами.

В связи с своеобразием хозяйственного уклада и быта коренного населения Севера были разработаны особые формы культурной и просветительной работы. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в разных районах Севера были созданы так называемые культбазы, — учреждения, сочетавшие в одном комплексе все виды обслуживания населения. При культбазе имелись школа-интернат, баня, больница, красный чум или красная яранга, ветеринарный пункт, слесарные и столярные мастерские. Комитет Севера создал 18 таких баз.

Партия и Правительство оказывали систематическую материальную и организаторскую помощь народностям Севера и в деле социалистического переустройства их хозяйства. И здесь соблюдался принцип постепенности и последовательности перехода от простейших видов кооперации к более сложным формам социалистической организации хозяйства.

Наиболее рациональные пути преобразования и развития хозяйства народностей Севера, а вместе с тем и перехода их на социалистические рельсы, Партия и Правительство видели в ленинском кооперативном плане. В 1932 г. Постановлением ЦК ВКП(б) «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера» определены последовательность проведения коллективизации в районах Севера и ее формы. В Постановлении говорилось: «В районах народностей Крайнего Севера основное и главное внимание сосредоточить на организации лишь первичных форм производственного кооперирования; только в районах наиболее высоким хозяйственным и политическим уровнем, в особенности среди населения, занятого рыболовецким промыслом..., допускать организацию смешанных промысловых артелей по типу сельхозартели. Там, где не имеется для укрепления и развития смешанных промысловых артелей необходимых условий, перевести артели на устав простейших производственных объединений»¹⁵. Учитывая социально-экономические, исторические и другие местные особенности, на Севере оказалась приемлемой интегральная форма кооперации, которая осуществляла не только торгово-снабженческие, заготовительные и кредитные, но и производственные функции. Деятельность интегральной кооперации способствовала объединению коренного населения в простейшие производственные объединения (ППО) и артели.

Массовый переход простейших производственных объединений Севера на устав сельскохозяйственной и рыболовецкой артели начался в середине 30-х гг. и завершился в начале 50-х гг.

Советское государство всемерно содействовало технической реконструкции хозяйства народностей Севера. Опыт организации МТС был перенесен на Север, где создавались МРС (моторо-рыболовецкие), МПС (моторо-промысловые), ПОС (промыслово-охотничьи) станции. Постепенно колхозы Севера стали укрепляться, увеличивались их основ-

¹⁵ Цит. по кн.: «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере», М., 1934, стр. 133.

ные средства, неделимые фонды. Со временем сложились условия, способствующие объединению мелких колхозов в более крупные и экономически более мощные. Во всех отраслях хозяйства народностей Севера все шире применялась современная техника. В настоящее время повсеместное распространение на Севере получили электричество, моторы, всевозможные механические приспособления, станки, сейнеры, катера, мотолодки, автомобили, тракторы. Нередко связь с отдаленными промыслово-оленоводческими бригадами осуществляется при помощи самолетов и вертолетов. Кроме колхозов, на Севере созданы государственные хозяйства (совхозы и промхозы). Социалистические формы хозяйства и социалистические производственные отношения прочно укоренились в жизни малых народностей Севера.

Свидетельством высокого идейно-политического роста народностей Севера служат имеющиеся во всех колхозах и совхозах партийные и комсомольские организации, проводящие большую работу. Представители народностей Севера — чукчей, эвенков, ненцев, коряков, хантов и др. были избраны делегатами на XXI, XXII и XXIII съезды КПСС, XIV съезд ВЛКСМ.

В годы Великой Отечественной войны народности Севера приняли активное участие в героической защите социалистического отечества. Многие их представители удостоены высоких правительственных наград. Эвенкам Эдяну, С. Моноконову, И. Увачану, нанайцу Н. А. Пассару были присвоены звания Героев Советского Союза.

В настоящее время, среди многочисленных бригад рыбаков, оленеводов, морских зверобоев, строителей развернулось патриотическое движение за право называться бригадами коммунистического труда. За выдающиеся достижения в развитии народного хозяйства и культуры многие сотни тружеников из числа малых народностей Севера (чукчи, коряки, эвенки, ненцы, ханты, нивхи, нанайцы и др.) отмечены высокими правительственными наградами. Звание Героя Социалистического Труда носят чукча-оленовод И. Арэнто, чукчанка-охотница К. Каляна, нивх-рыбак П. Г. Чайка, коряк-рыбак В. В. Ахайми, нанайцы-рыбак К. Одзял и др.

Коммунистическая партия и Советское правительство в планах индустриализации страны, размещения производительных сил уделили много внимания организации изучения и освоения природных богатств Севера, развитию транспорта, связи, экономическому и культурному развитию коренного населения.

Быстрыми темпами идет развитие добывающей и обрабатывающей промышленности Севера. Широко известны полиметаллические комбинаты Мончегорска, Норильска, Иультина, каменноугольные копи Печоры, Воркуты и других районов Севера, лесодобывающая и лесоперерабатывающая промышленность; в настоящее время Север становится одним из крупнейших поставщиков газа и нефти. Колыма и Чукотка занимают почетное место в добыче драгоценных металлов и по праву называются валютным цехом нашей страны. Здесь осваиваются богатейшие месторождения золота. Общеизвестны алмазные богатства Якутии, используемые в народном хозяйстве СССР. Для растущей промышленности Чукотки в районе Билибино сооружается атомная электростанция.

Все шире развивается морской и речной транспорт Севера, строятся порты, железные и автомобильные дороги. Северный морской путь стал регулярно действующей магистралью. Мощные ледоколы во главе с флагманом ледокольного флота СССР атомоходом «В. И. Ленин» прокладывают путь караванам кораблей, груженых промышленным

оборудованием, лесом, продуктами и товарами народного потребления. Все окружные центры, большинство населенных пунктов Севера связаны авиалиниями между собой и с областными центрами. Ликвидирована былая оторванность, изолированность Севера.

Народности Севера постепенно включаются в промышленное производство, осваивают новые специальности и становятся профессиональными тружениками промышленных предприятий. Появились уже рабочие, первые инженеры и техники из народностей Севера.

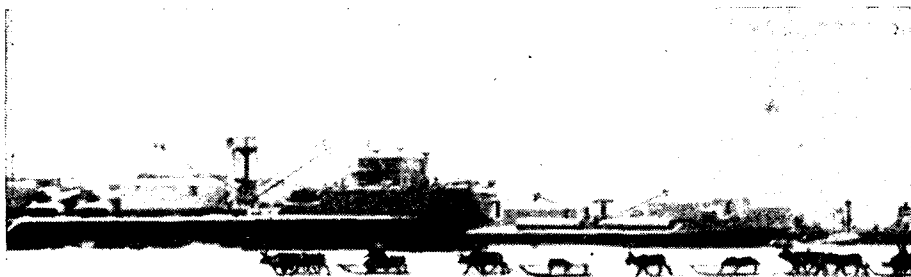

Рис. 1. Салехардский порт Ямало-Ненецкого национального округа. Фото А. А. Линденберга

Сейчас стоит задача всемерно связать индустриальное развитие Севера с преобразованием хозяйства, культуры и быта коренного населения. Крайний Север отличается от других районов СССР исторически сложившимися хозяйственными занятиями населения (оленьеводство, пушная охота, морской зверобойный промысел, рыболовство), которые обусловлены природно-климатическими особенностями. Теперь эти отрасли общественного производства получили целенаправленное развитие, стали рентабельными.

Особенно широкий размах и промышленный характер получило рыболовство. На берегах рек и морей Севера построены рыбоперерабатывающие заводы и консервные комбинаты. Например, в Корякском национальном округе продукция рыбной промышленности составляет свыше 90% всей промышленной продукции, причем более 30% всей добываемой на Камчатке рыбы дают труженики Корякского национального округа¹⁶. На рыбокомбинатах Ханты-Мансийского национального округа изготавливается свыше 20 миллионов банок рыбных консервов¹⁷. Освоение новых водоемов и новых районов рыбной ловли происходит при помощи специальных научных изысканий. Так, Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии ведет комплексное исследование в Восточно-Сибирском, Чукотском и Беринговом морях и рекомендует колхозам более богатые места для лова рыбы¹⁸.

Особое внимание уделялось и уделяется развитию и совершенствованию оленеводческого хозяйства Севера, преобразованию быта оленеводов. За годы Советской власти оленеводство превратилось из почти

¹⁶ К. Г. Кузаков, Национальные округа Крайнего Севера СССР, М., 1964, стр. 123.

¹⁷ Там же, стр. 44.

¹⁸ «Тепло и заботу — Северу», газ. «Известия» № 106 (15500), 6/V—1967.

натуральной в высокотоварную, экономически наиболее выгодную из традиционных отраслей отрасль северного хозяйства. В настоящее время, в связи с развитием промышленности в районах Крайнего Севера и ростом населения, значительно повысилось народно-хозяйственное значение оленеводства. Его успешному развитию и дальнейшему совершенствованию способствуют специальные научные учреждения и опытные оленеводческие станции, созданные в районах Севера. Эти учреждения занимаются изучением условий размножения, разработкой методов и средств борьбы с эпизоотиями и болезнями оленей и т. п., а также рекомендаций, направленных на повышение устойчивой экономической эффективности оленеводства. Многие сделано в этой области сотрудниками Научно-исследовательского института сельского хозяйства Крайнего Севера, расположенного в г. Норильске.

Север является важнейшим поставщиком пушнины — «мягкого золота». Широкое развитие на Севере в послевоенные годы получило звероводство, которое оказалось рентабельным и хорошо дополняет охотничий промысел, так как в ряде районов Севера имеется дешевая кормовая база. На зверофермах разводят норок, песцов и серебристо-черных лисиц.

В некоторых районах Севера, особенно в Чукотском национальном округе, колхозы занимаются морским зверобойным промыслом. Из полунатурального этот промысел превратился в доходную отрасль колхозного производства. Выросла техническая оснащенность промысла, колхозы имеют зверобойные шхуны, сейнеры, моторные вельботы, механизированные разделочные площадки, жиротопные цехи и т. п.

За годы Советской власти далеко на Север продвинулись и такие отрасли хозяйства как земледелие, животноводство, птицеводство.

Особое внимание на различных этапах социалистического строительства уделялось проблеме реконструкции быта малых народов Севера, переходу населения, занятого в оленеводческом и промысловом хозяйстве, к оседлому образу жизни. В результате проведения коллективизации, объединения коренного населения в сельскохозяйственные и рыболовецкие артели значительная часть жителей оказалась занятой в хозяйственных отраслях, не связанных с кочеванием. Это в первую очередь относится к рыболовству, превратившемуся в ряде округов и районов из второстепенного, подсобного занятия в одну из ведущих отраслей северного хозяйства.

Организованному переходу на оседлость предшествовала большая работа по земле- и водоустройству всех районов Крайнего Севера¹⁹. Были определены границы округов и районов, проведено межхозяйственное и внутрихозяйственное земле- и водоустройство. Одновременно была

Рис. 2. Хантыйский рыбак Ф. С. Терешкин, награжденный орденом Ленина
Фото В. П. Соколовой

¹⁹ 10 сентября 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и сельскохозяйственного населения северных окраин РСФСР» («Собрание узаконений», 1930, № 46, ст. 547).

произведена съемка местности и планирование центральных усадеб колхозов, с учетом строительства жилых домов, учреждений культуры, здравоохранения, производственных и хозяйственных построек. В коренном улучшении жилищно-бытовых условий остро нуждалось также оседлое население Севера, которое пользовалось архаическими типами

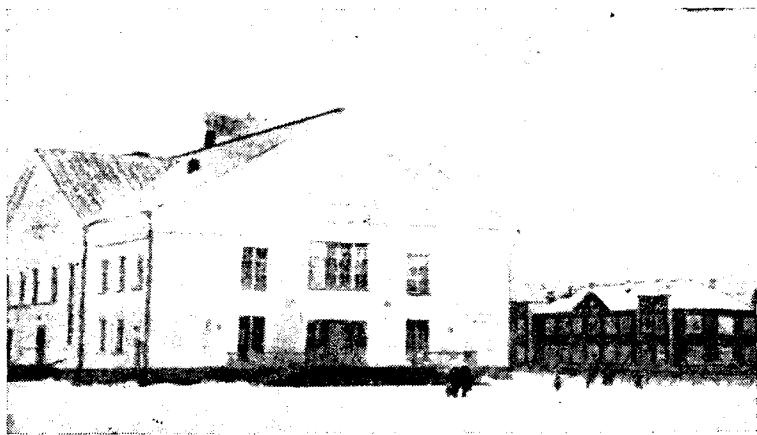

Рис. 3. Окружной дворец культуры в г. Нарьян-Маре (Ненецкий национальный округ). Фото А. А. Линденберга

жилищ. Необходимо было построить современные поселки практически для всего коренного населения Севера. Советское правительство выделяло и продолжает выделять специальные средства, необходимые фонды строительных материалов, транспорт и т. п. для жилищного строительства на Севере. Только в сельской местности Камчатской области с 1951 по 1964 г. построено более 3500 жилых домов²⁰. В районах Крайнего Севера большую часть стоимости жилого дома колхозника государство берет на себя, а остаток ссуды погашается в течение ряда лет. Государство выделяет для жилищного строительства малым народам Севера большие средства. Так, колхозы только одного Чукотского национального округа за период с 1961 по 1963 г. получили ссуду на 3,5 млн. руб. для строительства домов семьям чукчей, эвенов, эскимосов, чуванцев, переходящим на оседлость²¹.

На Севере СССР в основном уже ликвидировано бытовое кочевание. Однако олени все еще выпасаются пастухами, которые вынуждены кочевать вместе со стадами. В ряде районов Севера еще не изжито и бытовое кочевание. Все это сдерживает улучшение условий труда и быта занятого в оленеводстве населения. Отсюда одной из основных проблем современного развития оленеводства Севера является, по мнению автора, проблема перевода на оседлость оленеводов тундры, т. е. изжития производственного кочевания. Поиски путей и методов создания наиболее благоприятных производственных и бытовых условий оленеводов

²⁰ «Народное хозяйство Камчатской области. Статистический сборник», Хабаровск, 1966, стр. 72.

²¹ В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера, «Сов. этнография», 1966, № 3, стр. 13—14.

тундры ведутся по всему Северу. Предпринимаются попытки механизированного обслуживания стад при помощи тракторов и вездеходов; сменно-бригадный выпас оленей при помощи вертолетов и самолетов, огораживание пастбищ, создание промежуточных баз на путях следования стад. По-видимому в разных районах Севера найдет применение один из методов или комбинация методов, которая окажется наиболее отвечающей местным условиям и будет наиболее экономически рентабельной.

Советское правительство предпринимало и предпринимает необходимые шаги для повышения жизненного и культурного уровня, улучшения условий труда и быта народностей Севера.

В настоящее время для коренного населения большинства районов Крайнего Севера созданы культурно-бытовые условия, мало чем отличающиеся от условий, типичных для сельской местности центральной части РСФСР. На Севере построены новые благоустроенные населенные пункты. Они электрофицированы и радиофицированы, в них имеются школы-интернаты, детские сады и ясли, клубы с киноустановками, отделения связи, магазины, хлебопекарни и т. д.

С первых дней установления Советской власти медицинское обслуживание народностей Севера явилось предметом неустанных забот Советского государства. В настоящее время во всех населенных пунктах Севера имеются медицинские учреждения, а во многих — еще и передвижные медицинские отряды, задача которых заключается в сплошном периодическом обследовании коренного населения, работающего в промысловых и оленеводческих бригадах, а также в лечении больных. Имеется специальная санитарная авиация — самолеты и вертолеты. Все медицинские обслуживание коренного населения (профилактические мероприятия, лечение, медикаменты и т. п.) осуществляется за счет государства. Расходы по здравоохранению составляют одну из главных статей бюджета национальных округов.

Коллективизация обеспечила упорядочение режима труда и отдыха. Рабочие совхозов, промхозов ежегодно получают оплаченные отпуска. На Севере ведется большая работа по профилактике заболеваний, по санитарно-гигиеническому просвещению. Более организованный и целеустремленный характер эта работа приняла после опубликования Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» от 14 января 1960 г.

В начале 30-х гг., в целях скорейшего овладения грамотой и приобщения к современной культуре была создана письменность на многих языках народов Севера. Сложились северные литературно-письменные языки, на некоторых из них и сейчас издается оригинальная и переводная художественная, общественно-политическая и другая литература. В национальных округах и районах Севера издаются газеты на русском и местном языках:

Как и в других районах нашей страны, на Севере введено всеобщее обязательное обучение. В общеобразовательных школах, в интернатах, в техникумах и училищах дети народностей Севера находятся на полном государственном обеспечении. Около $\frac{1}{4}$ бюджета национальных округов расходуется на народное образование.

Нельзя не сказать и о том большом значении, которое имело в развитии образования коренных жителей Севера своеобразное, единственное в своем роде учебное заведение — Институт народов Севера, созданный в 1930 г. и просуществовавший до 1942 г. В этом учебном заведении обучались представители всех малых народностей Севера и Сиби-

ри. Из этого Института вышли первые педагоги, экономисты кооперативно-колхозного профиля, советские и партийные работники. Большую роль в подготовке высококвалифицированных работников для Севера сыграл Ленинградский государственный университет, в стенах которого ряд лет существовал Факультет народов Севера. Начиная с 1930г. и до сих пор педагогические кадры для Севера готовит Педагогический институт им. А. И. Герцена в Ленинграде.

В настоящее время в национальных округах Севера имеется разветвленная сеть средних специальных учебных заведений. Педагогические училища в Нарьян-Маре, Салехарде, Ханты-Мансийске, Игарке, Анадыре готовят основные кадры преподавателей для начальных школ национальных округов Севера. Так, из 870 учителей, работающих в школах Чукотского национального округа, более $\frac{1}{3}$ являются выпускниками Анадырского педагогического училища. Специалисты-зооветеринары для обслуживания отраслей северного промыслового хозяйства готовят в техникумах Нарьян-Мара, Салехарда, Дудинки и поселка Олы под Магаданом. Нарьян-Марский сельскохозяйственный техникум (в прошлом сельскохозяйственная школа) за 14 лет с 1951 по 1964 год окончил 494 человека, среди них — 133 ненца и 123 коми²². В ряде окружных центров созданы культпросветшколы и медицинские училища для народов Севера.

Рис. 4. Т. Е. Закор — заслуженная учительница РСФСР (Нанайский район Хабаровского края). Фото А. В. Смоляк

Наряду с этими учебными заведениями в индустриальных центрах Заполярья — Норильске, Providении и других городах и промышленных центрах открыты профессионально-технические училища, где дети из числа коренных жителей Севера овладевают специальностями радиостов-операторов, мотористов-дизелистов, штукатуров-маляров, арматурщиков-бетонщиков и другими.

Вопросами музыкального образования и физического воспитания занимаются детские музыкальные и спортивные школы Нарьян-Мара, Салехарда, Ханты-Мансийска, Дудинки, Анадыря, Providения и других городов.

После окончания средней школы и средних специальных учебных заведений многие юноши и девушки из народностей Севера продолжают образование в высших учебных заведениях Ленинграда, Москвы и других городов Российской Федерации. Представители народностей Севера учатся в педагогических, сельскохозяйственных, медицинских, технических вузах страны и в университетах. Большинство коренных жителей, работающих в партийных и советских органах национальных округов, преподавателями школ, в промыслово-оленьеводческом хозяйстве и т. д., являются выпускниками этих учебных заведений.

²² Сведения получены в Нарьян-Марском сельскохозяйственном техникуме.

Свидетельством высокого развития культуры малых народностей Севера служит рост кадров местных партийных работников, работников органов Советской власти, учреждений культуры, учителей, медицинских работников, зоотехников, ветеринаров, охотоведов, звероводов, механиков, электриков, мотористов, радистов, строителей и т. п., появление интеллигенции из коренных жителей и ее активное участие во всех отраслях общественно-политической, хозяйственной, культурно-просветительной жизни.

В учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях Ленинграда получили подготовку первые ученые из народностей Севера: манси — А. И. Картина (канд. филологических наук), В. И. Рубкалева (канд. педагогических наук), эвенки — В. Н. Увачан (канд. исторических наук), А. В. Романова (канд. педагогических наук), чукчи — П. И. Иненликей (канд. филологических наук), нанаяц С. Н. Оненко (канд. филологических наук), нивх Ч. М. Таксами (канд. исторических наук), долган Г. Р. Попов (канд. экономических наук) и др. У народностей Севера есть свои, хорошо известные в стране писатели: Г. Ходжер (нанаяц), Ю. Рытхуе (чукча), А. Немтушкин (эвенк), Ю. Шестаков (манси), В. Санги (нивх), В. Ледков (ненец) и другие. Писательская организация нашей страны высоко оценила литературные произведения северян; многие из них приняты в члены Союза советских писателей.

Выращенная и воспитанная в советское время интеллигенция из народностей Севера занимает достойное место в государственной, культурно-политической и общественной жизни нашей страны: А. Д. Нутэтэгрин (чукчанка) — председатель Чукотского окрисполкома, член Президиума Верховного Совета СССР; В. Н. Увачан (эвенк) — первый секретарь Эвенкийского окружкома КПСС, депутат Верховного Совета СССР; Л. Н. Ледков (ненец) — председатель Ненецкого окрисполкома, депутат Верховного Совета СССР.

Народности Севера вносят свой вклад в развитие культуры советского общества. Произведения писателей-северян издаются на многих языках народов Советского Союза и за рубежом. Заслуженной известностью пользуются произведения чукотских и эскимосских костерезов. Звание заслуженного художника РСФСР носят Вуквутагин (чукча) и Хухутан (эскимос). Широкое признание получили национальная художественная самодеятельность народностей Севера, в частности танцевальный ансамбль Ненецкого Национального округа «Северное сияние», первый балет «Мэнго», созданный в Корякском национальном округе и пользовавшийся большим успехом на смотре художественной самодеятельности Российской Федерации в 1967 г., и др. Ежегодно во многих национальных округах проходят районные и окружные олимпиады — фестивали художественной самодеятельности и спортивные

Рис. 5. Хант А. А. Ангатшупов играет на национальном инструменте «леледь». Фото З. П. Соколовой

смотры. Фестивали, смотры возрождают памятники национальной культуры, традиционные спортивные игры и состязания²³.

Развивается прикладное искусство народов Севера. Особенно славятся резьба по кости, изделия из оленьих шкур, отделанные сукном и бисером, ковры из ткани с аппликациями и т. д.²⁴ На базе традиционного прикладного искусства в ряде мест возрождаются национальные художественные промыслы. Эти явления свидетельствуют о дальнейшем развитии национальной культуры.

В апреле 1967 г. Совет Министров СССР принял постановление о мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера. Это постановление предусматривает меры по завершению в ближайшие годы перевода кочевого населения районов Крайнего Севера на оседлый образ жизни. Министерству гражданской авиации вменено в обязанность организовать на договорных началах постоянное обслуживание колхозов, совхозов и других хозяйств Крайнего Севера вертолетами и самолетами. В г. Анадыре намечено строительство морского порта, телевизионного центра «Орбита», на сто человек увеличивается прием в институты и техникумы студентов северных народностей, которые во время учебы будут находиться на полном государственном обеспечении²⁵ и др.

Главный итог исторического развития народностей Севера за 50 лет Советской власти состоит в осуществлении перехода от первобытнообщинного строя к социализму, минуя капитализм. Глубочайшие изменения в развитии экономики, культуры, быта и идеологии малых народностей Севера достаточно хорошо известны и очевидны. Однако достижение этих успехов стало возможным лишь в результате кропотливых и настойчивых поисков наиболее правильных форм и методов постепенных преобразований первобытнообщинных основ уклада жизни народностей Севера. На этом пути были большие трудности, возникали весьма сложные проблемы, порой допускались ошибки. И это закономерно, так как никакого опыта приобщения к социалистическому строительству ранее отсталых народов история не знала.

В Программе КПСС отмечается, что «партия будет по-прежнему проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство наций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии»²⁶. Результатом последовательного проведения Коммунистической партией Советского Союза ленинской национальной политики являются огромные успехи в развитии экономики и культуры малых народов Севера. В едином строю с другими советскими народами они активно участвуют в строительстве коммунизма.

SUMMARY

In the Soviet period the peoples of the North have trod a long road of socialist development. Before the Great October Socialist Revolution they represented different stages of disintegration of the primitive communal structure and the transition to a class society. The October Revolution put an end to their economic and social backward-

²³ Ю. Б. Стракач, Народные традиции и подготовка современных промысловых сельскохозяйственных кадров, Новосибирск, 1966, стр. 143—146; А. В. Смоляк, Ульчи, М., 1966, стр. 257—263; Л. В. Хомич, Ненцы, М.-Л., 1966, стр. 326; Ч. М. Таксам, Нивхи, Л., 1967, стр. 252—258.

²⁴ А. А. Лебедева, А. В. Смоляк, Сессия Ученого совета Научно-исследовательского института художественной промышленности по итогам научной экспедиционной работы 1964—1965 гг., «Сов. этнография», 1966, № 2.

²⁵ См. «Известия», № 102 (15496), 30.IV.1967.

²⁶ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 114.

ness and opened broad possibilities for radical reforms in their everyday life and for a development of their culture. The Leninist national policy of the Communist Party resulted in great successes in the socialist development of the economy and culture of small Northern peoples. The Soviet Government and the Communist Party rendered systematic material and organizational aid to the peoples of the North in the course of the socialist reorganization and technical reconstruction of their economy.

Mining and processing industries are making rapid progress in the North. Traditional branches of economy, such as reindeer breeding, hunting, fishing, sea animal hunting, continue to develop. New branches are emerging such as agriculture and fur animal breeding. Considerable work is done in the sedentarisation of the nomadic population of the North. This complicated problem, connected with fundamental reforms in the economy and everyday life of the population, attracts great attention of scientists and practical workers.

The national cultures of the peoples of the North continue to progress. In Soviet years a personnel of high qualification has been trained. Among the peoples of the North emerged national intelligentsia, writers, poets, scientists, social workers and so on.

Н. А. Кисляков

**ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И БРАКА
В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА)

Вопросы семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана стали привлекать к себе внимание уже с давних пор. Начиная с древности, путешественники, участники завоевательных походов и другие лица отмечали различные, главным образом курьезные (с их точки зрения) обычаи, в том числе и в области семейно-брачных отношений; греческие, римские, китайские авторы говорят о таких явлениях как групповой брак, высокое положение женщины в семье и обществе и т. п. Однако все это были лишь отдельные, разрозненные свидетельства, обычно очень неполные и часто противоречивые.

Вполне естественно, что вопросы семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, равно как и другие вопросы быта и культуры, стали более широко освещаться лишь после присоединения Казахстана, а позднее и Средней Азии к России. Само собой разумеется, что такие яркие стороны быта, как свадьба и свадебная обрядность, в первую очередь привлекали внимание людей, не знакомых с жизнью местного населения. Изучение этой стороны быта влекло за собой изучение и других обычаев, связанных с семьей и браком, а также специфики семейных отношений, положения женщины, вопросов наследования и т. п. В результате, в печати стали появляться многочисленные описания, то в виде отдельных статей и очерков, посвященных семейно-брачным отношениям, то в виде экскурсов, включенных в дневники путешествий и, наконец, в виде отдельных глав или разделов монографий, посвященных тому или другому народу.

С упрочением русской власти в крае, вместе с созданием различных научных обществ и кружков (в Ташкенте и других городах), русские ученые приступили к систематическим сборам материалов, которые и послужили основой этнографического изучения большинства народов Средней Азии и Казахстана.

Однако не все народы изучались одинаково. Это объясняется, с одной стороны, различными сроками освоения той или другой области (например, ряд районов Казахстана был присоединен к России еще в XVIII в.); с другой стороны, известную роль здесь сыграли и военно-стратегические соображения царских властей, а также интерес к «экзотике», стремление, побуждавшее отдельных ученых и путешественников (часто по заданию и с санкции правительственных органов) проникать в отдаленные, труднодоступные области края (например, в пустынные районы Туркмении, высокогорный Памир и прилегающие к нему местности). По этой причине перед нами такое, на первый взгляд, парадоксальное явление, как довольно обстоятельное описание горных таджиков и почти полная неизученность в этнографическом отношении густонаселенных районов Узбекистана (Фергана, долина Зеравшана).

В результате, ко времени Великой Октябрьской социалистической революции накопилось довольно большое количество материалов по семье и браку у казахов, отчасти киргиз, горных таджиков; беднее были представлены материалы по узбекам, каракалпакам, туркменам.

Дореволюционные исследования семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана носили в основном описательный характер. Часто это весьма добросовестные и полные описания свадебных обычаев и церемоний, форм брака, обычая уплаты калыма, таких обычаев, как левира́т, кузенный брак, характеристика семейных отношений, норм наследования и т. п.

Однако было бы неверным утверждать, что в дореволюционное время не предпринимались отдельные попытки интерпретации тех или других явлений в области семейно-брачных отношений. Примером может служить вопрос о калыме. Так, И. Аничков в своей интересной и содержательной статье¹ рассматривает калымный брак как куплю-продажу девушки, связывает калым с бытованием патриархально-родовых отношений, говорит о вырождении калыма в условиях товарно-денежного хозяйства. Наряду с таким, по существу правильным определением института калыма, мы находим и другие, курьезные объяснения, как например у П. Маева, который писал, что «калым основан для того, чтобы ничего неимеющий не мог жениться и тем расплодить нищих»². Отметим также, что в отдельных случаях среднеазиатский материал частично привлекался этнографами-теоретиками в своих работах по истории семьи, в частности А. Н. Максимовым³.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала новые предпосылки для изучения этнографии народов Средней Азии и Казахстана, в том числе и вопросов семьи и брака, причем на принципиально иной основе, чем это было в колониальный период. Изучение семейно-брачных отношений было поставлено на прочный фундамент исторического материализма: вопросы семьи стали изучаться в тесной связи с социально-экономическими факторами, с интерпретацией различных сторон семейно-брачных отношений в связи с проблемами развития семьи и брака на основе учения Моргана — Энгельса. Семья перестала рассматриваться как нечто статичное, советские исследователи стремятся проследить этапы ее эволюции в связи с общим развитием общественных отношений. Новым явилось и то обстоятельство, что изучение этнографами вопросов семьи и брака стало носить планомерный, систематический характер, им стали заниматься не только в центре, но и на местах, в работу постепенно включаются и местные ученые. Конечно все это произошло не сразу. Историю изучения вопросов семьи и брака у народов Средней Азии можно разделить на два периода: исследования довоенных лет (двадцатые и тридцатые годы) и исследования в послевоенный период.

Исследования 1920-х гг. шли по линии изучения семьи и брака у тюркоязычных, в основном кочевых в прошлом народов Средней Азии и Казахстана — казахов, киргиз, полукочевых узбеков, туркмен. Среди них в первую очередь укажем статьи Г. А. Бонч-Осмоловского⁴,

¹ И. В. Аничков, К вопросу о калыме, сб. «Средняя Азия», Ташкент, 1895.

² П. Маев, Азиатский Ташкент, «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV, СПб., 1876, стр. 311.

³ А. Н. Максимов, Из истории семьи у русских инородцев, «Этнографическое обозрение», 1902, № 1; его же, Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого, «Этнографическое обозрение», 1908, № 1—2.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский, Свадебные жилища турецких народностей, «Сборник материалов по этнографии», т. III, Л., 1926.

Ф. А. Фиельструпа⁵ и И. Д. Старынкевич⁶, посвященные тюркским народам в более широком аспекте, но касающиеся также казахов, киргиз и туркмен. Первые два автора, рассматривая вопросы соотношения калыма и приданого у тюркских народов, вслед за А. Н. Максимовым выдвигают положение о том, что приданое у этих народов, состоящее обычно из юрты, а также домашних вещей, отражает стадию матрилокального поселения, когда муж селился у жены и пользовался указанными предметами, в свою очередь поставляя в дом тестя продовольственные продукты и различные припасы, плоды охоты; впоследствии же, при смене матрилокального поселения патрилокальным, возник калым, как компенсация отцу новобрачной за даваемое с дочерью приданое. И. Д. Старынкевич в своей статье рассматривает более широкий круг вопросов, касающихся пережитков группового брака и материнства; являясь последовательной ученицей Л. Я. Штернберга, она по существу развивает на материале тюркских народностей положения, выдвинутые этим ученым. По ее словам, тюркские народы Сибири и Средней Азии в недалеком прошлом знали две формы брака, развившиеся из ортодоксального группового брака (типа гиялкского) — более древняя похищением с последующим примирением и выплатой выкупа за похищение, и более поздняя — путем сватовства и уплаты калыма; важно отметить, что каждую из указанных форм брака автор связывает с определенной «хозяйственно-экономической формой быта».

Н. П. Дыренкова — другая ученица Л. Я. Штернберга — вела в середине двадцатых годов работу среди киргиз; в ее краткой, но содержательной статье⁷ приводится система родства, в значительной степени сохраняющая классификационный характер, рассмотрены семейно-брачные запреты и избегания, а также вскрываются пережитки материнского строя, которые автор усматривает в предпочтительной форме кузенного брака на дочери брата матери, обычая возвращения новобрачной на некоторое время после свадьбы домой; избегания объясняются ею, вслед за Л. Я. Штернбергом, боязнью нарушения половых ограничений между определенными категориями родственников. В аналогичном плане проводилась среди южных полукочевых узбеков-кунград и работа Л. П. Потапова, который также рассмотрел у этой группы узбеков систему родства и дал описание ряда пережитков материнского строя и группового брака⁸.

Изучение семьи и брака у туркмен в этот период вели Н. В. Брюллова-Шаскольская⁹ и А. С. Морозова¹⁰. Первая из них говорит о сохранении родового деления у туркмен (при отсутствии экзогамии), об отсутствии больших семейных коллективов; среди пережитков материнства автор усматривает следы материнского счета происхождения и большую роль дяди со стороны матери, бытовавший обычай левирата она объясняет как пережиток группового брака. А. С. Морозова дает описание свадьбы и рассматривает ряд вопросов, связанных с формами брака, в частности, в калыме она видит компенсацию родителям за вос-

⁵ Ф. А. Фиельstrup, Свадебные жилища турецких народностей, «Сборник материалов по этнографии», т. III, Л., 1926.

⁶ И. Д. Старынкевич, Формы заключения брака у турецких племен Сибири и кочевников Средней Азии, сб. МАЭ, т. IX, Л., 1930.

⁷ Н. П. Дыренкова, Брак, термины родства и психические запреты у киргизов, «Сборник этнографических материалов», Л., 1927, № 2.

⁸ Л. П. Потапов, Материалы по семейно-родовому строю у узбеков «кунград», журн. «Научная мысль», 1930, № 1, Ташкент.

⁹ Н. В. Брюллова-Шаскольская, Пережитки древних форм семьи и брака у туркмен, «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928.

¹⁰ А. Морозова, Быт и женский труд в Туркмении, журн. «Туркменоведение», 1929, № 6—7.

питание дочери, а обычай «кайтарма» (возвращение новобрачной в дом родителей) связывает с необходимостью уплаты калыма.

Несколько особняком стоит работа П. И. Кушнера, посвященная киргизам, в которой вопросы семьи и брака рассматриваются попутно с другими; автор говорит о труде и быте женщины, о сравнительно большой половой свободе молодежи, о встречающихся больших семьях, многоженстве, калыме¹¹.

Обстоятельное описание свадьбы таджиков кишлака Шахристан дано О. А. Сухаревой. В нем автор отмечает добрачные тайные посещения женихом невесты и практикующееся при этом избегание женихом и невестой родни противоположной стороны; приводится ряд терминов родства и свойства¹². В рассматриваемый период вышли также работы О. А. Сухаревой, И. И. Зарубина и А. Л. Троицкой, в которых изложены обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у таджиков, однако этой тематики в данной статье мы не будем касаться. Отметим еще работу Э. Г. Гафферберг, посвященную свадебной обрядности живущих на территории СССР джемшидов и хазара; автор останавливает свое внимание на двух больших свадебных праздниках — помолзке и собственно свадьбе, в период между которыми производилась уплата калыма и практиковались тайные добрачные свидания молодых; автор подробно останавливается на размерах и составе калыма, обычаях, связанных с его уплатой¹³.

В 1930-х гг. исследование семьи и брака все еще ведется немногими лицами. Изучение семьи у туркмен было продолжено Д. Г. Иомудской-Буруновой¹⁴ и С. П. Толстовым¹⁵. Первый автор подробно характеризует положение женщины у иомудов, описывает свадьбу, отмечает весьма развитый у этого племени обычай «кайтарма», по которому новобрачная в течение многих лет после свадьбы должна жить в доме родителей. Работа С. П. Толстова имеет чисто теоретический характер; автор усматривает у туркмен следы тотемизма, в частности полового тотемизма, и пережитки дуальной организации; все это, вместе с другими архаичными обычаями, такими как левират и кайтарма, приводит С. П. Толстова к выводу, что туркмены последовательно прошли все основные формы семейно-брачных отношений, сменявшие друг друга в истории развития первобытного общества.

В эти же годы этнографы-таджиковеды А. Н. Кондауров¹⁶ и Н. А. Кисляков¹⁷ провели стационарную полевую работу в горном Таджикистане. Оба автора (А. Н. Кондауров у ягнобцев, Н. А. Кисляков у таджиков Вахно-боло и Ванджа) изучали в основном большую патриархальную семью (в значительной степени сохранявшуюся еще нетрону-

¹¹ П. Кушнер, Горная Киргизия, М., 1929.

¹² О. А. Сухарева, Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана, «Сборник научного кружка при Восточном факультете САГУ», вып. I, Ташкент, 1928.

¹³ Э. Г. Гафферберг, Форма брака и свадебные обряды у джемшидов и хезар, «Сов. этнография» (далее СЭ), 1936, № 1.

¹⁴ Д. Г. Иомудская-Бурунова, Женщина в старой Туркмении, М.-Ташкент, 1931.

¹⁵ С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

¹⁶ А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. III, вып. I, 1940.

¹⁷ Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-боло, «Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР», т. X, Этнографическая серия, 2, 1936. Большая семья в долине р. Вандж была отмечена В. В. Гинзбургом; см. его: Горные таджики, «Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР», т. XVI, Антропологическая серия, 2, 1937.

той в этих отдаленных горных районах), сельскую общину и соотношения и взаимосвязи той и другой. Проводилось также изучение семейного быта и семейной обрядности, в частности свадебной, пережитков матернитета и группового брака (брак на дочери брата матери, как предпочтительная форма, левират, следы классификационной системы родства и пр.). Небольшая работа О. А. Сухаревой посвящена описанию самаркандской свадьбы¹⁸; в ней же автор намечает два типа свадьбы, исходя из патрилокальности или матрилокальности основных свадебных обрядов, она же характеризует как пережиток матрилокального брака длительное пребывание новобрачной в доме родителей после свадьбы, практиковавшееся в ряде мест среди таджиков и узбеков.

Из сказанного выше видно, что хотя работы советских этнографов по семье и браку в довоенный период были немногочисленны, в них ставились различные серьезные проблемы. Было установлено наличие в ряде районов реликтовых форм семьи — патриархальных семейных общин, описано их устройство, состав, характер хозяйства, принципы распределения труда, формы наследования; знакомство с семейными общинами патриархального типа в значительной степени способствовало пониманию механизма превращения кровно-родственной общины в территориальную или соседскую. Изучение семейно-брачных норм и форм брака помогло выявить наиболее архаические пласты в семейно-брачных отношениях, свидетельствующие о том, что народы Средней Азии и Казахстана в отдаленном прошлом знали и групповой брак, и материнский род с матрилокальным поселением. Было подтверждено широкое распространение таких институтов как левират, кузенный брак, сговор малолетних, констатируется, что брак путем уплаты калыма являлся наиболее широко распространенной формой брака как у кочевых, так и у оседлых народов и групп; собраны некоторые материалы по системам родства.

Однако весь этот материал все же оставался фрагментарным, он был локализован ограниченными районами, что не позволяло говорить об универсальности тех или других явлений и препятствовало работе по выявлению различных вариантов отдельных семейно-брачных институтов и тем самым всестороннему и более глубокому изучению соответствующих проблем.

После Великой Отечественной войны работа по этнографии народов Средней Азии и Казахстана, в частности и по изучению семейно-брачных отношений, получила широкий размах. Особенно важно отметить то обстоятельство, что в ней приняли участие молодые местные ученые, получившие высшее образование и прошедшие аспирантуру; многие из них изучают культуру и быт тех народов, племен или этнографических групп, из которых они сами происходят, что, конечно, дает хорошие результаты. Большое значение в более углубленном изучении этнографии народов Средней Азии и Казахстана сыграла подготовка и выпуск двух томов серии «Народы мира», посвященных среднеазиатскому региону; немалая роль в этом деле принадлежит и монографиям по быту и культуре колхозного крестьянства — таджиков, узбеков, киргизов, казахов, где видное место отведено материалам по семье и браку. Правда, не во всех работах, подготовленных по рассматриваемой проблеме, материал одинаково ценен: наряду с хорошими описаниями и углубленными исследованиями в этой области встречаются и поверхностные, зачастую беглые сведения, лишь констатирующие наличие тех или других обычаев, церемоний, общие поверхностные описания семейного быта.

¹⁸ О. А. Сухарева, Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии, сб. «Советская этнография», III, 1940.

Следует отметить, что вместе с характеристикой старой семьи и старых семейно-брачных обычаев большинство работ в той или иной мере содержит материалы и по новой семье, новым семейно-брачным отношениям, становлению советской семьи и борьбе за нее, борьбе за раскрепощение женщины. За последние годы количество таких работ значительно выросло; в них мы встречаем и попытки характеристики новой семьи, новых семейных отношений, вместе с тем говорится о том, что осталось от старого, как во взаимоотношениях внутри семьи, так и в обычаях и обрядах.

Здесь приводится далеко не полный перечень работ, специально посвященных семье и браку или содержащих сведения по этому вопросу у народов Средней Азии и Казахстана в послевоенный период¹⁹.

¹⁹ По казахам: О. А. Корбе, Культура и быт казахского колхозного аула, СЭ, 1950, № 4; В. В. Востров, Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области, «Труды Ин-та истории АН КазССР», т. 3, Этнография, 1956; Н. С. Сабитов, Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников (по материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей), там же; Дж. Х. Кармышева, Семья и семейный быт, глава в книге «Культура и быт казахского колхозного аула», Алма-Ата, 1967. По киргизам: С. М. Абрамзон, В киргизских колхозах Тянь-Шаня, СЭ, 1949, № 4; его же, Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, ТИЭ, т. XIV, 1951; его же, Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия, СЭ, 1954, № 4; его же, Киргизская семья в эпоху социализма, СЭ, 1957, № 5; его же, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, КСИЭ, вып. 28, 1958; его же, Семья и семейный быт, раздел в книге «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», ТИЭ, т. XXXVII, 1958; его же, Свадебные обычаи киргизов Памира, «Труды АН ТаджССР», т. СХХ, 1959; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960. По каракалпакам: Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, СЭ, 1949, № 2; ее же, Каракалпаки Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской экспедиции» (далее ТХЭ), I, 1952; ее же, Работы каракалпакского этнографического отряда в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции» (далее МХЭ), вып. I, 1959; ее же, Каракалпаки, Основные проблемы этнической истории и этнографии, Доклад по опубликованным работам, М., 1964; Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, Нукус, 1959; У. Шелекенов, Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района, ТХЭ, III, 1958; А. Т. Бекмуратова, Семейно-бытовой уклад каракалпаков в прошлом и задача преодоления его вредных пережитков, Автореферат канд. дисс., М., 1967. По туркменам: Г. П. Васильева, Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г., ТХЭ, I, 1952; ее же, Туркмены-нохурли, ТИЭ, т. XXI, 1954; Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, ТИЭ, т. XXI, 1954; его же, рец. на кн. Н. Кулиева «Борьба с пережитками отсталого прошлого в сознании людей в условиях Советского Туркменистана», Ашхабад, 1955, СЭ, 1956, № 3; Д. М. Овезов, Туркмены-мурчалы, «Труды ЮТАКЭ», т. IX, Ашхабад, 1959; его же, Свадебные обряды туркмен долины рек Сумбара и Чандыра в конце XIX — начале XX в., «Изв. АН ТуркмССР, Серия общественных наук», 1964, 6; Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Ашхабад, 1961; А. Джикиев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961; его же, Свадебные обряды у туркмен-салыров в конце XIX — начале XX в., «Труды Ин-та истории АН ТуркмССР», т. VII, 1963; С. Н. Иомудский, О пережитках родового быта у скотоводов западной Туркмении в XIX в., СЭ, 1964, № 4; К. Овезбердыев, Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса, «Труды Ин-та истории АН Туркм. ССР», т. VI, 1962; его же, Семейные отношения у туркмен Мервского оазиса в конце XIX — начале XX в. Исследования по этнографии туркмен, Ашхабад 1965. По узбекам: М. В. Сазонова, К этнографии узбеков южного Хорезма, ТХЭ, I, 1952; К. Л. Задыкина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, там же; ее же, Культура и быт узбеков Кыпчакского района Каракалпакской АССР, ТХЭ, II, 1958, стр. 761—808; ее же, Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана, ТИЭ, т. XLVII, 1959; О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955; Г. П. Снесарев, О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма, СЭ, 1957, № 2; М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959; Ф. Арипов, Изучение быта и культуры рабочих узбеков в 1958—1959 гг., СЭ, 1960, № 5; Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, СЭ, 1960, № 1; Н. П. Лобачева, Свадебный обряд хорезмских узбеков, КСИЭ, вып. 34, 1960; ее же, О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана, СЭ, 1967, № 2; К. Шаниязов, Узбеккарлуки, Ташкент, 1964; К. Курбангалиева, Быт и культура рабочих узбеков шелковой промышленности г. Маргелана, Автореферат диссертации, Ташкент, 1966. По тад-

Не имея возможности в небольшой статье осветить все проблемы семьи и брака, изучавшиеся советскими этнографами, остановимся здесь на некоторых из них, наиболее важных.

1. **Формы семьи.** Еще в начале XX в. в Средней Азии и Казахстане существовали две формы семьи — большая патриархальная семья (семейная община) и малая семья. Упоминание о патриархальной общине мы находим у некоторых дореволюционных авторов, однако ее детальное изучение было произведено только в советское время. Как показал конкретный материал, важнейшим условием сохранения патриархальных общин было натуральное хозяйство, поэтому такие семьи и бытовали в более или менее нетронутом виде в глухих районах Таджикистана, Киргизии, в Хорезмийском оазисе, в Карагинской степи. Этнографы дали обстоятельные характеристики таких семей — это были родственные коллективы, состоящие из нескольких поколений, жившие под одной кровлей или в примыкающих друг к другу помещениях и совместно владевшие имуществом, как движимым, так и недвижимым, за исключением предметов личного пользования; глава семьи распоряжался имуществом, распределял между членами семьи работу, решал (часто по согласованию с другими старшими членами семьи) вопросы женитьбы молодых людей и выдачи замуж девушкам. Такие большие патриархальные семьи бытовали не только в среде оседлого населения, но были отмечены и среди кочевников и полукочевников.

В связи с изучением патриархальных семейных общин, доживших кое-где почти до наших дней, перед этнографами встал вопрос о том, когда могла сложиться у народов Средней Азии и Казахстана большая патриархальная семья. Не вдаваясь здесь в подробности, отметим, что большинство советских этнографов и историков (С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, С. М. Абрамзон, Т. А. Жданко и др.) полагают, что время слоения патриархальных общин следует отнести к началу нашей эры, возможно даже к середине первого тысячелетия до н. э. Тот факт, что к началу XX в. патриархальные семьи еще кое-где сохранялись, позволяет говорить о том, что процесс их разложения на огромной территории Средней Азии и Казахстана шел в целом медленно и, по-видимому, в разных районах разными темпами. В силу этого теоретически мы, вероятно, должны найти большую патриархальную семью в различных стадиях ее упадка и разложения. Изучение форм распада большой патриархальной семьи и явилось одной из проблем, стоявших перед этнографами.

жикиа: Е. М. Пещерева, Поездка к горным таджикам, КСИЭ, вып. 3, 1947; М. С. Андреев, К характеристике древних таджикских семейных отношений, «Изв. Тадж. филиала АН СССР», 15, 1949; его же, Таджики долины Хуф, вып. I, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 7, 1953; А. К. Писарчик, Термины обращения «ло» и «ро» в шугнано-рушанской группе языков в верховьях Пянджа (Аму-Дарья), «Изв. Тадж. филиала АН СССР», 15, 1949; ее же. О некоторых терминах родства таджиков, «Труды АН ТаджССР», т. XVII, 1953; Е. М. Пещерева, Домашняя и семейная жизнь, раздел в книге «Культуры и быт таджикского колхозного крестьянства», ТИЭ, т. XXIV, 1954; Д. Г. Резник, Материалы к терминологии родства таджиков, Сообщения I и II, «Уч. зап. Кулябского пединститута», вып. 3, 1957 и вып. 4, 1958; Л. Ф. Моногарова, Материалы по этнографии язгулемцев, ТИЭ, т. XLVII, 1959; Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, ТИЭ, т. XLIV, 1959. *По мелким народностям:* Р. Д. Ходжаева, Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины. «Труды Ин-та истории АН КазССР», т. 3. Этнография, 1956; Л. Т. Шинло, Культура и быт советских дунган, Фрунзе, 1965; Э. Г. Гафферберг, Поездка к бедуятам Туркмении в 1958 г., СЭ, 1960, № 1; А. Мамедназаров, Свадебные обряды курдов Туркмении, «Изв. АН ТуркмССР. Серия общественных наук», № 1, 1963; Б. К. Кожемуратов, О некоторых вопросах распада большой семьи у народов, миновавших капиталистическую стадию развития (по материалам республик Средней Азии и Казахстана), «Труды Ин-та философии и права АН КазССР», т. 8, 1963.

Само собой разумеется, что распад больших патриархальных семей связан с уменьшением их численного состава. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова считают, что в процессе распада большой патриархальной семьи и превращения ее в малую у оседлого населения сложилась переходная форма семьи, которую они называли неразделенной семьей, состоящая уже не из трех или более поколений, как это было раньше, а только из двух поколений, причем старшее поколение было обычно представлено одной парой, отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья; женитьба внука вела к выделению новой семьи, однако еще не порывавшей своих связей, часто и экономических, со старой семьей. Термин «неразделенная семья» в настоящее время получил признание у большинства этнографов.

С. М. Абрамзон, исследовавший вопрос о большой патриархальной семье и ее разложении у кочевников, также применяет термин «большая неразделенная семья»; по-видимому, процесс уменьшения численности членов семьи у кочевников шел примерно так же, как и у оседлого населения. Конечно, существовала и некоторая специфика. В частности, большие семьи у кочевников, в силу особенностей кочевого быта, обычно не могли проживать в общем доме из-за ограниченных размеров последнего, а размещались в нескольких домах или юртах.

Эта специфика послужила поводом для отдельных авторов утверждать, что если у кочевников большая патриархальная семья некогда и существовала, то она исчезла в незапамятные времена.

В целом же весь имеющийся материал говорит о том, что уменьшение численного состава большой семьи и ограничение ее двумя поколениями женатых мужчин — закономерный процесс в эволюции семьи, как у оседлого населения, так и у кочевников.

Однако в процессе распада большесемейных общин и постепенного сложения малых семей, мы сталкиваемся и с другим явлением. Речь идет о сохранявшихся до недавнего времени группах, состоявших из нескольких родственных между собой малых семей, объединенных экономическими интересами и известным идеологическим единством. С. М. Абрамзон, который довольно полно разработал этот вопрос в отношении кочевых и полукочевых народов, предложил называть такие объединения семейно-родственными группами. Он пишет, что наряду с малой семьей, возникающей в результате разложения большой семьи, «появилось более широкое социальное объединение, имевшее определенные признаки экономического и территориального единства; в поддержании этого единства немаловажное значение имели продолжавшие сохраняться отношения родства... не случайно каждая такая группа называла себя „детьми одного отца“»²⁰. Т. А. Жданко изучала такие семейно-родственные группы у каракалпаков, где они известны под именем «коше»; Г. П. Васильева отметила у туркмен наличие таких групп, известных под именем «гарындаш». Эти исследователи, ссылаясь на М. О. Косвена, такие группы называют патронимиями.

Такие семейно-родственные группы были и у оседлого населения, их называли «каун», «элат». Члены такой группы часто проживали в одном квартале селения или города; семьи, входившие в объединение, хотя и владели каждая своим приусадебным и пахотным участком, но объединялись для совместной пастбы скота, для выхода со скотом на летние альпийские пастбища, владели общей мечетью и общим кладбищем, оказывали друг другу помощь в различных хозяйственных делах. Собранные полевые материалы позволили кое-где проследить и

²⁰ С. М. Абрамзон, *Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии*, стр. 152—156.

примеры образования таких групп непосредственно в результате распада больших патриархальных общин.

Вопросы изучения сельской общины выходят за рамки нашего обзора. Однако следует упомянуть, что, как показывают исследования, семейно-родственные группы составляли основу сельской общины, в которой первоначально преобладали родственные связи, затем постепенно сменявшиеся территориальными. Характеристике и сущности сельской и кочевой (аульной) общины посвящено немало работ советских этнографов.

Собственно малая семья, которая являлась преобладающей формой семьи как у оседлого населения Средней Азии, так и у кочевников, также была объектом рассмотрения и изучения. Один из важнейших выводов, к которому приходят все исследователи, это то, что в малой семье, как и в ее предшественнице — большой патриархальной общине, отношения продолжали оставаться патриархальными. Для нее, как и для большой семьи, было характерно господство в доме главы семьи, превосходство мужчины над женщиной, старших над младшими; женщина была лишена элементарных человеческих прав, целый ряд правил и обычаев принижал ее достоинство; власть отца над детьми была неограничена. Одним из проявлений патриархальных порядков было многоженство главы семьи, унаследованное от патриархальной общины. Правда, в малой семье, менее мощной, чем патриархальная семейная община, возможность для главы семьи иметь несколько жен стала меньше. Труды советских этнографов показывают, что степень сохранения патриархальных отношений и угнетенного положения женщины была не везде одинакова и зависела от целого ряда причин, в частности от того, была ли данная семья городская или сельская, зажиточная или бедная, от степени участия женщины в производительном труде, от локальных вариантов обычного права, от степени влияния в данной среде шариятских норм и т. п.

То обстоятельство, что обе зарегистрированные формы семьи — патриархальная и малая — были свойственны как оседлому населению, так и кочевникам в одинаковой степени, позволяет сделать вывод, что формы хозяйства и быта не определяли форму семьи.

2. **Формы брака.** Наиболее распространенной формой брака у народов Средней Азии и Казахстана в XIX — начале XX в. был брак, условием которого была выплата семьей жениха калыма отцу невесты. Вопрос о калыме неоднократно освещался в дореволюционной литературе, при этом, как мы уже говорили, высказывались различные мнения о происхождении и сущности калыма.

Советские этнографы собрали новый большой материал по калыму, показали, что брак путем уплаты калыма был очень широко распространен у всех народов. Многие авторы, писавшие о семейно-брачных отношениях, как правило, уделяют большое внимание калыму (его размерам, срокам уплаты, кругу родных жениха и невесты, помогавших в уплате калыма отцу жениха и получавших какую-то часть калыма от отца невесты).

Собранный материал позволил исследователям определить место калыма и калымного брака как особой формы брака в истории развития семейно-брачных отношений. Сейчас уже можно с уверенностью сказать, что калым связан с той стадией развития семьи, когда на смену роду и парной семье приходит патриархальная семейная община. Следовательно, можно утверждать, что калым был известен народам Средней Азии и Казахстана уже в течение многих столетий. Постепенно, с разложением патриархальной семейной общины, намечается и

тенденция к сокращению размеров калыма, а затем и к полному его исчезновению. При становлении малой семьи калым некоторое время еще сохраняется, постепенно меняя свои формы, нередко он выступает под видом подарков и свадебных расходов со стороны жениха. Приданое невесты в значительной доле обеспечивает материальную базу новой семейной ячейки. Не следует забывать, что в основе связи между патриархальной семейной общиной и калымом лежат глубокие общественные процессы и сдвиги, поскольку сама патриархальная община есть продукт появления новых богатств, стремления и возможности накопления этих богатств, изменения форм собственности — перехода от родовой к большесемейной собственности, изменения порядка наследования, которое теперь ведется исключительно по прямой мужской линии.

Однако с становлением малой семьи, хотя указанные только что факторы и продолжают действовать и даже еще усиливаются, возможности малой семьи уплачивать калым сильно уменьшаются, а при ослаблении родовых связей (здесь мы оставляем в стороне отдельные зажиточные семьи) и вообще сходят на нет. В этом, по-видимому, и кроется причина постепенного исчезновения калыма в условиях бытования малой семьи.

Помимо наиболее распространенного брака покупкой, как дореволюционные исследователи, так и советские этнографы отмечают бытование таких форм брака, как колыбельный сговор, левират (и сорорат), кузенный брак, брак обменом, брак отработкой. Собранный в послевоенное время большой материал говорит о повсеместном распространении этих форм брака, которые бытовали наряду с браком покупкой и являлись как бы второстепенными, дополнительными формами. При истолковании этих форм брака многие наши исследователи делают упор на том, что все они являются пережиточными формами древних семейно-брачных отношений — группового брака (левират, сорорат), так называемого ортодоксального брака, характерного для эпохи господства родовых отношений (брак обменом, колыбельный сговор), матернитета (брак отработкой невесты в доме ее отца).

Другие исследователи, напротив, склонны в данном вопросе придавать большее значение влиянию самого брака покупкой, так как в одних случаях он облегчает уплату калыма (колыбельный сговор, кузенный брак), в других и вовсе освобождает от обязательства его уплаты (левират, брак обменом, брак отработкой). Однако, по-видимому, здесь следует принимать во внимание оба фактора: с одной стороны, живучесть этих архаических форм брака обусловлена экономическими соображениями, соображениями, вытекающими из необходимости уплаты калыма и стремления избежать тяжелых расходов для семьи жениха или в какой-то степени облегчить их; с другой стороны, эти второстепенные формы брака находят свое обоснование в предшествовавших формах семьи и брака.

Упомянем еще о браке похищением. Факты показывают, что такой брак в отдельных случаях практиковался. Однако он не являлся общераспространенной или универсальной формой брака, как думала И. Д. Старынкевич. К нему прибегали иногда, чтобы избежать больших расходов на свадьбу, или же в случае несогласия родителей девушки на брак с избранным ею человеком.

3. Пережитки матернитета и группового брака. Письменные источники сохранили для нас сведения об обычаях древних аборигенов Средней Азии и Казахстана, свидетельствующие о бытовании среди них в прошлом матернитета, группового брака и других архаичных социальных институтов. Эти обычаи неоднократно упомина-

лись и получили широкое освещение в трудах советских этнографов (С. П. Толстов²¹ и др.). Изучение семейно-брачных отношений в том виде, в каком они сохранялись до Великой Октябрьской социалистической революции (а частично уже и в советское время) показало, что пережитки указанных архаичных форм были еще довольно сильны.

Особенно много в этом отношении дало изучение свадебной обрядности. Было показано, что у большинства народов (узбеки, казахи, киргизы, таджики) значительная часть свадебных церемоний проходила в доме родителей невесты, в чем исследователи усматривают пережиток былой матрилокальности брака. Так же, по-видимому, следует объяснять и практиковавшиеся у многих народов добрачные тайные посещения женихом невесты («кынголбози» у таджиков, «калынгдик уйнау» у казахов), происходившие в доме девушки, а также обычай «возвращения домой» (термин М. О. Косвена) новобрачной — посещение дома своих родителей вскоре после заключения брака и проживание там некоторое время, обычай, который получил широкое развитие у туркмен. У последних такое проживание, называемое «кайтарма», длилось годами; длительным оно было и у некоторых групп узбеков. Следует отметить, что так как период тайных добрачных посещений у таджиков и казахов и «кайтармы» у туркмен были связаны с расчетами по уплате калыма, то здесь так же, как и в вопросе о некоторых формах брака между советскими этнографами еще нет единой точки зрения: нужно ли видеть в этих обычаях дань, отдаваемую старым традициям, или они появились уже позднее, в связи с экономическими расчетами по калыму. В качестве пережиточной формы матрилокальности брака исследователи склонны рассматривать и избегания между будущим зятем и родителями невесты, практиковавшиеся обычно со времени сватовства и до окончания всех брачных церемоний.

К пережиткам матернитета советские этнографы относят и предпочтение у многих народов (узбеки, таджики, киргизы, туркмены) брака на дочери брата матери, и то особое предпочтение, которое отдается роду матери, и, в частности, дяде со стороны матери. Этот последний играл важную роль в жизни детей своей сестры, заботился о них нередко являлся и опекуном, играл важную роль на свадьбе своего племянника или племянницы; при распределении калыма дядя невесты со стороны матери получал какую-нибудь ценную вещь и т. п. Роль и значение дяди по материнской линии, известные и у других народов, нашли широкое освещение в трудах специалистов по этнографии Средней Азии и Казахстана. Некоторые исследователи в своих работах отмечают особую роль матери в брачном обряде (например, у туркмен долины реки Сумбара при свадебных играх существовал особый приз матери) и также в повседневной жизни семьи.

В описании свадебных обрядов, например среди некоторых туркменских племен, особенно выделялась роль дружки жениха — мысайыба, в нем исследователи склонны видеть пережиточно товарища жениха при групповому браку. Свобода добрачных отношений между юношами и девушками, широко распространенная в прошлом среди многих народов Средней Азии и Казахстана, отмеченная у некоторых групп горных таджиков, киргизов, казахов, а также легкомысленное отношение к супружеской верности, санкционированное общественным мнением и обычаем, рассматривается обычно так же, как пережиток группового брака.

Под углом зрения пережитков группового брака рассматриваются среднеазиатскими этнографами и системы родства, которые характеризуются как классификационные; в качестве другой характерной чер

²¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1947.

ты систем родства указывается на четкое различие родственников по линии отцовской и по линии материнской. Мы не имеем здесь возможности останавливаться на подробностях, укажем лишь, что в настоящее время советскими этнографами собран значительный материал по системам родства киргиз, узбеков, таджиков, каракалпаков, но предстоит еще большая работа по его сопоставлению и сравнительному изучению.

За последние годы некоторые этнографы уделяют внимание изучению семейно-брачных обычаев и обрядов не только с точки зрения стадильной интерпретации их, но и с точки зрения этнических особенностей. Эта проблема тесно связана с этногенезом; в качестве примера укажем на статьи Н. П. Лобачёвой о свадебном обряде у хорезмских узбеков и Г. П. Васильевой о туркменской свадьбе.

4. Новая советская семья. В центре внимания специалистов по этнографии Средней Азии и Казахстана за последние два десятилетия находится изучение вопросов становления и развития советской семьи. Большинство работ, выходящих за последнее время, содержит в первую очередь описание новых семейных отношений, при этом указываются и те пережитки старого, которые еще бытуют в семье. Часто во главу угла как раз и ставятся вопросы изживания этих пережитков, которые кое-где еще сильно дают себя знать. Так, например, отмечается, что хотя калым и исчез, но часто сторона жениха делает большие подарки родным невесты, ей самой, и производит непомерные затраты на устройство свадебного празднества; в ряде случаев соблюдается и выполнение старинных свадебных обычаев и церемоний, главным образом, как обычно объясняют это, в угоду старикам, которые не мыслят себе свадьбы без сохранения старинного церемониала.

Не изжиты повсеместно тенденции со стороны глав семей по-старому беспрекословно распоряжаться в доме, влиять на выбор невесты для сына или жениха для дочери, единолично распоряжаться семейным имуществом и т. п.; местами еще живучи такие обычаи, как «кайтарма», закрывание молодой женщины от старших членов семьи и от посторонних, раздельная еда в семье мужчин и женщин. Обращается внимание на стремление устраивать пышные и многолюдные семейные праздники — не только в связи со свадьбой, но и по случаю рождения ребенка особенно сына, обрезания, поминок и т. п., требующие больших расходов.

Вместе с тем в работах этнографов все более четко вырисовывается облик новой советской семьи, основанной на равноправии и взаимном уважении всех ее членов, материально обеспеченной, живущей в достатке и в культурных условиях.

Первым и наиболее важным основанием такой семьи, отмеченным почти во всех работах, явилось коренное изменение в положении женщины, базирующееся на советском законодательстве и на вовлечении женщины в производительный труд; последнее ставит женщину в независимое от мужа положение. Немаловажным условием является также создание и укрепление сети детских и бытовых учреждений — детских садов и яслей, интернатов, столовых, пекарен, комбинатов бытового обслуживания и т. п. В этнографической литературе последних лет всем этим вопросам уделяется большое внимание, приводятся данные о количестве занятых в том или другом производстве и на колхозных полях женщин и о развитии сети детских и бытовых учреждений в городах и селениях. Участие женщин и молодежи в производительном труде, личные заработки всех работоспособных членов семьи — все это привело к тому, что расходы на семейные и личные нужды производятся уже, как правило, с общего согласия, при этом глава семьи часто выступает лишь как хранитель общих средств.

Много внимания в работах уделяется новым взаимоотношениям между членами семьи, между мужчинами и женщинами, старшим и младшим поколениями, родителями и детьми. Отмечается тот факт, что молодежь сейчас получает образование в школах, в высших учебных заведениях и техникумах, приобретает специальность, что значительно повышает ее авторитет в семье. Исследователи нового семейного быта интересуются семейным бюджетом, для чего нередко прибегают к анкетному методу опроса, детально изучают статьи семейного дохода, а также расходов; среди последних все большее место занимают расходы на культурные нужды — приобретение книг, выписку газет и журналов, приобретение радиоприемников, телевизоров, а также различных бытовых приборов, облегчающих домашний труд. В связи с семейным бытом обращается внимание и на улучшение жилищных условий, в частности на размещение семьи в многокомнатных домах, что оказало влияние на внутрисемейные отношения, на большую личную свободу, на организацию быта отдельных членов семьи согласно их склонностям и вкусам.

Как на одну из новых черт семейного быта исследователи все чаще указывают на увеличение числа межнациональных браков, что способствует, помимо всего прочего, и взаимообогащению национальных культур. Одной из черт новой семьи является усыновление детей-сирот.

Наряду с описанием семьи в колхозной среде, появляются труды и по семейному быту рабочих отдельных национальностей (работы Ш. Аннаклычева по туркменам, К. Л. Задыхиной, Ф. Арилова и Р. Курбангалиевой по узбекам, С. М. Абрамзон по киргизам).

В этнографической литературе нашли отражение и различные мероприятия, предпринимаемые местными советскими органами и широкой общественностью по борьбе с семейными пережитками и укреплению новой семьи (советы стариков, учреждение новых праздников, связанных с рождением, достижением совершеннолетия, комсомольские свадьбы и т. п.).

В заключение отметим, что в области изучения советской семьи у народов Средней Азии и Казахстана настоятельно ощущается нужда в обобщении, что позволит дать полную и всестороннюю характеристику семьи нового, социалистического типа.

SUMMARY

The author distinguishes two periods in the ethnographical study of marriage and family among the peoples of Middle Asia and Kazakhstan. In the twenties of the XX century emphasis was made on investigations of family institutions of the Turkic peoples, namely the Kazakhs, Kirghizes, Uzbeks, etc. In the thirties more attention was paid to the study of the Tajiks (including mountain groups of that people). The ethnographical data obtained during this period is considered to be rather fragmentary and confined to a few narrow regions. After the Great Patriotic War the second period of these studies began. It has been characterized by wide-ranging field work participated in by many ethnographers of local nationalities.

The author goes on to analyze the present state of research in the main problems involved:

1. The types of family (especially, the big patriarchal family and its remnants).
2. The types of marriage.
3. The survivals of motherright and group marriage. The author lays stress on the fact that during recent years family and marriage relations have been studied from the viewpoint of both phasic regularities and ethnic specificity.
4. The new Soviet family. The main attention is paid to problems of the formation and development of the Soviet family, interrelations between its members, radical changes in the status of woman, new family rites etc.

С. А. Гонимонский

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И НАРОДЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В 1917 году в России был прорван фронт мирового империализма, победила первая в мире пролетарская социалистическая революция. Это был коренной поворот во всемирной истории.

Октябрьская революция началась и победила под знаменем раскрепощения народов, под знаменем создания и укрепления добровольного, братского содружества наций. Она создала новый тип многонационального государства — яркий пример действительно независимого и свободного развития для всех народов мира. Октябрьская революция указала трудящимся всех стран тот путь, идя по которому они смогут освободиться от капиталистического рабства. Она наглядно показала, что пролетариат может успешно управлять страной без эксплуататорских классов и против них, в интересах всех трудящихся.

Октябрьская революция придала трудящимся всех стран новые силы и уверенность в их конечной победе, вызвала небывалый подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. В Октябрьской революции все народы увидели вдохновляющий пример, а в созданном ею строе — прообраз того будущего, к которому стремятся трудящиеся всех стран.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла эру пролетарских революций, эру социализма и тем самым практически определила генеральное направление социального прогресса. Она доказала глубокую научную обоснованность и великую силу марксистско-ленинских идей.

В период первой мировой войны, особенно в результате победы Октябрьской революции в России, начался общий кризис капитализма, охвативший экономику и политику капиталистического общества. Одной из важнейших черт общего кризиса капитализма явился кризис колониальной системы империализма.

В. И. Ленин подчеркивал, что об интернациональном характере Октябрьской революции можно говорить в узком и широком смысле. В узком смысле речь идет о том, что некоторые основные черты нашей революции имеют «не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение»¹. Октябрьская революция показала народам всех стран мира образец того, как пролетариат под руководством своей партии должен на деле осуществлять свою историческую миссию могильщика старого общества, как можно и нужно добиться социального и национального освобождения, как воплощать в жизнь и развивать дальше революционную марксистскую теорию. В широком смысле, писал В. И. Ленин, интернационализм Октябрьской революции состоит в ее воздействии на все страны как ускорителя мирового революционного процесса. Октябрьская революция явилась началом мировой революции, ее несокрушимой базой, она дала мощный толчок развитию

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 3.

тех трех революционных сил (социалистическая система, мировое рабочее и коммунистическое движение, национально-освободительное движение), которые в наше время оказывают решающее влияние на ход истории.

Октябрьская революция сыграла огромную роль в пробуждении народов Латинской Америки и втянула их в общее русло борьбы против мирового империализма. Она способствовала распространению в Латинской Америке марксизма-ленинизма.

Первая мировая война, ослабив мировую капиталистическую систему, подготовила благоприятную обстановку для восприятия в Латинской Америке революционизирующего влияния Октябрьской революции. В годы войны национальная промышленность ряда латиноамериканских стран развивалась значительно быстрее, чем в предшествующий период, заметно вырос промышленный пролетариат, самый последовательный борец против империализма, усилились противоречия между национальной буржуазией и империализмом.

Социалистическая революция в России, писал У. Фостер, «оказала сильное воздействие на положение во всех странах Америки, как и во всех других частях земного шара. Она стала лучом света и надежды для миллионов угнетенных и эксплуатируемых рабочих и крестьян во всех странах западного полушария, от Канады до Аргентины»².

Исключительное влияние оказала Октябрьская революция на самую большую страну Латинской Америки — Бразилию³. «Большевистский союз» штата Рио-Гранди-ду-Сул 1 ноября 1918 г. обратился к бразильским трудящимся с призывом проявить солидарность с героической борьбой русского пролетариата «против империалистической интервенции». Памятными в истории рабочего движения в Бразилии явились массовые забастовки, демонстрации и манифестации рабочих в конце 1918 — первой половине 1919 г. Воодушевленные примером русских рабочих, бразильские трудящиеся в упорной борьбе добились серьезных успехов: повышения заработной платы и восьмичасового рабочего дня, права свободно объединяться в союзы.

В ходе выступлений 1918—1919 гг. бразильский пролетариат ярко проявил свой интернационализм и дружеские чувства к Советской России. В 1919 г., в день празднования Первого мая на одной из площадей Рио-де-Жанейро собралось больше 60 тысяч человек. В этот день в столице прозвучал лозунг «Да здравствует Новая Россия и Ленин!».

Трудящиеся бразильской столицы на первомайском митинге приняли послание рабочему классу Советской России, в котором выражалась солидарность с борьбой трудящихся всего мира и особенно русского пролетариата. В тот же день, несмотря на полицейский запрет, рабочие провели в помещении одного из театров собрание солидарности с молодой Советской республикой. Такие же манифестации состоялись и в других городах.

Большим событием в развитии движения «Руки прочь от Советской России» была 24-часовая забастовка протеста против интервенции империалистических держав в Советской России, проведенная Союзом металлистов Федерального округа 11 июля 1919 г. Она явилась блестящим примером пролетарской солидарности. В это время в Бразилии уже развивалось движение по оказанию помощи стране Советов. Его участники выпускали газету «Солидарность», проводили в крупных го-

² Уильям З. Фостер, Очерк политической истории Америки, М., 1955, стр. 516—517.

³ См. Б. И. Коваль, Великий Октябрь и рабочий класс Бразилии, «Новая и новейшая история», 1966, № 5, стр. 10—21.

родах сбор средств для посылки медикаментов русским рабочим и крестьянам, сражавшимся на фронтах гражданской войны.

Под лозунгами солидарности трудящихся и поддержки Советской России прошла и первомайская демонстрация 1920 г. На митингах в Рио-де-Жанейро выступали представители рабочих различных районов страны: Федерального округа, Минас-Жерайс, Баия, Рио Гранди-ду-Сул.

В 1924 г. на юге Бразилии под руководством Луиса Карлоса Престеса восстал ряд гарнизонов. В 1924—1927 гг. повстанческие части совершили поход с юга на север Бразилии, ведя непрерывные бои с превосходящими силами правительственных войск. Легендарный поход «колонны Престеса» в Бразилии явился ярким свидетельством революционных веяний в Латинской Америке.

Лучшие представители бразильского общества восторженно приветствовали и высоко оценивали роль и значение Октябрьской революции. Среди них были крупнейшие бразильские писатели Монтейру Лобату и Лима Барreto, видные общественные деятели и публицисты Афонсо Шмидт, Педро Мотта Лима, Отавио Брандао и многие другие.

Среди властителей дум бразильской молодежи был писатель Лима Барreto. Весь свой талант и свою короткую жизнь он посвятил трудовому народу, городской бедноте и обездоленному бразильскому крестьянству, призывая их к единству и борьбе за свободу и лучшие условия жизни.

Виновниками бедствий своего народа Лима Барreto справедливо считал не только бразильских латифундистов и крупных капиталистов, но и империалистов США. Он не обманывался, как многие, в отношении подлинной сущности североамериканской демократии. Не в «чудовищной республике», как он называл США, а в русской революции, свергнувшей эксплуататоров и освободившей страну от иноземной зависимости, видел Лима Барreto идеал для трудящихся Бразилии.

Лима Барreto смело разоблачал клеветников-реакционеров, пытавшихся очернить в глазах народа великое дело борьбы за светлое будущее, начатое русским рабочим классом и крестьянством.

Перефразируя слова великого немецкого писателя Гете, сказанные о рядовых солдатах французской революции, Лима Барreto, восхищаясь мужеством русских революционеров, восклицал: «Лицо мира меняется! Славься, Россия!».

Великая Октябрьская революция оказала огромное революционизирующее влияние на Мексику. В начале 1921 г. в штате Юкатан происходило вооруженное выступление рабочих под лозунгом «Да здравствует мексиканская Советская республика!» Летом 1921 г. рабочие штата Мичоакан создали Советы. В декабре 1921 г. рабочие текстильных фабрик г. Пуэбла провозгласили «советскую республику»⁴.

Выдающийся вождь мексиканской революции Эмилиано Сапата горячо приветствовал Октябрьскую революцию. В феврале 1918 г. он писал: «Мы много выиграли бы и выиграло бы дело человеческой справедливости, если бы народы нашей Америки и все нации старой Европы поняли, что дело революционной Мексики и дело свободолюбивой России — дело всего человечества, высшие цели всех угнетенных народов»⁵.

X съезд Областной рабочей федерации Аргентины постановил в декабре 1918 года: «Заявить о своей полной солидарности и поддержке трудящихся России и Германии, которые прилагают героические усилия

⁴ «Известия», 19.IV.1921; «Правда», 19.VIII.1921; «L'Humanite», 23.XII.1921.

⁵ «La Voz de Mexico», 16.XI. 1948.

для осуществления чаяний, являющихся движущей силой творческой деятельности всемирного пролетариата: свободы труда и уничтожения эксплуатации человека человеком...»⁶.

В ноябре 1918 г. забастовали металлисты крупного завода в Буэнос-Айресе. После двухмесячной забастовки хозяева решили при помощи полиции расправиться с забастовщиками. В знак протеста 9 января 1919 г. в городе стихийно вспыхнула всеобщая забастовка, охватившая затем ряд других аргентинских городов. В похоронах жертв расстрела участвовало более 200 тыс. рабочих. Траурный митинг кончился баррикадными боями с полицией. Эта первая крупная забастовка и последовавшая за ней демонстрация привели, несмотря на разгул реакции, к резкому усилению национально-освободительной борьбы. Это было боевое крещение аргентинского пролетариата.

В январе 1919 г. успешно бастовали аргентинские моряки. 80 тыс. швейников бастовало в апреле того же года. Забастовочное движение перекинулось в деревню: стали бастовать сельскохозяйственные рабочие.

«С первого момента завоевания власти большевиками,— говорит руководитель аргентинских коммунистов В. Кодовилья,— коммунисты Аргентины старались всеми силами довести до сознания рабочего класса, народа и, по мере возможности, братских народов континента историческое значение этого славного события для человечества»⁷.

Один из руководителей компартии Чили Гало Гонсалес рассказывал, что во время Октябрьской революции он работал на медном руднике «Эль Теньенте», принадлежавшем американской компании «Брейден Коппер». После окончания работы рабочие часто просили его почитать вслух газеты. Их интересовали сражения, которые вела зарождавшаяся тогда Красная Армия. Сообщения о победах восставших рабочих вызывали бурю восторгов, одобрительные возгласы, люди подбрасывали вверх сомбреро. Так на пустынных склонах Анд, во владениях американской компании, рождалась классовая солидарность.

В 1919 г. по всему Чили прокатилась бурная волна стачек, демонстраций и крестьянских волнений. В 1932 г. восстал гарнизон столицы Республики — Сантьяго. К восставшим присоединились рабочие, передовая часть студенчества и интеллигенция и мелкая городская буржуазия. В столице был создан Совет рабочих депутатов. Делались попытки создать Советы в других городах и даже деревнях Чили. Только прибегнув к иностранной помощи, чилийская реакция смогла расправиться с Советами. Но идея Советов крепко вошла в сознание чилийских трудящихся.

На Кубе проходили стачки промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Под влиянием русской революции народные массы Кубы требовали ликвидации господства США в стране. В 1923 г. мощное движение «за университетскую реформу» охватило молодежь Кубы. Студенты требовали автономии университетов и демократизации всего учебного процесса. В 1925 г. выдающийся революционер, друг Марти и борец за его идеи, Карлос Балиньо, вместе с другим пламенным революционером Хулио Антонио Мельей, основал Коммунистическую партию Кубы.

В июле 1918 г. объявили забастовку моряки и портовые рабочие Уругвая. Забастовка парализовала морской транспорт страны и закончилась победой. Весь 1919 год характеризовался в Уругвае непрерывными забастовками.

⁶ Цит. по журн. «За рубежом», 1967, № 26, стр. 14.

⁷ V. Codovilla, ¿Resistirá la Argentina al imperialismo yanqui? Buenos-Aires, 1948, p. 388.

«Русская революция оказывала растущее влияние на массы, вдохновляя их своим примером на усиление их боеспособности, вселяя в них все большую уверенность в свои собственные силы», — указывает видный уругвайский историк Франсиско Пинтос⁸.

Глубоко и значительно влияние Октябрьской революции на маленькие страны Центральной Америки. В 1920 г. сальвадорские трудящиеся провели первые забастовки, требуя повышения заработной платы. В 1923 г. родились сальвадорские профсоюзы. В том же году в стране возникла секция Коммунистической партии Центральной Америки, действовавшая под этим именем до 1928 г., когда она стала называться Коммунистической партией Сальвадора.

Именно в то время была создана Конфедерация трудящихся Центральной Америки и профсоюзы страны объединились в мощную федерацию трудящихся Сальвадора.

В 1919 г. в Панамер начал выходить прогрессивный журнал «Куасимодо», в котором печатались работы о революции и Ленине. В 1920-х гг. в этой стране возникли революционно-патриотические течения, находившиеся под идейным влиянием Октябрьской революции. В уставе Всеобщего профсоюза трудящихся Панама нашли отражение концепции классовой борьбы. В Панаме было создано местное отделение антиимпериалистической лиги Америки. С тех пор в Панаме существует прогрессивное рабочее движение, выразителями интересов которого является Народная (коммунистическая) партия Панама и Профсоюзная федерация трудящихся.

В 1925 г. панамский народ проводит крупные забастовки и активно борется против североамериканских интервентов за территориальную целостность и суверенитет своей страны. В последующие годы продолжает углубляться антагонизм между панамским народом и империализмом янки, между трудящимися Панама и местными латифундистами и крупной торговой буржуазией — союзниками империализма США.

Особого подъема национально-освободительное движение достигло в Никарагуа. В 1927 г. никарагуанский народ с оружием в руках поднялся на борьбу против североамериканских захватчиков. Во главе народного восстания встал выдающийся борец за независимость, славный сын никарагуанского народа Аугусто Сесар Сандино, который вел борьбу методами партизанской войны, принявшей характер массового антиимпериалистического движения.

Семь лет продолжалась доблестная борьба. 12 тысяч вооруженных до зубов американских захватчиков не могли сломить сопротивления партизанской армии, насчитывавшей не более 3 тыс. чел.

Вооруженная борьба патриотов привела к тому, что в 1933 г. войска США вынуждены были покинуть Никарагуа.

Сегодня с особой силой звучат слова Сандино, «генерала свободных людей»: «Суверенитет не выпрашивают, его завоевывают с оружием в руках»⁹.

Под влиянием Октябрьской революции в странах Латинской Америки, как и во многих других государствах, развернулась, по словам В. И. Ленина, «нешумная, неяркая, некрикливая, небыстрая, но глубокая работа»¹⁰ по созданию настоящего революционного авангарда пролетариата — коммунистической партии. Именно в первые годы после Октябрьской революции были созданы коммунистические партии в Арген-

⁸ F. R. Pintos, *Historia del Uruguay*, Montevideo, 1946, p. 135.

⁹ С. А. Гонионский, Сандино, М., 1965, стр. 67.

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 421.

тине (1918 г.), Мексике (1919 г.), Уругвае (1920 г.), Чили (1922 г.), Бразилии (1922 г.).

«Коммунистические партии стран западного полушария, как и коммунистические партии Старого Света,—отмечал У. Фостер,—не были как таковые порождением социалистической революции в России. Их породила внутренняя обстановка, но созрели они под влиянием Великой русской революции, ее опыта в деле строительства социализма»¹¹.

Под влиянием Октябрьской революции борьба между правым и левым крылом социалистических партий в странах Латинской Америки достигла максимального напряжения и привела к расколу. Левое крыло в каждой стране, все более полно отражая интересы ее рабочего класса и всех трудящихся, превращалось в коммунистическую партию. Вся история коммунистического движения в Латинской Америке убедительно показывает его подлинно национальный характер.

Народные массы Латинской Америки не ограничивались одними манифестациями и чествованием молодого Советского государства. С момента победы Октябрьской социалистической революции народы Латинской Америки потребовали от своих правительств немедленного признания Советской России и установления с ней нормальных отношений. Это требование было поддержано массовыми демонстрациями и стачками рабочих, например в Мексике, правительство которой признало СССР под давлением трудящихся масс. Народы Латинской Америки горячо поддерживали миролюбивую ленинскую внешнюю политику Советской России.

Агрессия гитлеровской Германии против Советского Союза вызвала возмущение народных масс Латинской Америки, выразивших полную солидарность советскому народу. Волна демонстраций и митингов прокатилась по всем крупнейшим городам Латинской Америки.

После нападения Германии на СССР все прогрессивные организации латиноамериканских стран поставили перед собой новые задачи, выступая за разгром гитлеровской Германии, за немедленную и широкую помощь советскому народу и его союзникам, за установление дипломатических и торговых отношений с СССР.

Победы Советского Союза на фронтах Отечественной войны и подъем национально-освободительного движения в Латинской Америке привели к тому, что в годы второй мировой войны 13 латиноамериканских стран из 20 установили дипломатические отношения с Советским Союзом. Это явилось признаком возросшей мощи и международного авторитета СССР.

Октябрьская революция открыла дорогу для развития освободительного движения, а историческая победа над фашизмом во второй мировой войне, которая стоила таких больших жертв, создала условия для нового мощного подъема этого движения. Начался новый этап общего кризиса капитализма.

Торжеству великих идей Октября способствовала и способствует созидательная деятельность первого в мире пролетарского государства, построившего социалистическое общество и приступившего к построению коммунизма.

Социализм в наши дни вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Создание этой системы является историческим завоеванием международного пролетариата и ярким свидетельством торжества социалистических идей, провозглашенных Великой Октябрьской социалистической революцией.

¹¹ Уильям З. Фостер, Указ. раб., стр. 520.

Вдохновленные успехами Советского Союза, угнетенные народы поднялись на борьбу, чтобы положить конец ненавистной колониальной системе империализма. Крах колониальной системы — одна из важнейших особенностей современного этапа общего кризиса капитализма.

Ленинское решение национального вопроса в СССР имеет всемирно-историческое значение и оказывает все более глубокое влияние на национальное развитие во всем мире, в том числе в Латинской Америке. «На опыте СССР весь мир убеждается в жизненной силе ленинской национальной политики, — говорится в тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». — Разрешение национального вопроса в нашей стране неопровержимо доказало, что активное самостоятельное историческое творчество не является достоянием лишь «избранных наций», а доступно всем народам. Советское многонациональное социалистическое государство демонстрирует на практике торжество идей пролетарского интернационализма»¹².

Пример Советского Союза, опыт решения национального вопроса в СССР весьма важен для стран Латинской Америки. Как известно, современное население ее сложилось из трех основных компонентов: аборигенов (многочисленных индейских племен), переселенцев из Европы (главным образом из Испании и Португалии) и негров-рабов, завезенных европейскими колонизаторами. Процесс формирования латиноамериканских наций из разнородных этнических и расовых компонентов протекал в сравнительно сжатые сроки. Поэтому и сегодня многие из латиноамериканских стран отличаются пестротой этнического состава.

Не будет преувеличением сказать, что для ряда латиноамериканских государств весьма острым является индейский вопрос. Миллионы индейцев кечуа, потомков древних инков, населяют ныне значительную территорию, охватывающую многие районы Перу, Боливии и Эквадора. В ряде других стран индейцы составляют чуть ли не половину всего населения¹³.

Под влиянием идей Октябрьской революции укрепляется самосознание индейского населения, которое все активнее включается в освободительную борьбу. Длительная борьба индейского крестьянства против захвата общинных земель и произвола властей заставляет правительства Перу, Боливии, Эквадора, Чили и некоторых других стран идти на определенные уступки.

Для освободительного движения индейцев в новейшее время характерен рост политической активности индейских масс, их сближение с другими трудящимися города и деревни, их активное участие в защите революции в Гватемале и Боливии, в борьбе против военных диктатур, в выступлениях против реакционных сил во многих латиноамериканских республиках. Новым является возникновение в Мексике, Чили, Эквадоре и некоторых других странах прогрессивных политических организаций индейцев, борющихся за свои права. Участие индейского населения в общенациональной борьбе оказывает существенное влияние на процессы его этнического развития.

Пробуждение индейских масс к активной общественно-политической жизни вызвало широкое движение за возрождение индейских культур-

¹² «Правда», 25.VI.1967.

¹³ См.: «Народы Америки», т. II, М., 1959; «Нации Латинской Америки», М., 1964; «Куба, историко-этнографические очерки», М., 1961; «Бразилия. Экономика. Политика. Культура», М., 1963; «Эквадор. Историко-этнографические очерки», М., 1963; «Чили. Политика, Экономика. Культура», М., 1965; «Венесуэла. Политика. Экономика. Культура», М., 1967.

ных ценностей. В Мексике, Перу, Боливии, Эквадоре и других странах возрастает интерес к культурным достижениям индейцев.

Рост самосознания и консолидация некоторых групп индейского населения выдвигают, по нашему мнению, сегодня вопрос об их самостоятельном национальном развитии, о праве их распоряжаться своими судьбами. Мы полностью согласны с выдающимся латиноамериканским этнографом Александром Липшуцем, который пишет: «Культурное переустройство Америки обязательно поставит вопрос об автономных территориях индейцев, таких, как майя в Юкатане, различных индейских групп в Гватемале, кечуа и аймара в Перу и Боливии, поставит вопрос об автономных территориях в границах республик нашего континента»¹⁴.

Формирование большинства наций Латинской Америки в основном закончилось в первой половине прошлого столетия, но их консолидация и дальнейшее развитие происходили под несомненным влиянием идей Октябрьской революции. Современный этап развития латиноамериканских наций характеризуется упорной, часто кровопролитной борьбой против империалистов США и местных реакционеров, стремящихся сохранить пережитки средневековья и пресмыкающихся перед североамериканскими монополиями. Рассмотрим некоторые особенности формирования и консолидации панамской нации, которая возникла позднее других латиноамериканских наций.

Панама отделилась от Колумбии в 1903 г. и сразу же попала в полную зависимость от Соединенных Штатов, захвативших зону для строительства меж океанского канала. В результате Панама оказалась расчлененной на две части, суверенитет ее был ущемлен. В страну внедрился североамериканский крупный капитал, насаждавший монокультурное хозяйство. Поэтому формирование панамской нации происходило в очень сложных условиях.

Аграрная страна с сильными феодальными пережитками, страдающая от засилья американских монополий, Панама с трудом преодолевала обособленность и замкнутость отдельных своих районов. По мере развития экономической общности шел процесс формирования и консолидации панамской нации. В условиях борьбы против тлетворного влияния империализма США утверждалась и развивалась панамская национальная культура, создавались собственная литература и искусство. Все это способствовало укреплению национального самосознания.

Основные этапы борьбы панамского народа против североамериканских захватчиков, местных латифундистов и компрадорской буржуазии — это также этапы формирования и консолидации панамской нации. Наивысшего накала эта национально-демократическая борьба достигла в январе 1964 г., когда военщина США, окопавшаяся в зоне канала, расстреляла мирную демонстрацию рабочих и молодежи, вышедших на одну из центральных площадей панамской столицы, чтобы протестовать против продолжающегося ущемления национального суверенитета своей родины. Похороны жертв расстрела превратились в мощную патристическую манифестацию, в которой приняли участие более 200 тыс. человек.

Под давлением трудящихся масс панамское правительство, тесно связанное с местной олигархией, было вынуждено объявить 9 января «Днем памяти жертв». Подготовка к демонстрации, состоявшейся в 1967 г. в этот памятный день, вылилась в движение за единство всех прогрессивных сил Панамы. Был создан специальный Координационный комитет.

¹⁴ А. Липшук, О некоторых аспектах чилийской этнографии, Сб. «Культура Чили» (в печати).

Панамский народ заставил правительство страны добиваться отмены унижительного американо-панамского договора 1903 г. Сейчас в Панаме сложилось такое положение, при котором правительство, сделавшее уступки США, боится сообщить народу правду, понимая, что это неизбежно приведет к взрыву. «Никто не может сказать точно, когда и как произойдет следующий взрыв,— писала газета «Нью-Йорк таймс», комментируя обстановку в Панаме.— Но возможность взрыва все время налицо»¹⁵.

Как показывают события последних лет, национальное самосознание панамского народа достигло такого уровня, что правящие круги уже не в состоянии распоряжаться судьбой страны, попирая ее суверенные интересы.

Интернационализм, опыт социалистических государств облегчают распространение идей научного социализма, и потому все большее и большее число стран и народов видит на пути социалистического развития реальные перспективы перехода от отсталости, угнетения и примитивных общественных форм организации жизни к прогрессу и процветанию. Идет гигантский по своим масштабам и по социальным последствиям процесс сочетания национальных чаяний с социалистическими идеалами.

Интернациональное содержание Октябрьской революции включало в себя ориентацию на создание и укрепление широких союзов и братского сотрудничества с национально-освободительным движением. Интернационализм сегодня находит свое действительное выражение в мощной поддержке, которую оказывают социалистические государства, международное коммунистическое движение национально-освободительной борьбе народов, молодым государствам, борющимся за независимость и демократический путь развития, против империализма.

Победы Советского Союза на фронтах Отечественной войны, разгром фашистских государств содействовали мощному подъему демократического движения в Гватемале. Еще в конце войны, в результате вооруженного восстания 20 октября 1944 г., гватемальский народ сверг ставленника США Убико. В восстании, возглавленном представителями национальной буржуазии, активно участвовали народные массы. Главной задачей народно-освободительного движения, начавшегося в октябре 1944 г., было свержение диктаторского режима и обеспечение буржуазно-демократических свобод. В результате революции 1944 г. к власти пришло демократическое правительство Х. Аревало.

Под давлением народных масс правительство Аревало осуществило ряд важных демократических преобразований, установило дипломатические отношения с Советским Союзом. В Гватемале были созданы многочисленные профсоюзные, крестьянские, молодежные и другие прогрессивные организации.

Гватемальское революционное движение приобрело наибольшую силу в 1950—1954 гг., когда у власти находилось революционное правительство, возглавлявшееся Хакобо Арбенсом. Этим правительством была в значительной части завершена аграрная реформа. Начались работы по строительству порта Сан-Томас и Атлантической дороги, имевшие целью ликвидировать монополию на основные средства транспорта, находившиеся в руках американских компаний «Интернейшнл рейлуэй оф Сентрал Америка» и «Юнайтед фрут компани». Был принят закон о защите национальных нефтяных и угольных богатств. Правительство стало проводить независимую внешнюю политику.

¹⁵ «The New York Times», 18.I.1967.

Обеспокоенные потерей ключевых позиций в Гватемале, империалистические круги США стали плести заговор против этой страны, готовя свержение демократического режима. В июне 1954 г. США совершили государственный переворот.

Основной причиной падения демократического строя в Гватемале явилась капитуляция части национальной буржуазии — той части, которая была представлена в правительстве и поддерживала его. Она отказалась от революционных и демократических завоеваний в самом начале сопротивления агрессору, не решившись вооружить народ. Гватемальский рабочий класс, несмотря на значительный рост своего влияния, еще не стал тогда руководящей силой революционного движения, не смог в нужный момент возглавить крестьянство и мобилизовать массы на отпор врагу.

Гватемальская революция была одним из звеньев национально-освободительного движения колониальных и зависимых стран, которое вспыхнуло с новой силой после второй мировой войны. Особое значение гватемальской революции состояло в том, что она произошла в таком районе земного шара, который является основной экономической и сырьевой базой империализма США и который американские колонизаторы, даже в обстановке распада системы колониализма, считают зоной своего безраздельного господства. Это была первая буржуазно-демократическая и антиимпериалистическая революция в Латинской Америке со времен мексиканской революции, начавшейся в 1910 г.

С середины 1950-х гг. в Латинской Америке начался новый этап освободительной борьбы латиноамериканских народов. В целом ряде стран (Колумбия, Венесуэла и др.) были свергнуты диктаторские режимы, опиравшиеся на поддержку североамериканских монополий. Но самым мощным ударом по империализму в Латинской Америке стала победа кубинской революции 1 января 1959 г.

В Латинской Америке злоупотребляли словом «революция». Часто этим словом называли простой дворцовый переворот, борьбу различных кланов за власть, насильственную ликвидацию демократических правительств, военные заговоры и т. д. Революция на Кубе — это не простая замена одного правительства другим, а глубокий процесс, характеризующий новое соотношение сил, складывающееся в Латинской Америке.

Национально-освободительная демократическая революция на Кубе быстро переросла в социалистическую революцию. На «острове Свободы» были осуществлены коренные социально-экономические преобразования, развернулась культурная революция¹⁶. В результате революционного диалектического скачка кубинская буржуазная нация превратилась в нацию социалистическую.

Оценивая значение Октябрьской революции и Советского Союза, Фидель Кастро указывал, что без революции 1917 г. была бы невозможна социалистическая революция на Кубе¹⁷.

Чтобы сдержать, а то и вовсе приглушить растущее национально-освободительное движение в Латинской Америке и ликвидировать притягательную силу кубинской революции, США выдвинули программу, известную под названием «Союз ради прогресса». Эта программа, принятая в августе 1961 г. в Пунта-дель-Эсте, гласила, что в течение десяти лет латиноамериканским странам будет предоставлено в виде помощи 20 миллиардов долларов; помимо этого, согласно программе, латиноамериканские страны должны были сами изыскать 80 миллиардов долларов на свое развитие. Провозглашение «Союза ради прогресса» сопровождало-

¹⁶ И. Р. Григулевич, Культурная революция на Кубе, М., 1965.

¹⁷ Ф. Кастро, Речи и выступления, М., 1965, стр. 186.

лось обещаниями Соединенных Штатов содействовать социальному развитию и демократизации жизни в Латинской Америке, проведению аграрной реформы, уничтожению латифундизма, прогрессу культуры и т. д.

Однако народы Латинской Америки очень скоро поняли, что подлинная цель «Союза» отнюдь не состояла в претворении в жизнь назревших коренных реформ, что заключалась она как раз в обратном — в попытке остановить революционный процесс в Латинской Америке.

«Союз ради прогресса» нисколько не содействовал разрешению проблем экономического развития Латинской Америки и даже не помог упорядочить экономическую ситуацию. Более того, экономическое и политическое положение в странах Латинской Америки обострилось, они попали в еще большую зависимость от США. «Союз» был использован неокOLONIALИСТАМИ как «троянский конь», с помощью которого американские империалисты еще глубже внедряются в Латинскую Америку, извлекают баснословные прибыли.

Осуществление программы «Союза» привело к тому, что экономика Латинской Америки находится в крайне тяжелом состоянии. Инфляция в странах Латинской Америки приобрела катастрофические масштабы. Непрерывно растет безработица. В настоящее время 10% трудящихся Латинской Америки — безработные. Стоимость жизни возрастает с каждым днем; в Аргентине, например, за последние 12 лет она увеличилась в 18 раз, в Бразилии — в 40 раз и т. д. В Латинской Америке 15—18 миллионов семей (а в каждой семье в среднем 4—5 человек) не имеют жилья! 80% наличного жилого фонда нуждается в капитальном ремонте.

В Латинской Америке, как это ни парадоксально в наше время, растет число неграмотных. Свыше 50% латиноамериканцев (при населении в 230 миллионов человек) не умеют ни читать, ни писать. В Латинской Америке насчитывается 90 миллионов детей в возрасте до 10 лет; по данным американского журнала «Нэйшн», лишь 20% детей заканчивают начальную школу¹⁸.

За шесть лет действия «Союза ради прогресса» в большинстве латиноамериканских стран были разработаны и приняты законы о так называемой аграрной реформе. Однако ни в одном из них не предусматриваются ликвидация полуфеодальной системы землевладения и радикальные преобразования в сельском хозяйстве.

Формулируя программу «Союз ради прогресса», ее авторы недвусмысленно осудили военные путчи и милитаристские тенденции в Латинской Америке. Сегодня официальные представители США подчеркивают «решающую роль вооруженных сил Латинской Америки» в осуществлении программы «Союза». В настоящее время в половине латиноамериканских стран у власти стоят правительства, либо непосредственно возглавляемые военными, либо пришедшие к власти в результате военных путчей. Правительство США делает ставку на латиноамериканских «го-рилла».

Итоги шести лет действия «Союза» показывают, что неокOLONIALИСТСКАЯ программа Вашингтона потерпела фиаско. Сегодня следует констатировать не только провал экономической программы «Союза», но и его полную идеологическую дискредитацию.

Таковы плачевные итоги «Союза ради прогресса». Именно поэтому американские руководители весьма заинтересованы в том, чтобы вдохнуть в злополучный «Союз ради прогресса» новую жизнь. Созданием латиноамериканского «общего рынка» США пытаются спасти обанкротившийся «Союз ради прогресса».

¹⁸ «Nation», 3.X.1966, p. 332.

Провал программы «Союз ради прогресса», резкое обострение меж-американских противоречий, неустойчивость режимов «горилл», рост антиамериканских настроений — все это свидетельствует о том, что политика США в Латинской Америке, — своего рода комбинация большой дубинки с долларами, — бесперспективна.

Американские империалисты и их латиноамериканские прислужники не в силах остановить нарастающий прибой освободительной борьбы народов. Широкие народные массы понимают, что главная сила, препятствующая прогрессу Латинской Америки — это североамериканский империализм, что без экономического освобождения не может быть политической независимости. Латинская Америка охвачена глубоким революционным кризисом, начался новый этап освободительной борьбы. Освобождение латиноамериканских стран от иностранного ига, установление полного национального суверенитета, упрочение мира, защита кубинской революции, социально-экономический и политический прогресс — таковы главные цели революционной борьбы в латиноамериканских странах.

Пятидесятая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции наступает в момент, когда в странах Латинской Америки происходит сильная активизация революционного процесса. В ряде стран этого континента сложилась обстановка, вызывающая серьезные опасения у американских монополистов, — им становится труднее держать под контролем своих южных соседей. Латинская Америка проявляет все большую самостоятельность и выходит из повиновения Соединенным Штатам.

Во всех странах Латинской Америки происходят глубокие изменения в расстановке классовых сил.

Решающая роль в антиимпериалистической революции в странах Латинской Америки принадлежит рабочему классу. Численность промышленного пролетариата в латиноамериканских странах с довоенного периода более чем удвоилась. Но дело не только в росте численности рабочего класса. Являясь носителем самой передовой идеологии, обладающей притягательной силой для миллионов простых людей, латиноамериканский рабочий класс вырастает в ведущую политическую силу.

Огромную роль в решении судеб национально-освободительного движения играет крестьянство Латинской Америки — ближайший союзник рабочего класса. Оно составляет свыше 50% населения континента. Основная масса крестьян безземельна. Крестьянство латиноамериканских стран требует сегодня проведения радикальной аграрной реформы, иначе говоря — экспроприации земель крупных помещиков и бесплатной передачи этих земель тем, кто их обрабатывает. Во многих странах Латинской Америки создаются и активно действуют боевые организации крестьян.

В странах Латинской Америки произошло заметное полевение городской мелкой буржуазии, студенчества, интеллигенции. Демократическое студенчество и прогрессивная интеллигенция, а также мелкобуржуазные слои населения активно участвуют в национально-освободительном движении. В ряде случаев в борьбе участвует и прогрессивная часть национальной буржуазии.

Характерной чертой борьбы прогрессивных патриотических революционных сил Латинской Америки против американских монополий и местной реакции является их дальнейшее сплочение вокруг рабочего класса и коммунистических партий.

Коммунистические партии латиноамериканских стран окрепли организационно и идейно. Значительно возросла их численность. Накануне

второй мировой войны латиноамериканские компартии насчитывали около 90 тыс. членов, а сейчас — около 300 тыс. Теперь в каждой республике Латинской Америки есть своя коммунистическая партия.

Опыт последних лет убедительно показывает, что только путем создания союза рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии можно объединить все демократические силы для борьбы и победы.

Латиноамериканские коммунисты выступают за сочетание различных форм борьбы, за использование всех активных и потенциальных сил для выполнения великой задачи — освобождения народа.

Составной частью антиимпериалистической борьбы является вооруженная партизанская борьба революционных сил Венесуэлы, Гватемалы, Колумбии и некоторых других стран. «В ближайшие десять лет нам не придется спать по ночам»¹⁹, — заявил один видный политический деятель США, прочитав последнюю сводку о партизанском движении в Латинской Америке.

Те самые причины, которые привели к революции на Кубе, предпосылки антиимпериалистической, аграрной революции существуют во многих латиноамериканских странах. Видный американский историк Эдвин Льюин приходит к выводу: «Внимательное изучение обстановки, которая сложилась в Латинской Америке, переживающей глубокий кризис, убеждает в том, что сегодня во многих странах существует угроза революции кубинского образца, во главе с такими лидерами, как Кастро»²⁰.

Латинская Америка, находившаяся еще недавно в стороне от решающих битв против империализма, разбуженная Великим Октябрем, вступила в полосу великих исторических перемен.

SUMMARY

The author analyzes the influence rendered on the countries of Latin America by the Great October Socialist Revolution which stimulated the awakening of Latin American peoples and drew them into the common struggle against world imperialism. The October Revolution promoted the spread of Marxist-Leninist ideas in Latin America.

The author gives an account of contemporary national and ethnic processes in that part of the world, attention being paid to the national liberation struggle of the peoples of Latin America and the role played by the Indian population in this movement.

¹⁹ «Time», 7.I. 1966, p. 21.

²⁰ E. L i e u w e n, *Generals vs presidents*, New York, 1964, p. 95.

М. С. Иванов

СОВРЕМЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИРАНЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эпоху в истории человечества — эпоху крушения капитализма и перехода к социализму, — оказала огромное влияние на национальное развитие народов Азии, в том числе и Ирана. Она покончила с социальным и национальным гнетом в России, а также с империалистической политикой царизма. «После победы Октября начался кризис колониальной системы империализма. Республика Советов, на практике осуществив союз социалистической революции с национально-освободительным движением, стала примером и надежной опорой освободительной борьбы народов»¹.

В основу своих отношений со всеми народами Востока, и Ирана в частности, первое рабоче-крестьянское государство положило ленинские принципы национальной политики — свободы и равноправия всех наций и народов, уважения их суверенитета и права на самостоятельное, независимое развитие. Советское правительство отказалось от всех тайных и других договоров и соглашений царизма, которые ограничивали или стесняли права персидского народа на свободное и независимое существование. Советское государство стало проводить в отношении Ирана политику, основанную на принципах равенства, содействия укреплению его национальной независимости, ликвидации экономической отсталости и развитию самостоятельной национальной экономики. Октябрьская революция и ленинская политика советского правительства укрепили позиции Ирана в борьбе за освобождение от империалистического гнета. Для национального развития народов Ирана создались новые, значительно более благоприятные условия.

Чтобы понять характер процессов национального развития народов Ирана после Великой Октябрьской социалистической революции, следует познакомиться с этническим составом и происходившими здесь в конце XIX — начале XX в. национальными процессами.

Население Ирана как в этническом отношении, так и по уровню общественно-экономического развития было неоднородным. Оно состояло из большого числа народов и племен, говорящих на различных языках (иранских, тюркских, семитских и др.), и различавшихся также по происхождению, культуре, быту, нравам и обычаям. Конечно, длительное проживание в Иране привело к тому, что у ряда народов сложились некоторые общие черты: сознание принадлежности к одному государству, особенно во внешних отношениях, общий государственный язык и другие. Но указанные выше различия все же были очень сильны.

Большую часть населения Ирана составляли ираноязычные народы и племена: персы, курды, луры, бахтиары, белуджи, талыши, гилянцы, мазендеранцы. По установившемуся в науке мнению, индоевропейские племена иранской группы проникли в Иран через Среднюю Азию и Закавказье на рубеже II и I тысячелетий до н. э. В течение средних веков Иран, расположенный на пути движения народов, неоднократно под-

¹ Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», «Правда», 25 июня 1967 г.

вергался завоеваниям иноземцев. После вторжения в Иран арабов (VII в.), тюркских племен (XI в.), монголов (XIII в.) и других в стране оставались кочевые и оседлые группы этих народов и племен. Этническая пестрота населения Ирана была также результатом того, что иранские шахи и правители (Сефевиды, Надир шах, Каджары) для укрепления своей власти широко применяли переселение племен и народностей (или отдельных их групп) из районов обитания в другие области.

Самой крупной народностью были персы, населявшие центральные и частично южные районы Ирана. Кроме персов, в стране жили и другие народности и племена, говорящие на иранских языках, отличных от персидского. На северо-западе, к востоку и югу от Урмийского озера (оз. Резайе), в горных районах вдоль границы с Османской империей, включая территорию к югу от Керманшаха, обитали многочисленные курдские племена, говорившие на курдском языке. Кроме того, значительная группа курдов жила в северном Хорасане (районы Ширвана, Кучана и Боджнурда), куда они были переселены сефевидским шахом Аббасом I в конце XVI — начале XVII в.

К югу от Курдистана, в горной области, расположенной между Керманшахом и Боруджердом на севере и Хузиستانом на юге, обитали лурские и бахтиярские племена, говорившие на близких иранских диалектах. Лурским диалектом пользовались также племена кухгилуйе и мамасани в западном Фарсе. В крайней юго-восточной области Ирана — Иранском Белуджистане жили белуджские племена, говорившие на белуджском языке. На иранском побережье Каспийского моря обитали талыши, гиляки и мазендеранцы. Кроме них, в восточном Хорасане были и менее значительные по численности ираноязычные группы: таджики, афганцы, хазарейцы, джемшиды и другие.

Второе место по численности после персов занимали азербайджанцы, населявшие компактной массой северо-западные районы Ирана. Помимо собственно азербайджанцев, составлявших основную массу населения Иранского Азербайджана, в восточной части этой области и в Муганской степи, а также на территории между Саве и Хамаданом жили шахсевены (буквально: «любящие шаха») — потомки группы, сформированной в XVI—XVII веках сефевидскими шахами (в нее вошли выходцы из различных азербайджанских племен). Из прочих тюркских племен Ирана можно назвать карадагцев, карапапахов, афшаров, каджаров, баят, туркмен, кашкайцев и входившие в племенное объединение хамсе племена бахарлу, эйнанлу и нафар.

Туркмены населяли юго-восточное побережье Каспийского моря и долину р. Горган к востоку от него. Кашкайские племена, говорившие на одном из тюркских языков, близком к азербайджанскому, жили в западной части южно-иранской области Фарс. Различные тюркские племена жили также в северном и восточном Хорасане, в районе к югу от Тегерана и других.

Арабоязычные племена — остатки арабских завоевателей первых веков ислама населяли в основном Хузистан, а также побережье и острова Персидского залива и Ормузского пролива.

В районе Исфагана, на восточном побережье озера Урмия и в других районах Азербайджана жили армяне. В Исфгане они были переселены из Армении сефевидским шахом Аббасом I в XVII в. К западу от Урмийского озера жили ассирийцы (айсоры). Кроме того, в составе населения Ирана были и другие, меньшие по численности группы народностей и племен.

Пестрота этнического состава осложнялась религиозными различиями. Подавляющее большинство населения составляли мусульмане,

из них исповедовало шиизм около $\frac{4}{5}$ всего населения. Сунниты встречались среди курдов, белуджей, туркмен, арабов. Были здесь и христиане: армяне исповедовали христианство главным образом грегорианского толка, а ассирийцы — несторианского. Существовала в Иране также небольшая зороастрийская община.

Большие различия, как мы уже говорили, имелись и в уровне социально-экономического и этнического развития народов Ирана. В целом Иран в начале XX в. представлял собой отсталую аграрную страну с сильными пережитками феодальных отношений. Около $\frac{1}{4}$ части населения вело кочевой и полукочевой образ жизни. Это были главным образом племена курдов, луров, бахтиар, белуджей, кашкайцев, туркмен, шахсевен, кухигилуйе, хамсе, мамасани и др., обитавшие в большинстве случаев в труднодоступных горных районах и занимавшиеся в основном кочевым и полукочевым скотоводством. У кочевых и полукочевых племен существовали феодальные отношения, прикрываемые патриархально-племенными пережитками и родоплеменной структурой.

Оседлое сельское население занималось земледелием с применением примитивных орудий, а также скотоводством и домашней промышленностью. В иранской деревне в основном сохранялось натуральное хозяйство. Крестьяне, за редкими исключениями, своей земли не имели и обрабатывали землю феодалов, подвергаясь тяжелой эксплуатации. В городах Ирана было широко развито ремесло, в котором сохранялись пережитки средневекового цехового строя.

Превращение Ирана в полуколонию империалистической Англии и царской России в конце XIX — начале XX в. привело к политическому и экономическому закабалению страны, к предоставлению иностранцам ряда концессий (телеграфные линии и шоссейные дороги, рыболовство на Каспийском море, английский и русские банки, английская нефтяная концессия и др.). Вслед за концессионными предприятиями стали появляться и иранские национальные (текстильные, сахарные, посудные и др.) небольшие фабрики и заводы, работающие с применением наемного труда. Рост внешней торговли и превращение Ирана в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав приводил к увеличению посевов технических культур на экспорт. Возрастало значение товарного земледелия и животноводства. Усилился процесс разложения натурального хозяйства.

Все это свидетельствовало о росте капиталистических отношений, о появлении национальной буржуазии, об усилении тенденций формирования единого рынка. Однако феодальная раздробленность была далеко еще не преодолена. В экономическом отношении различные области Ирана были развиты неравномерно. Более развитыми были северо-западные части страны: Азербайджан, Прикаспийские области, а также район Исфагана и некоторые другие. Самыми отсталыми — юго-восточные области (Керман, Персидский Белуджистан, побережье Оманского и Персидского заливов), и труднодоступные горные районы, населенные в основном кочевыми и полукочевыми племенами.

Уровень национального развития народов также был различным². Наиболее далеко по пути национальной консолидации, начавшейся еще в середине XIX в., продвинулись персы и азербайджанцы, жившие в экономически более развитых районах страны. Уже во второй половине XIX в. наблюдается пробуждение у них национального самосознания,

² Следует оговориться, что этот вопрос до сих пор не изучен. Автор пытается лишь поставить его. Вполне возможно, что специальные исследования в дальнейшем приведут к серьезным коррективам или даже пересмотру высказанного в настоящей статье мнения.

что стимулировалось ростом недовольства передовых слоев общества политикой закабаления Ирана империалистическими державами. Характерной особенностью национальных процессов у народов Ирана в конце XIX — начале XX в. была тесная связь зарождавшихся национальных идей с религией (распространение идей панисламизма), что было следствием общественно-экономической отсталости страны и свидетельствовало о низком уровне общественного сознания. Спецификой развития национальных идей в Иране была слабость их в армии, в отличие, например, от Турции. Это объяснялось отсталостью иранской военной системы и господством в ней феодальных порядков.

Важным рубежом в национальном развитии народов Ирана была буржуазная антиимпериалистическая и антифеодальная революция 1905—1911 гг. Идеи национальной борьбы за независимость и освобождение от иноземной империалистической кабалы охватили во время революции не только буржуазию и часть либеральных помещиков и духовенства, но и широкие слои городского населения, формирующийся рабочий класс, ремесленников и часть крестьянства. Ограничение власти шаха и принятие конституции, провозгласившей буржуазные принципы равенства граждан перед законом, неприкосновенность личности и собственности, расширение прав светских судов и т. д., а также проведение таких мероприятий, как отмена феодального института тнулов (пожалований дохода с земли) и др., открыли более широкие возможности для роста буржуазных отношений и способствовали ускорению процесса национальной консолидации народов Ирана, прежде всего персов и азербайджанцев.

Поскольку важнейшим фактором национальной консолидации была борьба против общего врага — иноземного империалистического гнета и феодальных порядков — зарождавшиеся персидская и азербайджанская буржуазия действовали в этот период совместно и их специфические национальные требования еще не выступали на первый план. Но в то же время молодая персидская буржуазия постаралась закрепить за собой по конституции особые преимущества и привилегии (привилегии Тегерана, большинство населения которого составляли персы, предоставление права быть избранным в меджлис только владеющим персидским языком). Шиизм объявлялся государственной религией, тогда как арабы, белуджи, туркмены и большинство курдов были суннитами³.

Революция 1905—1911 гг. явилась сильным толчком и в процессе национальной консолидации азербайджанцев. Это проявилось в требовании предоставления Иранскому Азербайджану автономии, которое выдвигалось в Тебризе в конце 1908 г., во время тебризского восстания⁴. В годы революции в Азербайджане стали издаваться газеты на азербайджанском языке («Азербайджан», «Фарияд» и др.). Газета «Фарияд», например, в мае 1907 г. призывала азербайджанскую молодежь к единению и ставила в пример кавказских азербайджанцев, которые опередили азербайджанцев Ирана в борьбе за свои права⁵.

Оккупация части Ирана во время первой мировой войны войсками царской России и Англии, экономическое и политическое закабаление его этими империалистическими державами вызвали усиление националистических настроений и антиимпериалистическое движение (дженге-

³ «Протоколы заседаний первого меджлиса», Тегеран, 1946, стр. 6 (на перс. яз.).

⁴ «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии», СПб., вып. 1, 1911, стр. 290, 313.

⁵ Н. К. Белова, К вопросу о так называемой социал-демократической партии Ирана, «Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока», М., 1960, стр. 122.

лийцев и др.) в разных частях страны. Это движение способствовало дальнейшему усилению процесса национальной консолидации в Иране.

Таким образом в Иране накануне Октябрьской революции в России довольно далеко зашел процесс формирования персов в нацию. Процесс национальной консолидации происходил и среди иранских азербайджанцев. Армяне и ассирийцы уже давно представляли собой развитые народности, отличавшиеся от персов и азербайджанцев своим языком, бытом, культурой, религией. Менее развитыми в этом отношении были кочевники и полукочевники, обитавшие в малодоступных, изолированных горных районах, например племена кухгилуйе на границе Фарса и Хузистана, ряд курдских, лурских, белуджских и других племен. Во время иранской революции 1905—1911 гг. и в годы первой мировой войны бахтиарские, курдские, лурские, кашкайские, туркменские, шахсевенские и другие кочевые и полукочевые племена были вовлечены в политическую борьбу и в военные действия. Это, конечно, способствовало в некоторой мере расшатыванию их племенной замкнутости и изолированности. Но говорить о какой-либо национальной консолидации племен в это время нет оснований. Можно лишь отметить, что в первые десятилетия XX в. активизировался процесс консолидации бахтиарских, кашкайских, лурских и некоторых других племен в народности. Но ввиду их общественно-экономической и культурной отсталости этот процесс происходил весьма медленно.

Такова была в общих чертах картина национального развития народов Ирана накануне Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Новый этап в национальном развитии народов Ирана начался после Октябрьской революции, которая нанесла сильнейший удар по всей системе империализма и укрепила позиции угнетенных империализмом народов в их борьбе за национальную независимость и свободу. Под влиянием Октябрьской революции почти во всех частях Ирана развернулась национально-освободительная антиимпериалистическая, антианглийская борьба. В 1920 г. в Иранском Азербайджане вспыхнуло восстание азербайджанских демократов во главе с М. Хиабани, свидетельствовавшее о дальнейшем росте национальной консолидации иранских азербайджанцев. Участники восстания выступали против кабального англо-иранского соглашения 1919 г., за укрепление национальной независимости, проведение демократических реформ, предоставление Иранскому Азербайджану национальной автономии. В 1920—1921 гг. развернулось национально-освободительное движение в Гиляне, направленное против английских империалистов и иранской феодальной реакции. В 1921 г. в Хорасане вспыхнуло восстание во главе с Мохаммед-Таги ханом Пасияном под лозунгами освобождения Ирана от засилья англичан и от власти «прогнившей иранской феодальной аристократии», осуществления конституции и создания демократического правительства в Тегеране. Антиимпериалистическое национально-освободительное движение происходило и в других частях страны.

Это движение имело большое значение для национального развития народов Ирана. Оно ускорило рост национального самосознания и, главное, создало предпосылки для более интенсивных темпов национальной консолидации в будущем.

Последовавшее затем свержение власти династии Каджаров, создание единой армии, централизация власти в стране, отмена режима капитуляций, судебная реформа, преобразования в системе просвещения, проведение ряда протекционистских мероприятий, строительство Транс-иранской железной дороги и шоссейных дорог — все это открыло широ-

кие возможности для развития капитализма, укрепления связей между изолированными ранее областями страны и создания единого внутреннего рынка. Выросли новые предприятия капиталистической фабрично-заводской промышленности, главным образом текстильной и по переработке сельскохозяйственного сырья. Постепенно стали развиваться капиталистические отношения и в сельском хозяйстве, хотя крупная помещичья собственность и многие феодальные черты в иранской деревне сохранялись.

Это привело к серьезным сдвигам в области национальных отношений. К этому периоду (конец 20-х—30-е гг.) относится, по нашему мнению, завершение процесса формирования персов в господствующую в Иране буржуазную нацию. Сохранение зависимости Ирана от иностранного капитала и пережитков феодализма наложили свой отпечаток на характер этой нации. Специфическими особенностями ее были слабость национальной промышленной и преобладание торговой буржуазии, наличие в ее составе значительного слоя компрадоров и связь с помещичьим землевладением. Эти обстоятельства ограничивали возможности национальной буржуазии в борьбе против иностранного капитала и феодальных пережитков. Сформировавшийся к тому времени рабочий класс Ирана развивался быстрее национальной буржуазии, так как концессионные предприятия иностранцев здесь были основаны раньше, чем стала развиваться национальная промышленность. Наличие многочисленных полупролетарских и мелкобуржуазных слоев в городе и подавляющего крестьянского большинства в стране в целом также было специфической чертой социально-экономических условий Ирана.

Завершение формирования персов в нацию проявилось в усилении великодержавных националистических тенденций в политике правящих помещичье-буржуазных кругов Ирана в конце 20—30-х гг. Проводившиеся в этот период реформы в области культуры и быта (реформа одежды, переименование ряда городов, изменение системы летоисчисления и переход на солнечный год, введение староиранских названий месяцев и др.) были связаны с поднявшейся волной национализма. Пропагандировалась идея возрождения древнего величия Ирана, его былой мощи и значения. Печать национализма лежала также на проводимой по инициативе иранского правительства реформе персидского языка. Эта реформа осуществлялась под руководством созданной в 1935 г. иранской Академии литературы и языка (Фархангестан) и состояла в изъятии из персидского языка уже вошедших в обиход заимствований из арабского, тюркских и европейских языков и введении в употребление вместо них давно забытых староиранских или заново образованных слов.

Крайняя форма персидского национализма проявилась в пропаганде идей паниранизма, которые появились еще в конце XIX в. Следует отметить, что империалистические державы пытались использовать паниранистов и паниранистскую пропаганду, особенно в новейшее время, после Октябрьской революции в России, в своих целях. Так, например, подстрекаемое английскими империалистами реакционное иранское правительство Восуг-эд-Доуле в 1919 г. представило на Парижскую мирную конференцию меморандум с захватническими притязаниями на весь Азербайджан с городом Баку, Армению, ряд кавказских районов, Закаспийскую область, а также на весь Курдистан до р. Евфрат. Такие же захватнические притязания на территорию Советского Закавказья были в первые годы второй мировой войны у реакционных националистических кругов Ирана, подстрекаемых гитлеровской агентурой. Гитлеровцы всячески подогревали паниранизм и идею единой иранской

нации. Специальным декретом, изданным в 1936 г. в гитлеровской Германии, иранцы причислялись к числу «чистых арийцев»⁶.

На основе законов, принятых 11 меджлисом в 1937—1938 гг., было введено новое административное деление страны. Районы, населенные национальными меньшинствами, были разделены и включены в различные останы и шахрестаны. Ликвидированы были области, заселенные родственными племенами: Курдистан, Луристан, Бахтиария, Белуджистан и т. д.⁷.

Национализм, характерный для политики правящих кругов Ирана в 30-е годы, проявлялся в отношении к неперсидским народностям и племенам, исповедующим ислам. Все они объявлялись иранцами, составляющими будто бы единую с персами иранскую нацию. Только армяне, ассирийцы, зороастрийцы и евреи, то есть немусульмане, считались меньшинствами, и за ними признавались некоторые национальные права. Они пользовались свободой вероисповедания; армяне, зороастрийцы и евреи могли избирать в меджлис своих депутатов; армяне и зороастрийцы имели свои школы.

Прочие народности и племена, в целом составлявшие более половины всего населения страны, — курды, луры, бахтиары, белуджи и другие, говорящие на языках иранской ветви, отличных от персидского; азербайджанцы, туркмены, кашкайцы и остальные тюркоязычные народности; арабоязычные и другие племена, — не признавались национальными меньшинствами, так как исповедовали ислам. Делались попытки даже отрицать тот факт, что их языки отличаются от персидского — их объявляли диалектами персидского языка. Газета «Сетаре» 30 мая 1933 г., например, утверждала, что «курды, луры, белуджи и прочие... являются чистыми иранцами с единым языком, различающимся лишь диалектами»⁸. Государственным языком был персидский, на этом языке велось преподавание во всех школах, в том числе и в районах национальных меньшинств, делопроизводство в государственных и других учреждениях, а также издание газет, книг, радиопередачи. Экономическое развитие районов, населенных национальными меньшинствами, задерживалось. Промышленность здесь либо совсем не развивалась, либо развивалась крайне медленно. Все это мешало нормальным, естественным процессам социального, и этнического развития различных неперсидских меньшинств, которые ассимилировались персами. Процессу ассимиляции их способствовала также служба в армии на основе введенной в 1925 г. обязательной воинской повинности.

Проводившаяся иранским правительством в 20—30-х гг. политика централизации страны, ликвидации сепаратистских стремлений ханов — вождей племен, разоружения и перевода племен на оседлость, что само по себе было прогрессивным, сопровождалась попытками ликвидации их этнической самобытности, культуры, обычаев, специфики быта и т. д. Перевод племен на оседлость осуществлялся административными насильственными методами и приводил к гибели кочевников и их скота. Племена были подчинены военным властям, повсюду царили произвол, насилия и вымогательства, все это приводило к разорению племен и сокращению их численности.

Такая политика вызвала в 20—30-х гг. ряд восстаний племен (туркмен, курдов, белуджей, луров, бахтиар, арабов, кашкайцев и дру-

⁶ G. Lenczowski, *Russia and the West in Iran 1918—1948*, New York, 1949, p. 160.

⁷ «Собрание законов и постановлений 11-го меджлиса», Тегеран, 1319, стр. 304—350 (на перс. яз.).

⁸ «Материалы по национально-колониальным проблемам», № 34, М., 1936, стр. 192.

гих), в которых участвовали как рядовые кочевники, так и ханы-вожди. Феодалная племенная верхушка выступала за сохранение своего господства над племенами, используя в этой борьбе отсталость и родо-племенные пережитки. Восставшие племена выдвигали требования ликвидации военных губернаторов, восстановления прерогатив племенных вождей, прекращения насильственного разоружения и перевода на оседлость, сокращения налогов, отмены обязательной воинской повинности⁹, а некоторые (например, племена в Туркменской степи, в Курдистане и др.) — предоставления автономии и даже независимости. Нужно отметить, что отдельные руководители бахтиарских, арабских и других племен были связаны с агентами английских империалистов, стремившихся использовать восстания племен в своих интересах.

К 1933 г. иранское правительство в основном подавило восстания племен. Во время подавления этих восстаний власти применяли насильственное переселение ряда племен (лурских, бахтиарских, курдских и белуджских) в другие районы страны.

Но попытки насильственным путем подчинить и разоружить племена, перевести на оседлость и ликвидировать их культурно-бытовую самобытность оказались несостоятельными. После отречения Реза-шаха от престола в 1941 г. племена изгнали из своих районов военных губернаторов и военных и гражданских чиновников, разоружили отряды солдат и жандармов. Они снова вооружились и вернулись к кочевому образу жизни. Вновь вошла в употребление старинная одежда вместо европейской. Восстановлена была власть ханов — вождей племен и строй жизни и быта, существовавшие до 30-х годов. Распавшиеся в 30-е годы кашкайские, бахтиарские и другие племена и их союзы были быстро восстановлены.

Во время второй мировой войны и в первые годы после ее окончания в экономической структуре Ирана не произошло каких-либо существенных сдвигов. Но вступление советских войск в Иран, отречение Реза-шаха и разрыв с фашистской Германией привели к значительным изменениям в общественно-политической жизни страны. Разгром гитлеровской Германии и империалистической Японии, победа советского народа и других свободолюбивых народов во второй мировой войне имели большое значение для Ирана. Это сказалось, в частности, на активизации племен в годы войны и после ее окончания. Общественно-экономическая и политическая их отсталость, восстановление власти и авторитета традиционных вождей — феодальных ханов приводили к тому, что выступления племен определялись главным образом интересами не массы рядовых кочевников и полукочевников, а эгоистическими интересами ханов, стремившихся как к укреплению своей власти над ними, так и к повышению влияния в политической жизни всей страны. Хань требовали возврата земельных владений, отобранных у них в 30-е годы, назначения их правителями районов обитания племен, снижения налогов и цен на товары, вывода из Ирана войск союзников. В первые годы войны, в период временных успехов фашистской Германии, кашкайские ханы и некоторые другие вожди кочевых и полукочевых племен считали, что им выгоднее ориентироваться на гитлеровскую Германию. Такой ориентации способствовали и издавна существовавшие среди них антианглийские настроения. Этим воспользовалась гитлеровская агентура, которая после вступления союзных войск в Иран перешла на нелегальное положение и вела против союзников тайную подрывную работу.

⁹ М. Бахманбег, Нравы и обычаи племен Фарса, Тегеран, 1945, стр. 63 (на перс. языке); «Бюллетень прессы Среднего Востока», № 1/9, 1929, стр. 60—64; № 2/10, 1929, стр. 55, 57—58.

В 1942 г. ей удалось спровоцировать в районе Резайе выступление курдских племен. В 1942 и 1943 гг. неоднократно происходили вооруженные восстания племен кашкайских, кухгилуйе, части лурских и бахтиарских, направленные как против иранских властей, так и против англичан.

Но после поражения гитлеровских войск под Сталинградом началась переориентация ханов — вождей южноиранских племен. Влияние фашистской агентуры среди них стало быстро падать. Они вскоре прекратили борьбу против правительства и сблизились с англичанами, а затем и с американцами. В последние годы второй мировой войны кочевые и полукочевые племена, главным образом южноиранские (кашкайские, бахтиарские, лурские, арабские) неоднократно использовались империалистическими державами и иранскими реакционными силами в целях, которые вовсе не соответствовали коренным интересам племен.

Иной характер имело национально-демократическое и национально-освободительное движение, развернувшееся после окончания второй мировой войны на северо-западе Ирана — в Иранском Азербайджане и в Северном Иранском Курдистане.

В предвоенные годы экономика Иранского Азербайджана находилась в состоянии застоя. За 20- и 30-е гг. в этой части Ирана, так же как и в других областях страны, населенных национальными меньшинствами, не было построено ни одного крупного промышленного предприятия. Вследствие этого к середине 40-х годов Иранский Азербайджан, в прошлом одна из самых экономически развитых частей Ирана, был низведен до уровня Кермана и других экономически отсталых юго-восточных областей страны. К этому надо прибавить гнет феодальных пережитков, произвол и бесчинства жандармерии и властей, которые усугублялись национальным неравноправием.

В то же время среди других национальных меньшинств Ирана азербайджанцы были наиболее передовыми в отношении национального развития, стимулировавшегося огромными успехами в национальном и культурном строительстве соседнего Советского Азербайджана. Можно считать, что ко времени окончания второй мировой войны иранские азербайджанцы, хотя они в силу общественно-экономической слабости Иранского Азербайджана отставали в своем национальном развитии как от персов, так и в особенности от советских азербайджанцев, уже являлись почти сформировавшейся буржуазной нацией. Ее специфической особенностью была слабость крупной и средней национальной буржуазии и большая активность мелкобуржуазных и трудящихся слоев, которые и составляли в то время главное, ведущее ядро иранских азербайджанцев.

Под влиянием разгрома фашистской Германии, в середине 1945 г. в Тебризе была создана Азербайджанская демократическая партия и развернулось национально-демократическое движение, которое привело к провозглашению в декабре 1945 г. автономии Иранского Азербайджана. Программа азербайджанских демократов предусматривала введение азербайджанского языка в качестве официального; равенства прав и обязанностей азербайджанцев, курдов, армян, ассирийцев и других народностей, населяющих Иранский Азербайджан; обязательное бесплатное обучение всех детей школьного возраста на родном языке; создание национального азербайджанского университета, развитие промышленности и торговли; проведение аграрной реформы; свободу совести и вероисповедания всех граждан и т. д. В 1946 г. приняты меры по осуществлению этой программы. Расширена была сеть школ, обучение в них переведено на азербайджанский язык. Был открыт Государственный Азербайджанский университет, основаны театр, школа искусств, нацио-

нальный оркестр и хор. Газеты, журналы и книги стали издаваться на азербайджанском языке. Проведена была аграрная реформа, улучшившая положение крестьян.

Вслед за установлением демократического режима в Иранском Азербайджане, в Северном Иранском Курдистане в конце 1945 г. образовалась Демократическая партия Курдистана, в которую вошли прогрессивно настроенные вожди курдских племен, помещики, купцы, представители местной интеллигенции, духовенства. В Мехабде было создано автономное правительство курдов-демократов. Местная администрация была укомплектована из курдов, созданы вооруженные курдские отряды. Началась организация школ и издание газет на курдском языке. В области аграрных отношений курдские демократы не провели каких-либо реформ и отношения между помещиками и крестьянами в Курдистане почти не изменились.

Образование автономных режимов в Иранском Азербайджане и Северном Курдистане было важным шагом на пути национального развития иранских азербайджанцев и курдов. Однако эти национальные движения были разгромлены в конце 1946 г. центральным иранским правительством Кавاما с помощью английских и американских империалистов. При этом в качестве орудия реакции при подавлении национального движения в Иранском Азербайджане и Курдистане были использованы выступившие в 1946 г. южноиранские племена кашкайцев, бахтиар и арабов.

В течение прошедших после окончания второй мировой войны последних двух десятилетий в общественно-экономической структуре и политической жизни Ирана произошли важные события, оказавшие большое влияние на национальные процессы. Массовое движение против Англо-Иранской нефтяной компании за национализацию нефтяной промышленности в 1951—1953 гг. способствовало сплочению народов Ирана в антиимпериалистической борьбе. В ней под общими лозунгами участвовали не только персы, но и азербайджанцы и другие народы Ирана. Правительству М. Мосаддыка, проводившему политику национализации нефтяной промышленности, открытую поддержку оказывали и некоторые племена, например кашкайские. Попытки английских и американских агентов спровоцировать выступление других племен против правительства Мосаддыка, оказались неудачными. В условиях небывалого подъема антиимпериалистического движения даже издавна связанные с английскими империалистами бахтиарские ханы не могли поднять свои племена против национализации нефтяной промышленности. Подстрекательства английской агентуры, стремившейся восстановить арабов Хузистана против правительства Мосаддыка, используя их национальные чувства, тоже не принесли желаемых результатов. Государственный переворот и свержение правительства Мосаддыка были произведены в августе 1953 г. без участия племен силами воинских частей, возглавляемых реакционными иранскими генералами и офицерами, тесно связанными с американцами.

В послевоенное время и до начала 60-х гг. в экономике страны не произошло коренных перемен. Хотя удельный вес сельского хозяйства в валовом общественном продукте и сократился с 78% в 1936—1937 гг. до 23% в 1964 г.¹⁰, Иран все же продолжал оставаться в основном сельскохозяйственной страной, так как более половины самостоятельного населения было занято в сельском хозяйстве. До 1963 г., когда в стране активизировалось проведение аграрной реформы, в деревне были силь-

¹⁰ Газ. «Эттелаат», 12 ноября 1941 г.; «Presenting Iran», Tehran, 1965, p. 70.

ны черты феодальных отношений. В рассматриваемый период наблюдался некоторый, сравнительно слабый рост промышленности. При этом наибольшее развитие получили текстильная, сахарная и цементная отрасли промышленности. Значительно увеличилась сеть железных (до 3,5 тыс. км) и шоссейных (около 27 тыс. км) дорог, которые связали основные области страны. Это способствовало дальнейшему росту разделения труда между экономическими районами, укреплению экономических связей между различными частями страны и было важным шагом на пути создания единого иранского рынка. Более широкое развитие получили капиталистические отношения в различных отраслях экономики страны. Перепись 1956 г. показала, что почти половина всего самостоятельного населения Ирана (2696,5 тыс. из 5907 тыс. чел., или около 46%) уже в то время продавала свой труд и получала заработную плату¹¹. Фабрично-заводская промышленность и транспорт имели капиталистический характер. В мелких предприятиях и ремесленных мастерских также преобладали капиталистические производственные отношения, несмотря на наличие некоторых докапиталистических пережитков. Капитализм интенсивно проникал и в сельское хозяйство. По данным переписи 1956 г., из 3325,7 тыс. человек самостоятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, 954 тыс., т. е. почти треть, работала по найму и получала заработную плату. Распространению капиталистических отношений в сельском хозяйстве способствовало растущее применение тракторов, комбайнов и других машин с использованием наемной рабочей силы.

Все эти процессы сопровождалась дальнейшей ликвидацией замкнутости отдельных труднодоступных до того районов и разложением пережитков феодальных отношений и связанного с ними племенного строя. Они приводили к расширению связей между народностями и племенами Ирана. Активизировался процесс их смешения и ассимиляции. Весьма важным фактором этого процесса было значительное развитие школьной сети в Иране¹². Выросла и сеть профтехнических школ и педагогических училищ. Увеличилось число высших учебных заведений в стране. Кроме Тегеранского университета, основанного в 1934 г., функционируют открытые в 1949 г. государственные университеты в Тебризе, Ширазе и Мешхеде, в 1955 г. — в Ахвазе, в 1958 г. — в Исфагане и в 1961 г. так называемый Национальный (не государственный) университет в Тегеране. В Тегеране в 1960 г. был основан Политехнический институт. В Абадане работает Политехнический нефтяной институт. Существуют также высшие военные учебные заведения: Военная академия, Академия генерального штаба, Высшая армейская офицерская школа и Высшая полицейская офицерская школа. Общее число студентов в иранских высших учебных заведениях в 1963 г. составляло около 24,5 тыс.¹³. Преподавание в школах и вузах Ирана ведется на персидском языке. Система народного образования, а также положение персидского языка, как обязательного государственного — важнейшие рычаги ассимиляции различных народностей и племен Ирана. Ассимиляционным процессам

¹¹ «Краткий отчет о всеобщей переписи населения Ирана 1956 г.», т. II, Тегеран, 1961, стр. 398 (на перс. яз.).

¹² Если в 1953 г. в стране было всего около 6 тыс. начальных школ с 746 тыс. учащихся в них, то к октябрю 1966 г., по заявлению министра просвещения Ирана Х. Хедаяти, число обычных начальных школ достигло 15 135 и, кроме того, имелось 11 133 школы «Корпуса просвещения»; во всех начальных школах Ирана обучалось 2547 тыс. учащихся. Средних школ в 1953 г. было 572 с 121,7 тыс. учащихся, а в 1964 г. — 1269 с 369 тыс. учащихся («Iran almanac 1962», Tehran, 1963, p. 300; см. также «Presenting Iran», tabl. 1, 4).

¹³ Ali Asghar Shamin, Iran in the reign of his majesty Mohammad Reza Pahlavi, Tehran, 1965, p. 165.

способствуют и такие факторы, как служба в армии, радио, телевидение, кино и т. д.

Однако, несмотря на активизацию ассимиляционных процессов в послевоенное время, перепись населения 1956 г. показала, что различные национальные меньшинства в Иране к тому времени все еще составляли более половины населения страны. До этой переписи в официальных иранских документах о населении Ирана совершенно игнорировались сведения о национальной принадлежности и приводились только данные о религиозном составе населения. Но при проведении переписи 1956 г. был произведен учет говорящих на различных «местных» языках, отличных от государственного персидского языка¹⁴.

Всего, как пишет Ш. Шахин, опубликовавший в 1960 г. в сборнике «Статистика в Иране» данные переписи 1956 г. о распространении различных языков в Иране, «местными» языками пользовалось более половины населения Ирана. По мнению Ш. Шахина, в стране до 80 «местных» языков. Число говорящих на этих языках, отмечает Ш. Шахин, уменьшается с каждым годом, т. е. по существу он признает, что в стране происходит активный процесс ассимиляции национальных меньшинств.

Приведенные сведения о численности говорящих на «местных» языках не дают исчерпывающего представления о национальном составе населения Ирана. В них, например, нет данных об евреях, гебрах (парсах), ассирийцах и некоторых других меньшинствах. Приводятся, по-видимому, заниженные данные о численности курдов и т. д.

Уровень экономического и культурного развития областей, населенных национальными меньшинствами, и главным образом центральных областей, где живут в основном персы, различен.

Промышленность быстрее развивалась в центральных районах. Так, на долю Центрального остана в 1959/60 г. приходилось около трети всех промышленных предприятий и занятых в них рабочих и служащих и почти половина всех промышленных капиталовложений. По числу промышленных рабочих и служащих на одну тысячу населения показатели Тегеранского остана в 1959/60 г. в два, а по промышленным капиталовложениям почти в четыре раза превосходили средние по всей стране. Кроме Тегеранского остана, сравнительно быстро развивалась промышленность в Исфаганском, а также в Мазендеранском и Гилянском останах. Что же касается таких областей Ирана, как Восточный и Западный Азербайджан, Керманшах, Курдистан, Сеистан и Белуджистан, населенных национальными меньшинствами, то они к началу 60-х гг. оказались наименее развитыми в промышленном отношении. По упомянутым выше показателям промышленного развития такие густонаселенные и богатые необходимыми для развития промышленности природными ресурсами области, как Восточный и Западный Азербайджан, в 1959/60 г. во много раз отставали не только от Тегеранского, но также и от Исфаганского, Мазендеранского и Гилянского останов. В Керманшахе, Курдистане и Сеистане уровень промышленного развития был еще ниже, чем в Иранском Азербайджане¹⁵.

¹⁴ По данным переписи, из общего числа жителей Ирана — 18 954 тыс. человек, — 4240 тыс. говорили на различных тюркских языках, в том числе 330 тыс. — на туркменском; 1150 тыс. — на гиялском; 1080 тыс. — на лурском языке (в число их включены и бахтиары); 1060 тыс. — на курдском языке; 920 тыс. — на мазендеранском; 430 тыс. — на белуджском и 115 тыс. человек — на армянском языке. Таким образом, только на перечисленных «местных» языках в 1956 г. говорили 9385 тыс. человек. См. «Статистика в Иране», Тегеран, 1960, стр. 161 (на перс. яз.).

¹⁵ «Статистический промышленный ежегодник за 1959—60 г.» (на перс. языке).

Такое же положение — резкое отставание областей, населенных национальными меньшинствами, — было и в развитии культуры. В 1960 г. только на долю Тегерана и Центрального остана приходилось около $\frac{1}{4}$ всех начальных школ и более $\frac{1}{3}$ всех учащихся в них, более $\frac{1}{3}$ всех средних школ и свыше 42% всех учащихся в них¹⁶.

В послевоенные годы активно происходил процесс ассимиляции персами национальных меньшинств. Среди остальных народов Ирана процесс национального развития наиболее далеко зашел у иранских азербайджанцев, численность которых около 4 млн. человек. Компактной массой они населяют обширную территорию северо-западного Ирана — Иранский Азербайджан и в настоящее время представляют собой уже почти сформировавшуюся нацию. Они говорят на своем языке, имеют свои культурные традиции, развитое национальное самосознание, литературу и т. д.

Другое тюркоязычное национальное меньшинство Ирана — туркмены (330 тыс. по данным переписи 1956 г.) по уровню своего экономического, общественного, культурного развития и степени национальной консолидации отстают от азербайджанцев. В частности среди туркмен до сих пор в значительной мере сохранились родоплеменные пережитки.

Крупным тюркоязычным национальным меньшинством Ирана являются обитающие на юге Ирана, в Фарсе, кашкайские племена, насчитывающие около 300 тыс. человек. В большинстве этих племен завершился или завершается переход от отдельных племенных языков к общему, понятному для всех племен кашкайскому языку. Среди кашкайских племен имеется определенная общность культуры (обычаи, фольклор). Существует у них территориальная, а также определенная экономическая общность. Уже в середине XVIII в. в источниках и литературе появилось общее название «кашкаи» для всех племен, вошедших в кашкайский племенной союз. Все это дает основание считать, что союз кашкайских племен в настоящее время превратился или превращается в народность, хотя у кашкайцев до сих пор также весьма сильны пережитки племенного строя.

Примерно то же можно сказать и о лурах, бахтиарах, белуджах, говорящих на своих иранских языках, но имеющих значительные отличия от персов как по языку, так и по обычаям, образу жизни, народному творчеству и по другим сторонам духовной и материальной культуры. Среди ираноязычных племен Ирана следует выделить также курдов, для которых характерно высокоразвитое самосознание и ярковыраженные специфические особенности в материальной и духовной культуре. Процесс национальной консолидации среди курдов зашел дальше, чем у луров, бахтиар и белуджей. Курды в этом отношении могут быть поставлены вслед за азербайджанцами. Весьма развито у курдов Ирана чувство национальной общности с курдами Ирака и Турции.

Но в целом ираноязычные и тюркоязычные национальные меньшинства, арабские племена Хузистана, побережья Персидского залива, арабы хамсе в Фарсе и арабы, проживающие в районах Иезда, Кермана и Хорасана, по уровню национальной консолидации уступают не только персам, но и азербайджанцам. Среди них, как правило, в большей степени сохранились остатки феодальных общественных отношений и родоплеменные пережитки.

Иранские правящие круги и в послевоенное время официально не признавали наличия в Иране мусульманских национальных меньшинств. По-прежнему только религиозные меньшинства пользуются правом избирать своих депутатов в меджлис. Начиная с 20-й сессии (с 1960 г.)

¹⁶ Ежегодник «Кейхан» 1962/63 г., Тегеран, б/г., стр. 424 (на перс. языке).

меджлиса, в дополнение к армянам-христианам, евреям и гебрам (парсам), ассирийцы также получили право выбирать своего депутата в меджлис. Из 60 членов сената половину составляют сенаторы от Тегерана, и среди остальных 30 сенаторов от областей Ирана нет ни одного специального представителя от национальных или религиозных меньшинств. Избираемые в депутаты меджлиса должны владеть персидским языком.

Как и прежде, единственным государственным языком в Иране является персидский. На нем ведется делопроизводство во всех центральных и местных административных и судебных учреждениях, в том числе и в областях, населенных национальными меньшинствами. На этом же языке преподают в школах и высших учебных заведениях. За исключением нескольких изданий на английском языке, французской, арабской и армянской газет, все остальные газеты и журналы в Иране печатаются на персидском языке¹⁷. Каких-либо автономных прав в области экономической, общественной и культурной жизни области и районы, населенные национальными меньшинствами, не имеют.

Самое крайнее течение великодержавного иранского шовинизма, паниранизм, в течение последних лет не проявляется активно в общественно-политической жизни страны. Но еще в начале 60-х годов иранские справочники сообщали о существовании в Иране партии паниранистов, состоящей из небольшой группы воинствующих и экстремистских националистических элементов¹⁸. Каким-либо серьезным влиянием паниранистская идеология в общественно-политической жизни и среди широких народных масс Ирана не пользуется.

Необходимо отметить, что проявления великодержавного иранского шовинизма встречаются не только в реакционных кругах. Среди части и не реакционно настроенной интеллигенции, например, распространено мнение, что, если не считать обязательности персидского языка в качестве государственного, в Иране не существует какого-либо национального неравноправия и дискриминации и что, в частности, в экономическом отношении все населяющие Иран народы находятся в равном положении. Однако приведенные выше данные об уровне экономического развития различных областей Ирана опровергают это мнение.

В то же время следует подчеркнуть, что в Иране национальное неравноправие и дискриминация проявляются не в таких резких и непримиримых формах, какие свойственны некоторым другим государствам Ближнего и Среднего Востока. И в прошлом, и в настоящее время были случаи, когда представители социальной верхушки азербайджанцев, бахтиар, курдов и некоторых других народностей и племен, населяющих Иран, занимали руководящие посты в иранском правительстве, государственном центральном и местном аппарате (министры, губернаторы, послы и др.). Правда, надо иметь в виду, что эти представители социальной верхушки национальных меньшинств Ирана в значительной мере уже потеряли свои национальные черты и слились с персидскими правящими кругами. Что же касается широких народных масс национальных меньшинств, то в их среде национальные особенности сохранились гораздо больше, несмотря на происходящий процесс ассимиляции.

Далее, надо сказать, что в последнее время под влиянием различных международных событий — роста национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, а также национальной политики соседа Ирана — Советского Союза и общественно-экономического и культурного расцвета социалистических наций, в правящих кругах Ирана наметилась тенденция фактического отхода от прежней политики категориче-

¹⁷ «Iran almanac 1964—1965», Tehran, 1966, pp. 179—182.

¹⁸ «Iran almanac 1962», Tehran, 1966, p. 126.

ского непризнания существования в стране мусульманских национальных меньшинств. Один из старейших общественно-политических деятелей Ирана, бывший председатель иранского сената Х. Таги заде, в конце 1960 г. выступил в клубе «Мехреган» с осуждением такой линии. «Иногда крайние националисты,— сказал он,— категорически отрицают существование в Иране различных народов (этнических.— М. И.) элементов и языков, полагая, что путем резкого тона и упрямства можно поглотить эти этнические элементы. Они не понимают того, что только справедливость, терпимость, братское и более внимательное отношение к их нуждам и свободе, а никак не насилие, насмешки и жестокость, могут усилить ассимиляторскую способность центрального правительства»¹⁹. Как уже отмечалось, при проведении первой всеобщей переписи населения Ирана в конце 1956 г. иранские власти фактически признали наличие в Иране ряда национальных меньшинств, проводя учет населения, пользуясь не персидским, а «местными» языками, то есть языками различных национальных меньшинств. Об этом же говорит изменение в последние годы административного деления страны и выделение ряда областей, населенных национальными меньшинствами, в самостоятельные административные единицы: Курдистан, Белуджистан и Сеистан, Луристан, Бахтиария и Чехармахалл, Боюр-Ахмеди и Кухгилуйе²⁰. Проводятся радиопередачи на курдском, арабском и белуджском языках²¹ и т. д.

В последние годы в связи с важными экономическими сдвигами в стране, ростом капиталистических отношений, развитием промышленности, аграрными и другими реформами, расширением системы народного образования стали более быстрыми темпами изживаться докапиталистические отношения, расширяться и углубляться взаимные связи и общение между различными этническими общностями. В настоящее время наблюдаются две тенденции в национальном развитии народов Ирана. Во-первых, активизировался процесс ассимиляции господствующей нацией национальных меньшинств. Во-вторых, расширение системы народного образования, распространение грамотности и некоторые сдвиги в области культуры не могут не приводить к росту национального самосознания отдельных национальных меньшинств, которые, несомненно, будут выступать за обеспечение своих национальных прав. Но первая тенденция в настоящее время проявляется более активно.

SUMMARY

The article analyzes the recent processes of national development of the peoples of Iran, gives an outline of the ethnic composition of the population of Iran in the beginning of the 20-th century, considers the level of social, economic and ethnic development of various peoples of Iran, the origin and development of a national ideology and its forms.

The article stresses the deep influence exerted by the Great October Socialist Revolution in Russia on the national development in Iran in the last 50 years, and defines the main stages of this development: the twenties and thirties, the years of World War II and early postwar years, and the modern period. In connection with recent important shifts in the country's economy, the growth of capitalist relations, industrial development, land reform and other reforms the author notes two main tendencies in the national development of the peoples of modern Iran. These are, first, a more actively pronounced tendency towards assimilation of various nationalities by the dominant nation, and, second, national consolidation among the largest national minorities.

¹⁹ Таги заде, Речь о понятиях европейской цивилизации, свободы, родины, нации и т. д., Тегеран, 1961, стр. 42—43 (на перс. языке).

²⁰ «Iran almanac 1964—1965», pp. 81—82.

²¹ Там же, стр. 445.

С. А. Токарев

О ЗАДАЧАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРАН

1

В числе принципиальных теоретических проблем этнографической науки важнейшее место занимает наиболее общая проблема: определение предмета этой науки. Аналогичные вопросы, как известно, всплывают в определенные моменты в каждой науке, когда прежние представления о ее предмете (и тем самым о задачах) начинают пересматриваться. Этнография, видимо, переживает сейчас именно такой момент: то и дело вспыхивают споры о предмете этнографического исследования — или, точнее, о пределах компетенции этнографической науки.

Этнография есть изучение народов, их быта и культуры в историческом развитии — таково наиболее простое и сравнительно точное определение ее предмета. Но — каких народов? Всех или только некоторых, — скажем, культурно отсталых? Изучение ли только старого, традиционно-го, или и нового, современного их быта? Всех ли сторон их культуры или только некоторых, и каких именно?

Есть мнение, что этнография должна иметь дело лишь с культурно отсталыми народами, но не с народами высокой культуры. На этой точке зрения стояли и стоят многие этнографы, и за рубежом, и — по крайней мере прежде — в нашей стране¹. Такое понимание задач этнографии коренится в самых истоках этнографической науки, когда она — в середине XIX в. — зарождалась в значительной мере под влиянием практических потребностей — ближе знать быт коренного населения тех стран, которые тогда были предметом колониальных захватов для европейских держав. В том же направлении действовало и нараставшее тогда в европейской ученой среде стремление распространить естественно-научные методы на изучение человека и его «естественной истории»; отсюда полное господство «эволюционистского» направления в зарождавшейся тогда этнографии: эволюционисты с особым вниманием присматривались как раз к ранним формам общественной жизни и культуры людей.

Но сейчас согласиться с таким ограничением задач этнографической науки никак нельзя, — и нельзя уже по одному тому, что резкой грани между «отсталыми» и «передовыми» народами нет. Народы с более развитой культурой (в Европе, Америке) и народы, сохранившие до наших дней самые отсталые формы быта (например аборигены Австралии), представляют собой лишь крайние точки непрерывной цепи, каждое звено которой лишь незначительно отличается от соседнего звена, и четкой границы между ними нигде нет. Кроме того, уровень культуры каждого отдельного народа меняется, и особенно быстро в наше время, когда многие народы, еще недавно отсталые, за короткий срок выдвинулись в число передовых.

¹ См., например, Н. Харузин, Этнография, вып. 1, СПб., 1901, стр. 36—37; Е. Г. Кагаров, Пределы этнографии, «Этнография», 1928, № 1, стр. 19—20.

Точно так же нельзя считать обоснованным и то мнение, что этнография должна будто бы изучать у народов развитых стран только их крестьянскую, деревенскую культуру или только архаические, пережиточные черты культуры. Такое мнение тоже имеет свои исторические корни, и эти корни связаны с тем широким общественным и национальным движением в европейских странах, которое бурно развилось в первой половине XIX в., особенно среди германоязычных и славяноязычных народов, слабее среди романоязычных. Подъем национального движения породил тогда интерес к прошлому своего народа, к народным традициям, верованиям, творчеству, к родной старине. Хранителем же старых традиций считалось прежде всего крестьянство, мало затронутое городским влиянием. А поэтому внимание любителей старины было обращено прежде всего к сельскому населению, к его обычаям, верованиям, фольклору. В России — стране сугубо крестьянской — интерес первых этнографов и фольклористов-собирателей тоже был направлен преимущественно к деревне.

Этот предпочтительный, а порой и исключительный интерес к крестьянству, к деревенскому быту сохранился в этнографической науке как в зарубежных странах, так отчасти и у нас, вплоть до последних лет. Однако если он исторически и объясним, то теоретически обосновать такое ограничение предмета этнографических исследований трудно. Ведь, поступая так, изучая только архаику в жизни народа, мы тем самым резко, хотя и невольно, искажаем весь облик данного народа. Этнограф, интересующийся только архаическими чертами в быту, скажем, французских крестьян, и игнорирующий колоссальный вклад французского народа в мировую цивилизацию, — подобен ботанику, который бы изучал только корни огромного дерева, совершенно не интересуясь его стволом, кроной, листьями, цветами, плодами; такой ботаник ничего не понял бы даже и в самих корнях этого дерева.

2

Задача этнографии — изучить лицо каждого данного народа (как народа, т. е. как этнической общности), весь его облик, включая как архаические, пережиточные стороны его быта, так и все наиболее развитые формы, наиболее сложные явления его общественной жизни и культуры. Это одинаково относится и к народам исторически отсталым, и к самым передовым. При этом этнограф изучает не только специфические особенности, отличающие данный народ от других, но — и это чрезвычайно важно отметить — черты, общие с другими народами. Именно эта последняя сторона этнографических исследований особенно важна для исторической науки, так как помогает вскрыть общие закономерности исторического процесса, охватывающего все человечество. Разумеется, как общие, так и специфические черты быта и культуры каждого народа мы должны изучать в динамике, в историческом развитии, доводя изучение до сегодняшнего дня, а в историческое прошлое проникая настолько, насколько это возможно.

Этнографа интересуют в значительной мере те же явления и стороны жизни любого народа, какие изучаются другими науками — гуманитарными и техническими: явления материальной и духовной культуры, формы общественного и семейного быта. В этих случаях самый предмет исследования этнографической науки может совпасть с предметом других наук: гражданской истории, экономики, демографии, правоведения, литературоведения, истории искусства, религиоведения и др., — а также агрономии, зоотехники, градостроительства, архитектуры, социальной

гигиены и прочих. Чем же отличается тогда этнограф от представителя той или иной из упомянутых наук? Не предметом исследования, а подходом к нему, т. е. углом зрения.

Угол зрения, под которым любая наука рассматривает свой предмет, определяется проблематикой этой науки. Проблематика же вытекает из существа данной науки. Это касается в полной мере и этнографии.

3

Этнография есть историческая наука, изучающая быт и культуру народов. Проблематика ее, как известно, очень разнообразна. В числе наиболее общих и важных проблем, в свете которых этнограф изучает и явления хозяйства и материальной культуры, и социальный строй, и духовную культуру любого народа, можно указать прежде всего на следующие:

а) Этногенез, этническая история и этнические связи между народами, их отражение в быту и культуре современных народов.

б) Этнический состав населения отдельных стран (и всего мира), этнические подразделения современных народов, отражающиеся в явлениях быта и культуры, — проблемы этнической географии.

в) Этническая традиция, ее отражение в явлениях быта и культуры, ее положительное или отрицательное влияние на развитие народов.

г) Общие закономерности возникновения одинаковых черт быта и культуры у народов, стоящих на одинаковой ступени исторического развития или живущих в сходных условиях среды.

д) Закономерности взаимного влияния культуры народов, явления диффузии элементов культуры, «аккультурация».

е) Судьбы этнической традиции в наши дни в сложно дифференцированном (сословном, классовом) обществе, ломка или видоизменение ее в быту отдельных классов или иных социальных групп населения, в деревне и в городе.

ж) Проблема оценки в изучении явлений быта и культуры народов, критерий общечеловеческих и ограниченных ценностей, критерий практической полезности в наше время.

з) Изучение направления и перспектив развития этнических общностей в наши дни: этническая консолидация, пути национального развития отдельных народов, общее направление путей этнического развития.

Все перечисленные проблемы, специфичные именно для этнографической науки, и каждая из них в отдельности, могут служить критерием этнографического подхода к изучению любого явления быта и культуры любого народа, начиная от самых отсталых и до самых передовых и высокоразвитых. Любая сторона жизни народа может изучаться с точки зрения той или иной из названных выше проблем, — и это будет этнографическое изучение.

4

Примером может служить хотя бы земледельческое хозяйство народов Европы. Техника и экономика земледельческого производства изучаются агрономами, агротехниками, экономистами, историками-экономистами. Но если исследователь ставит вопрос о наличии и значении этнической традиции в земледельческом хозяйстве, о различиях в нем, приурочиваемых к этническим общностям (хотя бы он в итоге изучения пришел к отрицательным выводам по этому вопросу), о связях между

народами, отразившихся в сходстве черт земледельческого производства, об использовании народного опыта в организации и планировании этого производства в том или ином районе, и т. п. — это будет этнографическое изучение истории земледелия («аграрная этнография»).

Другой пример — изучение семьи и брака. Эта область изучается демографами-статистиками (количественные показатели семейно-брачной жизни в их отношении к другим демографическим показателям), законодателями-юристами (законодательное регулирование и судебная охрана норм брачно-семейной жизни), философами-моралистами и др. Этнограф же изучает семью — как у более развитых, так и у отсталых народов — с точки зрения таких проблем: история развития форм семьи и брака, место изучаемого явления (у данного народа) в этой истории; специфические особенности брачно-семейных отношений, порожденные особыми конкретно-историческими условиями у данного народа; социальные (сословные, кастовые, классовые) различия в формах брачно-семейной жизни в пределах одного и того же народа и сопоставление этих различий у разных народов (например, чем вообще крестьянская семья у народов Европы отличается от рабочей семьи, от буржуазной семьи и т. д.); смешанные (по национальной принадлежности) семьи и смешанные браки, их особенности по языку и быту; влияние брачно-семейных обычаев и норм у данного народа на все стороны его материальной, общественной, духовной жизни; пережиточные формы брачно-семейной жизни, сохраняющиеся в условиях развитого общества, отражение их, например, в обрядности, их историческое возникновение, условия устойчивого бытования; направление развития семейно-брачных норм у данного народа и у группы народов.

Еще пример — изучение общественной структуры данного народа, в частности народа той или иной капиталистической страны. Она изучается прежде всего (в ее развитии) гражданской историей, изучается экономической наукой (политической экономией), демографией, политической наукой, юриспруденцией (общее право, гражданское право и пр.). Пределы этнографического изучения в данном случае указываются опять-таки общей проблематикой этнографической науки: этнограф изучает специфику социальной структуры отдельных народов и групп народов, их историко-этническую обусловленность; черты и пережитки архаических форм общественной жизни, сохраняющиеся у данного народа, в условиях сложной классовой структуры, — особенно сельскую общину, а также патриархально-родовые, патриархально-феодальные пережитки; бытовую сторону социальных (классовых) взаимоотношений, особенности быта разных социальных групп данного общества (крестьян, рабочих, мелкой, средней, крупной буржуазии и др.), включая их домашний и общественный быт (кружки, союзы, фереины, клубы и пр.).

5

Наибольшие трудности в определении границ этнографического изучения народов промышленно развитых стран представляют две группы явлений, противоположных по своему характеру: а) явления стандартизации, унификации, «вестернизации» в области, главным образом, техники и материальной культуры (промышленное производство стирает и погашает все местные, этнические и другие различия и особенности); и б) продукты индивидуального творчества, как непротиворечащиеся явления прежде всего в области профессионального искусства, литературы.

На первый взгляд, кажется, что с этими двумя группами явлений этнографу нечего делать. Предметы городского фабричного производ-

ва (орудия, машины, предметы домашнего быта, одежда, даже части жилища и пр.), постепенно проникающие в быт, нивелируют образ жизни народа, даже крестьянской его части, стирают местные особенности, вытесняют этнически выраженные местные формы. Казалось бы, что этнографическое изучение подобных явлений бесцельно. Что же касается области индивидуального художественного творчества (литературные произведения писателей, поэтов, драматургов, профессиональная музыка, живопись, скульптура и др.), то эти факты по самой своей природе индивидуальны, единичны, неповторимы, они составляют предмет изучения особых наук, занимающихся этими областями культуры, — литературоведение, музыковедение, история искусств, — и этнографу здесь опять, казалось бы, нечего делать.

На самом деле хотя сфера этнографического изучения в этих обеих категориях явлений действительно весьма сужена, этнограф не вправе оставлять и их без внимания. В отношении первой из них (индустриальное производство) этнографический аспект исследования выражается в следующем: а) закономерность зарождения и распространения индустриально-урбанистических форм быта на определенной ступени исторического развития народа, связь их с этнической историей данного народа; б) влияние индустриально-урбанистических форм на этнический облик народа, сохранение, ослабление или исчезновение этнической специфики в той или иной сфере жизни, степень ее устойчивости перед лицом индустриальной культуры; в) видоизменения в стандартно-унифицированных формах вещей под влиянием местной этнической среды, этнических традиций, приспособление (адаптация) к ним.

Нелегко здесь привести конкретные примеры сказанного, ибо вся эта проблема остается почти нетронутой исследованием. Попробую, однако, на исторических примерах пояснить, в чем тут задача исследования и в чем ее сложность.

Конечно, если в Европе впервые капиталистический уклад зародился в городах Северной Италии (XIV—XV вв.), позже развился во Фландрии и Голландии (XVI—XVII вв.), потом победил в Англии — первой подлинно капиталистической стране (XVIII в.), то причины такой последовательности смешно было бы искать в этнических особенностях населения этих стран: причины коренились в сложных исторических условиях. Но у этих процессов социально-экономического развития был свой этнический аспект. Развитие капиталистического уклада в Северной Италии имело своим идейным выражением итальянский Ренессанс, оживление и необычайный подъем искусств, литературы, науки, философии, начало формирования национального итальянского языка (на основе тосканского диалекта), первые искорки национального общеталейского самосознания. Это нашло себе отзвук во всей Европе: не только великие мастера итальянского Возрождения стали классиками общеевропейской культуры, но и в области сугубо коммерческой итальянский приоритет закреплен даже в международной терминологии (ломбард, банкрот, кредит, брутто, нетто, тара и др.). В самой же Италии гегемония индустриального Севера над аграрным Югом донныне ярко отражается на этническом облике и этнической структуре итальянского народа.

Аналогичные наблюдения можно сделать над фламандцами и голландцами, преемниками итальянцев и в отношении капиталистического развития, и в смысле культурных достижений. В Англии же наиболее полное развитие капитализма и урбанизма выразилось в радикальном изменении не только классовой структуры населения (исчезновение крестьянства, развитие буржуазии, рост рабочего класса), но и его этни-

ческого облика: завершение национальной консолидации на Британских островах, отпочкование заокеанских англоязычных наций в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

Что касается других двух названных выше сторон проблемы, влияние индустриализма на самобытную культуру народа, видоизменение стандартно-индустриальных форм в усваивающей их этнической среде, — то особых примеров того и другого приводить, пожалуй, не требуется: они общеизвестны. Именно этим явлениям в значительной мере посвящена, например, обильная американская литература, касающаяся проблем «аккультурации». И в нашей отечественной этнографической литературе, в дореволюционной и советской, немалое внимание уделено фактам проникновения городских влияний в деревенский быт и тем своеобразным преломлениям, которые испытывают при этом городские формы жизни. Как бы то ни было, но и здесь еще много неисследованного.

6

В отношении второй группы явлений — индивидуальное, профессиональное художественное творчество — этнографический аспект изучения состоит в следующем: а) изучение закономерности зарождения в данной этнической среде, на данной исторической стадии развития явлений индивидуализации художественного творчества (появление профессионалов-певцов, поэтов, писателей, музыкантов, живописцев и др.); б) выяснение этнически своеобразных корней в их творчестве: народные, фольклорные мотивы и сюжеты, национальный «стиль» в творчестве, традиционная поэтика, мелодический и гармонический строй музыки и пр.; в) распространение и бытование произведений профессионального искусства и литературы в данной этнической среде, их «фольклоризация»; г) размывание в наши дни границ, разделяющих область народного и профессионального творчества, направление и перспективы развития в этом отношении.

Примером может служить русская классическая художественная литература. Она составляет предмет исследования для специальной науки — литературоведения, изучающей вполне индивидуальные, неповторимые явления — творчество Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова. Этнограф, конечно, не может и не должен дублировать эту работу. Но этнограф может и должен ставить перед собой вопросы: когда, как и почему в русской этнической среде зародилась профессиональная художественная литература, как она постепенно обособлялась от народного, массового творчества? Какие чисто местные этнические традиции и каким образом содействовали ее появлению? Сказалось ли здесь, когда и как, культурное влияние других народов (греков, поляков, немцев и др.)? Какие народные (фольклорные) элементы, мотивы, сюжеты отразились в творчестве Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, как они были переработаны? В какой мере поэтика и художественный стиль произведений этих и других русских писателей отражает русский «национальный характер», насколько и в чем этот «национальный характер» отличается от «национального характера», отразившегося в творчестве, например, французских, итальянских, английских писателей? Как влияло и влияет на народную культуру творчество отдельных писателей и поэтов? Проникают ли в крестьянскую, в рабочую среду стихи классиков, сами по себе, или положенные на музыку (в виде песен), каким видоизменениям они при этом подвергаются («фольклоризация» художественных произведений, примеров которой можно указать много)? Наконец, как происходит, особенно в наше время, размывание или стирание границ между профессио-

нальной литературой и собственно народным творчеством (индивидуальное творчество отдельных народных певцов «сказителей», сочинение народных «сказов» на современные темы, деятельность писателей, посвятивших себя преимущественно обработке фольклорных сюжетов, — Бажов, Клычков, Пришвин и др.)? Все это — предмет исследования и серьезного интереса для этнографической науки и, в частности, ее ответвления — фольклористики. Никакой другой специалист не заменит здесь этнографа-фольклориста.

Все сказанное в полной мере относится к изучению и любой другой литературы — немецкой, французской, шведской и т. д.

В общем итоге, все без исключения явления жизни современных народов индустриальных стран (как, разумеется, и менее развитых) в той или иной мере — одни непосредственно, другие лишь отдельными сторонами — попадают в сферу интересов этнографа. Этнограф не должен вторгаться в область компетенции других наук и дублировать работу их представителей (экономистов, юристов, технологов, искусствоведов и пр.), но он должен быть знаком с выводами их исследований и считаться с ними. Мало того, он дополняет их исследования выводами своего собственного, этнографического изучения тех же явлений.

7

За последние полтора — два десятилетия этнографами Советского Союза сделаны существенные шаги вперед в разрешении указанных выше задач. Если до 1940-х годов включительно почти единственным предметом этнографических исследований было у нас крестьянство, его быт и культура, да и здесь этнографы интересовались преимущественно лишь чертами старого, докапиталистического уклада жизни, — то с начала 1950-х годов сфера интересов советских этнографов начала все более расширяться, охватывая более полно разные стороны жизни того же крестьянства и постепенно вовлекая в круг изучения также рабочее население городов.

Именно признание того, что быт рабочих может стать полноправным предметом этнографического исследования, означало существенное и принципиальное расширение сферы компетенции этнографической науки. Но такой шаг вперед связан с большими трудностями. Первые же опыты «изучения быта рабочих» (в конце 1940-х годов) очень скоро показали, что нельзя механически переносить в эту область изучения те методы, которые были выработаны этнографической наукой на материале традиционного деревенского быта: здесь нужны какие-то новые методы. А самое главное — здесь возникли совсем новые проблемы, не ставившиеся прежними этнографами. Каковы же эти новые проблемы? Далеко не сразу удалось их правильно поставить. Первые публикации, содержавшие в себе описания рабочего быта, не показывали читателю, — да и сами авторы едва ли ясно себе представляли, — в чем собственно состоят задачи этнографического изучения быта рабочего класса. Эти описания сбивались зачастую на стиль ведомственного отчета фабзавкома о проведении культурных «мероприятий», об «охвате» рабочих производственным обучением, разными кружками, медицинским обслуживанием и пр. Но после первых неудач начались поиски более продуманного подхода к задаче. На материале одного из старых русских промышленных горнозаводских центров — на изучении рабочих Нижне-Тагильского металлургического завода — была испробована методика углуб-

ленного историко-этнографического изучения. Работа велась под руководством опытного этнографа В. Ю. Крупянской и дала ощутимые результаты².

За последние годы появилось уже большое количество публикаций, посвященных изучению отдельных сторон быта рабочих в разных частях нашей страны. Многие из них представляют бесспорный научный интерес. Однако еще далеко не до конца разработана даже сама проблематика изучения рабочего быта. Не продумана в достаточной мере и связь этой проблематики с общим кругом проблем этнографической науки на современном ее этапе. Поэтому во многих случаях — особенно в тех, когда изучаются чисто русские рабочие центры, и вопросы о национальном составе рабочих, о национальных особенностях их быта не ставятся, — этнографическая специфика исследования не выявляется. Перед нами зачастую или просто сырой описательный материал, или, если и есть попытки обобщения, то они очень элементарны: например, сопоставляется теперешний материальный и культурный уровень жизни рабочих с прежним, дореволюционным, отмечается ее улучшение — и только. Конечно, сводить этнографическое исследование к таким немудреным выводам, которые способен сделать любой самый поверхностный наблюдатель, не имеющий даже понятия об этнографии, никак нельзя. Задача — суметь поставить подлинно научные проблемы этнографического изучения рабочих — остается еще далеко недостаточно решенной.

Целиком впереди и большая задача этнографического изучения других слоев населения — особенно городского. Еще до Октябрьской революции, на рубеже XIX и XX вв., была сделана первая такая попытка — я имею в виду составленную В. Н. Тенишевым «программу этнографических сведений о городских жителях образованного класса», — но она осталась нереализованной и тогда, и позже. А ведь сейчас, когда и абсолютный и относительный рост численности интеллигенции в нашей стране идет невиданными темпами, этнографу все менее извинительно игнорировать эту весьма влиятельную прослойку нашего общества. Сама жизнь рано или поздно заставит нас неминуемо поставить задачу этнографического изучения быта советской интеллигенции. А это потребует опять-таки выработки должной методики.

8

В какой мере достигнуто у нас уже теперь понимание указанных выше задач этнографической науки и применение его в научной практике — об этом лучше всего свидетельствует обширная, лишь недавно законченная публикация — многотомная серия «Народы мира». В задачу этого обобщающего коллективного труда входило дать максимально полное и разностороннее описание быта и культуры народов всех стран как в прошлом, так и в настоящем. В числе описываемых народов фигурируют, конечно, и народы развитых индустриальных стран. Разрешена ли поставленная задача в отношении именно этой группы народов?

И да и нет. Огромную заслугу авторского коллектива — и это отмечалось уже не раз в печати в весьма одобрительных рецензиях — состав-

² См., например, В. Ю. Крупянская, Л. Н. Терентьева, Основные проблемы этнографического изучения народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 3; В. Ю. Крупянская, Этнографическое изучение советского рабочего класса, «Вопросы истории», 1960, № 1; ее же, Проблемы изучения культуры и быта рабочих СССР, «Сов. этнография», 1963, № 4.

ляет то, что рамками издания охвачены все без исключения народы, причем описание крупных наций в промышленно развитых странах дается с тех же принципиальных позиций, что и описание небольших и отсталых племен: авторы стремились показать все стороны быта и культуры описываемого народа, исследовать их в динамике, в прошлом и настоящем. Но это не везде достаточно удалось.

В некоторых случаях характеристика современного быта народа оказалась неполной, однобокой: так, в томах, посвященных народам Европейской части СССР, описание их современного быта выдержано в неумеренно оптимистических тонах, отрицательные стороны быта, пережитки прошлого — затушеваны, о сохранении религиозных верований, церкви, сектах не сказано ни слова. С другой стороны, в описании, например, хозяйственной жизни, порой, пропадает этнографический угол зрения и изложение сбивается на пересказ элементарных фактов сельскохозяйственной экономики, агрономии, зоотехники, экономики промышленности и транспорта. Точно так же, при характеристике прежнего быта и культуры авторы не везде нашли способ изложить с этнографической точки зрения, например, великие достижения русской культуры — литературы, музыки, изобразительных искусств, — и потому ограничились конспективным перечислением, главным образом, лишь имен выдающихся деятелей литературы и искусства с банальной их оценкой.

9

В области изучения современного общества менее всего ясна грань между этнографией и «конкретной социологией». Обе науки претендуют в значительной мере на один и тот же объект изучения, и даже точки зрения на него в известной степени совпадают. Нередко под «конкретной социологией» (или «конкретно-социологическими исследованиями») понимают совокупность проблем, относящихся к разным сторонам общественной жизни — начиная от демографии и социальной гигиены, кончая изучением семейного быта и религиозности населения. Есть также мнение, что «этнография» (или «этнология») и «конкретная социология» — это лишь разные обозначения для одной и той же науки. Если все же попытаться провести грань между ними, то эта грань совпадает с линией раздела между понятиями «народ» и «общество». Социолог изучает общество, этнограф — народ. Всякий «народ» есть «общество», но не всякое «общество» есть «народ», ибо «общество» может быть и частью какого-то народа, и, наоборот, совокупностью нескольких или многих народов. В тех случаях, когда предметом интереса социолога служит какой-то «народ» (в смысле этнической общности) или какая-то часть определенного народа (опять-таки как этнической общности) — социолог выступает как этнограф. Но он должен в таком случае быть знаком с основами этнографической науки, с этнографической проблематикой. Если же при полном (социологическом) исследовании этническая специфика объекта не принимается во внимание, — что бывает очень часто, — социологическое исследование перестает быть этнографическим. Однако этнограф должен быть осведомлен и о такого рода исследованиях.

10

Одна из важнейших сторон этнографического изучения современной жизни народов на всех уровнях развития культуры — его практическая направленность. Этнография должна ставить перед собой в первую очередь те проблемы, решения которых требует сама жизнь. Это касается

и области материального производства (сельское хозяйство, промыслы и пр.), и семейно-брачных отношений, и воспитания детей, и общественной морали, и идеологии, и художественного творчества, и межнациональных отношений, и пр. Опираясь на всю систему этнографических знаний, мы должны смело и широко ставить вопросы, выдвигаемые жизнью, имея в виду одну общую цель: помогать своими знаниями, своими советами движению народов вперед, изживанию вредных пережитков прошлого, установлению более близких и дружественных отношений между народами всех стран.

S U M M A R Y

The article argues for the necessity of ethnographic studies in economy, material and spiritual culture, and social structure not only among historically backward and primitive peoples, but also among peoples of highly developed industrial countries.

Alongside with studies in archaic survivals in the culture and everyday life of these countries it is extremely important to study the most developed forms of their social life and culture.

The author outlines the problems of ethnographic research of industrialized societies. He also shows the distinctive ethnographic approach to those societies as compared with the approach of other sciences.

Н. И. Игонин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ АЭРОФОТОСЪЕМКИ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В задачи комплексных этнографических исследований, проводящихся советскими этнографами, входит изучение селений и жилищ¹. При этом этнограф встречается с разнообразными типами жилищ и поселений, что вызывает много трудностей при обследовании и фиксации их планировок. Большую помощь в этом может оказать применение новых, более совершенных методов полевых исследований. Одним из них является метод использования аэрофотоснимков и фотопланов, выполненных различными организациями, например предприятиями Сельхозаэрофотосъемки², с последующей проверкой их при полевых этнографических работах.

В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты методики применения материалов крупномасштабной аэрофотосъемки при изучении населенных пунктов сельского типа.

Материалы аэрофотосъемки используются при решении многих проблем, связанных с исследованием земной поверхности. Особенно широко и эффективно они применяются при картографировании территорий, исследовании различных ландшафтных зон, геологических разведках, землеустройстве, мелиорации и орошении земель и т. д. Кроме того, материалы аэрофотосъемки учитываются при планировании и строительстве дорог, населенных пунктов, а также при решении различных хозяйственных задач, связанных с изучением местности³.

Метод аэрофотосъемки применяется и в археологии. Прошлое оставляет на земле свои следы, которые, несмотря на большую давность, хорошо заметны на аэрофотоснимках даже в том случае, когда на поверхности земли произошли существенные изменения. Поэтому исследователи успешно использовали аэрофотоснимки при изучении древних способов планировки и обработки земли⁴ и для обнаружения археологических памятников. Так, с помощью аэрофотоснимков английский археолог Д. Бредфорд открыл целый ряд памятников, в том числе неолитические поселения и этруские могильники в Италии⁵, а Э. Шмидт уточнил планировку многих древних городов Ирана, выявил оборонительную систему вдоль «линии Александра»⁶. Только благодаря аэрофотосъемке удалось обнаружить руины финикийского города Тира, основанного в III ты-

¹ Т. Е. Жданко, В. Ю. Крупянская, Л. Н. Терентьева, Об организации и методике полевых этнографических исследований, «Сов. этнография», 1956, № 3.

² В нашей стране имеется сеть аэрофотогеодезических предприятий Сельхозаэрофотосъемки, которые занимаются картографированием земель методами аэрофотосъемки.

³ Иногда на аэрофотоснимках можно обнаружить скрытые в земле объекты. С помощью аэрофотосъемки, например, удалось восстановить плановые материалы по дренажным системам в Калининградской области, которые были утеряны в годы войны. Все другие способы обнаружить в земле дренажные трубы требовали больших экономических затрат, так как надо было провести огромные земляные работы. (См. Г. Я. Мейер и И. М. Кривоносов, Применение аэрометодов для картирования закрытых дренажных систем, «Труды лаборатории аэрометодов», т. V, М.—Л., 1956, стр. 83—107).

⁴ R. Chavallier, L'étude des modes anciens d'utilisation des terres (archéologie-agraire) par la photographie aérienne et son intérêt pratique, Paris, 1964.

⁵ J. Brandford, Ancient landscapes. Studies in field archaeology, London, 1957.

⁶ E. Schmidt, Flights over ancient cities of Iran, Chicago, 1940.

сячелетия до н. э. и затопленного водами Средиземного моря вследствие постепенного погружения суши⁷.

В нашей стране метод аэрофотосъемки и аэровизуальное наблюдение успешно применяются Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. С их помощью экспедиции удалось обнаружить на огромной территории низовой Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи несколько сот археологических памятников, уточнить и зафиксировать их планировку⁸, а также изучить историю развития оросительных систем древнего Хорезма. Экспедицией разработана методика проведения аэрофотосъемки археологических памятников, расположенных в различных ландшафтных зонах и имеющих различную степень сохранности⁹.

Используя материалы аэрофотосъемки и наземного обследования, С. П. Толстов установил случаи повторного освоения земель древнего орошения в различные периоды истории¹⁰. «Факт широкого освоения в XII в. Чермен-ябских „Земель древнего орошения“ говорит, что такое освоение является тем более возможным теперь, когда в наших руках имеются несравненно более могучие средства»¹¹, — заключает С. П. Толстов. В последующие годы археологические исследования на землях древнего орошения выявили огромные дополнительные резервы земель, которые можно проектировать к освоению в областях древних и современных дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи¹².

Материалы аэрофотосъемки можно не менее эффективно использовать и в этнографии. В зарубежной этнографии метод аэрофотосъемки применялся отдельными учеными. В США, например, в последнее десятилетие этнографы Ивон З. Фогт и А. Кимбалл Ромней применили аэрофотосъемку при изучении одного из индейских народов высокогорной части Чианаса (Мексика)¹³.

В труднодоступных для полевых исследований горных районах Чианаса была произведена аэрофотосъемка местности. К работам по дешифрованию снимков были привлечены местные индейцы, которые хорошо знали местность и свободно на ней ориентировались. При сборе полевого материала особое внимание уделялось выявлению границ землепользования, традиционных форм наследования участков земли, планировки поселков, культовых сооружений и водных источников. По аэрофотоснимкам составлялись планы поселений с нанесением на них всех добытых сведений.

Как известно, типы жилищ, характер поселений, а также планировка и внешнее оформление отдельных построек являются важным источником при изучении материального положения и уровня культурного развития народа. Кроме того, жилищные поселения тесно связаны с социальным строем и способом производства. Смена способа производства влечет за собой постепенную эволюцию типов жилищ и поселений, что можно наблюдать на примере многих народов¹⁴.

Изучение современного жилища и типов населенных пунктов — важная задача советской этнографии. За последние 30 лет произошла миграция значительной части населения с запада на восток, вызванная Великой Отечественной войной и освоением новых земель. Возникли новые населенные пункты, причем характерно, что на плани-

⁷ Мишель Рузе, Аэрофотосъемка восстанавливает картину прошлого, «В защиту мира», 1954, № 39.

⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948; С. П. Толстов и М. А. Орлов, Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции, «Вестник АН СССР», 1948, № 6; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Н. И. Игонин, Использование аэрометодов в археологических исследованиях, «Сов. археология», 1962, № 1.

⁹ Б. В. Андрианов, Дешифрирование аэрофотоснимков при изучении древних оросительных систем, Сб. «Применение естественных наук в археологии», М., 1965; Н. И. Игонин, Применение аэрофотосъемки при изучении археологических памятников, там же.

¹⁰ Земли древнего орошения — территория, орошавшаяся в античное и средневековое время. В данном случае речь идет о низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Эти земли занимают огромную площадь, история заселения и запустения которой была изучена Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР под руководством С. П. Толстова.

¹¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 55.

¹² С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 318.

¹³ Evon Z. Vogt, and A. Kimball Romney, The use of aerial photographic techniques in Mayaan ethnography. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

¹⁴ См. И. П. Буткявичус, Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина, Крестьянские поселения Прибалтики (история формирования, современное состояние, перспективы развития), «Сов. этнография», 1966, № 1; М. В. Витов, О классификации поселений, «Сов. этнография», 1953, № 3; О. В. Ионова, Жилые и хозяйственные постройки якутов, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVIII, 1952, и др.

ровку отдельных домов и целых поселений оказали влияние исторически сложившиеся традиционные формы¹⁵. Многие населенные пункты были уничтожены фашистами и создавались заново. В таких населенных пунктах часто встречаются стихийно застроенные участки с жилищем традиционных форм и участки, которые были застроены позднее по типовым проектам, разработанным в проектных организациях. Эти участки легко обнаруживаются на плановых аэрофотоснимках.

Как известно, аэрофотоснимок — это изображение дневной поверхности земли, сделанное с воздуха. Различают плановые и перспективные снимки. Если в момент фотографирования оптическая ось аэрофотоаппарата была перпендикулярна поверхности земли, или отклонялась не более чем на 3° , получается плановый снимок, если же оптическая ось отклонялась больше, чем на 3° , т. е. занимала наклонное положение относительно поверхности земли, — перспективный. Перспективные аэрофотоснимки используются редко, так как вследствие законов перспективы предметы, расположенные на переднем крае снимка, закрывают собой предметы, находящиеся за ними. Таким образом, некоторые важные объекты исследования остаются незамеченными. Учитывая это, перспективное фотографирование производится лишь для получения дополнительного материала при изучении местности по плановым снимкам¹⁶.

На плановом снимке все изображения получаются в центральной проекции, которая в центре снимка близка к ортогональной. На таком аэрофотоснимке можно производить линейные измерения и расчеты обычным способом, а на стереоизмерительных приборах делать объемное измерение¹⁷. Возможность видеть стереоскопическую модель местности имеет большое значение, так как под стереоскопом хорошо заметны взаимосвязи многих природных явлений и видны даже самые небольшие изменения в рельефе, которые важно учитывать при изучении истории заселения местности.

Известно, что различия в типах и формах поселений, их расположение на местности, зависят от этнических традиций, типа хозяйства, степени социально-экономического развития, а также от физико-географических условий, в частности, от наличия пригодных для обработки почв, близости водоемов, благоприятного рельефа местности. Рельеф местности в какой-то степени влияет на форму поселения, вследствие чего общая планировка населенного пункта часто повторяет характерные черты рельефа. Так, населенные пункты, расположенные в речной долине, следуют за изгибами реки. В широких долинах населенные пункты часто разрастаются в ширину, тогда как в узких (например, в горных) они ограничены с боков горами и поэтому застраиваются вдоль берега. Для равнинного рельефа характерно расположение поселений вдоль или на перекрестке основных дорог, которые, как правило, прокладываются по наиболее высоким местам (водоразделам) среди лесных массивов. Населенные пункты такого типа часто имеют всего лишь одну улицу с домами в один или два ряда (рис. 1).

На Украине, например, встречаются населенные пункты, расположенные в балках, защищающих их от сильных ветров; к дну балки наиболее близко подходят грунтовые воды. Жилые постройки в поселениях такого типа ориентированы, как правило, фасадом на улицу и имеют компактную планировку. Таким образом, на расположение

¹⁵ Подобное явление отмечено С. А. Ковалевым. «Для большинства русских селений Западной Сибири наиболее характерно наличие главной улицы... Наряду с этим часть строений располагается по боковым, смежным улицам, иногда расходящимся пучком от общей площади, или находится в отдалении от основной части селения. Б то же время, — пишет он, — переселенцы-украинцы принесли сюда свои приемы планировки и ряд сел имеют „кучевую“ форму, характерную для Украины. См. С. А. Ковалев, Географическое изучение сельского расселения, М., 1960, стр. 31.

¹⁶ Однако в некоторых случаях, например при этнографических обследованиях населенных пунктов, перспективные аэрофотоснимки могли бы иметь решающее значение, так как на них предметы изображаются в более привычном для нас виде и легче распознаются. Но ввиду того, что этими материалами располагают немногие организации и на небольшие площади, в настоящей статье методы использования перспективных аэрофотоснимков рассматриваться не будут.

¹⁷ При плановой аэрофотосъемке местности каждый снимок перекрывается на 30% снимком соседнего маршрута и на 60% соседним снимком по направлению полета. Поэтому предмет, изображенный в центре левого снимка, будет также изображен на краю правого снимка, что достигается путем фотографирования одной и той же местности с разных точек, но в пределах одной базисной плоскости. Выполнение этих условий позволяет получить стереоскопическую модель местности на паре снимков (стереопаре) при рассмотрении их под стереоскопом, а на стереоизмерительных приборах (стереометр, стереокомпаратор и т. п.) можно производить объемное измерение сфотографированных объектов.

населенных пунктов, так же как на тип и форму поселений, влияют очень многие факторы.

На территории Советского Союза в зависимости от хозяйственной деятельности населения и разнообразия ландшафтов встречаются самые различные типы и формы поселений, а также самое разнообразное размещение населенных пунктов на местности — типы сельского расселения.

Несмотря на то, что исследованием типов сельских поселений и расселения на местности уже занимались многие специалисты, в том числе географы, археологи и этнографы, важность изучения этого вопроса усилилась, так как в настоящее время

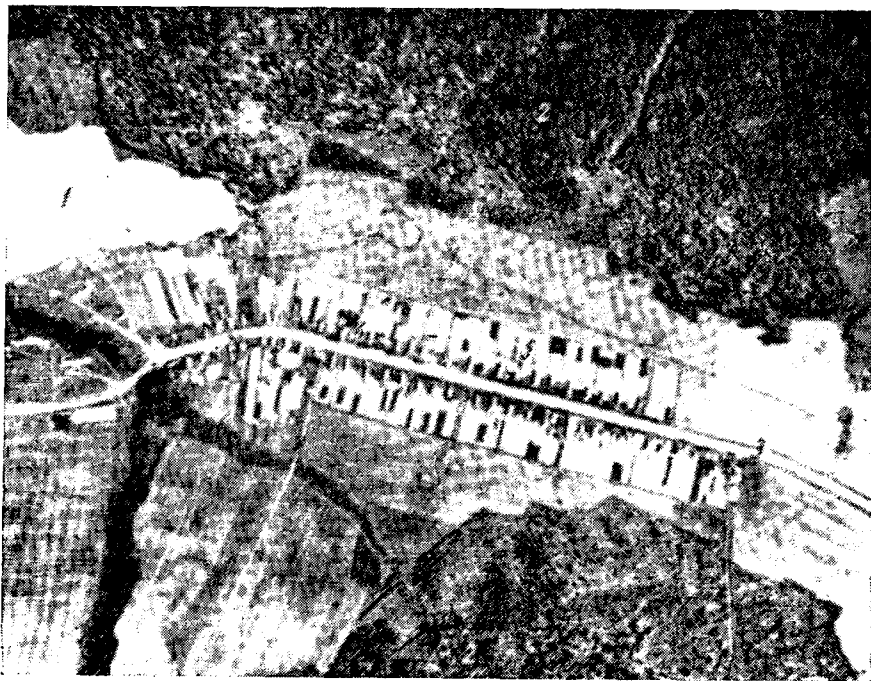

Рис. 1. Населенный пункт с рядовой застройкой: 1 — поля; 2 — лес; 3 — дорога; 4 — дом; 5 — приусадебный участок. Масштаб снимка около 1 : 8500

быстро возникают и развиваются новые населенные пункты, меняется тип и внешний вид старых поселений¹⁸. В этой связи роль применения аэрофотоснимков особенно возрастает, так как они содержат самые последние подробные и объективные сведения о местности.

По материалам крупномасштабной аэрофотосъемки (масштаб аэрофотоснимков от 1 : 2000 до 1 : 10 000) можно получить самую различную информацию, в том числе об общем числе хозяйств, жилых и нежилых постройках, ориентации домов относительно улиц и приусадебных участков, границах последних.

Все сфотографированные объекты на аэрофотоснимках получаются в непривычном для нас виде — в уменьшенном масштабе и черно-белых тонах. Для использова-

¹⁸ На типологии населенных пунктов и их размещении на местности в данной статье мы останавливаться не будем, хотя этот вопрос вызывает несомненный интерес у этнографов. О типах населенных пунктов и их размещении подробно см.: Н. Н. Воронин, К истории сельского поселения феодальной Руси, Л., 1935; С. В. Ковалев, Географическое изучение сельского расселения, М., 1960; Ю. Г. Саушкин, Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза, М., 1947; М. В. Витов, О классификации поселений, «Сов. этнография», 1953, № 3; И. Лейнасаре, К вопросу о видах поселений в Латвии в XIII—XIV вв., «Сов. этнография», 1966, № 1, и др.

ния снимков надо уметь дешифрировать их, т. е. определять предметы по их фотографическому изображению. Дешифрировать снимки можно по прямым и косвенным признакам. К прямым признакам относятся форма, размер, тон и тень изображения, к косвенным — взаимное расположение объектов, их взаимосвязь и т. п.

Форма изображения при этнографических исследованиях населенных пунктов является весьма важным элементом дешифрирования, так как почти все дома и хозяйственные постройки на снимках получаются в виде прямоугольника или квадрата. Кроме того, как уже было отмечено, изображение на плановом снимке находится в центральной проекции, поэтому высокие предметы на краях снимка выглядят наклонными от центра, следовательно, сторону высокого предмета, например дома, обращенную к центру, можно увидеть на снимке и по числу окон узнать его этажность. Таким же способом можно определить и конструкцию здания.

По размеру изображения, умноженному на масштаб аэрофотоснимка, определяется размер предмета на местности. Так, если L — размер предмета на местности, l — размер предмета на снимке, m — знаменатель численного масштаба аэрофотоснимка, то $L = l \times m$. Сравнивая размеры исследуемых объектов, можно получить определенное представление о них, установить их взаимосвязь. Например, по размерам квадратов на крыше (при использовании снимков масштаба 1:2000) можно определить материал кровли (черепица, шифер или железо). Размер изображения зависит от масштаба снимка, поэтому при проведении полевых этнографических работ лучше всего брать снимки самого крупного масштаба.

В настоящее время предприятия Сельхозаэрофотосъемки выпускают планы и карты масштабов 1:50 000, 1:25 000, 1:10 000, 1:5 000, 1:2 000¹⁹. Если учесть, что на снимке геометрическое изображение размером 1×1 мм хорошо заметно, то в масштабе 1:10 000 оно будет соответствовать объекту размером 10×10 м на местности (размер среднего сельского дома), а в масштабе 1:2000 — размеру 2×2 м (размер любой пристройки). Отсюда следует, что наиболее удобный масштаб для изучения отдельных усадеб — 1:2000, так как именно при этом масштабе можно получить обильную информацию. Если на снимке масштаба 1:25 000 исследователь с помощью лупы²⁰ различит только отдельные постройки, то на снимках масштаба 1:8000 он увидит форму крыш, чердачные выступы, а на снимках масштаба 1:2000 — и навесы над крыльцом и определит (без лупы) материал кровли (см. рис. 2).

Все изображения на снимке выявляются по степени почернения фотографического слоя — по тону, который в зависимости от окраски и яркости предметов передается различной интенсивностью — от черного до белого. Тон, как дешифровочный признак характерен для предметов с резкой контрастностью, например для дорог и полей, распаханых участков и т. п.

Существенным демаскирующим признаком при дешифрировании снимков является тень. Различаются собственная тень — имеется в виду стбона предмета, не освещенная солнцем, и падающая тень, которую предмет отбрасывает на земную поверхность. По силуэту падающей тени иногда можно определить назначение постройки или сооружения, а также вычислить приблизительную высоту объекта по известной формуле:

$$H = \frac{h'd}{d'}$$

где H — высота определяемого предмета, h' — высота известного предмета, d — длина тени определяемого предмета, а d' — длина тени известного предмета. Определение высоты предметов по этой формуле не требует применения стереоизмерительных приборов, однако, возможно только при условии, когда оба предмета находятся на горизонтальной или одинаково наклонной поверхности. Например, чтобы определить высоту дома a (см. рис. 2), необходимо измерить на снимке длину тени от телеграфного столба и длину тени этого дома. Зная, что стандартная высота столба $h=6$ м, а дли-

¹⁹ И. Н. Рычков, Современное состояние и задачи применения аэрофотосъемки в сельском хозяйстве, Сб. «Аэрометоды исследования местности», М., 1966, стр. 41.

²⁰ При этнографических обследованиях населенных пунктов по аэрофотоснимкам рекомендуется иметь набор луп с увеличением $2\times$, $4\times$ и $10\times$. При этом необходимо помнить, что чем большее увеличение дает лупа, тем меньше ее поле зрения. Для того чтобы рассматриваемое изображение было четким, необходимо лупу держать на определенном расстоянии от аэроснимка. Это расстояние можно вычислить по формуле

$R = \frac{25}{v}$, где 25 — расстояние наилучшего зрения, v — увеличение лупы. Так, например,

лупа с четырехкратным увеличением должна находиться на расстоянии $\left(R = \frac{25}{4} \approx 6 \text{ см}\right)$ 6 сантиметров.

на тени $d' = 14$ м, $d = 9$ м, то согласно формуле:

$$H = \frac{h'd}{d'} = \frac{6 \times 9}{14} \approx 3,9 \text{ м}$$

Иногда по падающим теням от высоких предметов устанавливается качественная характеристика предмета. Например, по теням от опор линий электропередачи можно приблизительно определить мощность трассы. Отсюда, в сочетании с косвенными признаками дешифрирования, которые в основном зависят от логических выводов исследования, можно (по теням) увеличить полноту информации снимков.

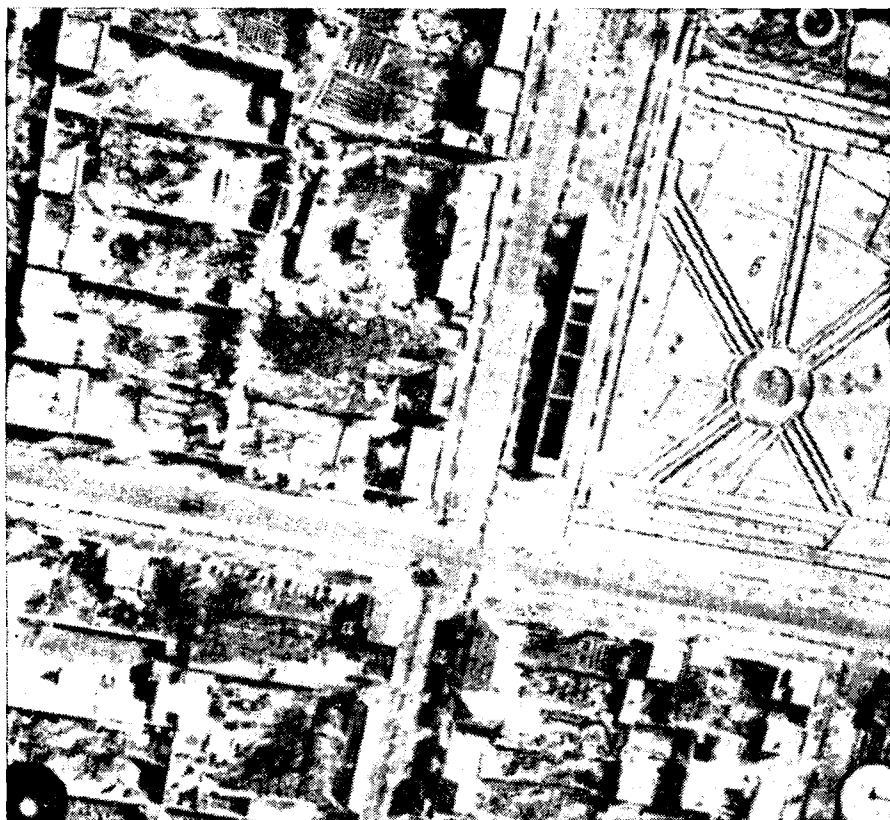

Рис. 2. Населенный пункт городского типа: а — крыша, покрытая шифером; б — планировка парка культуры и отдыха (1 — карусель); в — приусадебный участок. Масштаб 1 : 2000. Съемка автора

Для исследования истории развития жилищ надо получить многие данные, в том числе общий план населенного пункта, хронологическую датировку застройки как всего поселения, так и отдельных его участков с выделением характерных для данной местности типов построек и старинных форм жилища. При сборе материалов по отдельным усадьбам необходимо обращать особое внимание на выявление планировки усадьбы с точным расположением жилых и хозяйственных построек, а также размещение, объем и направление приусадебного участка²¹. При этом общий план селения часто составляется с помощью глазомерного способа, который недостаточно точен и отнимает много времени, особенно когда населенный пункт относится к рассредоточенному типу поселения. Если же имеются материалы крупномасштабной аэрофото-съемки, то необходимость съемки как общего плана поселения, так и отдельных хо-

²¹ Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Программа сбора материала по жилищам сельского поселения Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», вып. 48, М., 1961.

зайств отпадает, так как любой план можно получить путем выкопировки с аэрофотоснимков всех необходимых объектов. Кроме того, используя приемы дешифрирования, можно одновременно получить много других сведений, причем часто с наибольшей полнотой и объективностью.

На рис. 3 показан аэрофотоснимок участка одного из аулсоветов Кара-Калпакской АССР. Участки этого аулсовета начали застраиваться с 1941 г., после переселения сюда жителей из соседних колхозов с целью освоения земель древнего орошения.

Рис. 3. Отдельные участки населенного пункта на землях древнего орошения: *а* — хлопковые поля; *б* — каналы; *в* — дороги; *г* — дома с приусадебными участками; *д* — юрта; *е* — строящийся дом. Масштаб около 1 : 3800. Съемка автора

Новые населенные пункты, несомненно, будут возникать и теперь, когда намечено осуществить работы по орошению и сельскохозяйственному освоению земель для развития рисосейания в низовьях Волги и Аму-Дарьи²². Мероприятия по освоению территорий принимают все больший размах. Недалеко то время, когда появятся новые поселки с многонациональным составом населения, а у этнографов возникнет необходимость в исследовании быта колхозников-переселенцев. Аэрофотосъемка в этом случае может найти весьма широкое применение при сборе полевых материалов, так как на снимках можно выделить эталоны — участки с планировкой и размещением построек, характерными для той или другой национальности, и фиксировать нарушение тради-

²² Постановление ЦК КПСС «О мерах развития мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур», «Правда» 19 июня 1966 г.

ционной для них планировки, если это имеет место. По эталонам можно проводить предварительное исследование в камеральных условиях с обязательным уточнением полученных результатов в поле.

Как уже было отмечено, при полевом обследовании населенных пунктов без аэрофотоснимков особое затруднение вызывает съемка планов и выявление общей конфигурации поселения, так как при последовательном обходе отдельных его участков многие важные объекты фиксируются разобщенно друг от друга и с трудом объединяются в единый комплекс. На аэрофотоснимке же одновременно виден весь населенный пункт или даже несколько населенных пунктов (при мелкомасштабной аэросъемке) с окружающей их местностью, поэтому представляется возможность определить размер всего поселения, выявить направление отдельных улиц, величину и ориентацию (а иногда и использование) приусадебных участков, расположение общественных и хозяйственных построек.

Наибольшую пользу могут принести аэрофотоснимки при обследовании населенных пунктов рассредоточенного типа, таких как поселок одного из колхозов Средней Азии. Этот поселок состоит из отдельных небольших участков, в каждом из которых всего по несколько домов. Дома на этих участках располагаются в некотором отдалении друг от друга, а расстояние между участками иногда достигает нескольких километров, поэтому весь населенный пункт занимает огромную площадь. Он тянется вдоль имеющегося здесь канала на протяжении около 30 км. Площади между отдельными участками заняты хлопковыми полями или являются частью пустыни. Между участками построены широкие дороги, что сильно отличает ландшафт вновь освоенных земель от ландшафта старых поселений.

На крупномасштабном аэрофотоснимке (рис. 3, масштаб около 1 : 3800) видны хлопковые поля (а), каналы (б), дороги (в), дома с приусадебными участками (г) и юрты (д). Иногда, при наличии незаоконченных строений, по снимку можно выявить внутреннюю планировку отдельных домов. Примером может служить объект (е), где хорошо видна внутренняя планировка всего дома. Если сделать графическое или фотоувеличение этого объекта²³, то можно получить подробный план дома. При полевом обследовании на такой план останется нанести назначение комнат, их внутреннее убранство и произвести некоторые контрольные замеры. На аэрофотоснимке заметны и деревья, однако породу их надо уточнить при полевом дешифрировании. Очень хорошо видны гряды с бахчевыми культурами.

По материалам аэрофотосъемки прослеживается и история развития поселения. Так, освоение земель древнего орошения в этом колхозе можно разделить на несколько периодов (некоторые из них выявляются по аэрофотоснимкам). Если в первые годы освоения новых земель не было машинной техники, земля осваивалась небольшими участками и обрабатывалась плугами, то в последующие годы и особенно в конце 1950-х гг. стала применяться различная техника, позволившая обрабатывать большие массивы земли и строить густую сеть ирригационных сооружений. В 1959 г. (рис. 4, А), произведена съемка участка вновь освоенной земли и пустыни. Здесь виден массив хлопкового поля (а), дома (б), приусадебные участки (в). Дома в основном глинобитные, квадратной формы. Их размер приблизительно 10×12 м. На снимке отчетливо видны и юрты (г), стоящие почти около каждого дома, и загоны для скота (д), расположенные в некотором отдалении от домов. В левой части снимка — большой участок пустынной территории со следами древней ирригации (е).

В последние годы площадь освоения земель древнего орошения значительно увеличилась. На новых, только что освоенных землях выращивают обильные урожаи хлопка, риса, люцерны и других культур. Оснащение сельскохозяйственной и гидромелиоративной техникой позволяет быстро строить ирригационную сеть и производить планировку новых массивов под посевы.

На снимке 1965 г. (рис. 4, Б) показан только что освоенный участок. Там, где еще в 1963 г. была настоящая пустыня, теперь раскинулись огромные массивы хлопковых полей (а), и значительные площади, занятые бахчевыми культурами (б).

Быстрый темп освоения новых территорий потребовал скорейшего строительства домов для колхозников переселенцев. Поэтому на новых землях колхозникам стали ставить сборные дома из дерева (в), на возведение которых требуется мало времени. Традиционная для этой местности разбросанная форма сельских поселений стала создавать неудобства при сплошной электрификации хозяйств, строительстве школ, детских, медицинских и культурно-бытовых учреждений. Все это заставило произвести существенные изменения в планировке всего населенного пункта. Теперь план всего участка проектируется заранее, поэтому населенный пункт на местности выглядит компактным, дома располагаются, примерно, на одинаковом расстоянии друг от друга, образуя улицу в один или два ряда домов. Однако следует отметить, что деревья-

²³ В настоящее время для аэрофотосъемки применяются материалы, разрешающая способность которых позволяет увеличивать сфотографированные объекты в 15 раз, при этом получается хорошее изображение.

ные дома используются только в первые годы жизни переселенцев, так как в условиях жаркого климата с сильными ветрами зимой и пыльными бурями летом удобнее жить в традиционных домах, выстроенных из пахсы. Поэтому основным типом жилища в данной местности для колхозника-переселенца до сих пор остается старый дом из пахсы с плоской земляной крышей, айваном и комплексом подсобных хозяйственных помещений.

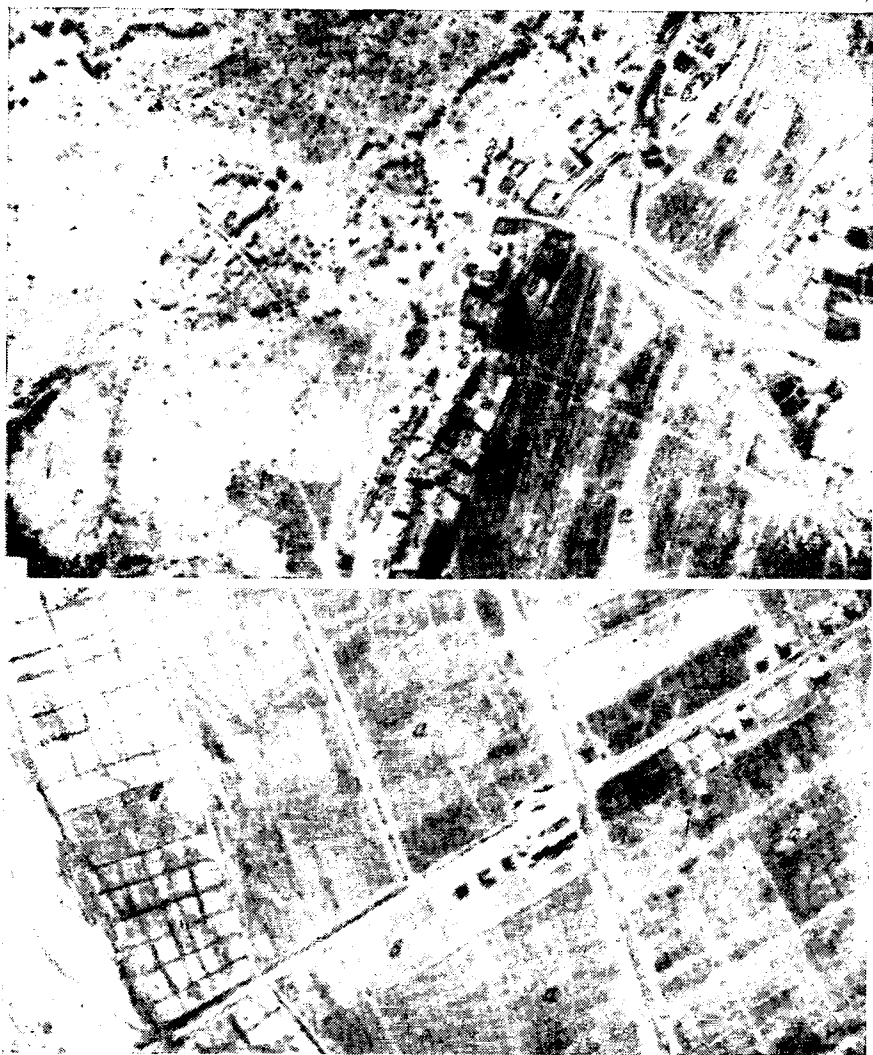

Рис. 4. Участки освоенных земель древнего орошения: *А* — участок, освоенный в середине 1950-х гг.: *а* — хлопковые поля, *б* — дома; *в* — приусадебные участки; *г* — юрта; *д* — загон для скота; *е* — следы древней ирригации; *Б* — участок, освоенный в 1965 г.: *а* — поля; *б* — бахчевые культуры; *в* — дома из дерева. Масштаб около 1 : 3800. Съемка автора

При изучении отдельных хозяйств эффективную помощь могут оказать только снимки масштабов 1 : 2000—5000, так как на снимках более мелкого масштаба многие детали планировки не получаются.

На аэрофотоснимке населенного пункта городского типа в масштабе 1 : 2000 (см. рис. 2) видны размеры, контуры, форма и ориентировка домов, форма крыш и материал кровли, а также планировка и границы приусадебных участков, размещение

на них огородных культур. В правой верхней стороне снимка — часть паркового комплекса с аттракционами, которые хорошо узнаются по теньям.

При полевом этнографическом обследовании поселений наибольшую трудность вызывают крупные населенные пункты. Это объясняется тем, что они располагаются на большой территории, улицы и усадьбы часто имеют очень разную планировку и

Рис. 5. Старый и новый населенные пункты: *а* — планировка одного из очень старых населенных пунктов Средней Азии; *б* — новый населенный пункт. Съемка автора

проследить взаимосвязь между ними иногда бывает очень трудно. Поэтому этнографы часто после полевых работ имеют много сведений по отдельным жилищам и мало по поселению в целом, особенно если это старый населенный пункт, застраивавшийся без предварительной планировки. Нами снят один из очень старых населенных пунктов Средней Азии (рис. 5, *а*). В нем — тесные улицы, направление которых часто меняется,

дома так близко располагаются друг к другу, что трудно иногда выявить границу между постройками. Это вызывает несомненную трудность при полевом изучении. Подобная планировка характерна для многих старых населенных пунктов Средней Азии.

На аэрофотоснимке нового населенного пункта, выросшего за последние 15 лет недалеко от этого старого поселения, видна четкая квартальная планировка (рис. 5, б). Хорошо просматривается планировка отдельных кварталов, усадеб и четкая граница между ними. Такая планировка поселка удобна для строительства различных подземных сооружений — канализации, водопровода и т. п. Это в условиях Средней Азии особенно важно, если вспомнить о вековой зависимости населения от наличия местных источников воды (родников, колодцев и т. п.).

Составляя планировки старого и нового населенных пунктов, можно не только анализировать характер застройки, но и заранее наметить план полевых работ, выделить для обследования наиболее интересные участки. Таким образом, использование аэрофотоснимков для анализа форм и типов сельских поселений позволит в короткий срок охватить исследованием большую территорию, а также выявить границы областей с планировкой, характерной для того или иного народа.

Настоящая статья является лишь первой попыткой рассмотреть некоторые возможности применения материалов аэрофотосъемки при этнографических исследованиях. С нашей точки зрения, с целью наиболее эффективного применения аэрометодов в этнографической науке надо при Институте этнографии АН СССР создать специальную группу, которая наладила бы связь с организациями, занимающимися аэрофотосъемкой, в частности, с Сельхозаэрофотосъемкой, информировала бы их о задачах этнографов при использовании материалов аэрофотосъемки. Эта группа могла бы оказать существенную помощь по применению аэрометодов этнографам союзных республик, особенно при составлении этнографических атласов, где использование материалов аэрофотосъемки, как наиболее достоверных источников, особенно важно. Кроме того, применение метода аэрофотосъемки — одного из самых современных методов этнографических исследований — будет способствовать выработке рекомендаций для организаций, связанных с проектированием и строительством сельских населенных пунктов.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. А. Никонов

ЛИЧНОЕ ИМЯ—СОЦИАЛЬНЫЙ ЗНАК

Личные имена как социальное явление изучены этнографами крайне недостаточно. Почти не затронуты самые основные проблемы. Сколько-нибудь серьезно продвинулись исследования только в двух направлениях.

Во-первых, в плане исторической этнографии: личные имена изучались как свидетельства о былом размещении народов, т. е. для воссоздания этнической карты прошлого. В этом направлении недавние годы принесли несколько интересных работ. Так, по именам Северного Причерноморья античной эпохи чешский ученый Л. Згуста реконструирует этнический состав населения этой территории, жившего за тысячелетия до нас¹, в другой своей работе он применил тот же метод к исследованию Малой Азии². Анализ фамилий в Силезии позднего средневековья позволил польскому лингвисту С. Роспону восстановить этническую картину Силезии того времени³. Группа ученых ГДР, руководимая Р. Фишером и Э. Эйхлером, с большим размахом развернула в том же плане изучение славянских собственных имен средневековой Германии — опубликовано два десятка томов замечательной серии⁴ и много статей⁵.

Во-вторых, собран значительный материал по обычаям, связанным с наименованием новорожденных у различных народов. Описание этих обычаев прежде входило чуть ли не в каждый этнографический очерк. Теперь сам жанр подобных очерков весьма поредел, замененный более тщательными тематическими исследованиями. Среди них есть и работы, посвященные специально обычаям, связанным с рождением ребенка, здесь, конечно, не обойден и вопрос о выборе имени⁶. Целенаправленность большинства их та же. Так, например, Б. О. Долгих, подытоживая свои наблюдения и привлекая сведения других исследователей, делает вывод, что «широко распространены у народов севера Сибири обычаи

¹ L. Zgusta, Die Personennamen grechischer Städte der nordlichen Schwarzküste, Praha, 1955.

² L. Zgusta, Kleinasiatische Personennamen, Praha, 1964.

³ S. Rospond, Nazwiska ślązaków, Opole, 1960.

⁴ Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, Halle (Saale) (публикуется с 1956 г.).

⁵ R. Fischer, Familiennamen der Lausitz, «Zeitschrift für Slawistik», Berlin, 1959, S. 596—603; его же, Deutsch-tschechische Beziehungen an Anthroponymen, «Onomastica slavogermanica», II, Berlin, 1965, S. 11—12 и др.

⁶ Б. О. Долгих, Старинные обычаи эццев, связанные с рождением ребенка, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XX, М., 1954, стр. 35—43; А. Г. Гафуров, Способы и виды наречения детей у таджиков, «Индийская и иранская филология», Л., 1964, стр. 282—295.

называть отца и мать по имени старшего ребенка», «для энцев специфичен выбор имени с участием старших членов рода»⁷. Таким образом, цель таких работ — обнаружить черты, этнически общие и этнически особые, хотя собраны богатые и ценные данные для выводов еще шире и существеннее.

Кроме этих двух направлений, остальные этнографические аспекты личных имен остались в тени, за исключением табу (о табу личных имен у многих народов во всех частях света обширный свод фактов опубликовал еще Дж. Фрэзер в специальном томе своего капитального труда⁸).

Эти направления плодотворны и важны, их необходимо не только продолжать, но и развивать, так как даже весь накопленный немалый материал — только капля в море. Но рассмотренные направления не должны заслонять самого основного в этнографическом изучении личных имен — их социальной роли. А именно это главное и остается почти полностью за пределами исследований. Конечно, отдельные добросовестные ученые не могли совсем пройти мимо социальной личности имен, но и оценить ее не сумели. Проблема в целом не только не охвачена, но и не поставлена. Пока есть только разрозненные наблюдения. За рубежом, где литература о личных именах необъятна, — там их социальная сущность тонет в потоке сочинений, типа американских книжек: «Твое имя — твоя судьба», «Имя — секрет счастья». Конечно, и это своего рода решение проблемы «Личное имя в обществе», но с позиций ярого индивидуализма. К счастью, у нас таких книг нет, но, к несчастью, нет и противостоящих им.

Изучать социальность личных имен вовсе не значит выискивать среди них такие, которые сами прямо кричат о своей «социальной принадлежности» (фамилия Батраков и пр.). Как раз такие случаи и нечасты, и поверхностны, и несущественны. Для современного социального функционирования имени цена его этимологическому значению вообще ничтожна. Ранние христиане, языковой состав которых в катакомбах Рима был чрезвычайно пестр, в абсолютном большинстве не знали, что *Марфа* в арамейском подлиннике — «владычица», для них это слово обозначало лишь имя погибшей при Диоклетиане за новую веру или других ее тезок, причисленных к святым. А спустя несколько столетий и об этих «святых» знали немногие: неграмотные русские крестьянки, носившие это имя, не имели даже смутного представления о них, а имя получали чаще по своей бабке, по барыне-помещице или по случайному совпадению с днем церковного календаря. Этимология — только один момент в длительной истории имени. Современное значение личного имени почти никогда не связано прямо с его исходным, этимологическим значением. Смешение совершенно разных значений⁹, создавая вредную путаницу, мешало разобраться в социальном характере личных имен, которые не тогда и не тем социальны, что иногда сохраняют первоначальную этимологию, ярко окрашенную социально. Социальность личных имен глубже: они социальны все и всегда. Зачем имя человеку на необитаемом острове? Он Робинзон только для других людей. Для самого себя никому не нужно собственное имя. Личные имена существуют только в обществе и для общества, оно и диктует выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался.

⁷ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 42—43.

⁸ J. G. Frazer, *The Golden Bough*, v. III, «Taboo», § 1 «Personal Names tabooed», ed. 3, London, 1922, p. 318—334.

⁹ Различение семантических планов в собственных именах сформулировано на топонимическом материале в работе автора «Введение в топонимику» (М., 1965, гл. «Три плана значений», стр. 57—63).

Наивно надеяться, что при неизученности проблемы «личное имя в обществе» статья может ее решить или хотя бы очертить во весь рост. Задача скромней: привлечь к ней внимание, призвать к ее разработке.

* * *

По распространенному мнению, имя человека нужно для того, чтобы служить индивидуальным различителем его носителя от всех других. Это так часто повторяют, что над проверкой правильности не задумываются.

Но в телефонной книге Копенгагена фамилия Хансен повторена 6000 раз. В Швеции фамилия Свенсон настолько часта, что постоянная путаница наносит крупный ущерб. У всех 30 млн. корейцев только 250 фамилий (Ким, Пак, Ли и др.) — на всю Корею¹⁰. Сегодня в Москве 90 000 Ивановых, из них 1000 именуются Иван Иванович Иванов. На запрос, где живет Александр Сергеевич Пушкин, в адресном бюро выдадут 15 адресов — столько москвичей сейчас носят это имя, отчество и фамилию. По всей стране теперь 4 или 5 млн. носителей имени Татьяна. В старой русской деревне имя Иван носили 16—25% всех крестьян. Видимо, не единственная, а может быть, и не главная обязанность имени — служить индивидуальным различителем.

Одноименность была заурядным явлением в старой России. В переписях XVII в. совершенно обычны такие записи, как например, по Балахне 1674 г.: «У Наумки дети Ивашко, 17 лет, Ивашко же 15 лет, Ивашко ж 11 лет»¹¹ или по Ярославлю 1646 г.: у вдовы Пелагеи 3 сына и все они Иваны — «Ивашко большой сошел к Москве кормитца работою, средней Ивашко 10 годов, третей Ивашко 8 годов». Различительны тут как раз нарицательные имена (большой, средний, третий), а собственное имя, наоборот, объединяет; там же у Первушки Тихонова дети «Ивашко да Ивашко ж да Ивашко да Ивашко ж»¹².

В крестьянских семьях такая одноименность держалась и позже. В с. Пенье Костромской губ. по ревизии (переписи тяглого населения) 1776 г. у Алексея сына Гаврилы 3 дочери: Евфимия 9 лет, Евфимия 7 лет, Евфимия 1 года¹³. В дер. Лепехино той же губернии, 1777 г., у Анны обе дочери тоже Анны¹⁴. В дер. Чернопенье Тверской губ., 1834 г., у Ивана жена Авдотья и дочь Авдотья, у его брата Егора и жена и дочь тоже Авдотьи — в одной избе четыре Авдотьи¹⁵. В с. Мануйлово, Ржевского уезда, 1834 г., все три сестры Авдотьи¹⁶. Чтобы это не показалось исключениями, вот примеры из одного селенья, с. Подбужье Жиздринского уезда, 1858 г.¹⁷: в семье три Марфы и две Прасковьи (л. 62), в другой семье две дочери, обе Настасьи (л. 72), два родных брата с именем Елисей (л. 109), мать и обе дочери Авдотьи (л. 118).

Бесспорна мощная тенденция к одноименности близких родственников, соседей, односельчан. В любых прежних списках крестьян даже

¹⁰ Г. В. Ли, *Корейские имена как этнографический источник*, «Этническая история и современное национальное развитие народов мира», М., 1967, стр. 61.

¹¹ Писцовая книга Балахны 1674—1676 гг. «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», сб. 15, вып. 1, Нижний Новгород, 1913, стр. 58.

¹² Переписная книга г. Ярославля 1714 г., «Труды Ярославской ученой архивной комиссии», кн. 6, вып. 3—4, Ярославль, 1913, стр. 232—233.

¹³ Центр. гос. архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 1291 — Яковлевы, № 122, л. 1.

¹⁴ Там же, № 128, л. 3.

¹⁵ Там же, № 227, л. 36.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1262 — Гагарины, № 7247, л. 17.

¹⁷ Орловский обл. архив, ф. 780, № 75, л. 324.

не приходится искать ее: она обычна. Петр Петрович, Илья Ильич и сегодня не редкость.

Рекорд, по-видимому, побил семейство в Польше позднего средневековья, известное по биографии краковского каноника Яна Длугоша, который имел то же самое имя, как и все его 10 братьев,— оно считалось счастливым. При всей редкости такого случая в нем ярко выразилось распространенное бытовое явление, но доведенное до предела.

В трагическом рассказе Джека Лондона женщина с маленького островка называет одного за другим своих сыновей именем погибшего любимого брата — Самуил. Троих уносят несчастные случаи. Ее отговаривают, удерживают, осуждают. Ей 48 лет, но она хочет сына, к ужасу и возмущению всех жителей острова, дает ему то же имя,— ее последняя надежда. Гибнет и он. Одинокая, всеми отверженная, на закате жизни она сохраняет всю волю и мужество: «Если б у меня был еще сын, я назвала бы его Самуилом».

Сколько Карлов перебивало почти на всех тронах Западной Европы. Моущество Карла Великого сделало это имя даже нарицательным (славянское *король*). А «бесчисленные Людовики» (по выражению Маяковского) во Франции¹⁸, немецкие Фридрихи и т. д.! Имя победоносного правителя превращали в знамя, его передавали наследникам как славу предка, используя в качестве политического козыря (аргумент законности притязаний на трон, обещание тех же побед и пр.), пока незадачливые последыши не компрометировали его. Успех Ивана Калиты, собирателя русских земель, способствовал повторению этого имени среди претендентов на шапку Мономаха, пока судьба Ивана V и Ивана VI не оттолкнула подражателей. После Петра I имя Петр стало одним из очень частых. В России замелькали и на троне Петр II, Петр III, фигуры которых зачеркнули популярность этого имени в правившей династии.

В Киевской Руси имя Олег, овеянное легендами, напоминало о премнике Рюрика, удачливом завоевателе, родоначальнике великокняжеского рода, деде Владимира I. Имя Олег стало частым в потомстве Владимира. Но к концу XI в. в острой борьбе за великокняжеский стол Владимир Мономах обошел Черниговского князя Олега, потомки которого стали яростными противниками мономаховичей, прочно севших на великое княжение. С этого момента имя Олег стало одиозным в Киеве, затем в Суздале и, наконец, в Москве, но самым частым в Черниговских владениях и связанных с ними уделах, например в Рязанских княжествах, где вплоть до XV в. держалось как символ независимости в противовес Москве.

На первый взгляд, причины этих и всех других неисчислимых примеров одноименности различны. Одни повторения обязаны лишь вероятностным совпадениям (если в селе у каждого четвертого имя Иван, то по теории вероятности в среднем на каждые 256 семей с четырьмя мужчинами должна оказаться одна с четырьмя Иванами, так как при вероятности $A=0,25$ вероятность $AAAA=0,0039$), другие повторения, вне всяких сомнений, нарочиты, а не случайны; одно имя у 11 братьев появилось иначе, чем одна фамилия на целую деревню; два десятка коронованных Людовигов в истории Франции иного происхождения, чем 6000 Хансенов в копенгагенской телефонной книге. Но действительно ли различны их причины? Различны формы процессов, которые привели в результате к одноименности, но суть одна. Ходячее представление, что имя служит для различения, нуждается по меньшей мере в серьезной поправке: оно не только разделяет, а и вводит в ряд. Имя связы-

¹⁸ Собственно — Луи (Louis), дошедшее до России в форме Людовик.

вает носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой принято это имя, независимо от его исходного этимологического значения (мало кому известного или неизвестного никому, либо известного, но социально нейтрального, как Петр из древнегреческого, *петрос* «камень»).

* * *

Церковная пропаганда стремилась изобразить христианство религией надклассовой. Соответственно имена «святых», установленные церковью в качестве обязательных личных имен, представляли один общий список, из которого ученые подпадались этой пропаганде и поверили, будто с окончательным уничтожением дохристианских имен у русских имена стали действительно едины для всех. Поэтому исследователи утратили всякий интерес к ним. А борьба продолжалась. Единство русского до-революционного именника — иллюзия. Особенно ярко показывают это имена женские. Самые частые среди русских крестьянок в XVIII—XIX вв. имена быстро редели в среде дворянок. Наилучший источник — полный список воспитанниц Смольного Института благородных девиц¹⁹.

С 1758 по 1914 г. процент «смолянок», получивших имя Анна, упал с 12,7 до 2,9, Евдокия (крестьянское Авдотья) — с 2,4 до 0,6, Параскева (Прасковья) — с 4,5 до 0,2. А получившие наибольшее распространение дворянские имена почти не проникали в деревню. Метко наблюдение Пушкина, чрезвычайно чуткого к социальной стилистике имен: «звала Полиною Прасковью». Только в святцах именник был общим, а в действительности именник дворянок и именник крестьянок были противопоставлены (именник, конечно, не список имен, а их реальная частота в употреблении). Невозможно представить себе в начале нашего века графиню Матрену или Феклу, как и крестьянку Тамару. Имена резко размежевались социально.

Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с судьбой такого распространенного имени, как Мария. Сразу надо сказать, что собранный обширный статистический материал по многим губерниям за несколько столетий неопровержимо разбивает легенду, будто Мария самое частое имя русских крестьянок. На протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. в деревне это имя не занимало сколько-нибудь заметного места. Напротив, в городах имени Мария действительно принадлежало первое место и в конце XVII в., и в первой половине XIX в. Среди воспитанниц Смольного, родившихся в третьей четверти XVIII в. имя Мария еще уступало Анне и Екатерине, деля с Елизаветой третье и четвертое места — 10% (столетие, в котором занимали престол две Анны, две Екатерины, Елизавета), к концу XVIII в. имя Мария вышло на второе место (12%), а в начале XIX в. оставило далеко позади всех соперниц и стало самым частым именем дворянок на много десятилетий. А тем временем оно начало распространяться и среди крестьянок, нередко получавших имя в честь барыни-помещицы. К середине XIX в. в большинстве сел и деревень это имя вышло на третье — четвертое места, местами даже на второе (вперед оставались: Анна в северной половине страны, Авдотья — в черноземной полосе). И тогда совершился крутой перелом в отношении дворянок к этому имени: начиная с 1860-х годов стремительно падает его употребительность среди дворянок — от Марии «запахло мужичкой». Среди «смолянок», рожденных в 1868—1869 гг. имя Мария впервые уступило преобладание Ольге, затем стало реже Елены и продолжало быстро убывать, тогда как среди крестьянок

¹⁹ Н. П. Черепнин, Императорское воспитательное Общество благородных девиц, т. III, СПб., 1915.

на рубеже XX в. заняло второе место, а кое-где первое. Даже в тот короткий момент, когда частота имени Мария оказалась сходной у дворянок и крестьянок, это кажущееся равенство на самом деле выражало совершенно противоположные процессы: если оно учащалось среди народа, то круто убывало в привилегированных слоях.

Подсчеты Х. Палли в Эстонии по книгам обложения второй половины XVI в.²⁰ дали выразительнейшие результаты о социальном составе носителей некоторых имен. Вот несколько данных по территории Ярвамаа в 1564 г. (в процентах ко всем носителям данного имени), приводимые для двух групп — с обложением меньше 1 гака (гак — единица, сходная с русской обжей или сохой) и крупные хозяева — больше 2,5 гаков:

Имена	Беднота	Состоятельные
Среднее по всем именам	38,5	8,1
Hannos	50,9	—
Jaak	70,0	—
Peep	52,5	6,6
Jürgen	43,3	3,4
Pärtel	29,7	9,1
Hans	23,4	10,2
Peeter	28,9	10,6
Jaagup	26,7	13,3

Выбор имени оказывается в явной зависимости от социально-экономического положения его носителя: Hannos, Jaak, Peep, Jürgen — имена бедноты, ими брезгают состоятельные; социальная принадлежность имен Pärtel, Hans, Peeter, Jaagup совсем иная: среди носителей этих имен беднота составляла только $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$.

Исследовав личные имена туркмен XI—XVIII вв., З. Б. Мухамедова констатировала: «По нашим материалам намечается социальная граница между именами представителей простого народа и ханов. Последние чаще носят имена хищных зверей и птиц, бывшие в свое время тотемами; крайне редкими в их среде являются имена, восходящие к таким мирным явлениям природы, как дождь или пустынный кустарник»²¹. Это же заметил еще в XI в. Махмуд Кашгарский.

В античную эпоху личные имена, производные от имени бога Аполлона (например, Аполлодор и др.), во Фракии и Египте принадлежали аристократам²². В Иране начала нашего столетия «имя Рамазан считается в общем довольно плебейским именем»²³. Это не изолированные факты. В них общая закономерность лишь достигла крайнего выражения. Статистически же вся масса имен распределялась социально; в каждый отрезок времени для одного имени его социальная избирательность выражалась слабей, для другого сильней.

По своей истории фамилии насквозь социальные. В России княжеские, а за ними боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI в.,

²⁰ H. Palli, Eesti isikunimede kasutamisest meie rahva vanema ajaloo (XIII—XVI saj), uurimisel, «Eesti NSV Teaduste Akademia toimetised. Ühiskonnateaduste saeria», Tallin, 1961, X, стр. 138—139.

²¹ З. Б. Мухамедова, Личная ономастика у туркмен, «Питання ономастики», Київ, 1965, стр. 151.

²² В. Бешевлиев, Проучвания върху личните имена на Тракия, София, 1965, стр. 21.

²³ Н. А. Белгородский, Социальный элемент в персидских именах, «Зап. Института востоковедения», I, Л., 1932, стр. 217.

помещичьи формировались в XVI—XVII вв.; фамилии же горожан, за исключением именитого купечества, еще не установились окончательно и в XVIII в., даже фамилии духовенства созданы только в XVIII и первой половине XIX в., а подавляющее большинство крепостных крестьян еще и в начале XIX в. не имело фамилий. Утверждение В. К. Чичагова, что «процесс образования фамилий в русском литературном языке к началу XVIII века закончился»²⁴ может дезориентировать, так как оно полностью игнорирует социальные противоречия в России. К началу XVIII в. завершилось становление фамилий только для тонкого слоя привилегированных.

Социально различался и сам состав фамилий. Княжеские фамилии образованы из названий удельных владений — Шуйские, Курбские, Пронские. Царь Алексей запретил князьям Ромодановским-Стародубским именоваться Стародубскими — «не пристойно», как напоминание о былой независимости от центральной власти, и князь Григорий умолял в челобитной: «Умилосердись, не вели у меня старой честишки отымать». Редки среди княжеских фамилий образованные от церковных имен, зато часты из прозвищ (Ковровы — родоначальник князь Андрей Ковер, Жеребцовы — предок князь Семен Жеребец), совсем нет фамилий из *nomina agentis* (профессиональных), которые в купеческих фамилиях составили заметную величину, например, по Калуге 1858 г. — более 18%²⁵, резко отличая их и от помещичьих, среди которых таких фамилий мало, и от крестьянских, среди которых эти фамилии в среднем не превышали 5—7%. Купеческие фамилии отличимы от крестьянских и высоким процентом топонимических основ (по месту, откуда купец приехал), которые среди крестьянских фамилий единичны. Аналогичные социальные признаки фамилий отмечены и в других странах, например во Франции²⁶, в Венгрии²⁷.

Даже формы имен социальные. В древней Руси составные личные имена, особенно на *-слав* (Святослав, Ярослав, Мстислав и пр.), наиболее частые в XI—XII вв., летописец прямо называл княжескими. И действительно, их носили только феодалы — удельные князья, а в полуреспубликанском Новгороде — представители олигархических родов (посадник Твердислав). Присоединив Псков, московское правительство принудило псковских бояр изменить их фамилии Строиловичи, Люшковиичи, Ледовичи на Строиловы, Люшковы, Ледовы²⁸. Известно, как яростно московские бояре боролись с царем за право писаться с *-зичем*, т. е. по отчеству: Иван Федорович (а не Иван Федоров сын). Отстаивая свой *-вич*, шли в опалу, а то и на плаху. В Польше XVII в. шляхта, ошестившись, отражала попытки самовольно присваивать «шляхетские» фамилии на *-ski* (хотя никакого письменного права на фамилии еще не существовало). Во Франции, в Германии стали признаками дворянства служебные элементы, образовавшие фамилии из наименования владения (франц. *de-*, немецк. *von-*). Для простого люда в России XVI—XVII вв. обязательной формой имени была уничижительная с *-ка* (Ивашка, Васька), а для зависимых народностей Поволжья и Сибири эта форма сохранилась и много позже.

²⁴ В. К. Чичагов, Из истории русских имен, отчеств и фамилий, М., 1959, стр. 124.

²⁵ Калужский обл. архив, ф. 86, оп. 6, № 416.

²⁶ A. Dauzat. Les noms de famille de France, Paris, 1949, p. 164.

²⁷ B. Kálmán. L'origine et l'évolution des noms de famille hongrois, «Annalele științifice ale Universității Al. I. Cuza din Iași». S. III, t. IX, Iași, 1963, p. 93—94.

²⁸ А. М. Селищев, Происхождение русских фамилий, имен, прозвищ, «Уч. зап. МГУ», вып. 128, 1948, стр. 130.

С замечательной чуткостью выразил социальное противопоставление форм личных имен Л. Н. Толстой, назвав героиню романа «Воскресение» Катюшей Масловой и заметив о ее промежуточном положении: «Так между двух влияний из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем — не Катька и не Катенька, а Катюша».

На современный слух эти различия не несут социального значения, а выражают только эмоциональную оценку. Совсем не тем они были тогда!

Короткий отрывок из царской грамоты 1654 г. воеводе в Верхотурье наглядней всего продемонстрирует социальность личного имени: «Воеводе нашему Льву Тимофеевичу Измайлову да подъячему Михайлу Посникову. По нашему указу послан с Москвы с нашими товарищи в китайское государство казак Петрушка Малинин с товарищи десять человек...»²⁹. Воевода здесь назван по имени, отчеству (с *-вичем*) и фамилии, именование подъячего только двучленно и без *-вича*, а казак назван уменьшительно, с *-ка*.

В санскрите личное имя содержало различный второй компонент в зависимости от того, к какой из каст принадлежал носитель имени. У брахман *-s'arman* «милость» или *-deva* «бог» (*Indra-s'arman* «милость Индры», *Jagd-deva* «победы бог»), у привилегированной касты кшатриев *-vagman* «латы, доспехи» или *-gāja* «властитель, князь»; в касте купцов *-datta* «дареный» и *-bhuti* «удача», наконец, у низшей касты компонент *-dasa* «раб»³⁰.

Аналогична социальная пирамида имен в Иране на рубеже 30-х годов нашего столетия, описание которой показывало, что «эта схема отвечает сложной феодальной иерархии персидского общества, которая дожила в значительной степени до наших дней»³¹.

В сословном обществе сословны и имена. Конечно, это не значит, что в самом имени или форманте заложены какие-то социальные признаки. Определенный социальный характер их сложился исторически. Нельзя понимать его и как заданный каждому сословию твердый список имен и их формантов. Связь сложнее и тоньше, подобно тому, как сами сословия не однозначно соответствовали классам, а соотносились с ними опосредствованно и пережиточно.

* * *

Личное имя — пароль, означающий принадлежность носителя к тому или иному общественному кругу.

Этим объяснимо существование параллельных систем личных имен, даже при наличии одной официальной, обязательной для всех. Такие параллельные системы всюду разнообразны. Действительно, любой член нашего общества принадлежит ко многим пересекающимся общностям: как каждый гражданин, он имеет фамилию, имя, отчество, но он, может быть, по профессии писатель или актер и имеет псевдоним, кроме того, он семьянин и жена или дети, понятно, называют его не по фамилии, имени и отчеству, — у него еще есть домашнее имя.

Если различные грани отношений человека к обществу не одновременны (как директор завода, он же отец, он же кому-то товарищ школь-

²⁹ Акты исторические, собранные Археологическою комиссиею, т. IV, СПб., 1842, стр. 202.

³⁰ A. Hilka, Beiträge zur Kenntnis der indischen Namengebung (Die altindische Personennamen), Breslau, 1910, S. 18—29.

³¹ Н. А. Белгородский, Указ. раб., стр. 217.

ных лет), а меняются в течение его жизни, этим переменам может сопутствовать и смена личного имени. У многих народов, далеких один от другого, имена — возрастные. У племени моси в Западной Африке юноши содержатся отдельно, подготавливаясь к зрелости; на этот период они получают особые имена, которые знают только сами и их наставник; позже, став взрослыми, они могут называть друг друга этими именами, но не в присутствии других³². У таджиков в верховьях Пянджа имя, данное ребенку при рождении, не произносят до совершеннолетия, а употребляют временное³³. В Китае существуют специальные возрастные имена, параллельные с основным, обязательным: «детское имя», «школьное имя»³⁴. В Корее мальчику при рождении давали «детское имя» — так называемое *амён*; достигнув совершеннолетия, он менял это имя на *кванмён* — имя официальное, затем при женитьбе присоединялось еще имя, называемое *чжа*, а поступая на государственную службу или начиная деятельность в литературе и искусстве, дополнительно получал еще и *хо*, соответствующее псевдониму. Женщина средневековой Кореи личного имени не имела, до замужества ее называли по имени отца или брата — дочерью или сестрой такого-то, а после замужества — по имени мужа или ребенка, т. е. женой или матерью такого, либо по месту ее прежнего жительства, откуда взята в замужество³⁵. В сущности, и у нас для каждого возраста у человека различные имена (или хотя бы формы имени): растет девочка Тома, пошла в школу — стала Тамара Иванова, получила самостоятельность — и уже она Тамара Петровна Иванова, а выйдет замуж — получит фамилию мужа.

В средние века наемники, поступая в войска, получали особое имя — воинское. Это не исключение. «Военное имя» (франц. *le nom de guerre*) история знает у многих народов в различные времена. Его принимали полководцы в древности. Нередко оно и в русской истории (Дмитрий Донской, Румянцев Задунайский). Исследователь личных имен у племени моси отметил у них «военное имя» как обычное явление; избранный там военачальником (*наба*) в 1956 г. при избрании взял себе имя Наба Кугри (*кугри* — «камень»).

Вступая в определенные отношения с другими людьми, человек может вполне естественно получить новое имя, в дополнение к имеющемуся, а в некоторых условиях вместо него.

Псевдонимы прошлого и партийные клички подпольщиков поддерживают мысль, что эти особые системы имен требовались, чтобы скрыть подлинное имя. Но псевдонимы носят и в условиях, где писателю и артисту нет нужды в конспирации. Члены партии, взявшей власть, открыто и гордо носят свои подпольные клички рядом со своим общим именем или даже вместо него, хотя, казалось бы, в этом больше нет необходимости. Есть необходимость. Для человечества имена Ленин, Горький несут неизмеримо больше содержания, чем Ульянов, Пешков. В таких случаях, конечно, действует огромное влияние, завоеванное неспаспортными именами, так что их сохранение, когда конспирация не нужна, еще не доказательство, что они не зависят от конспирации. Но есть немало убеждающих доказательств.

В нашем обществе абсолютно ничто не препятствует выступать в литературе или на сцене под своим подлинным именем, значит псевдо-

³² M. Houis, *Les noms individuels chez les Mosi*, Dakar, 1963, p. 10.

³³ М. С. Андреев, *Таджики долины Хуф*, вып. 1, Душанбе, 1953, стр. 83—84.

³⁴ W. Bauer, *Der chinesische Personennamen*, Wiesbaden, 1959, S. 13—15.

³⁵ Г. В. Ли. Указ. раб., стр. 61—62.

ним избирают как знак «вступления в цех» литераторов или артистов. Прозвища, которые приклеивали школьники своим одноклассникам и учителям, весьма редко оставались в секрете, да их и не очень прятали, скорей даже наоборот. Они нужны как условный знак особой маленькой замкнутой корпорации. Русское правительство знало тайные имена членов масонских лож, так что мнимая тайна «тайного» имени не преследовала никакой реальной пользы, а служила символом, как молоточек магистра и прочая масонская бутафория. Вступая в монахи или воры, получали новое имя, иноческое или блатное, отказ от прежнего имени означал отречение от привычной жизни, а новое имя служило знаком принадлежности к новому кругу. Если круг засекречен, потаенны и внутренние имена, но их существование обусловлено гораздо чаще не конспирацией, а символикой. Подлинно конспиративная маскировка чужим именем (агенты разведок, скрывающиеся преступники) — не правило, а исключение. Относительно редки и полускрытые параллельные системы имен (в группах, противопоставленных общественному строю), в большинстве же случаев они явны и бесконфликтно сосуществуют с официальной системой имен (например, литературные псевдонимы или проносимые сквозь жизнь дружеские имена сверстников молодости).

В первом томе автобиографической эпопеи «Кашеева цепь» М. М. Пришвин (родился в 1873 г.) писал о своем детстве: «В Ельце, моем родном городе, все старинные купеческие фамилии были двойные: первое имя, хотя бы наше, Пришвины, было имя родовое и официальное, а второе имя считалось «уличным»: наше уличное имя было Алпатовы. И так точно было у всех: Лавровы, Ростовцевы, Горшковы, Хренниковы, Романовы, Заусайловы, Лагутины — у всех решительно были вторые «уличные» имена».

Счастливый случай позволил обнаружить в Орловском областном архиве ревизскую сказку 1857 г. (так назывались тогда листы переписей всего тяглогово населения) по Ельцу³⁶. Там, исследуя имена и фамилии, автор этой статьи нечаянно нашел предков М. М. Пришвина, а также и все перечисленные им официальные фамилии купцов. Но параллельных «уличных» фамилий нет ни одной, хотя в жизни, конечно, именно они и употреблялись. В русской деревне «уличные» фамилии были настолько употребительней паспортных (которых иногда никто и не знал), что даже казенные документы конца XIX в. вынуждены были пользоваться ими — иначе немисливо бывало разобраться, о ком идет речь. Так, в XVII в. нередко случалось, что церковное имя, данное при крещении, оставалось никому неизвестным, а в быту и во всех документах значилось только другое имя, нецерковное. У множества бояр и дворян, занимавших и важнейшие государственные должности, в документах сохранились только нецерковные имена, хотя в XVII в. у каждого, конечно, было и церковное имя. Вот помещики Кинешемского уезда 1612 г.: Жук Софонов, Томило Новоприходец, Непородко Осипов, Бессонко Фролов³⁷; ближе к концу столетия — помещик Надежа Иванов сын Бедрин в Симбирском уезде³⁸, — все это самые заурядные примеры сосуществования двух параллельных систем. Один из виднейших деятелей XVII в. боярин Богдан Хитрово, воевода и даже главнокомандующий, во всех документах значился Богданом, и только после его смерти выяснилось, что при рождении крещен он был под именем

³⁶ Орловский обл. архив, ф. 780, д. № 84.

³⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1, СПб., 1857; стр. 54.

³⁸ Опись городу Синбирску и Синбирскому уезду 1678 г., Симбирск, 1902, стр. 77.

Иов³⁹. Дьяки и подъячие, ведавшие всей документацией, сами писались так — дьяк Третьяк, подъячий Грязнуша, в 1621 г.⁴⁰; в 1628 г. при самом царе состоял дьяк Неупокой Кокошкин. Еще удивительнее такие свидетельства документов: имя служки Борисоглебского монастыря в 1625 г. Томилко Кастентинов сын, Дьявол⁴¹, или даже поп Истома⁴² — православный священник с языческим именем! Да ведь и царь Иван III имел имя Тимофей, царь Василий III был Гавриил, у царевича Дмитрия другим именем было Уар.

Синхронное совмещение двух систем называния нередко. Так, обычно называть каждого двумя именами и теперь существует у коми, он отмечен, например, в с. Отево, Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа: «Например, официальное имя человека, данное при записи о рождении, Федор, а в быту зовут его Тюнька, официальное имя Никифор, бытовое — Пелько или Питю, другие примеры соответственно: Андрей — Люшко, Георгий — Люлько, Кирик — Гилько и т. п.»⁴³. Аналогичное явление отмечено у эвенков, которые по распространенному обычаю «имеют помимо официального имени, записанного в документах, добавочное, употребляемое в повседневном общении»⁴⁴. На заседании группы ономастики Института этнографии АН СССР (1967 г.) Е. И. Рудных доложила, что то же наблюдается и у якутов. Сводный доклад о вторых именах сделала на Поволжской ономастической конференции 1967 г. Р. Ш. Джарылгасинова.

Многочисленны факты, когда человек заменяет свое имя при перемене среды. В одних случаях переместился сам носитель, переселясь из одной страны в другую. Выдающийся русский лингвист XIX в. А. Х. Востоков в Германии носил фамилию Остенекк (немецкое Ost «восток»); ветвь грузинской княжеской фамилии Бараташвили, давшей известного поэта Н. Бараташвили, в России поселилась под фамилией Баратаевых. В других случаях изменилась среда: в первые десятилетия после Октябрьской революции меняли фамилии Дьяконов, Крестовоздвиженский на Пролетарский, Первомайский, — примеры упрощенного представления о социальности имени.

Никто до сих пор не заметил любопытнейшей параллели. При вступлении в монашество одновременно с заменой мирского имени на монашеское стригли волосы (отсюда выражение «постричься в монахи»). В Китае наименованию ребенка сопутствует обрезание волос⁴⁵. И за много тысяч километров у племени моси в Западной Африке церемониал наречения имени ребенку обозначается словом с этимологическим значением «стричь волосы»⁴⁶, указывая, что некогда и там оба эти обряда совмещались. Случайность такого троекратного совпадения невероятна. Заимствование затруднено грандиозностью расстояний и всей историей, не допускавшей контактов между этими территориями на протяжении всех известных тысячелетий. Значит, есть какая-то связь между получением имени и стрижкой волос, если оба обряда объединялись и на даль-

³⁹ Е. Карнович, Родовые прозвания и титулы в России, СПб., 1866, стр. 48—49.

⁴⁰ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1, СПб., 1857, стр. 255.

⁴¹ Памятная книжка Тверской губернии на 1885 г., Тверь, 1885, стр. 6.

⁴² «Писцовые книги Московского государства», 1, отд. 2, СПб., 1877, стр. 1432.

⁴³ В. П. Выборнов, Личные собственные имена и их стилевые и экспрессивно-оценочные формы в нижевычегодских говорах коми языка, «Уч. зап. Коми пед. ин-та», вып. 10, Сыктывкар, 1962, стр. 110.

⁴⁴ В. А. Туголуков, Хантайские эвенки, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. 84, М., 1963, стр. 32.

⁴⁵ W. Bauer, Указ. раб., стр. 45.

⁴⁶ M. Nois, Указ. раб., стр. 16.

нем востоке Азии, и в Европе, и на крайнем западе Африки? Чем же они оказались связаны? Да тем, что оба акта имеют общую причину: оба выражают одно — включение в определенное общество, посвящение в его члены. Перемена имени и стрижка волос оказались наиболее наглядными (но не единственными) символами такого посвящения.

* * *

Понятна яростная борьба, которую вела из-за имен церковь. Уловив ценность имени как социального знака, христианство и многие другие религии воспользовались им в своих целях, присвоив себе монопольное право на дачу имени, придав этому акту религиозный характер и превратив личное имя в символ принадлежности носителя имени к данной церкви.

Некоторые религии при этом шли на компромисс, например ислам, а из христианских религий — протестанство допускали некоторую вольность в выборе имен; напротив, православие ввело список имен, категорически запретив все другие; на рубеже XVII—XVIII вв. жесткие меры правительства покончили с именами, не вошедшими в этот список (заметим при этом, что православные святцы почти полностью состоят из имен дохристианского происхождения — еврейских, греческих, латинских, реже скандинавских, славянских и др.). У лютеран и у мусульман выбор тоже фактически ограничен. В полемике с польским лингвистом Т. Милевским, утверждавшим, будто любое слово может стать именем⁴⁷, мне уже доводилось доказывать иллюзорность свободного выбора имен⁴⁸, жестко ограниченного нормами языка и всего беспощадней — обычаем.

Во все времена непонимание действительных причин явления приводило к мистификации его — так одухотворяли дерево, реку, ветер. То же происходило и с именем. Видели огромное значение его в обществе, но не умея объяснить, приписывали ему божественную силу. И примитивные суеверия и могущественные религии мистифицировали имя, различаясь только по форме. Христианство, неистово воюя с язычеством, на самом деле и не старалось разбить языческие представления о мистической власти имени, а само использовало их. Церковь приложила немало усилий, чтобы внушить всем, будто названный именем святого поступает под особое покровительство этого святого. В пьесе итальянского драматурга Э. Витторио «Вор в раю» верующий воришка умоляет каменного святого, имя которого носит, помочь ему красть и не попадаться. Перенесаясь из католического мира в православный, напомним записанный А. М. Селищевым народный рассказ из Македонии. Крестьянин дал сыну имя Иван. Собрались гости, пришлось зарезать барана. Но так как православные святцы чествуют в году 64 Ивана, через 3 дня односельчане нагрянули снова. За месяц крестьянин стал нищим. Он направился в церковь попенять святому и увидел изображение Иоанна-крестителя, едва прикрытого шкурой. «Он и сам голый», — воскликнул крестьянин. «Эх, вот чьим именем надо было назвать», — он показал на икону облаченного в золото и драгоценности Николая, епископа Мирликийского⁴⁹. Примеры анекдотичны, но очень метко передают суть слепой веры в религиозную силу имени.

⁴⁷ T. Milewski, *Słowiańskie imiona osobowe na tle porównawczym*. «Z polskich studiów slawistycznych», seria II, Warszawa, 1963.

⁴⁸ В. А. Никонов, Ономастика на V Международном съезде славистов и славянский топонимический атлас, «Вопр. языкознания», 1964, № 2, стр. 145.

⁴⁹ А. М. Селищев, *Полог*, София, 1921, стр. 228—229.

На мистификации имени основаны многие религиозные представления и бытовые суеверия. Сущность их — приписывание имени потусторонней силы. Церковь веками вбивала в сознание русского народа, что «в некрещеном ребенке нет души». Отождествление «имя=душа» свойственно многим верованиям. Этим вызвано и табуирование личных имен, распространенное у множества народов: подлинное имя надо держать в тайне от врагов, которых так много — и злые духи, и злые люди; если они узнают настоящее имя, могут повредить жизни человека. Нет надобности приводить примеры, так как описаны бесчисленные формы табуирования личных имен. У индейцев племени квакиютль берущий займы оставляет в залог своё имя и пока не вернет долга, его считают безымянным, не называют по имени, не замечают и не уважают. У эскимосов человек — соединение тела, души и имени, из которых только имя может избежать смерти⁵⁰. У самых различных народов обычна эстафета личных имен — передача ребенку имени умершего предка. Это отмечено у народов Севера — нганасан⁵¹, енисейских ненцев⁵², также и среди таджиков ребенка называют именем умершего предка, если никто из родственников не носит этого имени⁵³. У папуасского племени маринд-аним на Новой Гвинее существует «охота за именами»: они делают вылазки к соседям и, убивая, требуют: «Имя! скажи свое имя!» Их объяснение: «имен не хватает!». По их представлениям, сколько имен, столько и душ, значит, чтобы племя размножалось, приходится отнимать имена у соседей⁵⁴.

Так вполне земное общественное значение имени превращено в потустороннее и участвует в земных делах совершенно извращенно.

* * *

Социальны ли личные имена в нашей стране сегодня?

Первое и главное, характеризующее наш современный именной, — его социальная универсальность, в прямую противоположность дореволюционному. В массе одни и те же имена равно употребительны и в семье крупного руководителя, и в семье рядового рабочего. В обществе без классового антагонизма нет и поляризации именника.

Ликвидация антагонистических классов совсем не означает ликвидации всех социальных различий. Еще сохраняется различие между городом и деревней. Но былой пропасти нет и в помине. Деревня следуя за городом и связь их все тесней; не говоря уж о школе, печати, радио, телевидении, современная деревня, в противоположность дореволюционной, включает множество горожан или учившихся в городе — учителей, врачей, агрономов, зоотехников, механизаторов. Именник деревни сегодня еще отличается от городского, но это не противостоящие миры, а лишь некоторое отставание во времени: деревня повторяет городские процессы изменений в именнике; ее именной рождений 1961 г. близок к городскому 1940-х годов, причем интервал сокращается: чем ближе сельская местность к крупным центрам, транспортным узлам, промышленным предприятиям и к новостройкам, тем меньше отличие ее именника от городского. Среди имен родившихся в 1961 г., по городам первое место занимает Сергей (от 15 до 21%), второе — Александр, а в сельской

⁵⁰ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1930, стр. 309.

⁵¹ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 42.

⁵² А. А. Попов, Енисейские ненцы (юраки), «Изв. Всес. географ. о-ва», т. 7, вып. 2—3, Л., 1944, стр. 83.

⁵³ М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 84.

⁵⁴ «Сыны Дехевая», М., 1960, стр. 166.

местностях — Александр чаще Сергея; среди девочек в сельских местностях чаще всех Татьяна (10—14%), а в городах Татьяна занимает четвертое место или даже меньше (8—9%), уступая Елене, Ирине, Ольге. В деревнях еще очень часты Валентина, Галина, Виктор, убывающие в городах; пока еще значительно реже в деревне, чем в городе, имена Светлана, Игорь, Олег; в деревне еще держатся имена, почти исчезнувшие в городах, например, Иван в сельских местностях от 2 до 5%, в городах 0,2—0,3%.

Именник русской деревни веками оставался неизменным, как и ее косный быт. Безраздельно преобладал Иван, за ним — Василий, Федор, среди крестьянок — Анна, Авдотья, Прасковья. Сегодня в деревне преобладают имена, которые прежде там были единичны или вовсе туда не проникали. Полный переворот в неподвижном прежде именнике — замечательный признак того, насколько глубоки происшедшие в деревне перемены. Такая смена именника несравнимо существенней, чем попытки в 1920-х и 1930-х годах ввести такие искусственные имена, как Ревмира («революция мировая»), Электрофина и т. п. Лишенные подлинной общественной необходимости, такие левацкие выдумки схлынули, как пена; остались лишь единичные (Владлен, Октябрина, Нинель). Нет никакой нужды воевать против имени только за то, что его употребляли до нас с иным идеологическим значением, которое оно давно утратило. Наш современный именник стал чище и спокойнее, хотя веяния дурного вкуса (Альберты, Ричарды, Эльфриды и прочие лжекрасивости) еще продолжают проникать в него, но теперь они не часты. В 1961 г. монтер и прессовщица в Калуге, прораб и учительница в Тамбове, не сговариваясь, дали дочерям имя Лолита, навеянное нелучшими влияниями. В Теренгульском районе Ульяновской области пастух и доярка в 1961 г. назвали дочь Эрмина. Но откуда такой выбор? Конечно, ни Акулина, ни Эрмина, ни Светлана, взятые внеисторически, сами по себе ни плохи, ни хороши. Этимология их социально безразлична, даже если ясна. Имена социальны не вообще, а каждое в определенных исторических условиях. Сегодня Акулина — пережиток старой деревни, Светлана — порыв деревни к новой жизни, идущей из социалистического города, Эрмина и Лолита — подражание низкопробному «заграничному шику».

Поразительно одинакова употребительность имен в разных областях. Во всех 11 областях, по которым автор выполнил подсчеты имен родившихся за 1961 г., на каждую тысячу девочек имя Татьяна в областных центрах повторяется от 81 до 98 раз, в сельских районах от 101 до 142. В каждом случае родители выбирали совершенно свободно, а результат оказался таким, словно задана норма — сколько должно быть Татьян, сколько Сергеев и др., настолько близки полученные показатели.

Сравним употребительность имен по двум смежным областям (в каждом столбце на 1 тыс. девочек рождения 1961 г.):

Имена	Обл. центры		По 4 сельских района	
	Пенза	Ульяновск	Пензен. обл.	Ульяновск. обл.
Ольга	120	121	48	58
Елена	87	97	43	48
Татьяна	91	98	128	138
Галина	60	51	95	85

Между населением обоих городов нет тесных связей, которые могли бы продиктовать такое сходство вкусов, данные по сельским районам тоже очень сходны по обоим областям (однако надо оговорить, что по Ульяновской области взяты только правобережные).

Интересны и территориальные волны распространения имен. Например, Татьяна на 1 тыс. девочек рожд. 1961 г. в сельских районах: северной Москвы 101—108 (Ярославская обл. 107, Костромская — 101, Владимирская — 108), южной Москвы 136—140 (Калужская обл. — 136, Тульская — 140, Курская — 142), юго-восточной 119—138 (Тамбовская — 124, Пензенская — 128, Ульяновская — 138, южные заволжские районы Куйбышевской обл. — 119). На карту легли резкие линии изоглосс. У некоторых имен «география» не столь отчетлива, зато у других выражена чрезвычайно ярко (например, имя Раиса — 25 на 1 тыс. новорожденных девочек в сельских районах Калужской и Курской областей, по 15 в Пензенской и Тамбовской, 8 во Владимирской, 6 в Костромской, в заволжских районах Ярославской обл. нет совсем!).

* * *

За последнее время у нас широко разворачиваются социологические исследования в самых различных аспектах, подчас неожиданных. Но личные имена до сих пор оставались вне внимания. Между тем, изучение их рассказало бы о многом. Не изучены сами основы выбора имен: почему одни дают имя «как у всех», другие ищут «самое небывалое»? Ожидают исследователей такие проблемы, как изменения в ассортименте, и главное, в употребительности имен, процессы распространения имен и каналы этого распространения; имена детей при национально-смешанных браках; перемена имени, избрание фамилии при браке и мн. др.⁵⁵ Можно надеяться, что с разворачиванием изучения личных имен во всех видах (фамилии, индивидуальные имена, отчества, прозвища и т. д.)⁵⁶ проблема личного имени как социального знака получит, наконец, должное освещение.

⁵⁵ Некоторые вопросы частично рассмотрены в моей работе «Формы русских фамилий» (в сб. «Studia językoznawcze poświęcone Stanisławowi Rospondowi», Wrocław, 1966 и в статье «Личные имена в современной России», «Вопросы языкознания», 1967, № 6.

⁵⁶ В Ин-те этнографии АН СССР и в Ин-те языкознания АН СССР теперь работают группы ономастики, в планах которых изучение личных имен занимает первое место; на 1-й Поволжской конференции по ономастике (Ульяновск, сентябрь 1967 г.) личным именам было посвящено более 20 докладов; весной 1968 г. состоится Всесоюзное совещание по личным именам.

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1966 г.

20—26 апреля в Кишиневе состоялась сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1966 г., организованная Отделением истории АН СССР совместно с Отделением общественных наук АН Молдавской ССР.

В работе сессии участвовали археологи, этнографы и фольклористы — сотрудники научно-исследовательских учреждений, университетов и музеев Москвы и Ленинграда, Украины и Прибалтийских республик, Закавказья и Северного Кавказа, Поволжья и Средней Азии. Присутствовали также гости из социалистических стран Европы — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Югославии.

По этнографической проблематике было представлено 62 доклада и сообщения, заслушанных на пленарных заседаниях, объединенном заседании этнографов и заседаниях секций «Историческая этнография», «Социалистические преобразования культуры и быта и современные этнические процессы у народов СССР», «Народное изобразительное искусство и фольклор».

Сессию открыл президент АН Молдавской ССР Я. С. Гросул, охарактеризовавший в своем кратком вступительном слове археологические и этнографические работы в республике и их важнейшие задачи — изучение этнического взаимодействия и взаимовлияния народов Молдавии, современных процессов развития культуры и быта, многообразных форм народного искусства.

Итогам полувековых работ советских этнографов был посвящен доклад А. И. Першица и Н. Н. Чебоксарова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Пятьдесят лет советской этнографии»¹.

В докладе В. С. Зеленчука (Ин-т истории АН МССР) и М. Я. Салманович (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Этнографические исследования в Молдавской ССР в советский период» сообщалось, что периодические исследования начались с 1945 г., а систематическое этнографическое изучение — только в 1950-х гг., когда в Молдавском филиале АН СССР был создан сектор археологии и этнографии и развернулись работы комплексной археолого-этнографической Прутско-Днестровской экспедиции. Еще больший размах приняли исследования в 1960-х гг., когда возросшее число специалистов сделало возможным создание сектора этнографии в Институте истории АН МССР. В настоящее время в центре внимания этнографов находятся культура и быт колхозного крестьянства Молдавии. В связи с этим изучаются вопросы этнической и культурной истории, современный народный быт и преодоление в нем пережиточных форм. Много внимания уделяется также подготовке молдавского раздела регионально-го историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии. Расширяя фронт исследований, молдавские этнографы начали работу по изучению национальных меньшинств республики. Многонациональный характер населения Молдавии выдвигает в качестве одной из главных задач изучение современных этнических процессов и закономерностей развития культуры.

Некоторым теоретическим вопросам этногенеза был посвящен доклад В. П. Алексеева и Ю. В. Бромлея (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «К вопросу о роли переселения народов в формировании новых этнических общностей». При изучении завоеваний эпохи разложения первобытно-общинного строя обычно выделяют три основных типа этнических процессов: 1) завоеватели ассимилируют побежденных, 2) завоеватели почти бесследно растворяются в аборигенах и 3) происходит синтез этнического субстрата и суперстрата, в результате чего возникает новый этнос. При этом, как правило, учитывается языковая принадлежность образуемого этноса и оставляется в стороне взаимодействие антропологических компонентов. Обращаясь к этнической истории ряда народов, авторы показывают, что привлечение наряду с лингвистическим антропологического материала дает возможность более правильно интерпретировать численное соотношение местного и пришлого населения и, следовательно, более правильно

¹ См. опубликованную в этом номере журнала статью А. И. Першица и Н. Н. Чебоксарова «Полвека советской этнографии».

судить о происхождении того или иного народа. В частности, интересно предложенное авторами объяснение победы языка этнического суперстрата при антропологическом преобладании местного населения фактором политического господства пришельцев-завоевателей.

С обобщающим докладом «Важнейшие проблемы этнографии Европы» выступил С. А. Токарев (Ин-т этнографии АН СССР, Москва)².

Доклад М. С. Великановой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Население Прутско-Днестровского междуречья в эпоху бронзы» был посвящен этнической истории населения Молдавии по палеоантропологическим данным. Исследованные докладчиком материалы позволили ему с достаточной долей уверенности связать протоевропейский антропологический тип населения Прутско-Днестровского междуречья эпохи бронзы не с западными, а с восточными территориями. Как для населения Поднестровья, так, по видимому, и для населения Попрутья эти данные подтверждаются также и материалами археологии.

С докладом «Задачи этнографической науки в связи с переписью населения СССР в 1970 г.» выступили С. И. Брук и В. И. Козлов (Ин-т этнографии АН СССР, Москва). Остановившись на достоинствах и недостатках предыдущих переписей и роли в них этнографических учреждений, докладчики показали, какое большое практическое, политическое и научное значение будет иметь предстоящая перепись 1970 г. В частности, очень важны тщательная научная разработка вопроса о национальной принадлежности и включение в перепись вопросов о родном языке и двуязычии. В связи с этим необходимо уточнить список народов и языков СССР, определить все имеющиеся этнические и лингвистические названия, провести экспедиционные обследования групп населения, не обладающих достаточно четким этническим самосознанием. В дальнейшем изучение материалов переписи 1970 г., как и предыдущих переписей, поможет этнографам в решении одной из центральных задач — исследовании современных этнических процессов у народов СССР.

М. А. Пелях (Н.-и. ин-т виноградарства и виноделия МССР) в докладе «Виноградарство и виноделие Причерноморья в древности» подробно остановился на центрах окультуривания дикого винограда, возникновении и развитии виноделия и истории виноторговли в Причерноморье. Анализ большого исторического и этнографического материала привел докладчика к выводу, что население Молдавии, Северного Причерноморья, Крыма и Закавказья уже в древности и в средние века имело большой опыт виноградарства и виноделия и вошло в состав России с развитым виноградарско-винодельческим хозяйством. Исторический опыт виноградарей, как отметил М. А. Пелях, может быть с успехом использован в современном производстве.

На объединенном заседании этнографов было заслушано четыре доклада, посвященных главным образом изучению современной культуры и быта народов СССР. Л. А. Анохина и М. Н. Шмелева (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) рассказали в своем докладе о все шире распространяющемся в работе советских этнографов методе массового анкетно-статистического обследования для этнографического изучения городского населения. Как показала работа, проведенная докладчиками в 1966 г. в г. Калуге, анкетный метод дает обобщенный и легко сравнимый материал, позволяющий всесторонне судить о быте разных групп городского населения: процессах его формирования, судьбах инонациональных групп, социально-профессиональном и семейном положении, численности и составе семьи, духовных запросах и т. п. Распространение анкеты в различных трудовых коллективах дало возможность выявить их общие и специфические черты; последующее применение машинной обработки анкет позволило получить определенные комбинации вопросов-ответов, важные для изучения взаимосвязей разных сторон быта.

В. К. Гарданов (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Преобразование культуры и быта народов Северного Кавказа» подвел итоги полувековому социалистическому развитию многочисленных народов этого этнографического региона. Коренным преобразованиям подверглись все области народной жизни: поселения и жилище, одежда, пища, хозяйственный и общественный быт, семья, духовная культура. Протекающие на Северном Кавказе культурные и этнические процессы способствуют расцвету всех прогрессивных черт национальных культур и в то же время порождают единый общесоветский уклад жизни, характерный для всех народов нашей страны и впитывающий в себя их лучшие национальные традиции.

В докладе «Изменения сельскохозяйственных орудий украинских крестьян за годы Советской власти» В. Ф. Горленко (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР) показал, что коренные изменения в сельскохозяйственной технике украинского крестьянства произошли только в условиях победившего социализма. Лучшие марки новых орудий были созданы на основе сотрудничества конструкторов-профессионалов с народными умельцами. В настоящее время устаревшие орудия либо полностью вытеснены, либо применяются только при подсобных работах. Механизация сельского

² См. опубликованную в этом номере статью С. А. Токарева «О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран».

хозяйства украинцев ведет к стиранию локальных особенностей материальной культуры и усилению в ней общесоветских элементов.

Объединенное заседание этнографов завершилось докладом А. О. Вийреса (Ин-т истории АН ЭстССР) «К истории конной упряжи у прибалтийско-финских народов». Анализируя различные типы и элементы упряжи, докладчик пришел к выводу, что у прибалтийских финнов древнейшими элементами ее были хомут, оглобли и седло, известные уже не позднее середины первого тысячелетия н. э. Шагом вперед было изобретение во второй половине этого тысячелетия дуги, которая, однако, не всегда применялась при полевых работах, а также при старинной запряжке в двуколку. В целом постепенное видоизменение упряжи у прибалтийских финнов шло параллельно аналогичным явлениям у населения всей лесной зоны северо-восточной Европы.

Разнообразной была тематика секционных заседаний, на которых заслушано свыше 50 докладов. Большая часть их (27 докладов) касалась вопросов этнографического изучения современности, процессов национального развития и сближения, формирования межнациональных общесоветских элементов культуры. Остальные доклады были посвящены преимущественно вопросам этнической и культурной истории, работе над региональными историко-этнографическими атласами, актуальным проблемам устного и изобразительного народного творчества.

На секции «Социалистические преобразования культуры и быта и современные этнические процессы у народов СССР» прочитано 16 докладов по общим и частным вопросам современного развития народов нашей страны. Проблемам этнического взаимодействия посвящены доклады Л. Н. Чижиковой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Этнографическое изучение русских на Украине», В. С. Зеленчука и М. В. Маруневич (Ин-т истории АН МССР) «Некоторые стороны процесса взаимодействия в быту гагаузского и молдавского населения» и Я. С. Смирновой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Этнографическое изучение смешанных браков у народов Карачаево-Черкесии». Оживленную дискуссию вызвали вопросы этнографического изучения городского быта, поставленные в докладах Ф. А. Арипова (Ин-т истории и археологии АН УзССР) «Отражение современных национальных и этнических процессов в материальной культуре металлургов Узбекистана», В. Т. Зинича (Ин-т искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР) «Рабочий класс — руководящая сила формирования нового быта», Д. М. Когана (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Связи городского и сельского населения по материалам выборочного анкетного обследования в г. Калуге в 1966 г.», С. Б. Рождественской (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Генетические связи жилища рабочих с традиционным крестьянским жилищем», М. И. Умудова (Ин-т истории АН АзССР) «О некоторых изменениях в жилище нефтяников Апшерона». Культуре и быту сельского населения были посвящены доклады П. И. Арсенича (Ивано-Франковский краеведческий музей) «Новые черты в культуре и быте колхозного крестьянства Косовщины», Н. М. Хазовой (Гос. музей этнографии народов СССР, Ленинград) «Традиционное и новое в народном жилище Украины», А. К. Крыстыни (Ин-т истории АН ЛатвССР) «Главные черты развития крестьянского жилища Латвийской ССР», К. Овезбердыева (Ин-т истории АН ТуркмССР) «Современные поселения и жилище колхозного крестьянства Тедженского и Мургабского оазисов». Плодотворный обмен мнениями вызвали доклады по проблемам изучения семейного быта, положения женщины, традиционной и новой обрядности: М. В. Филимоновой (ЦГА МССР) «Семейное и общественное положение гагаузской женщины», Л. Д. Лоскутовой (Ин-т истории АН МССР) «Некоторые итоги этнографического изучения семейной обрядности крестьянства Советской Молдавии», М. П. Тавадора (Ужгородский гос. ун-т) «Брак и брачные отношения среди колхозного крестьянства Закарпатской области УССР». С большим интересом присутствующими был выслушан доклад М. Барнактаровича (Югославия) «Этническая принадлежность и дифференциация населения южной Сербии».

В центре внимания секции «Историческая этнография», заслушавшей 20 докладов, стояли проблемы истории хозяйства и культуры в этническом аспекте. История хозяйства нашла отражение в докладах Л. К. Бернашвили (Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР) «Террасное земледелие в Мсхети», Н. Ш. Чиджавадзе (Батумский научно-исслед. ин-т) «О некоторых особенностях террасного земледелия в Западной Грузии», В. М. Шамиладзе (Батумский научно-исслед. ин-т) «К вопросу об альпийском скотоводстве в Грузии» и Ю. И. Мкртумяна (Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР) «Формы скотоводства у армян». В ряде докладов были подняты вопросы истории отдельных элементов материальной культуры, в своей значительной части связанные с проблематикой подготовки историко-этнографических атласов: М. Д. Перелиной (Гос. музей этнографии народов СССР, Ленинград) «Музейные собрания как источник для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана (Набойное производство по фондам ГМЭ)»; А. П. Петерсона (Этнографический музей ЭстССР, Тарту) «Внутренняя планировка жилой риги в XIX в. (Из опыта механизированной обработки материалов для историко-этнографического атласа)»; Р. В. Меркене (Ин-т истории АН ЛитССР) «Хлеба юго-западной Литвы с конца XIX до 40-х гг. XX в.»; Л. А. Молчановой (Ин-т искусствознания, этнографии и

фольклора Министерства культуры БССР) «Некоторые результаты этнографического картографирования белорусской народной одежды»; С. Н. Шарануца (Гос. историко-краевед. музей МССР) «О национальном костюме молдаван XIX—начала XX в.»; Р. Д. Тодуа (Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР) «Керамическое производство в Грузии по данным этнографии». Истории духовной культуры были посвящены доклады Л. И. Минько (Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора Министерства культуры БССР) «Рациональные моменты в белорусской народной метеорологии»; В. И. Элашвили (Гос. ин-т физической культуры; Тбилиси) «К вопросу о классификации национальных средств физического воспитания»; Г. А. Гулиева (Ин-т истории АН АзССР) «Система народной метеорологии в земледельческом быту азербайджанцев»; Л. А. Чибирова (Юго-Осетинский научно-исслед. ин-т) «Весенний цикл осетинских народных праздников»; М. А. Меретукова (Адыгейский научно-исслед. ин-т) «Культовый очаг у адыгов»; Л. В. Марковой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Календарные обычаи болгар юго-западных районов СССР»; Т. Д. Златовской (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Кукерский обряд (о роли фракийской традиции у современных балканских народов)». Проблемы социальной организации трактовались в докладах Н. В. Шлыгиной (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «К вопросу о социальном расселении в эстонской деревне» и З. Д. Гагловской (Юго-Осетинский научно-исслед. ин-т) «Система родства у осетин»; вопросы этнической истории — в докладе У. Э. Эрдинова (Калмыцкий научно-исслед. ин-т языка, литературы и истории) «Проблема этногенеза калмыков».

На секции «Народное изобразительное искусство и фольклор» заслушано 14 докладов. Среди них большое внимание привлекли доклады, посвященные взаимодействию фольклора народов СССР: И. Д. Чабан (Ин-т языка и литературы АН МССР) «Многочисленная дружба молдаван с восточными славянами»; М. Я. Гринблата (Ин-т искусствоведения, этнографии фольклора Министерства культуры БССР) «К вопросу о белорусско-украинских связях в казачьих песнях»; Р. А. Богомольной (Молдавский гос. ун-т) «Песенный репертуар русских сел Молдавии»; А. С. Лис (Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора Министерства культуры БССР) «Страничка из белорусско-украинских историко-песенных связей». Ряд докладов касался современного состояния фольклора и народного изобразительного искусства: Г. И. Спатару (Ин-т истории АН МССР) «Молдавская народная драма»; Е. В. Жунгиету (Ин-т языка и литературы АН МССР) «Современный фольклорный репертуар южных припрутских районов МССР»; Э. В. Померанцевой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Изучение поэтической культуры современного села»; А. К. Жук и В. А. Щербак (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР) «Народное изобразительное искусство Советской Украины на современном этапе»; Т. И. Бушина (Черновицкий гос. ун-т) «Ковроделние Советской Буковины»; М. Я. Лившиц (Ин-т истории АН МССР) «Художественная обработка дерева в народной архитектуре Молдавии». Традиционное устное творчество отразилось в докладах С. И. Дмитриевой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Традиционный песенный фольклор Владимирской области» и Т. А. Геворкян (Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР) «К характеристике армянских народных свадебных песен»; взаимодействие фольклора, профессионального искусства и самостоятельности — в докладах Г. С. Сухобрус (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР) «Художественная самостоятельность и фольклорный процесс» и В. И. Гаврилан (Ин-т истории АН МССР) «Отражение культуры и быта молдавского народа в профессиональном театре». Интересное информационное сообщение о работе венгерских фольклористов было сделано М. Иштвановичем (Венгрия).

Заслушанные и обсужденные на сессии доклады еще раз показали, что главное внимание в своей работе этнографы уделяют изучению современной этнографии, этническим процессам у различных народов Советского Союза.

Значительны достигнутые успехи в исследовании материальной и духовной культуры городского населения, особенно рабочих. В работах по данной проблематике все шире применяется метод анкетного статистического обследования.

Обсуждение на отчетной сессии результатов этнографических исследований подтвердило, что для многих этнографических регионов СССР как в прошлом, так и в особенности в современную эпоху характерна общность культурных и этнических процессов. В связи с этим большое значение имеет необходимая для получения сопоставимых данных дальнейшая унификация программ и методики этнографических и фольклорных исследований, а также создание единого информационного центра. В результате работы секций выявились также необходимость теснейшего сочетания этнографических и социологических методов исследования с широким привлечением статистических и анкетных данных; необходимость дальнейшего развития комплексных исследований для решения этногенетических проблем; потребность в выработке единой терминологии и классификации устного, музыкального и изобразительного народного творчества.

Как показала работа сессии, первоочередными задачами всех советских этнографов остаются составление региональных историко-этнографических атласов, углубленное изучение проблем этногенеза, процессов развития и сближения народов СССР и их национальных культур.

Я. С. Смирнова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЛИТЕРАТУРА О НОВЫХ ОБРЯДАХ И ПРАЗДНИКАХ ЗА 1963—1966 гг.

(ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ)

В последние годы появилось значительное число книг, брошюр и статей, специально посвященных новым праздникам и обрядам или попутно касающихся их. Обилие публикаций отражает в какой-то степени возросший интерес общественности к новым праздникам и обрядам. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость разобраться в характере и особенностях изданной о них литературы.

В задачу настоящего обзора входит рассмотрение основных тенденций изучения новых праздников и обрядов, выявление центральных вопросов в публикациях 1963—1966 гг. по этой теме. В статье сделана попытка максимально учесть вышедшую за эти годы литературу о новых праздниках и обрядах, хотя и не ставится задача дать исчерпывающую библиографию вопроса и анализ работ по этой тематике.

К 1963 г. в жизнь советских народов вошло много новых праздников и обрядов¹. Внедрению и пропаганде новой обрядности в нашей стране уделяется серьезное внимание. В мае 1964 г. ЦК КПСС провел Всесоюзное совещание по новым праздникам и ритуалам, на котором был обобщен опыт партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций по этим вопросам².

Советом Министров РСФСР было принято в 1964 г. специальное постановление, в котором намечались конкретные меры по внедрению в жизнь новых праздников и обрядов³.

В 1963—1966 гг. опубликовано много книг и брошюр о новых праздниках и обрядах. Материал по этим вопросам содержится и в ряде научных, массовых общественно-политических и литературно-художественных журналов: «Советская этнография», «Народна творчість та етнографія», «Вопросы философии», «Наука и религия», «Советы депутатов трудящихся», «Советские профсоюзы», «Клуб и художественная самодеятельность», «Молодая гвардия» и др., а также в союзных и республиканских журналах различного профиля, в центральных и местных газетах.

Вышедшие в свет работы не одинаковы по научному уровню, значимости, задачам и кругу охватываемых вопросов.

Часть публикаций, изданных в разных областях и республиках, посвящена описанию новых праздников и обрядов⁴ и содержит призыв к их внедрению.

¹ См. И. А. Кривелев, О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР, «Сов. этнография», 1963, № 6.

² Н. П. Андрианов, Р. А. Лопаткин, В. В. Павлюк, Особенности современного религиозного сознания, М., 1966, стр. 229.

³ Э. Лисавцев, Новые обряды — в быт народа, «Советские профсоюзы», 1965, № 1, стр. 32.

⁴ См., например, сб. «Народные традиции сегодня», Львов, 1963 (на укр. яз.); О. Ф. Кувенев, Праздники колхозной Украины, Киев, 1963 (на укр. яз.); «Человек рожден для счастья. О новых советских обрядах», Волгоград, 1964; «Буковинские веночки. Новые советские обряды и обычаи», Винница, 1964 (на укр. яз.); Е. Климов, Новые обычаи и праздники, М., 1964; Г. Геродник, Дорогами новых традиций, М., 1964; «На всю жизнь (о новых обрядах и праздниках в Донбассе)», Донецк, 1964 (на укр. яз.); Г. Горобец, Народные праздники сегодня, Киев, 1964 (на укр. яз.); «Новое пробивает дорогу», Саранск, 1965; Сб. «Новые праздники

В работах этого типа говорится в основном о характере проведения новых общественных праздников, таких, как праздники русской зимы, урожая, песни, русской березки, а также о новом ритуале торжественного бракосочетания, наречения имени, вручения паспорта, проводов в армию и т. д. Иногда перечень расширяется: описываются праздник пастуха, праздник совершеннолетия, празднования трудовых юбилеев⁵, школьные праздники, праздники улицы, серпа и молота, весны, золотой осени⁶, цветов⁷, день механизатора, день кукурузовода, день колхозных ветеранов⁸, праздник трудовой славы⁹, праздник труда¹⁰, день тракториста¹¹, день партизана¹² характеризуются и некоторые бытующие или возрождающиеся местные праздники¹³. Нередко материал излагается в виде беллетризованных очерков¹⁴.

Большинство брошюр написано по одному плану и касается тех мероприятий, в которых принимают участие общественные организации (порядок регистрации браков и рождений, устройство массовых праздников и пр.). Некоторые из этих работ имеют методическую направленность и призваны оказать практическую помощь организаторам новых праздников¹⁵.

Авторами обычно характеризуется обрядность сегодняшнего дня, фиксируется новое на определенный данный отрезок времени. Такой массовый датированный материал об интересных явлениях общественной жизни имеет несомненную ценность для исследователя. И это даже в том случае, когда приводятся единичные факты, так как их учет позволяет судить о разнообразии форм и вариантов новых праздников в различных местностях страны и в определенный период времени. Поэтому все издания этого профиля важны для нас прежде всего как материал для обобщения и приведения в систему первичных данных. Совокупность последних дает известное представление о тенденциях изменения некоторых сторон быта советских людей в настоящий период.

Многие вопросы этой темы получили отражение в тезисах докладов Научно-практической конференции, состоявшейся в ноябре 1966 г. в г. Улан-Удэ¹⁶.

Как отмечается в публикациях, повсеместно наблюдается тяга населения к созданию новых праздников и обрядов. В ряде случаев население на сходах принимает решение по-новому отмечать семейные праздники, ввести новые колхозные праздники — День героя труда, День рождения колхоза¹⁷.

По имеющимся публикациям создается впечатление, что внедрение новых праздников проходит более успешно в национальных республиках (Прибалтика, Молда-

и обряды», Барнаул, 1965; Сб. «Новые праздники и обряды», Вологда, 1965; И. Г. Сулейманов, Новый быт — новые традиции, Уфа, 1965; Ю. Сафронов, Новые праздники и обряды, Минск, 1965; «Новые народные обряды», Краснодар, 1966; Ю. Сильвестров, Утверждение новых традиций (о внедрении новых обрядов и праздников в колхозе «Пятилетка» Костромской области), Кострома, 1966, и др.

⁵ Сб. «Новые праздники и обряды», Барнаул, 1965.

⁶ «На всю жизнь (о новых обрядах и праздниках в Донбассе)»; И. Г. Сулейманов, Указ. раб.

⁷ Д. И. Сидоров, За новые обряды, обычаи, традиции, М., 1964.

⁸ Г. С. Бардик, Новые народные обряды, Харьков, 1965 (на укр. яз.).

⁹ С. П. Даниленко, И. Т. Губко, Нам нужны свои обряды, Свердловск, 1965.

¹⁰ Ю. Сафронов, Указ. раб.

¹¹ М. Н. Мельников, К вопросу о современных праздничных и свадебных обрядах (по материалам Новосибирской области), «Сибирский фольклор», Томск, 1966; его же, Песня народных обычаев (Традиционное и новое в современном сибирском обряде), «Сибирские огни», 1966, № 7.

¹² О. Н. Дулебо, Современные праздники в хозяйственном быту белорусских колхозников, «Народная творчество та этнография», 1965, № 6, стр. 49, 50.

¹³ Ю. В. Гагарин, Изживание религиозных традиций и формирование новых праздничных обычаев в Коми АССР, «Сов. этнография», 1965, № 4; В. М. Иванов, Гущульский праздник «проводы на полонину» (первый выгон скота. — Л. С.), «Народная творчество та этнография», 1966, № 2, стр. 109—110; С. С. Агаширинова, Г. А. Сергеева, К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана, «Сов. этнография», 1966, № 4.

¹⁴ См., например, «Новое пробивает дорогу».

¹⁵ «За новые советские традиции и обряды», Воронеж, 1965; «Новые обряды и праздники — в быт», Магадан, 1965, и др.

¹⁶ «Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири», «Тезисы докладов Научно-практической конференции», вып. 1—3, Улан-Удэ, 1966.

¹⁷ Н. М. Штигельман, Новые праздники и традиции колхозного села в Курской области, «Краеведческие записки Курского областного музея», вып. 2, Курск, 1963, стр. 133.

вия¹⁸ и др.); устойчивее здесь также национальные праздники и традиции. Последнее отмечает и С. А. Токарев: «В большинстве русских деревень,— пишет он,— действительно прервалась традиция самобытных народных праздников, обрядов, развлечений. Но во многих национальных районах нашей страны — в Прибалтике, на Кавказе, в Средней Азии — национальные праздники, старые обычаи, соблюдаются и теперь»¹⁹. Интересен круг вопросов, рассматриваемых в публикациях о новых праздниках и обрядах. Как правило, в них содержится оценка значимости новых праздников, говорится об их роли в коммунистическом воспитании трудящихся, в коммунистическом строительстве²⁰, в преобразовании быта²¹.

Большинство авторов указывает на роль новых обрядов и праздников в преодолении религиозной обрядности²². Выдвигая это положение, Н. С. Сарсенбаев пишет: «Мы не создали еще целостной системы советских обрядов и ритуалов, которые могли бы вытеснить религиозные»²³. Эта мысль встречается и у других авторов²⁴. Д. М. Аптекман отмечает, что в Ленинграде с введением торжественной регистрации новорожденных резко сократилось число церковных крещений²⁵.

В некоторых случаях и сами работы по данной или близкой тематике имеют антирелигиозную направленность. Так, под этим углом зрения написана, например, книга В. Иванова²⁶, одна из глав которой посвящена новой обрядности.

Многие авторы подчеркивают, что новые праздники нередко противостоят старым²⁷, это находит отражение и в приуроченности первых. Например, в Воронежской области в дни пасхи проводился весенний праздник песни; вместо троицы — масовый праздник молодежи; вместо спаса — праздник урожая; накануне рождества — праздник русской зимы, а вместо масленицы — проводы зимы²⁸.

Некоторые авторы рекомендуют специально приурочить новые праздники ко времени проведения религиозных праздников. Так, И. С. Ремезов предлагает следующие замены наиболее распространенных, по его наблюдениям, религиозных праздников в Воронежской области: к дням, когда празднуется рождество и крещение приурочить праздник русской зимы; противопоставить благовещению — праздник весеннего сева или первой борозды; пасхе — праздник весны; троице — день зеленого друга; верб-

¹⁸ Г. Геродник, Указ. раб.

¹⁹ С. Токарев, Обычай обычаю — рознь, «Наука и религия», 1966, № 10, стр. 60.

²⁰ Д. И. Сидоров, Социалистическое переустройство быта и борьба за новые традиции, М., 1963; Н. П. Андрианов, Р. А. Лопаткин, В. В. Павлюк, Указ. раб., стр. 224, 225, 229; С. Джондосов, Новые обряды — в наш быт, «Партийная жизнь Казахстана», 1964, № 6; Л. Зеленчук, А. Кригануца, Ф. Табунщик, Новой жизни — новые праздники и обряды, «Коммунист Молдавии», 1965, № 2; В. Калитс, Изучение семейных обрядов в Эстонской ССР, «Сов. этнография», 1965, № 4; Г. Геродник, Так в добрый час, «Наука и религия», 1966, № 7, стр. 30, и др.

²¹ В общей форме с вопросом перестройки бытовых отношений связывает борьбу за создание новых традиций, обычаев и обрядов и В. Г. Сеницын. См. В. Г. Сеницын, Коммунистическое переустройство быта, М., 1963, стр. 116, 117.

²² Ю. В. Крянев, П. С. Попов, Эмоциональное воздействие религиозной обрядности и его преодоление, «Вопросы философии», 1963, № 9, стр. 75, 77; Р. Д. Маджидов, Пути преодоления религиозной обрядности, «Вопросы философии», 1964, № 12, стр. 115; В. Михайлов, Время, обычаи, традиции, «Коммунист Татарии», 1964, № 6, стр. 59; А. Залесский, В. Иванов, Безрелигиозные обряды и праздники, «Коммунист Белоруссии», 1965, № 1, стр. 57; О. Полешко-Полеский, Хорошие традиции, «Партийная жизнь», 1963, № 6, стр. 55; З. А. Дустмухаммедов, Старые обряды и пути борьбы с ними, «Известия АН ТаджССР, отделение общественных наук», 1966, № 1, стр. 21; А. Хашимов, Религия и быт, «Вопросы научного атеизма», Душанбе, 1966, стр. 70.; см. также: М. Д. Шевченко, Роль семейной традиции в наследовании религиозных пережитков детьми и подростками, «Вестник Московского ун-та», Философия, 1966, № 2, стр. 36; В. Г. Штюка, Быт и религия, М., 1966.

²³ Н. С. Сарсенбаев, Обычаи и традиции в развитии, Алма-Ата, 1965, стр. 239.

²⁴ П. И. Игнатов, Причины живучести религиозных пережитков в СССР и пути их преодоления, Сб. «Атеистические знания — народу», Л., 1963, стр. 227.

²⁵ Д. М. Аптекман, Причины живучести религиозного обряда крещения в современных условиях (по итогам конкретно-социологического исследования), «Вопросы философии», 1965, № 3, стр. 88.

²⁶ В. Иванов, Жизнь рождает новые обряды, Минск, 1964.

²⁷ Д. И. Сидоров, За новые обряды, обычаи, традиции; Ш. Исаков, Новые праздники и обряды, «Партийная жизнь Казахстана», 1965, № 6.

²⁸ «За новые советские традиции и обряды», Воронеж, 1965, стр. 36, 37.

ному воскресенью — день массовой посадки деревьев; трем спасам или покрову — праздник урожая»²⁹.

Часто новые праздники противостоят храмовым, престольным³⁰. Так, в колхозе «Совет» Костромской области 39 престольных праздников было вытеснено новыми³¹. Престольные праздники заменяются праздниками весны, годовщины основания колхоза, днем урожая и др. В ряде районов Украины вместо престольных праздников проводится праздник урожая³². Этот праздник вообще получил очень широкое распространение на Украине, где он отмечается с 1923 г. Подробное описание его находим у О. Ф. Кувеновой. Она отмечает, что праздник урожая приобрел на Украине уже сложившиеся формы, обязательными являются праздничный каравай, величальные обжинковые песни, общий обед на открытом воздухе, концерт самодеятельности и спортивные состязания³³. Ранее праздник урожая имел широкую популярность в стране, но в настоящее время во многих местностях уже забыт³⁴.

Производственные праздники, такие, как «День оленевода», «День охотника», «День рыбака», распространены у народов Сибири. Новой формой массовых национальных праздников у них являются, по мнению исследователей, смотры (фестивали) достижений народов Сибири в хозяйственном и культурном строительстве³⁵.

В литературе имеются сведения об изменении семейной обрядности в годы Советской власти³⁶. В ряде работ говорится о мерах, которые принимает общественность для придания большей торжественности семейным событиям и прежде всего такому из них, как вступление в брак; приводится описание торжественной регистрации брака, получившей широкое распространение в стране. Отмечаются и некоторые новшества: публикация в ряде местных газет объявлений о вступлении в брак³⁷, приглашение на торжественное бракосочетание лиц, отпраздновавших свои «серебряные» и «золотые» свадьбы³⁸, и др. В некоторых работах говорится о распро-

²⁹ И. С. Ремезов, Социалистические традиции и безрелигиозные праздники (обряды) как средство атеистического воспитания, «Вопросы коммунистического воспитания», вып. 1. «Изв. Воронежского государственного пединститута», т. 50, 1965, стр. 163.

³⁰ И. А. Крывелев, Указ. раб.

³¹ «Нужны праздники и гимны новые», «Наука и религия», 1964, № 8, стр. 88; Э. Лисавцев, Новые советские традиции, М., 1966, стр. 81—85.

³² «Буковинские веночки. Новые советские обряды и обычаи», стр. 145.

³³ О. Ф. Кувенова, Указ. раб., стр. 25, 26.

³⁴ В. Григорьев, Да, были праздники, «Наука и религия», 1966, № 6, стр. 51, 52.

³⁵ См. об этом: Ю. Б. Стракач, Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров, Новосибирск, 1966, стр. 94—97.

³⁶ М. Н. Шихарева, Свадьба у сельского населения Кубани, «Сов. этнография», 1964, № 1; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964; «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области», М.—Л., 1964; И. Е. Тугутов, Становление новых семейных обрядов. «Этнографический сборник Бурятского комплексного н.-и. ин-та», вып. 4, 1965; М. А. Меретуков, Адыгейская советская семья, «Уч. записки Адыгейского н.-и. ин-та языка, литературы и истории», т. IV (история и этнография), Краснодар, 1965, стр. 171—172; «Колхоз—школа коммунизма», М., 1965, стр. 238; С. С. Агаширинова, Г. А. Сергеева, К вопросу о формировании новых праздников у народов Дагестана; К. Керимов, Старому—бой, «Наука и религия», 1966, № 10, стр. 52—53; М. Н. Мельников, К вопросу о современных праздничных и свадебных обрядах (по материалам Новосибирской области); его же, Поэзия народных обычаев (традиционное и новое в современном сибирском обряде), стр. 168—170; Е. М. Кравец, Семейный быт и обычаи украинского народа, Киев, 1966 (на укр. яз.); Л. Н. Терентьева, Распространение атеистического мировоззрения и безрелигиозных форм быта среди колхозников латышей (по материалам Екабпилсского района Латвийской ССР). В кн.: «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР», М.—Л., 1966; И. С. Гурвич, Отмирание религиозных верований у народов северо-востока Сибири, там же; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Религиозно-бытовые пережитки у колхозного крестьянства и пути их преодоления (по материалам Калининской, Костромской и Ярославской областей), там же; В. Г. Штюка, Быт и религия, М., 1966, стр. 23, 53. Упоминания об изменении свадебного обряда и эволюции свадебного песенного репертуара имеются в статьях: З. И. Власова, А. И. Мартынова, Современный репертуар одного района, «Русский фольклор», т. IX, Л., 1964; Б. М. Добровольский, Два результата одной поездки, там же.

³⁷ Д. И. Сидоров, Социалистическое переустройство быта и борьба за новые традиции, стр. 21.

³⁸ «За новые советские традиции и обряды», Воронеж, 1965, стр. 16

странении комсомольских свадеб, их общественном резонансе и идейно-политическом значении³⁹, об использовании народных традиций в комсомольских свадьбах⁴⁰ и при торжественной регистрации брака⁴¹, сообщается о том, что в ряде мест общественность торжественно отмечает «золотые» свадьбы членов своего коллектива⁴².

В работах отмечается чрезвычайная устойчивость похоронного обряда, в котором больше, чем в каком-либо другом, сохраняются старые традиции и обычаи⁴³. В Таджикистане, например, как сообщает Р. Д. Наджимов, исполнение погребальных и поминальных обрядов, за чрезвычайно редким исключением, всецело находится во власти мусульманского духовенства⁴⁴. Это же наблюдается в Дагестане⁴⁵ и других республиках, а также среди отдельных национальных групп⁴⁶. Однако и в похоронную обрядность, по наблюдению многих авторов, жизнь внесла много нового. Помимо гражданских похорон, это проявляется в проведении дней гражданских поминовений.

Так, в ряде мест Белоруссии⁴⁷ и Украины⁴⁸ памяти воинов, погибших в Отечественной войну, посвящаются определенные дни, в которые у братских могил организуются митинги и молодежные фестивали. Нередки случаи, когда проводятся гражданские поминовения умерших⁴⁹, обычно тоже в форме траурных митингов, с оркестром. В эти дни организуется продажа цветочной рассады, саженцев деревьев и пр.⁵⁰, и население приводит в порядок могилы. Иногда гражданские поминовения приурочивают к определенным дням; в Краснодарском крае, например, поминовение умерших проводится ежегодно в последнее воскресенье апреля или в начале мая⁵¹.

Поднимается также вопрос об установлении и проведении в Союзе единого дня памяти умерших⁵². В некоторых статьях предлагается и название для такого дня, например «День памяти наших предков», высказывается пожелание приурочить его ко Дню победы⁵³.

Исследователи отмечают, что ознаменование памяти погибших имеет большое значение для коммунистического воспитания молодежи. Так, И. В. Суханов пишет: «Вечная слава отдавшим свои жизни — это не только благодарность живых павшим, это — осознание величия идей коммунизма, это — обязанность живущих продолжать дело погибших. Бездушное отношение к памяти павших героев Октябрьской революции и Отечественной войны иногда бывает опаснее любой идеологической диверсии империализма. Оно принижает в глазах молодежи ценность наших исторических целей»⁵⁴.

³⁹ См.: А. Чотонов, О национальных традициях народов Средней Азии, Фрунзе, 1964, стр. 170; З. А. Дустьмухамедов, Указ. раб., стр. 22—23.

⁴⁰ Л. Зеленчук, А. Кригануца, Ф. Табунщиков, Указ. раб., стр. 25.

⁴¹ В. Григорьев, Указ. раб., стр. 52.

⁴² С. И. Даниленко, И. Т. Губко, Указ. раб.; Е. М. Кравец, Указ. раб., стр. 173.

⁴³ См., например, Т. М. Михайлов, Об обычаях и традициях бурят в современный период, «Этнографический сборник Бурятского комплексного н.-и. ин-та», вып. 4, 1965, стр. 14; его же, Время, обычаи, традиции, стр. 58; В. А. Черняк, О преодолении религиозных пережитков, Алма-Ата, 1965, стр. 32; А. В. Авксентьев, Ислам и местные верования народов Кавказа, «Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии», «Научные труды Краснодарского Государственного педагогического ин-та», вып. 48, Краснодар, 1965, стр. 161—162.

⁴⁴ Р. Д. Маджидов, Указ. раб., стр. 114.

⁴⁵ А. Алиев, Новая жизнь — новые традиции, Махачкала, 1965, стр. 89.

⁴⁶ Л. А. Демиденко, Семейная обрядность болгар Одесщины, «Народна творчість та етнографія», 1966, № 3, стр. 58—59.

⁴⁷ В. Иванов, Указ. раб., стр. 173.

⁴⁸ Е. Артемко, Без церкви, попа и кадила, Сб. «Народные традиции сегодня», Львов, 1963, стр. 169 (на укр. яз.); Е. М. Кравец, Указ. раб., стр. 182.

⁴⁹ Г. И. Горобец, Указ. раб., стр. 31; С. Ступницкий, Новые обычаи и обряды вытесняют религиозные пережитки, Сб. «Народные традиции сегодня», Львов, 1963, стр. 161 (на укр. яз.), и др.

⁵⁰ «Прекрасное — в быт», Киев, 1965, стр. 21 (на укр. яз.); Д. Прасолов, Новая жизнь — новые обряды, «Советы депутатов трудящихся», 1964, № 10, стр. 61; Т. Д. Гирник, Это нужно живым, «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, и др.

⁵¹ «Новые народные обряды», Краснодар, 1966, стр. 9, 92—95.

⁵² В. А. Руднев, Коммунистическому быту — новые традиции, Л., 1964, стр. 30.

⁵³ П. Останин, Не все вечно под луной, «Наука и религия», 1966, № 4, стр. 15.

⁵⁴ И. В. Суханов, Роль социалистических традиций и обычаев в коммунистическом воспитании, «Вопросы коммунистического воспитания», вып. 1, «Изв. Воронежского государственного педагогического ин-та», т. 50, Воронеж, 1965, стр. 142.

В литературе отмечается также, что трудящиеся настоятельно ставят вопрос о создании нового погребального обряда, который совершенно вытеснил бы религиозный, но что его создание и внедрение идет медленно⁵⁵.

Во многих работах говорится о распространении нового обычая — посадки деревьев в ознаменование торжественных и памятных дат: в честь молодоженов (при бракосочетании)⁵⁶, новорожденных⁵⁷, ухода в армию⁵⁸, умерших⁵⁹ и в других случаях. Иногда избираются и породы деревьев: так, при рождении детей сажают молодые липки⁶⁰, фруктовые деревья⁶¹, тополя⁶² и пр.; в некоторых местах принято при рождении мальчика сажать клен, девочки — липу⁶³.

В честь новобрачных и новорожденных создаются специальные парки, которые получают различные наименования, как, например, «Сад молодых», «Парк молодоженов», «Парк молодого поколения»⁶⁴, «Детство»⁶⁵, «Парк новорожденных»⁶⁶. В ряде случаев деревья в честь новорожденных сажают в сквере при «Доме счастья»⁶⁷, или в «Парке молодоженов» на отведенных для этого аллеях⁶⁸.

Авторы отмечают, что в загсах в торжественных случаях (регистрация браков, рождений) обязательным подарком становятся цветы. При этом в некоторых районах Украины после наречения имени работники загса преподносят родителям ребенка букет цветов с колосьями и дубовой веткой (если родился мальчик) или с колосьями и веткой калины, если новорожденная — девочка⁶⁹.

* * *

Во многих работах содержится не только описание новых праздников и обрядов, но и поднимаются вопросы об их классификации, методах их создания, внедрения и распространения и др.

При классификации новые праздники обычно делят на две большие группы: праздники общественные и праздники семейного и личного характера⁷⁰. Встречаются и более дробные подразделения: а) по праздникам — революционные и военно-патристические, трудовые, обряды и ритуалы коммунистического быта⁷¹; б) по традициям — революционные и военно-патристические традиции, трудовые и бытовые⁷², или: революционные, трудовые и традиции, характеризующие сферы социалистического быта⁷³.

Предпринимаются попытки рассмотреть пути формирования новых праздников и обрядов. Так, выделяются: 1) формирование новых праздников, обрядов, возникших в ходе социалистических преобразований и 2) возрождение и переосмысление старых народных традиций⁷⁴. Однако, судя по опубликованным материалам, наблюдается и сочетание этих двух путей: на базе старых традиций рождаются новые праздники и обряды, в которых в переосмысленном виде используется старая обрядность.

А. И. Залесский и В. М. Иванов говорят о четырех способах формирования новых обрядов у народов СССР: 1) заимствование лучшего из национальных обычаев, обря-

⁵⁵ И. С. Ремезов, Указ. раб., стр. 159; В. Г. Штюка, Указ. раб.

⁵⁶ Н. М. Штигельман, Указ. раб., стр. 133.

⁵⁷ «Прекрасное — в быт» (на укр. языке), стр. 20; Е. Артеменко, Указ. раб., стр. 166; М. Керимов, Указ. раб., стр. 54.

⁵⁸ А. Войтович, Родился новый обычай, «Советы депутатов трудящихся», 1965, № 8, стр. 48.

⁵⁹ Г. Геродник, Дорогами новых традиций.

⁶⁰ В. И. Васенков, Новые праздники и обряды, Тула, 1966, стр. 7.

⁶¹ Я. Белоусов, Время, обычаи, традиции, «Партийная жизнь Казахстана», 1964, № 1, стр. 42.

⁶² Д. М. Косарик, Празднования бракосочетания и рождения ребенка, «Народная творчість та етнографія», 1963, № 2, стр. 151.

⁶³ Э. Лисавцев, Новые советские традиции, стр. 105.

⁶⁴ Д. Прасолов, Указ. раб., стр. 61.

⁶⁵ А. Будов, Е. Раховская, Новые обряды — в быт, «Наука и религия», 1964, № 7, стр. 87.

⁶⁶ Н. И. Здорова, Наименование новорожденных в Дорогобычском дворце брака, «Народна творчість та етнографія», 1963, № 4, стр. 156.

⁶⁷ М. Мухитдинов, Еще раз о новых традициях, «Партийная жизнь Узбекистана», Ташкент, 1965, № 6, стр. 66.

⁶⁸ В. Михайлов, Время, обычаи, традиции, стр. 54.

⁶⁹ Т. Д. Куценко, Быт молодеет, «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, стр. 107.

⁷⁰ И. А. Крывелев, Указ. раб., стр. 17.

⁷¹ Д. И. Сидоров, За новые обряды, обычаи, традиции, стр. 16 и сл.

⁷² В. А. Руднев, Указ. раб.

⁷³ Ф. С. Мирзаханов, Возникновение и развитие социалистических обычаев и традиций, Баку, 1966, стр. 10.

⁷⁴ С. Ступницкий, Указ. раб., стр. 160.

дов и ритуалов прошлого; 2) изменение как по форме, так и по содержанию отдельных обычаев и ритуалов прошлого; 3) возрождение положительных моментов той обрядности, которая была выработана в первые годы Советской власти (звездины, красные свадьбы); 4) создание новых семейных и общественных обычаев, обрядов, ритуалов, которых не было и не могло быть в прошлом и даже в довоенные годы⁷⁵.

В ряде работ показывается принципиальное отличие новых праздников от религиозных (по содержанию, идеологической значимости и направленности). С. А. Токарев обращает внимание еще на одну важную сторону этих отличий. Он пишет: «В то время как религиозные обряды и праздники разъединяют людей, нерелигиозные (или переставшие быть религиозными) никогда не разъединяют людей. Участие в народном празднике доступно и открыто всем. И если даже праздник, обряд, танец и сохраняет свой чисто национальный характер, и люди другой национальности в нем не участвуют — все равно присутствовать на нем могут все»⁷⁶.

При анализе новых праздников отмечается международный характер революционных праздников, общих для трудящихся всех стран (праздники 1 Мая, 7 Ноября, 8 Марта и др.)⁷⁷. Говорится также о том, что внутри страны состав новых революционных праздников, как и новых традиций, обычаев и семейных праздников, их проведение носят интернациональный характер⁷⁸, в новых традициях и обычаях находят проявление ростки общенародной культуры⁷⁹, прослеживается тенденция укрепления единства личности и общества⁸⁰. В то же время авторы подчеркивают, что новые праздники и обычаи еще не сложились окончательно⁸¹, еще нуждаются в дальнейшей разработке и оформлении⁸². Отмечается неустойчивость новых праздников и безрелигиозных обрядов, которые нередко забываются, угасают⁸³. Часто праздники общественного характера проходят в форме собраний⁸⁴ или же как зрелищное мероприятие. Так, масленица в Сибири, как сообщает М. Н. Мельников, не стала массовым обрядом: «Она не более как зрелищное мероприятие, широко использующее народные традиции и символику»⁸⁵. Судя по имеющимся описаниям, сказанное можно распространить и на более обширный регион.

В. А. Черняк считает, что работа по созданию новых обрядов, превращению их в новые устойчивые традиции еще не вышла за рамки эксперимента⁸⁶.

Э. И. Лисавцев приходит к выводу, что к новым ритуалам, обычаям и праздникам надо подходить не как к чему-то законченному, завершенному, а лишь как к становящемуся⁸⁷.

В какой-то степени это подтверждается и тем, что не утвердились еще названия и приуроченность новых праздников и обрядности. Так, торжественная регистрация новорожденных, называется по-разному, в том числе: «красные крестины»⁸⁸, «гражданское крещение»⁸⁹, «зорины», «звездины» и т. д. Последнее название некоторыми авторами расценивается как удачное, так как оно созвучно нашему времени, времени покорения звезд⁹⁰.

⁷⁵ А. И. Залесский, В. М. Иванов, Роль и значение новых семейных обычаев и обрядов в коммунистическом воспитании трудящихся, «Народна творчисть та етнографія», 1963, № 3, стр. 4, 5.

⁷⁶ С. Токарев, Указ. раб., стр. 58.

⁷⁷ Ю. Гошко, М. Ковальский, Революционные праздники, Сб. «Народные традиции сегодня», Львов, 1963, стр. 11 (на укр. яз.).

⁷⁸ Н. С. Сарсенбаев, Указ. раб., стр. 276, 278; Э. И. Матханова, Бытовые традиции в современных условиях, Улан-Удэ, стр. 45; Р. М. Магомедов, Новое время и старые обычаи. Из записных книжек историка, Махачкала, 1966, стр. 72.

⁷⁹ В. Зеленчук, Л. Кригануца, Ф. Табунщик, Указ. раб. стр. 26.

⁸⁰ Э. И. Матханова, Указ. раб., стр. 46.

⁸¹ С. Ступницкий, Новые обычаи и обряды вытесняют религиозные пережитки, стр. 160.

⁸² «Новые обряды — в быт», «Культурно-просветительная работа», 1964, № 7, стр. 1; Т. Г. Джасохов, Развивать хорошие обычаи и традиции, Орджоникидзе, 1964, стр. 37.

⁸³ Д. Сидоров, Жизнь подсказывает, «Партийная жизнь», 1964, № 6, стр. 49.

⁸⁴ Т. М. Михайлов, Об обычаях и традициях бурят в современный период, стр. 11.

⁸⁵ М. Н. Мельников, К вопросу о современных праздничных и свадебных обрядах (по материалам Новосибирской области), стр. 130.

⁸⁶ В. А. Черняк, Указ. раб., стр. 153.

⁸⁷ Э. Лисавцев, Новые современные традиции, стр. 163.

⁸⁸ «Колхозное село шагает в коммунизм», Ставрополь, 1964, стр. 118.

⁸⁹ «Новые народные обряды», Краснодар, 1966, стр. 7.

⁹⁰ И. Ильин, Начало пути, «Клуб и художественная самодеятельность», 1964, № 21, стр. 3.

Другие авторы предлагают возродить название «октябрины»⁹¹. В то же время высказывается недовольство по поводу названий отдельных праздников, например «праздника русской зимы»⁹². М. Мельников отмечает, что ни одно название праздника, приуроченного к масленице, — «проводы зимы», «встреча зимы с весной», «праздник русской зимы» в Сибири не прижилось и не вошло в разговорную речь⁹³.

Как видно из публикаций, на практике название «русская зима» часто заменяется другими, например, «украинская» (по национальности тех, кто отмечает праздник) или «прикарпатская» «сибирская», «забайкальская» зима (по местности)⁹⁴.

В работах имеются сведения о трансформации в новых колхозных праздниках старинных трудовых обрядов⁹⁵, обращается внимание на необходимость использования в новых праздниках и ритуалах народных традиций⁹⁶.

Следует отметить, что отдельные авторы пишут о новых праздниках так, будто они уже получили всеобщее распространение, приравнивают проведенный в том или ином районе праздник к установившейся традиции.

Большой пестротой отличаются определения самих понятий «обряд», «обычай», «традиция». Так, имеются десятки определений «обычая» и «традиции», что отнюдь не делает вопрос более ясным. Вот некоторые примеры. К. Даукшас считает, что «когда привычка отдельных людей становится общим явлением в целом крае или во всей нации, то мы говорим, что существует обычай. Если обычай имеет тесную связь с идеологией или с классовой борьбой, то его называют традицией. А если обычай несет религиозную окраску, их называют обрядами»⁹⁷.

М. Б. Садыков пишет, что традиции, «рассматриваемые в наиболее общем виде, представляют собой исторически обусловленные явления общественной жизни, выступающие в виде прочно сложившихся и переходящих от одних поколений к другим обычаев, норм и правил поведения людей, а также их привычных представлений, взглядов, убеждений и творческих направлений, проявляющихся в формах общественного сознания»⁹⁸.

Некоторые авторы считают, что традиции — это исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи⁹⁹.

Н. С. Сарсенбаев приходит к выводу, что «Народные традиции являются важнейшим элементом духовных, культурных и нравственных ценностей общества. Народные обычаи и традиции как результат многовекового народного опыта являются формами познания человеком своих собственных общественных отношений»¹⁰⁰.

Уже по приведенным цитатам можно судить о существующих различиях в подходе к определению этих явлений. Это свидетельствует также и о том, что вопрос мало изучен и требует дальнейшей разработки.

В некоторых случаях не отличается большой четкостью и аргументация. Так Г. Наджимов пишет, что праздник «„лиго“ (у латышей) имеет языческое происхождение (разрядка наша. — Л. С.), и поэтому его поддержка несовместима с духовными запросами нового человека»¹⁰¹. Никаких других доводов на этот счет не приводится. В данном случае нас интересует система доказательств, а не авторская оценка праздника, хотя она и не совпадает с общепринятой в настоящее время¹⁰². Следует, однако

⁹¹ А. И. Залесский, В. М. Иванов, Роль и значение новых семейных обычаев и обрядов в коммунистическом воспитании трудящихся, стр. 9.

⁹² Д. Балашов, Традиционное и современное, «Наука и религия», 1965, № 12; А. Симук, Поэзия народной жизни, «Клуб и художественная самодеятельность», 1964, № 21, стр. 2.

⁹³ М. Н. Мельников, Поэзия народных обычаев, стр. 166.

⁹⁴ «Нужны праздники и гимны новые», «Наука и религия», 1964, № 8, стр. 87.

⁹⁵ Р. М. Магомедов, Указ. раб., стр. 43—52.

⁹⁶ См., напр., М. Р. Рахимов, Об использовании народных традиций в новых праздничных ритуалах, «Вопросы научного атеизма», Душанбе, 1966, стр. 80—89; В. Зеленчук, Л. Кригануца, Ф. Табунщик, Указ. раб., стр. 26, и др.

⁹⁷ К. Даукшас, Обычаи. Как с ними быть? «Молодая гвардия», 1966, № 3, стр. 310.

⁹⁸ М. Б. Садыков, Строительство коммунизма и некоторые проблемы национальных традиций, Казань, 1963, стр. 6.

⁹⁹ «Братское сотрудничество народов Северного Кавказа в строительстве коммунизма», «Научные труды Краснодарского государственного педагогического института», вып. 68, Краснодар, стр. 128.

¹⁰⁰ Н. С. Сарсенбаев, Указ. раб., стр. 318.

¹⁰¹ Г. Наджимов, Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям, Ташкент, 1965, стр. 30.

¹⁰² См., напр.: Л. Копелев, Д. Калнынь, Лиго — значит радость, «Дружба народов», 1966, № 7, стр. 251—253.

заметить, что «языческое», пользуясь терминологией автора, происхождение имеют многие из тех праздников, которые уже вошли или входят в быт советских людей как безрелигиозные, в том числе праздники елки, березки и др. Вряд ли только одно происхождение праздника может служить достаточным основанием для столь решительного вывода. Думается, что должны применяться и другие критерии, в том числе и такие, как осмысление того или иного праздника в настоящее время и его использование в современный период служителями культа.

Как видно из публикаций, в связи с возросшими потребностями людей в новых праздниках и обрядах остро стоит вопрос о создании таких новых праздников и обрядов, которые глубоко отражали бы современную жизнь народа и могли бы полностью вытеснить отживающие религиозные обряды¹⁰³. Необходимо также, чтобы каждый праздник и обряд имел свой специфический характер, свое лицо, символику и атрибуты¹⁰⁴.

Высказываются различные точки зрения и о путях создания новых праздников и новой обрядности. Отмечается, что декретировать новые праздники, как и нарочно «создать» новые обряды нельзя, что праздники и обряды должны покоиться на традиционной основе, но форма и значение их будут иными¹⁰⁵. Новому обычаю надо помочь утвердиться. Такой помощью должна быть, как справедливо полагают этнографы, популяризация всего прогрессивного из того, что уже существует на местах¹⁰⁶.

Отмечается также, что при разработке новых праздников и обрядов следует опираться на лучшие народные традиции¹⁰⁷, что неуместна торопливость в достижении единообразия сельских трудовых праздников¹⁰⁸. Обряд, пишет Г. Геродник, не должен быть надуманным, создаваться на пустом месте; надо почувствовать назревшую потребность в нем народа¹⁰⁹.

Обсуждается и вопрос о том, должны ли быть новые праздники и обряды общими для всей страны или же как можно более разнообразными, местными. Некоторые авторы считают, что унификация обрядов во всесоюзном масштабе нежелательна, так как старые и новые праздники имеют у каждого народа свою специфику. Другие же, наоборот, утверждают, что унификация новых обрядов повысит их роль и значение: общая основа обрядности послужит для участников (и зрителей) свидетельством того, что новый церемониал имеет определенную силу¹¹⁰.

Как видно из приведенного обзора, уже существует некоторая литература по новым обрядам и праздникам. В ней в основном фиксируются новые явления в этой области, в ряде работ предприняты попытки углубленного изучения этих явлений; в них затрагиваются вопросы классификации, причинных связей, изменчивости и стабильности различных форм новой обрядности и др. Однако следует отметить, что как первый (описательный), так и особенно второй (исследовательский) аспекты в публикациях представлены еще недостаточно. Слаба и теоретическая разработка проблемы, хотя в этом ощущается острая необходимость и первые шаги уже сделаны.

Актуальность темы позволяет надеяться, что она получит дальнейшее развитие в изданиях различного профиля, что появятся и теоретические работы, основанные на анализе обширного фактического материала.

Л. М. Сабурова

¹⁰³ З. Я. Янкова, Современное православие и антиобщественная сущность его идеологии, «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1963, стр. 83; Я. Белоусов, Указ. раб., стр. 45.

¹⁰⁴ В. А. Руднев, Указ. раб., стр. 5.

¹⁰⁵ Наиболее ярко эта мысль выражена в статье Д. Балашова «Традиционное и современное», стр. 29. Отклики на эту статью см.: «Наука и религия», 1966, № 4; стр. 12—15; № 5, стр. 57—60; № 6, стр. 51—52; № 7, стр. 30—34; № 10, стр. 55—56. Обсуждение вопроса о новых традициях также см.: Р. Магомедов, Достояние всех, «Советский Дагестан», 1965, № 1; Н. Курбанов, Труд и быт неотделимы, «Советский Дагестан», 1966, № 4; Г. Сергеева, Использовать опыт народа, Там же; М. Аксельродов, Я против односторонности, Там же.

¹⁰⁶ О. Ф. Кувенева, Указ. раб., стр. 8.

¹⁰⁷ А. Симуков, Указ. раб., стр. 2.

¹⁰⁸ Э. И. Лисавцев, Новые советские традиции, стр. 88.

¹⁰⁹ Г. Геродник, Так в добрый час, стр. 34.

¹¹⁰ А. Чертков, Больше теплоты, Сб. «Торжественно, красиво памятно», М., 1966, стр. 85.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

НОВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ИЗДАНИЯ
«ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА» Л. Г. МОРГАНА

Ancient Society by Lewis Henry Morgan. Edited with an introduction and annotation by Eleanor Burke Leacock, Meridian Books, Cleveland and New York, 1963; Ancient Society by Lewis H. Morgan. Edited by Leslie A. White. The John Harvard Library, Cambridge, Massachusetts, 1964.

Девяностый год со дня выхода в свет первого издания «Древнего общества» Л. Г. Моргана застаёт на родине великого ученого иное отношение к его главному труду, чем то, которое почти безраздельно господствовало в течение почти всей первой половины XX в. Об этом в достаточной степени убедительно свидетельствует хотя бы факт появления после длительного перерыва двух новых изданий «Древнего общества». Первым — в сентябре 1963 г. — вышло предназначенное для широкого распространения издание, подготовленное известной американской прогрессивной исследовательницей Элеонорой Ликок. Вслед за этим в 1964 г. труд Л. Г. Моргана был издан Гарвардским университетом в серии «Библиотека Джона Гарварда». Издание было осуществлено под руководством профессора Мичиганского университета Лесли Уайта, хорошо известного советским ученым крупнейшего американского прогрессивного этнографа и безусловно лучшего знатока жизни и деятельности Л. Г. Моргана. Л. Уайт является не только автором большого числа работ о жизни и творчестве Л. Г. Моргана, но также издателем и редактором дневников его путешествий по Северной Америке и Европе, представляющих безусловно огромную ценность для всех, кто интересуется социально-политическими, философскими и научными взглядами классика американской и мировой этнографии¹.

Симптоматичность появления новых изданий труда Л. Г. Моргана отмечена и Э. Ликок и Л. Уайтом. «Появление в популярном издании „Древнего общества“, в котором Льюис Генри Морган выдвинул свою смелую и всеохватывающую теорию основных этапов развития человечества, — пишет Э. Ликок в вводном разделе к первой части книги Л. Г. Моргана, — есть событие гораздо большего значения для ученых в США, чем это может на первый взгляд показаться. Встреченная широким одобрением при своем появлении около девяносто лет тому назад, книга в дальнейшем была осуждена как укладывающаяся в смиренную рубашку жесткой схемы тысячи развивавшихся человеческих культур, как сверхупрощающая всю сложность социальной жизни. Не желавшие отставать от прагматической моды, господствовавшей в социальных науках в начале XX в., задавленные непрерывно возрастающими горами материала о многообразии путей человеческого развития, американские этнографы почувствовали необходимость противопоставить характерному для XIX в. теоретизированию осторожный, эмпирический подход к социальной жизни. Сейчас, спустя более полвека, широко распространенное недовольство абстрактными теоретическими системами сменилось в свою очередь растущим разочарованием наукой, ограничивающейся изолированным изучением бесконечного числа отдельных явлений. Человечество достигло стадии развития, когда оно получило власть уничтожить себя. И сознание, что оно больше не может позволить себе роскошь делать серьезные ошибки, сделало еще более безотлагательным стремление выявить фундаментальные законы, лежащие в основе многообразия социальных явлений... Вновь пробудившийся среди американских этнографов интерес к моргановской попытке синтезировать в рамках одной теории огромное многообразие существующих человеческих культур и набросать образ будущего — есть часть общего интереса к теории истории, которая может сделать человека способным к более рациональному контролю над своей социальной жизнью» (стр. I₁—I₁₁).

Наметившийся среди части американских этнографов поворот к Моргану тем более показателен, что его книга вследствие использования ее Ф. Энгельсом была, по словам Э. Ликок, в целом отвергаема в капиталистическом мире, ибо слишком благоприятное мнение о ней или даже более или менее серьезная оценка могли навлечь грубое обвинение в «нелояльности» (стр. Ixv). На тот факт, что начавшийся с конца XIX в. крестовый поход против Моргана и нового учения о первобытности во многом

¹ Extracts from the European Travel Journal of Lewis H. Morgan edited by L. A. White, Rochester Historical Society Publications, vol. XVI, Rochester, New York, 1937; L. H. Morgan. The Indians Journals, 1859—1862, edited by L. A. White, Ann Arbor, 1959, и др.

был связан с причинами не столько научного, сколько политического характера, укazyвали многие исследователи его жизни и творчества, в том числе Л. Уайт. В своей статье «Льюис Генри Морган» он особо отмечал, что моргановский труд атаковали все, кто был против социалистических принципов и программ². Прекрасным подтверждением этой мысли служит приведенное в принадлежащем его перу предисловии к новому изданию «Древнего общества» высказывание реакционного исследователя Альберта Мунча, хвалившего В. Копперса за «блестящее опровержение столпов материалистического социализма». «Маркс, Каутский и Бебель,— указывал А. Мунч,— не знали лучшего источника для своих диких теорий относительно „эволюции“ семьи от „стадии промискуитета“, чем моргановские натянутые и бездоказательные „линии человеческого прогресса“... „Древнее общество“ стало библией немецкого материалистического социализма... „Древнее общество“ безнадежно устарело... Нет никакого смысла обращать какое бы то ни было внимание на выдумки Морган» (стр. XLI). Объявляли книгу Л. Г. Моргана «безнадежно устаревшей» и другие буржуазные этнографы, в частности Р. Лоуи, не стеснявшийся характеризовать в своих работах идеи и теоретические построения Моргана как «очевидный вздор», «абсурд высшей степени» и т. п. (см. стр. XL — XLI).

Но, отмечает Л. Уайт, эпоха, когда Л. Моргана можно было столь огульно оханывать, теперь уже позади. Для настоящего времени характерно «возрождение интереса к книге Моргана и новая высокая оценка его достижений. Рочестерский университет недавно торжественно открыл серию моргановских лекций. Наконец-то великий пионер этнографической науки, социальных философ и пророк восстанавливается на своем законном месте в истории человеческой мысли, а его конструктивные достижения снова включаются в главный поток этнографических исследований» (стр. XLI—XLII).

Обращаясь к тексту новых изданий «Древнего общества», следует отметить, что первое из них воспроизводит без каких-либо изменений, кроме исправления явных опечаток, текст издания 1878 г., в котором самим Л. Морганом были устранены многие ошибки, вкравшиеся в первое, увидевшие свет в 1877 г. От издания 1878 г. вышедшее под редакцией Э. Ликок отличается двумя моментами: во-первых, в нем сняты следовавшие после названия каждой главы краткие резюме их содержания, во-вторых, опущены все приведенные Л. Морганом в сносках цитаты на греческом и латинском языках, оставлены лишь ссылки на источники. Последнее вряд ли можно считать оправданным, особенно в тех случаях, когда основной текст не содержит ни английского перевода цитаты, ни даже ее пересказа, а лишь то или иное положение, подтверждаемое данной цитатой.

Так же, как и Э. Ликок, Л. Уайт, готовя книгу Л. Моргана к печати, основывался на издании 1878 г. Но в процессе подготовки нового издания он проделал кропотливую работу, значение которой трудно переоценить. По существу им подготовлено первое научное издание «Древнего общества». Издатель не ограничился тем, что скрупулезнейшим образом выверил весь текст работы Л. Моргана, устранив ошибки, имевшиеся в издании 1878 г. Им был тщательно изучен хранящийся в архиве библиотеки Рочестерского университета экземпляр «Древнего общества» (1878 г.), принадлежавший лично Л. Моргану и содержащий сделанные его рукой исправления. Все эти изменения были учтены Л. Уайтом в новом издании и оговорены в подстрочных примечаниях.

Поистине гигантская работа была проделана Л. Уайтом над библиографическим аппаратом книги. Последний во всех изданиях «Древнего общества», начиная с первого, оставлял ожидать много лучшего. Ссылки на использованную литературу носили у Л. Моргана весьма несовершенный характер. В них не только, как правило, полностью отсутствует указание на место и год издания используемой работы, но даже названия их приведены в сокращенном виде, неточно или даже неверно. Например, труд Антонио де Гереро «Общая история континента и островов Америки» фигурирует как «Общая история Америки», причем даже без указания автора; труд I арсидадо де ла Вега «Королевские комментарии Перу» — как «Королевские комментарии» без указания автора; работа Джонатана Карвера «Три года странствий через внутренние части Северной Америки» — как «Странствия в Северной Америке» и тоже без указания автора; работа С. О. Мюллера «История и древности дорийской расы» — как «Дорийцы» Мюллера и т. п. В некоторых случаях ссылки Л. Моргана на те или иные труды носят такой характер, что подчас трудно даже установить, какую именно книгу он имел в виду.

Л. Уайт привел все библиографические ссылки, за исключением одной, оставшейся нерасшифрованной (стр. 452), в полный порядок. В его издании везде указаны инициалы или имя автора, фамилия, точное название труда, выходные данные. Издателем была предпринята также тщательная сверка всех приведенных Л. Г. Моргана

² L. A. White, Lewis Henry Morgan, In: «Union Worthies. Number one. Lewis Henry Morgan class of 1840», Union College, Schenectady, New York, p. 8.

ном цитат, в ходе которой было исправлено немало ошибок, переходивших до этого из одного издания в другое. При подготовке рассматриваемого издания выверены были все ссылки на страницы использованных трудов и устранены выявленные неточности. Что же касается приведенных Л. Морганом в подстрочных сносках цитат на греческом и латинском языках, то в тех случаях, когда в тексте содержался их английский перевод, они были сняты вообще, сохранены лишь ссылки на источники, а в остальных они были заменены их английскими эквивалентами.

На наш взгляд, в научном издании «Древнего общества», каким по существу является подготовленное Л. Уайтом, такое решение вопроса вряд ли оправдано. Наилучшим выходом из положения нам представляется тот, который был найден редактором советского издания «Древнего общества» (Л., 1934) М. О. Косвеню. В этом издании греческие и латинские цитаты приведены в подстрочных сносках, как и в изданиях 1877 и 1878 гг., на языке оригинала и сверх того снабжены заключенным в скобки их русским переводом, за исключением тех случаев, когда перевод цитаты содержится в основном тексте.

Подготавливая издание «Древнего общества», Л. Уайт снабдил его значительным числом подстрочных примечаний, содержащих различного рода пояснения, ссылки на другие работы Л. Моргана и дневники его путешествий, справки о лицах, упоминаемых в книге, особенно ценные, когда речь идет не о более или менее известных ученых, а о рядовых информаторах Моргана, и другие в целом несомненно полезные сведения. Все эти примечания с целью отличия их от авторских заключены в скобки. На наш взгляд, лучшим решением вопроса было вынесение их в конец книги с тем, чтобы в самом ее тексте остались лишь сделанные Л. Морганом.

Разумеется, что все указанные выше частные замечания ни в малейшей степени не меняют нашей общей, в целом очень высокой оценки той огромной работы, которая была проделана Л. Уайтом в процессе подготовки данного издания «Древнего общества». По нашему мнению, в настоящее время ни одно издание классического труда Л. Моргана не может считаться полноценным, если оно будет выпущено в свет без учета рецензируемого. Наряду с изданием 1878 г. последнее должно лечь в основу нового советского издания «Древнего общества», необходимость в котором в настоящее время назрела, ибо вышедшее в 1934 г. давно уже стало библиографической редкостью.

И Лесли Уайт и Элеонора Ликок снабдили свои издания «Древнего общества» предисловиями, причем если первый ограничился одним общим, то последняя написала вводные разделы к каждой из четырех частей книги Л. Моргана. Вводный раздел к первой части является у Э. Ликок одновременно и предисловием ко всей работе в целом. В предисловии Л. Уайта и вводных разделах Э. Ликок рассматриваются разнообразные проблемы, в частности вопрос о социально-политических взглядах Л. Моргана, его мировоззрения, вопрос об историческом значении его труда. Немало внимания уделяют Л. Уайт и Э. Ликок выявлению того, что именно из положений Л. Моргана сохранило значение для нашего времени, а что опровергнуто развитием науки. С рядом выводов, содержащихся в предисловии Л. Уайта и вводных разделах Э. Ликок, можно согласиться, однако имеются и такие, которые вызывают желание поспорить с авторами.

Так, и Л. Уайт и Э. Ликок считают, что идея Л. Моргана о развитии семейно-брачных отношений от промискуитета через групповой брак к парному и моногамному не выдержала испытаний временем и должна быть отброшена. Л. Уайт прямо заявляет, что первой формой брака была моногамия (стр. XXV). Несколько осторожнее подходит к этому вопросу Э. Ликок. Полагая, что первой формой брачных отношений было «свободное сожитие со спорадической полигамией» (loose pairing with occasional polygamy), она в то же время оговаривает свое несогласие с господствующей в буржуазной этнографии точкой зрения, заключающейся в том, что моногамная семья универсальна как фундаментальная ячейка общества, что не существует никаких различных форм семьи в истории человечества (стр. IIIv). «К сожалению,— пишет она,— использование термина „моногамия“ для брачной пары затеняет тот факт, что отношение ее к остальному обществу может быть совершенно различным в разных типах общества. Среди охотничьих народов брачная пара с детьми ни в коем смысле не является фундаментальной ячейкой, какой она становится в современном классическом обществе» (стр. IIIv). «В охотничьем обществе,— подчеркивает Э. Ликок в другом месте,— ячейковая семья, хотя и является по виду единой, однако функционально она поглощена коллективом в такой степени, что это совершенно не имеет параллелей в западной культуре» (стр. IIv).

Таким образом, Э. Ликок принимает две последние стадии моргановской схемы развития семейно-брачных отношений: парную и моногамную семью. Однако она, так же как и Л. Уайт, отвергает и промискуитет и групповой брак.

Главный и основной довод — тот же самый, что вообще у всех противников моргановской схемы: исследователями не обнаружен ни один народ, у которого существовал бы не то чтобы промискуитет, но даже и групповой брак, везде и всюду, даже у самых отставших в своем развитии племен, мы находим индивидуальный брак и

основанную на нем семью. Действительно, науке не известен ни один народ, у которого существовал бы промискуитет или групповой брак. Однако этот факт не дает оснований для утверждения, что промискуитет и группового брака никогда не существовало. В распоряжении науки имеется бесчисленное множество данных, которые, на наш взгляд, невозможно объяснить иначе, как допустив существование в прошлом промискуитета и группового брака.

Отвергать промискуитет и групповой брак только на том основании, что их нельзя наблюдать воочию, непосредственно, а можно только реконструировать, значит не доверять теоретическому мышлению, быть в плену того самого узко-эмпирического подхода к действительности, который безраздельно господствовал последние полвека в буржуазной этнографии и был подвергнут совершенно справедливой критике Э. Ликом во вступительном разделе к первой части книги Л. Моргана. На наш взгляд, наметившееся в американской этнографии возрождение интереса к теории, выразившееся, в частности, в изменении отношения к Моргану, неизбежно рано или поздно приведет наиболее прогрессивных исследователей к пересмотру их отношения к моргановской концепции эволюции брака и семьи.

Речь, разумеется, идет не о принятии моргановской схемы развития семейно-брачных отношений в том ее виде, как она изложена в «Древнем обществе». Это и невозможно и не нужно. Вряд ли могут быть в настоящее время сомнения в том, что положения Л. Моргана о кровнородственной семье и семье пуналуа как стадиях развития противоречат данным науки и должны быть отброшены. Но если конкретная схема эволюции семейно-брачных отношений, предложенная Л. Морганом, несомненно, нуждается в существенном пересмотре, то лежащая в ее основе идея о развитии их от промискуитета через групповой брак к парному и моногамному находит все большее подтверждение в материале этнографии.

В этой связи следует остановиться на высказывании Л. Уайта о «твердолобых» марксистах, для которых «любая критика Моргана есть измена марксизму» (стр. XXV). Действительно, среди советских ученых были и такие, которые настаивали на необходимости безоговорочного принятия всех положений Моргана. Однако не они определяли лицо советской этнографической науки. В целом советские исследователи всегда творчески подходили к учению Моргана вообще, его схеме эволюции брака и семьи в частности, никогда не рассматривали его как догму. Достаточно сослаться хотя бы на труды С. П. Толстова, А. М. Золотарева, С. А. Токарева³. Тем более ошибочным было бы говорить о господстве догматического отношения к учению Моргана в советской науке в настоящее время. И если большинство советских этнографов принимает в настоящее время мысль Моргана о промискуитете и групповом браке как стадиях, предшествующих индивидуальному браку, то это только потому, что она находит подтверждение в этнографическом материале.

Л. Уайт, по нашему мнению, вообще не совсем точно представляет себе отношение между учением Моргана и марксизмом. Он считает, что «моргановская теория социальной эволюции» была просто принята марксизмом. Более правильный подход к этому вопросу мы находим у Э. Лика, которая показала, что уже Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» не просто принял положения Л. Моргана, но, рассматривая, например, проблему перехода от родового общества к классовому, пошел значительно дальше последнего (стр. Пхш).

Советские ученые высоко оценивают огромный вклад Л. Г. Моргана в науку о первобытности. Но эта оценка не только не исключает, но, наоборот, предполагает критическое отношение к научному наследию Моргана, предполагает дальнейшее развитие общей теории первобытности на основе обобщения накапливаемого наукой фактического материала.

Ю. И. Семенов

³ С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9, 10; его же, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Советская этнография», 1946, № 1; А. М. Золотарев, К истории ранних форм группового брака, «Ученые записки Московского областного института», т. 2, 1940; его же, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современная наука, «Историк-марксист», 1940, № 12; С. А. Токарев, Энгельс и современная этнография, «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. 3, № 1, 1946, и др.

НАРОДЫ СССР

Э. А. Масанов. *Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР.* Алма-Ата, 1966, 320 стр.

Рецензируемая монография, посвященная важной историографической проблеме — истории этнографического изучения казахского народа в СССР — является последней работой молодого ученого Э. А. Масанова, трагически погибшего в 1965 г.

Разработкой этой проблемы автор занимался много лет¹. Им проделана огромная работа по изучению и обобщению архивных и малоизвестных опубликованных материалов исторического, географического, этнографического и экономического характера. Впервые введены в научный оборот документы, выявленные в Центральном Государственном архиве Казахской ССР, архивах Омской и Оренбургской областей. Автор использовал различные статистические обзоры, мемуары, рукописные материалы, значительная часть которых также впервые вводится в научный оборот.

В монографии Э. А. Масанов сумел проследить сложный процесс накопления и развития этнографических знаний о казахском народе за период с XV в. и до наших дней, показать историю изучения различных проблем казахской этнографии. Каждый из трех разделов книги посвящен определенному историческому этапу. Всю историю этнографического изучения казахского народа в нашей стране автор делит на три периода: от появления в русской литературе первых этнографических сведений о казахском народе и его предках до середины XIX в.; от середины XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции и с 1917 г. до наших дней. Такая периодизация, на наш взгляд, не вызывает возражений, так как учитывает развитие этнографической науки при феодализме, капитализме и социализме.

Приведенные Э. А. Масановым материалы свидетельствуют о богатстве этнографической литературы о казахах на русском языке, о большой научной ценности содержащихся в ней сведений. Во введении, давая историографический обзор источников, Э. А. Масанов прослеживает, как постепенно совершенствовались методы этнографических исследований, рассказывает о борьбе различных направлений в области этнографического изучения казахского народа. Как справедливо отмечает автор, именно «русская этнография доказала, что казахи являются самостоятельной народностью, имеющей самобытную культуру и историю, этническую территорию и свой язык» (стр. 12). Именно русские ученые выявили и обобщили весьма ценные и оригинальные материалы по исторической этнографии казахов.

Первый раздел монографии посвящен этнографическому изучению казахского народа в эпоху феодализма. Э. А. Масанов сообщает, что первые сведения о казахах, их обычаях, нравах и верованиях появились в Русском государстве еще в XV—XVI вв. Такой вывод делается им на основании сохранившейся описи царского архива 1575—1584 гг., в которой указывается, что в 38-м ящике хранились «книги и списки казатские при Касиме-царе...» (стр. 18). Автор высказывает предположение, что в этом ящике хранились протоколы опроса русских купцов и путешественников, а также донесения специальных агентов, послов и служилых людей, ездивших в Казахстан. Известны, например, донесения «служилого человека» Даниила Губина, австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, Павла Иовия Новокамского, русских послов Семена Мальцева, Третьяка Чебукова, Бориса Доможирова, Вельямина Степанова, ногайского князя Юсуфа, англичанина Антония Дженкинсона и других официальных лиц, в той или иной степени имевших касательство к Казахской степи. Их сведения послужили весьма важным основанием для составления около 1599 г. одного из первых чертежей Средней Азии и Казахской степи.

В книге дается обстоятельная характеристика рукописи «Джами ат-таварих» на казачко-чагатайском языке, автором которой является казах Кадыргали Хошум Жалаур. Эта рукопись содержит ценные историко-этнографические сведения о казахах и Казахской степи, однако до настоящего времени она оставалась малоизвестной и за последние сто лет почти не использовалась при исследовании истории и этнографии казахов.

В XVII и начале XVIII в., как справедливо отмечает Э. А. Масанов, накопление историко-этнографических материалов о казахском народе заметно усилилось. К этому

¹ См.: Э. А. Масанов, Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 года, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. VI, Алма-Ата, 1959; его же, Ибрай Алтынсарин как этнограф казахского народа, там же, т. 16, 1962; его же, Новые сведения о В. Н. Плотникове, «Сов. этнография», 1965, № 2; его же, Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова, «Вестник АН КазССР», 1964, № 9; его же, Некоторые новые материалы о Ч. Ч. Валиханове, «Известия АН КазССР», серия общественных наук, 1964, вып. 1.

времени, как известно, оживляются русско-казахские дипломатические и торговые связи, увеличивается поток дипломатических и торговых миссий. Через территорию Казахстана проходят русские торговые караваны в Среднюю Азию и другие восточные государства, а в Россию направляются среднеазиатские купцы. Снабжая своих посланцев в Казахскую степь, Среднюю Азию и другие восточные государства инструкциями, русское правительство предлагало им собирать сведения о климате, городах, жителях, занятиях местного населения. Появлялись материалы о посольствах, миссиях и экспедициях, возглавляемых М. Н. Тихановым, А. Бухаровым, И. Хохловым, Ф. Байковым, И. Перфильевым, С. Аблиным, Борисом и Семеновом Пазухиными, Н. Г. Сфапериом-Милеским, В. Кобяковым, Ф. Скибиным и М. Трошиным, Б. Брянецким, А. Бековичем-Черкасским, Н. Д. Бухгольцем и др. Именно на материалах этих экспедиций были составлены первые достоверные карты Казахстана.

Автор на весьма убедительных и интересных примерах показал, что через различные каналы, в частности дипломатические, усилился поток сведений о жизни в Казахской степи, связях между жузами, о внешнеполитической деятельности правящей казахской верхушки, настроении населения, взаимоотношениях между различными слоями казахского общества, о военной организации казахов и ее боевых качествах.

Большая роль в разработке проблем казахской этнографии, отмечает он, принадлежит И. К. Кириллову, В. Н. Татищеву, Г. Ф. Миллеру, П. И. Рычкову, Д. В. Гладышеву, И. Муравину, М. Тевкелеву, М. Арапову, Я. Гулямову, И. Уракову, которые в своих сообщениях, донесениях и исследованиях дали много интересного о Казахской степи и ее народе.

Э. Я. Масанов специально останавливается на Второй академической экспедиции (1768 г.), собравшей «новый обильный материал о природе, хозяйстве и населении России» и явившейся «самым крупным событием в истории этнографического изучения казахского народа в России во второй половине XVIII в.» (стр. 68). Он характеризует деятельность входящих в состав экспедиции видных ученых — С. Палласа, И. Г. Георги, И. П. Фалька, Н. П. Рычкова, труды которых содержат ценные сведения по этнографии казахов.

Заслуживает внимания введение Э. Масановым в научный оборот сведений о поездке в Казахскую степь русских людей в последней трети XVIII в. В частности, интересные данные о казахах сообщил И. Г. Андреев в своем «Описании Средней орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилегающих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями»; его сочинение является первым специальным трудом по этнографии казахского народа.

Э. А. Масанов характеризует этнографические работы о Казахстане конца XVIII — начала XIX в., в том числе исследования А. С. Безносикова, Т. С. Бурнашева, Бланкеннагеля, Д. Телятникова, М. Поспелова, Я. Гавердовского и других. Он приводит высказывания декабристов и Пушкина о казахах.

С большим интересом читаются страницы, касающиеся накопления, систематизации и исследования новых материалов о казахском народе в XIX в. (конец I—II раздел). К этому времени, как известно, произошло окончательное присоединение Казахстана к России. Царизм стал использовать выгодное стратегическое положение этой огромной страны для укрепления своих позиций в Средней Азии. Кроме того, царизм стремился превратить Казахстан в рынок сбыта для русского хлеба, промышленных товаров и подчинить его богатейшие природные ресурсы интересам развивавшейся капиталистической промышленности. А для этого необходимо было иметь точные сведения о Казахской степи. Данные, полученные в XVIII в., были недостаточны. Не были произведены полные топографические исследования, отсутствовали достоверные крупномасштабные карты.

Для того чтобы восполнить этот пробел, как совершенно правильно указывает Э. А. Масанов, в Казахстан систематически направлялись многочисленные торговые, дипломатические и военно-научные экспедиции, перед которыми ставилась задача получения естественно-географических, геологических, статистических и историко-этнографических данных.

В связи с этим автор показал, как подготавливалась и проводилась в жизнь реформа М. М. Сперанского, образовывались так называемые «военные линии» и «внешние округа». Им описаны десятки экспедиций в Казахскую степь. Хотя эти экспедиции преследовали строго определенные цели, они способствовали накоплению этнографических материалов о казахском народе. Особая заслуга в этом принадлежит Г. И. Спасскому, Н. Я. Бичурину, С. Б. Броневскому, И. А. Левшину, В. И. Далю и многим другим исследователям, трудам которых в книге посвящено много места.

Надо отметить, что Э. А. Масанов с большим знанием, основываясь на разносторонних, впервые публикуемых материалах, характеризует деятельность научных обществ, в частности Русского географического общества и его Оренбургского и За-

падно-Сибирского отделов и Семипалатинского подотдела, активными деятелями которых были Я. В. Ханьков, М. И. Иванов, А. И. Бутаков, А. И. Макшеев, П. И. Небольсин, А. Влангали, Э. И. Эйхвальд, И. П. Корнилов, Ю. А. Гагемейстер, Г. В. Колмогоров, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов, И. М. Казанцев, В. В. Григорьев, Н. А. Аристов, А. К. Гейнс, И. Алтынсарин, Ч. Валиханов и многие другие исследователи, внесшие большой вклад в изучение этнографии казахского народа. Автор показал, что казахская этнографическая проблематика нашла широкое отражение в трудах туркестанских ученых и краеведов, в русской периодической печати второй половины XIX в., а также в деятельности столичных научных обществ и учреждений конца XIX — начала XX в.

Как указывается в книге, в конце XIX — начале XX в. этнографическое изучение казахского народа в значительной степени было сосредоточено в областных и краевых центрах тех административных единиц, в которые входили казахские аулы, в связи с чем преобладал краеведческий метод исследований.

Третий раздел монографии посвящен этнографическому изучению казахского народа после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда начался качественно новый этап углубленного и систематического исследования культурных традиций и этнографических особенностей казахов на базе марксистско-ленинской методологии. Этот раздел автор предполагал дать значительно шире, но смерть помешала ему сделать это. Однако и в настоящем виде этот раздел дает представление о работах по изучению казахского народа в годы Советской власти.

Рассказывая о деятельности партии и правительства по национальному размежеванию Туркестанской республики, автор показал роль В. И. Ленина в выработке важнейших методологических положений и указаний, в которых перед этнографической наукой ставились актуальные задачи. В общих чертах автором показана работа созданной в 1917 г. Академией наук Комиссии по изучению племенного состава России (с 1922 г. — СССР), которой принадлежит заслуга в составлении этнографической карты и выяснении этнического состава Средней Азии и Казахстана. В книге охарактеризована большая роль В. В. Бартольда, возглавлявшего Туркестанский отдел Комиссии, в собирании статистических материалов по отдельным народностям, в обработке этих материалов, составлении библиографии, организации этнографических экспедиций для изучения племенного состава и расселения народов Туркестана.

Э. А. Масанов указывает на значение основанного в 1926 г. журнала «Этнография» (с 1931 г. — «Советская этнография») «в этнографическом изучении казахского народа и становлении собственно казахской этнографии» (стр. 287).

В целом, как правильно отмечает автор, после Великой Октябрьской социалистической революции наметился значительный рост научных учреждений, занимающихся этнографическим изучением казахского народа. В этом же разделе характеризуется деятельность Общества изучения Казахстана с его сетью на местах, трудности в его работе, связанные в основном с нехваткой подготовленных кадров этнографов-марксистов; Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, разработавшего в начале 1926 г. пятилетний план комплексного статистико-экономического, антрополого-этнографического, медико-санитарного, животноводческого, почвенно-ботанического, геологического и гидрометеорологического обследования Казахской ССР и ход его выполнения. Э. А. Масанов прослеживает историю этнографического изучения казахского народа до 1956 г. и с XX съезда КПСС до наших дней. Он подчеркивает большую роль Института этнографии АН СССР в разработке проблем национальной консолидации, развития социалистических наций и народностей СССР и, в частности, развития казахской социалистической нации и сближения ее с другими нациями.

Книга доказывает несостоятельность «теорий» о том, что с усилением колонизации и внедрения торгового капитала «окончательно ликвидируются первоначальные зачатки феодальных моментов казахской жизни» (Т. Рыскулов), а также, что проникновение торгового капитала в кочевой аул вообще не вызвало каких-либо изменений в социально-экономических отношениях (Г. Тогжанов). Показан вред буржуазно-националистических антинаучных, идеалистических воззрений, проповедниками которых были А. Байтурсунов и А. Букейханов (стр. 296—298).

Несмотря на ряд недостатков — отсутствие характеристики материалов по исследуемой теме в архивах страны, конспективный характер III раздела и т. п., книга представляет собой обстоятельное исследование и послужит серьезным пособием для всех, кто интересуется историей этнографического изучения казахского народа, и значительным вкладом в историографию советской этнографии.

Х. Аргынбаев, В. Я. Басин

Ч. М. Таксами. *Нивхи (современное хозяйство, культура, быт)*. Л., 1967, 272 стр.

Рецензируемая работа является первым монографическим исследованием по истории и этнографии нивхов как в советской, так и в зарубежной литературе. В своей книге автор знакомит читателей с ранней историей нивхов — небольшой народности, населяющей с древних времен низовья Амура, близлежащее побережье Охотского моря и остров Сахалин. В монографии приведены многочисленные материалы, широко и всесторонне освещающие жизнь нивхов в конце XIX — начале XX в. Это позволяет автору не только сделать удачное сопоставление ее с современным уровнем хозяйства, быта и культуры этого народа, но и обобщить опыт социалистического строительства у нивхов Амура и Сахалина за время с 1922 по 1962 г.

Работая над книгой, Ч. М. Таксами базировался на данных своих полевых исследований, а также широко использовал всю имеющуюся этнографическую и историческую литературу, привлёк материалы архивов и музеев, в том числе богатейшие коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Монография состоит из введения, семи глав и заключения. Книга хорошо оформлена, богато иллюстрирована.

Во введении автор убедительно показывает, что одним из величайших завоеваний социализма в СССР является разрешение национального вопроса, вследствие чего в социалистическом обществе не только обеспечено политическое равноправие народов, но и полностью ликвидировано унаследованное от старого строя экономическое и культурное неравенство.

В первой главе — «Общие сведения о нивхах» (стр. 5—15) — говорится о расселении и истории изучения этого народа, а также рассматриваются имеющиеся в научной литературе теории происхождения нивхов.

Автор, как и некоторые другие предшествовавшие ему исследователи, придерживается мнения, что нивхи жили в прошлом на более обширной территории, однако в подтверждение своих положений приводит лишь незначительное число топонимических названий. По нашему мнению, следовало бы дать анализ всех имеющихся топонимических материалов и уже на основе этого характеризовать расселение нивхов в прошлом.

В историографическом обзоре автор впервые правильно осветил мнение Л. И. Шренка относительно заселения нивхами Сахалина. До сих пор многие исследователи ошибочно приписывали Л. И. Шренку теорию происхождения нивхов с о-ва Сахалин, откуда якобы они затем переселились на материк. На самом же деле Л. И. Шренк предполагал, что нивхи, населявшие обширные земли в Азии, под напором более сильных народов вынуждены были потесниться и даже переселиться на Сахалин с материка.

По мнению Таксами, изучившего исторические документы, первые сведения о нивхах в русских источниках относятся к 1639 г. Автор отмечает также значительный вклад местного населения в открытия русских землепроходцев в XVII в. Освоение Амура и Сахалина русскими в XVIII—XIX вв. шло при непосредственном участии нивхов, которые помогли экспедиции Г. И. Невельского обнаружить местонахождения угля, нефти и других богатств на Сахалине и Амуре.

Во второй главе — «Нивхи в конце XIX — начале XX века» (стр. 16—35) — рассматриваются быт и хозяйственная деятельность нивхов. В ней подробно, на большом фактическом материале освещено экономическое и политическое положение этого народа в условиях царского самодержавия. В этой главе показана эксплуатация нивхов русским и иностранным капиталом, раскрыт колониальный характер торговли с местным населением. Одновременно автор говорит и о том, что колонизация русскими районов Нижнего Амура и Сахалина привела к значительному изменению жизни местного населения и в целом заметно повлияла на хозяйство, социальную жизнь, быт и культуру нивхов. Ч. М. Таксами отмечает также, что русские поселенцы, прививая нивхам новые трудовые и бытовые навыки, в свою очередь, заимствовали у них практический опыт, способы и орудия рыболовства и охоты, местный транспорт.

Во второй половине XIX в. проникновение торгового и промышленного капитала способствовало дальнейшему разложению родового строя нивхов. Но, тем не менее, родовые связи все же сохранялись у них, особенно в семейно-брачных отношениях. Исследуя нивхов, Л. Я. Штернберг обнаружил у них реально существовавший древний групповой брак и классификационную систему родства¹. Эти открытия получили высокую оценку Ф. Энгельса, посвятившего им специальную статью².

¹ Отчет об открытиях Л. Я. Штернберга был опубликован в газете «Русские ведомости» от 14 октября 1892 г.

² Ф. Энгельс, *Вновь открытый пример группового брака*, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 22, стр. 364—367.

Подробно описывая родовой строй нивхов, Л. Я. Штернберг несколько идеализировал нивхское общество. Он не показал процесса его социальной дифференциации. Ч. М. Таксами до некоторой степени восполнил этот пробел, отметив появление элементов эксплуатации, возникших у нивхов под влиянием торгового и промышленного капитала.

Во второй половине XIX в. у нивхов наблюдалась продажа и сдача в аренду промысловых угодий, особенно мест рыбного промысла. Автор рассказывает, как происходил процесс индивидуализации промысловых угодий, переход их в некоторых местах во владение и пользование отдельных семей. В книге приведены также случаи, когда отдельные семьи нивхов почти выделились в самостоятельные хозяйственные единицы. Однако благодаря тому, что в этот период родовые связи еще сохранялись, такие семьи вынуждены были подчиняться родовым законам, соответственно делиться своими «богатствами» с членами рода, принимать участие в общеродовых торжествах.

Недостаточно ясно, по нашему мнению, изложен вопрос о рабстве у нивхов. Автор указывает, что рабства как такового у нивхов не было. Вместе с тем он пишет, что отдельные зажиточные семьи, занимавшиеся посреднической торговлей, еще до середины XIX в., уподобляясь соседним народам, держали слуг — иноплеменников. В подтверждение автор приводит фольклорные материалы и дает анализ терминов, означающих «раб», «рабы».

К сожалению, в книге отсутствуют данные о численности нивхских родов. Желательно было бы привести переводы родовых названий и показать процесс формирования новых родов и локальных групп.

В третьей главе — «Установление Советской власти и организация Советов в районах расселения нивхов» (стр. 36—52) — рассказывается об участии местного населения в гражданской войне и становлении Советской власти на Нижнем Амуре и Сахалине.

Установление Советской власти среди малых народов Севера и Сибири имело свои трудности из-за их низкого общественного и культурного уровня развития. Как сообщает автор, среди нивхов Нижнего Амура и Сахалина в первые годы Советской власти предполагалось организовать Советы, исходя из родового принципа. Но впоследствии оказалось, что родовой принцип организации Советов не отвечал общественному устройству нивхов, так как родовая организация у них в значительной степени разложилась, роды децентрализовались. Учет при создании колхозов у нивхов из бывшего родового деления означал бы возобновление уже отживших устоев.

Четвертая глава — «Хозяйственная деятельность и другие занятия нивхов (1922—1962 гг.)» — подробно характеризует традиционные занятия нивхов до коллективизации и ведение хозяйства в организованных у них колхозах. В этой главе (стр. 53—153) описаны все орудия и различные способы, применяемые в рыбном, морском, зверобойном и пушном промыслах, а также значительное внимание уделено рассмотрению подсобных занятий.

Чрезвычайно интересен раздел главы, в котором освещается участие нивхов в работе промышленных предприятий и государственных учреждений. На большом фактическом материале автор показывает, как из среды нивхов формируется новая социальная группа — рабочий класс. Если еще в 1926 г. из всех народностей только восемь человек жили в городах, то уже по переписи 1959 г. к городскому населению относились 587 человек, что составляло около 16% всех нивхов. Эта цифра невелика по сравнению с числом всех городских жителей районов Нижнего Амура и Сахалина, но для нивхского народа она является весьма показательной, так как характеризует коренное изменение его социального состава, формирование в его среде рабочего класса. В своей работе Ч. М. Таксами указывает, что это новое прогрессивное общественное явление наблюдается не только в жизни нивхов, а характерно и для всех народов Севера. Автор подчеркивает, что наличие развитой промышленности в этих районах оказывает большое влияние на хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру малых народов Севера. Отмечая роль влияния промышленности на жизнь нивхов, Ч. М. Таксами показывает тесную связь промышленных предприятий с нивхскими колхозами, подчеркивая тот факт, что от успешной работы рыболовецких колхозов зависит выполнение планов рыбокомбинатов и рыбозаводов. Последние, по словам автора, в свою очередь помогают колхозам более совершенными орудиями промысла, транспортом, техническими средствами и т. д. По мнению Ч. М. Таксами, недалеко то время, когда нивхские колхозы, владея большим опытом хозяйственной деятельности, смогут взять на себя функции государственных предприятий по обработке рыбы.

Заканчивается четвертая глава описанием, на основании приведенных чрезвычайно интересных сведений, материального положения нивхов от первых дней коллективизации вплоть до 1962 г. Автор на конкретных примерах показывает, как коллективизация помогла ликвидировать вечную нищету и вековую отсталость нивхского народа, как развитие социалистической экономики на Нижнем Амуре и Сахалине вызвало к жизни новый тип производственных отношений и были созданы условия для активного участия нивхов в строительстве коммунистического общества.

Пятая глава — «Материальная культура нивхов» (стр. 154—201) — дает всестороннее описание современного поселка, расположения приусадебного хозяйства и жилища; здесь же говорится об одежде, пище; особый раздел посвящен средствам передвижения.

Характеризуя современные населенные пункты, автор проводит интереснейшую аналогию с поселениями нивхов конца XIX — начала XX в. Удачно привлекая исторические и этнографические материалы, Ч. М. Таксами раскрывает глубокие изменения в материальной культуре нивхов за годы Советской власти. Благодаря государственным ссудам и типовому строительству коренным образом изменились жилищные условия местного населения: нивхи живут в современных благоустроенных домах. На средства государства возводятся здания школ, культурных, медицинских и бытовых учреждений. Автор говорит о серьезных изменениях, происшедших в одежде, пищевом рационе и ряде других областей быта, заимствованных в основном от русских. Нивхи занимаются теперь огородничеством и животноводством, которые значительно изменили традиционную систему питания и вызвали необходимость в усовершенствовании бытовых построек.

Однако, как подчеркивает Ч. М. Таксами, наряду со всем заимствованным и новым, у нивхов сохраняются элементы национальной культуры, не потерявшие своей ценности и в наши дни.

Шестая глава — «Семья и семейные отношения» (стр. 202—228) — освещает современный состав нивхской семьи, внутрисемейные и межсемейные отношения. Особого внимания заслуживает та часть главы, где автор анализирует нивхские мужские и женские собственные имена и доказывает, что они имеют самые разнообразные смысловые значения. Кроме того, этот анализ выявил историю происхождения современных нивхских фамилий, имен и отчеств. Автор объясняет происхождение путаницы, имевшей место при введении паспортизации и позднее, когда родные братья и сестры зачастую носили разные фамилии.

В этой главе приводятся также данные о численности нивхских семей в 21 селении Амура и Сахалина и числе детей в этих семьях. Автор вскрывает последовательность исчезновения тех пережитков родового строя, которые у нивхов были обнаружены в конце XIX в. Л. Я. Штернбергом и на которые ссылался Ф. Энгельс, Правда, и в наши дни, отмечает Ч. М. Таксами, при заключении брака нивхи стараются соблюдать экзогамные нормы, согласно которым мужчинам из одного рода предпочтительно берут в жены женщин из рода своей матери. Изредка встречаются еще пережитки сорората и левирата, затрудняющие развитие новых общественных отношений и подъем культурного уровня нивхов.

В этой же главе привлекает внимание описание некоторых существующих сейчас национальных праздников, обычаев и обрядов. Очень интересен раздел, посвященный последнему «медвежьему празднику» (январь 1957 г.). В целом, в шестой главе приводятся материалы о пережитках родовой организации нивхов, об истории семьи, брака и связанных с ними обычаях и обрядах.

К недостаткам главы следует отнести то, что в ней не показана борьба за преодоление всех пережитков первобытно-родового строя, которая велась и ведется органами Советской власти, школами, клубами и другими организациями.

В седьмой главе — «Современная культура и общественная жизнь нивхов» (стр. 229—266) — рассматриваются вопросы национальных кадров, просвещения, здравоохранения и культурно-просветительной работы. Значительное место в этой главе Ч. М. Таксами отводит искусству и устному народному творчеству. Анализируя нивхский фольклор, автор, к сожалению, не приводит никаких текстов, ограничивается только ссылкой на свою книгу «Возрождение нивхской народности», опубликованную Южно-Сахалинским издательством в 1957 г., и на сборник «Сказки народов Севера» (М.—Л., 1957 г.). На наш взгляд, следовало бы для ознакомления с жанрами устного творчества нивхов привести ряд материалов, собранных самим автором во время полевых работ.

Касаясь современных этнических процессов, автор ограничился только приведением материалов, освещающих смешанные браки у нивхов. К числу недочетов следует также отнести отсутствие в рецензируемой книге списка использованной литературы: в таком ценном труде, каким является монография Ч. М. Таксами, безусловно, было бы желательно иметь библиографический указатель. Недостатком работы является и не всегда равномерное распределение материала по главам.

Тем не менее отдельные недостатки не снижают общей высокой оценки монографии Ч. Л. Таксами, имеющей большое практическое и теоретическое значение. Она воспроизводит последовательную картину огромных успехов строительства новой жизни среди нивхов, быстрых темпов развития их экономики и культуры в условиях социалистической системы хозяйства в СССР.

Немаловажное значение имеет тот факт, что книга «Нивхи» — первое монографическое исследование по истории и этнографии нивхов — написана первым ученым из среды нивхской народности, не имевшей до Советской власти даже письменности.

Н. Н. Степанов, Д. А. Сергеев

Л. В. Хомич. *Ненцы. Историко-этнографические очерки*. М.—Л., 1966, 327 стр.

Книга Л. В. Хомич рассказывает о ненцах, одном из самых крупных по численности народов Крайнего Севера (около 23 тыс. чел.), расселенном на обширной территории от Кольского полуострова на западе до р. Енисей на востоке. Хозяйству и быту различных групп ненцев до Великой Октябрьской социалистической революции и в годы социалистического строительства посвящена довольно обширная литература¹, но обобщающих исследований об этом народе до сих пор не было. Поэтому, учитывая тот большой интерес, который проявляет читательская общественность к работам по истории и этнографии северных народов, выход в свет книги о ненцах можно только приветствовать.

Монографии Л. В. Хомич придано довольно пространное введение, содержащее обзор источников, использованных автором, сведения о расселении и численности ненцев в настоящее время, описание природно-климатических условий их обитания, лингвистическую характеристику ненецких диалектов и говоров и, наконец, материалы по этногенезу. На круге вопросов, связанных с последней проблемой, нам бы хотелось остановиться подробнее.

Л. В. Хомич последовательно излагает взгляды на происхождение северосамодийских народов различных исследователей, начиная с И. Страленберга и И. Э. Фишера, гипотезы которых были сформулированы еще в XVIII в., критически анализирует их и, со своей стороны, выступает в поддержку точки зрения известного советского этнографа и лингвиста Г. Н. Прокофьева. По мнению Г. Н. Прокофьева, в сложении современных северосамодийских народов, наряду с южными компонентами, пришедшими из района Саянского нагорья, приняли участие также «некие аборигенные племена», заселявшие территорию Крайнего Севера до прихода туда самодийцев². Приводя некоторые дополнительные (главным образом лингвистические) материалы в подтверждение этой гипотезы, Л. В. Хомич в то же время пытается наметить этапы продвижения различных групп самодийцев в северные районы. При этом отправным пунктом в предлагаемой автором схеме остается признание того факта, что исходным местом, откуда началось движение самодийских групп на Север, являлось Саянское нагорье (стр. 41). Хронологически указанное переселение, по мнению автора, укладывается в рамки первого тысячелетия до н. э. Происходило оно несколькими волнами, первую из которых составляли предки энцев и нганасан, вторую, вскоре следовавшую за первой, — предки ненцев (стр. 37). К сожалению, Л. В. Хомич по существу не приводит никаких аргументов в подтверждение высказанных ею взглядов. Между тем имеется целый ряд фактов, которые заставляют усомниться в исторической достоверности предложенной схемы.

Прежде всего в свете материалов, накопленных по вопросу об этногенезе северосамодийских народов, утверждение о том, что именно Саянское нагорье явилось той колыбелью, откуда все самодийские группы, из которых впоследствии образовались современные ненцы, энцы, нганасаны и селькупы начали свой путь на Север, представляется устарелым. Исследования последних лет, и в первую очередь работы А. П. Дульзона в области топонимики, убедительно показали, что самодийские по происхождению гидронимы были распространены на обширной территории Южной Сибири, включая не только область Саянского нагорья, но и Северный и Центральный Алтай, Верхнее Приобье, бассейн р. Ини и некоторые районы Минусинской котловины³. Сделанный нами сравнительный анализ названий родового состава живущих на этих территориях или по соседству с ними этнических групп показал, что часть из них может быть сопоставлена с названиями ряда родов в составе современных энцев⁴. В отношении же ненцев есть основания думать, что самодийскоязычные родовые компоненты, принявшие впоследствии участие в формировании этого народа, до своего продвижения на Север обитали не в области Саяно-Алтайского нагорья и Минусинской котловины, а к северо-западу от этих районов на территории Барабинской степи и восточного Зауралья. Следы их пребывания в этой местности сохранились в названиях ряда

¹ См., напр.: И. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III, СПб., 1799; В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII в., М.—Л., 1947; В. С. Иславин, Самоеды в домашнем и общественном быту, СПб., 1847; Б. М. Житков, Полуостров Ямал, СПб., 1913; Л. К. Гейденрейх, Канинские самоеды, «Советский Север», 1930, № 4—5; Г. Д. Вербов, Лесные ненцы, «Сов. этнография», 1936, № 2; А. А. Попсов, Енисейские ненцы (юраки), «Изв. ВГО», т. 26, вып. 2—3, 1944, и др.

² Г. Н. Прокофьев, Этногония народов Обь-Енисейского бассейна, «Сов. этнография», 1940, № 3.

³ А. П. Дульзон, Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики, М., 1960 (см. карту между стр. 2—3).

⁴ В. И. Васильев, Южносамодийские компоненты в составе энцев. В сб. «Этническая история и современное национальное развитие народов мира» (материалы к конференции молодых научных работников и аспирантов), М., 1967.

волостей XVII в. (Карагалинской в Тарском уезде, Каскаринской в окрестностях Тюмени, Лугуй в центральной Барабе, Табары в Пельмском уезде)⁵, которые в свою очередь могут быть сопоставлены с названиями отдельных родов (Харючи, или Карачейский в XVII в., Лэхэ, или Логей, Тайбари) современных азиатских и европейских народов. Не имея возможности в рамках настоящей рецензии более подробно аргументировать высказанное выше положение, укажем лишь, что предки ненцев проникли на Север, очевидно, значительно раньше тех самодийскоязычных компонентов, которые вошли в состав энцев и нганасан. Во всяком случае, в отношении энцев имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют с достаточной долей вероятности утверждать, что появление их самодийскоязычных предков на Севере относится к сравнительно позднему историческому периоду, датируемому приблизительно концом первого — первыми веками второго тысячелетия н. э.⁶

Книга Л. В. Хомич состоит из двух частей. В первой части автор, привлекая обширный фактический материал, рассматривает особенности хозяйства, быта и культуры ненцев до Октябрьской революции. Л. В. Хомич по существу удалось собрать почти все, что имеется в этнографической литературе по данному вопросу. В 11 главах, составляющих указанный раздел, содержатся сведения о хозяйстве ненцев, в основе которого лежало комплексное развитие трех главных промысловых отраслей: оленеводства, охоты и рыболовства, орудия труда и техники, средств передвижения, жилища, одежды, пищи. Специальные главы посвящены общественному строю ненцев в прошлом, описанию их семейно-брачных отношений, изобразительного искусства и фольклора, религиозных представлений. Открывает раздел небольшая вводная глава, где излагаются основные события истории ненцев в дореволюционный период.

Особенно удалась автору главы, посвященные описанию различных сторон материальной культуры ненцев, в частности глава об одежде, написанная почти с исчерпывающей полнотой. С интересом читается глава, рассказывающая об орудиях труда и технике ненцев; в ней автор широко использовал собственные полевые наблюдения. То же можно сказать и в отношении главы о ненецком жилище, в которой детально описаны этапы установки чума и приведены ценные сведения, уточняющие некоторые элементы его конструкции.

В упрек автору, пожалуй, можно поставить лишь то обстоятельство, что в главах, содержащих описание хозяйства и быта, не всегда достаточно четко подчеркнуты региональные различия, наблюдающиеся в этом отношении у различных территориальных группировок ненецкого народа. В ряде глав книги заметно выступает на передний план материал по европейской группе тундровых ненцев, в то время как хозяйственная и культурная специфика такой своеобразной этнографической группировки, как пняхасово (лесные ненцы), в работе почти не нашла отражения. В главу о хозяйстве несомненно следовало бы включить вводный раздел, содержащий характеристику (с точки зрения их хозяйственной специфики) тех территориальных группировок, которые сложились у ненцев к концу XIX в. В этой связи надо бы также показать, что в результате процесса имущественного расслоения, интенсивно протекавшего в недрах ненецкого общества в конце XIX — начале XX в., комплексность традиционного промыслового хозяйства в значительной степени была нарушена. Появилась значительная группа малооленных или даже совершенно безоленных семей, для которых ведущей отраслью хозяйства стало рыболовство, в то время как в производственной жизни обеспеченных оленями ненецких семей занятие рыбным промыслом играло второстепенную роль, значительно уступая по своему значению оленеводству и охоте.

Обращает на себя внимание точка зрения автора о возникновении упряжного оленеводства самодийского типа. Основываясь на гипотезе о саянской прародине предков ненцев, Л. В. Хомич полагает, что и ненецкое оленеводство генетически связано с этим географическим районом. По ее мнению, оленеводство (правда, не упряжного, а вьючно-верхового типа) было известно предкам ненцев еще до того, как они пришли на Север, но по мере их продвижения в тундровые районы в силу биологических факторов, из которых главным являлось изменение кормовой базы, происходил процесс постепенного измещения саянского оленя, что в конечном итоге и послужило причиной перехода самодийцев от вьючно-верхового к упряжному оленеводству (стр. 52). Как конкретно протекал у предков северных самодийцев этот процесс перехода от одного типа оленеводства к другому автор не разъясняет, указывая лишь, что упряжное оленеводство, по-видимому, возникло вне связи с упряжным собаководством (стр. 90).

С нашей точки зрения, картина возникновения упряжного оленеводства самодийского типа была несколько иной. Если верна гипотеза о том, что предки ненцев некогда заселяли территорию Восточного Зауралья и степной Барабы, то приходится признать

⁵ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 55, М., 1960 (см. карту распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в.).

⁶ В. И. Васильев, Указ. раб., стр. 13—14.

положение, согласно которому по своему хозяйственному укладу они являлись не оленеводами, а по преимуществу охотниками и скотоводами. Развивая далее это положение, можно допустить, что, оказавшись в силу конкретных исторических причин отнесенными в тундру Заполярья, они распространили навыки скотоводческого хозяйства на оленеводство, используя при этом в качестве методов приручения диких оленей охотничьи приемы, известные аборигенному населению (загонная охота, охота с помощью манщика и т. д.). Когда же возникла необходимость в оленном транспорте, появилась однополосная нарта. Основой ее послужила, по-видимому, каркасная обтянутая шкурой лодка, типа той, что еще в сравнительно недавнем прошлом применялась энцами и нганасанами на поколках. С этой точки зрения положение Л. В. Хомич об отсутствии генетической связи между упряжным оленеводством и упряжным собаководством, на которое нам уже приходилось ссылаться выше, представляется совершенно правильным.

Отдельные недочеты есть, на наш взгляд, в главе, рассказывающей об общественных отношениях ненцев в прошлом. В частности, из поля зрения автора почему-то совершенно выпал вопрос о социальном лице так называемых «административных родов (управ)», созданных у ненцев после реформы управления Сибирью 1822 г. Не совсем ясна и позиция автора относительно роли в общественной жизни ненцев такого социального института, как племя. Более того, Л. В. Хомич сначала признает, что в прошлом тундровые и лесные ненцы составляли два самостоятельных племени (стр. 143), а несколькими строками ниже сама ставит под сомнение это положение, указывая, что «...трудно представить себе племя, состоящее из двух десятков тысяч человек и расселенное от Белого моря до Енисея (тундровые ненцы)» (стр. 143—144). Общий вывод автора сводится к тому, что «...вопрос о племенах требует дополнительного изучения» (стр. 144).

Совершенно неубедительным представляется положение автора о том, что «ко времени присоединения Сибири к Русскому государству (конец XVI—XVII в.) родовой строй у ненцев находился уже в стадии разложения...» (стр. 141). Прежде всего непонятно, на каких материалах основывает Л. В. Хомич свою точку зрения, так как самый ранний из источников, позволяющий судить о родовом составе, например, азиатских тундровых ненцев (обдорских самоедов), относится лишь к 1695 г.⁷ Причем анализ этого документа показывает как раз совершенно обратное, а именно то, что процесс формирования дуально-фратриальной организации у азиатских тундровых ненцев и выделения из состава основных родов обеих фратрий дочерних родовых подразделений, превращавшихся затем в самостоятельные родовые коллективы, в указанное время был еще далеко не завершен. По мнению Б. О. Долгих, отсутствие в перечне 1695 г. некоторых крупных родов (Нюкотэтта, Серотэтта, Ябтонге), выявляемых у азиатских ненцев по более поздним документам, объясняется в первую очередь тем, что в конце XVII в. все они существовали лишь в эмбриональном состоянии внутри основного рода⁸.

Следует сказать несколько слов и о главе 1 этого раздела, посвященной истории ненцев и являющейся как бы введенным в описание их дореволюционного хозяйства, быта и культуры. Эта глава, названная автором «Ненцы в составе Русского государства», написана, на наш взгляд, крайне схематично. Достаточно сказать, например, что Обдорск и Березов, важнейшие форпосты русских на начальном этапе их продвижения в северное Зауралье, упомянуты только в связи с их основанием, построению Мангазеи отведен лишь один небольшой абзац и т. д. К сожалению, ни в этой главе, ни вообще в работе не нашли отражения важнейшие события этнической истории ненцев XVII—XIX вв.—передвижение значительных групп ненецких родов в бассейны Таза и Енисея, переселение части канинских ненцев на Колыский полуостров, появление ненцев на Новой земле и т. д. Некоторые из перечисленных событий этнической истории ненцев, кстати в значительной степени определивших окончательную территорию их современного расселения, в лучшем случае лишь упомянуты в работе, но причины, их вызвавшие, в большинстве своем остались неизвестными читателю.

В связи с этим нельзя не отметить ошибочное утверждение автора о том, что ненцы до XVIII в. являлись «единственными оленеводами на пространстве от Белого моря до р. Енисея» (стр. 59). Как показал в своей работе Б. О. Долгих, вплоть до конца XVII в. значительную часть бассейна р. Таз и водораздел между Тазом и Енисеем занимали не ненцы, а энцы⁹. Ненцы закрепились на указанных территориях, во всяком случае, не ранее начала XVIII в.

Во второй части рецензируемой книги рассказывается о развитии хозяйства, культуры и быта ненцев в советский период. Из шести глав, составляющих этот раздел, две посвящены истории установления в тундровых районах Европейского Севера и Запад-

⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1095.

⁸ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 7—4.

⁹ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 136—137, 142—143. См. также карту, приложенную в конце данной работы.

ной Сибири Советской власти, кооперированию разрозненных ненецких хозяйств в простейшие производственные объединения и колхозы, описанию борьбы за ликвидацию неграмотности коренного населения и строительству нового быта.

В остальных четырех главах повествуется о сегодняшнем дне ненецкого народа. В них автор уделяет большое внимание отображению тех огромных перемен, которые произошли в развитии промысловых отраслей ненецкого хозяйства за годы социалистического строительства. Читатель находит в книге интересный материал об опыте работы ненецких колхозов Таймыра, где созданы специализированные охотничьи бригады, новая форма организации охотничьего промысла в хозяйствах Крайнего Севера, позволяющая существенно поднять производительность труда в этой отрасли (стр. 265). Значительное место отведено описанию опыта работы ряда оленеводческих хозяйств Ненецкого национального округа, практикующих сменно-бригадный выпас оленей, который следует рассматривать как наиболее рациональный путь ликвидации кочевания оленеводов¹⁰. Укажем попутно, что к настоящему времени на этот метод выпаса оленей перешло уже около 40 оленеводческих бригад Ненецкого национального округа.

В книге Л. В. Хомич рассказывается и о новых хозяйственных занятиях, широко распространившихся в заполярных районах после коллективизации: молочном животноводстве, клеточном звероводстве и земледелии. Можно не согласиться с автором лишь в оценке некоторых из этих отраслей, в частности с утверждением, будто бы молочное животноводство удовлетворяет потребности населения тундры в молочных продуктах (стр. 273). Как известно, все животноводческие фермы расположены в колхозных и совхозных центрах и снабжают своей продукцией только поселковое население.

Интересные материалы приведены и в главах, посвященных современному быту и культуре ненцев. Автор показывает, как меняется быт кочевого в недалеком прошлом населения, описывает современную жизнь ненецких семей.

Завершающая глава книги посвящена показу современной культуры ненцев. В ней рассказывается о школах и домах культуры, клубов и библиотеках, больницах, построенных в тундровых и лесотундровых районах за годы Советской власти, развитии национального ненецкого искусства и литературы.

В заключении автор говорит о перспективах промышленного освоения Европейского и Обского Севера и его влиянии на быт и культуру коренного населения, рассматривает в этом аспекте проблемы дальнейшего развития хозяйства, реконструкции быта и подьема культуры ненецкого народа.

Но традиции рецензии принято завершать фразой, что отмеченные недостатки не снижают общего положительного впечатления, которое остается от ознакомления с разбираемой работой. В отношении книги Л. В. Хомич эту формулировку можно принять полностью, тем более что многие проблемы, по которым нам приходилось возражать автору, являются дискуссионными.

Хочется выразить надежду, что издательство «Наука» продолжит хорошую традицию выпуска книг об отдельных народах Севера. В то же время при продолжении этой серии следовало бы продумать вопрос о возможностях увеличения тиражей такого рода изданий.

¹⁰ См. В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера, «Сов. этнография», 1966, № 3.

В. И. Васильев

Современный русский фольклор. Сб. статей, М., 1966, 256 стр.

В последние годы на всевозможных совещаниях и конференциях, на страницах газет и журналов то и дело вспыхивали дискуссии по вопросам современного состояния фольклора. Высказывались самые различные точки зрения. Однако единства по многим узловым вопросам проблемы не достигнуто. И это вполне понятно. В наши дни в народном поэтическом творчестве протекают интересные, важные, но вместе с тем необычайно сложные, а подчас противоречивые процессы, разобраться в которых очень и очень нелегко. И каждый шаг в этом направлении заслуживает всемерной поддержки. Именно поэтому следует одобрить изданный Институтом этнографии АН СССР под редакцией Э. В. Померанцевой сборник статей «Современный русский фольклор».

Современный фольклорный процесс может быть правильно понят и глубоко раскрыт только в том случае, если в нем будут учтены и традиционные, и новые явления в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Этим требованиям, на наш взгляд, вполне отвечает рецензируемый труд.

Сборник особенно ценен тем, что все без исключения его авторы являются опытными собирателями фольклора. Статьи сборника, как правило, строятся на богатом фактическом материале. Причем этот материал берется не из печатных источников и

даже не из архивов, а из самой жизни, из живых уст народа. Статьи написаны специальными, «в течение многих лет наблюдавшими и изучавшими «на корню» те процессы, которые в последние десятилетия происходят в фольклоре» (стр. 4). В силу этого публикуемые материалы имеют особую достоверность, а высказываемые соображения приобретают большую убедительность.

Авторы статей проводят ценные наблюдения над процессом бытования различных жанров фольклора в наши дни. Особый интерес в этом отношении представляет статья Н. И. Савушкиной «Фольклорный быт одного колхоза».

Н. И. Савушкиной посчастливилось наблюдать и удалось очень ярко описать естественные условия бытования песен протяжных, круговых, колыбельных, романсов в селах Климове и Темте Горьковской области. Достоверную картину исполнения частушек рисует в своей статье Т. Г. Леонова. Интересные сведения о формах и условиях бытования загадок сообщает В. В. Митрофанова.

Все эти наблюдения позволяют сделать совершенно твердый вывод, что в связи с изменениями условий жизни нашего народа существенно изменились и формы бытования фольклора. Многие жанры фольклора (сказки, хороводные песни, загадки и др.) меняют среду: они становятся достоянием преимущественно детской аудитории. Очень важные материалы на этот счет содержит статья В. А. Василенко «Об изучении современного детского фольклора».

Сфера распространения фольклора все более и более сужается. Пошатнулись позиции в этом отношении даже частушки. Так, Н. С. Полищук сообщает, что ей на Алтае не удалось услышать частушки на улице села или в клубе. «В настоящее время, — пишет она, — частушки в Поспелихинском и Шипуновском районах стали «домашним», «семейным» жанром. Поют их обычно в доме или во дворе на всевозможных «гуляньях» — по случаю помочей, проводов в армию, дня рождения, на праздники» (стр. 51). Примерно то же говорит и Н. И. Савушкина о бытовании частушек в отдельных селах Горьковской области. Отмеченные явления очень симптоматичны: по условиям бытования частушка приближается к традиционной песне.

Однако наряду с сокращением и ослаблением традиционных форм бытования фольклора развиваются и активизируются некоторые новые формы, в числе которых продолжает занимать ведущее место художественная самостоятельность. Так, Н. С. Бялосинская в своей статье убедительно показывает, какое большое место в репертуаре агитационно-художественных бригад занимают произведения, созданные на использовании таких традиционных жанров фольклора, как песни, сказки, пословицы, поговорки, народная драма и, конечно, частушка.

На основе значительного собранного материала и проведенных наблюдений авторы поднимают много важных и интересных проблем. Одной из таких проблем является изучение судеб традиционного фольклора в советских условиях. Материалы сборника убеждают нас в том, что судьбы различных жанров традиционного фольклора к настоящему времени сложились далеко не одинаково. Почти исчезли былины, старые календарные песни и заговоры. Примерно в таком же положении находится сейчас и народная драма. На наших глазах уходит из быта и сказка. Так, если ранее в с. Климово Горьковской обл. было много интересных сказочников, то к концу 1950-х годов, по свидетельству Н. И. Савушкиной, там их осталось очень немного. Авторитет сказочников в этом селе значительно снизился, к ним сложилось какое-то обидно ироническое отношение.

В других местах процесс затухания жанра сказки идет еще быстрее. Так, Н. С. Полищук пишет, что ей на Алтае в 1961 г. «сказок записать не удалось» (стр. 45). И Т. Г. Леоновой в некоторых селах Омской области в 1963 г. «не довелось встретить ни одного сказочника, не удалось записать ни одной сказки» (стр. 27).

По единодушному признанию всех участников сборника, наиболее жизнеспособными в наши дни оказались традиционные песни. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что народные песни и по своему конкретному идейно-тематическому содержанию, и по художественным принципам творчества наиболее полно отвечают современным идейно-эстетическим воззрениям народа. Однако довольно отчетливо проявляется тенденция к сокращению бытования и традиционных песен. Так, традиционные исторические песни с каждым годом записываются все в меньшем и меньшем количестве. Постепенно забываются песни игровые и хороводные.

Итак, совершенно очевидно, что традиционные жанры фольклора угасают, сфера их бытования все более и более сужается. Однако при этом наблюдается такое любопытное явление: уходя из активного бытования, переставая быть массовым, угасающий жанр фольклора как бы рождает ряд незаурядных поэтических личностей, в памяти и исполнении которых он продолжает свою жизнь. И в этом прослеживается определенная закономерность. Так, уже в XIX в. былина по существу стала жанром Т. Г. Рябиной, А. П. Сорокина, В. П. Щеголенка, А. М. Крюковой, М. Д. Кривополеновой и некоторых других сказителей. В советское время известны такие выдающиеся сказочники, как А. К. Барышникова, М. М. Коргуев, И. Ф. Ковалев, А. Н. Королькова и др. И в этой связи совершенно закономерным представляется то, что в период усилившегося угасания сказки в одной из деревень Архангельской области фольклористы встре-

ились с восьмидесятилетней А. М. Мелеховой, которая за пять-шесть дней «рассказала 7 сказок с необычайной легкостью, увлечением и задором» (стр. 79). Т. С. Макашина своей статье показала большую талантливость, подлинное дарование сказочницы. Но «яркое дарование Мелеховой,— справедливо заключает она,— не опровергает положения об угасании сказок как устного жанра» (стр. 94).

В свете всего сказанного нет ничего удивительного в том, что фольклористы одним из сел Заволжья в 1959 г. встретились с О. В. Чистяковым (1910 года рождения), который помнил весь текст и сценическое представление драмы «Царь Максимилиан». Автор этих строк в 1960 г. в с. Левида Воронежской области познакомился с А. М. Зачеславской (1904 года рождения), от которой впоследствии было записано более 150 песен.

Новыми общественными условиями, расширившимися и углубившимися связями между отдельными народами нашей страны объясняется усилившаяся связь между культурой этих народов. Это нашло свое отражение и в развитии фольклора. Фольклорные произведения одного народа свободно проникают к другому народу — соседу. Так, Я. И. Гудошников делит украинские песни, бытующие в русских селах Воронежской области, на следующие четыре группы: «1) украинские песни в оригинале или незначительными отклонениями от него; 2) песни на смешанном русско-украинском языке; 3) русские народные переводы украинских песен; 4) контаминации русских текстов с украинскими» (стр. 102). Богатый, необычайно интересный материал содержит статья Л. Г. Барага «О взаимодействии русской и нерусской сказочных традиций в современных условиях». В ней всесторонне рассмотрен вопрос о взаимодействии бытующих в Башкирской республике сказок русских, башкирских и татарских. Изучение межнациональных связей дает возможность более основательно исследовать судьбы традиционного фольклора.

Другой не менее важной проблемой, которая стоит в центре внимания авторов оцениваемого сборника, является проблема современного народного поэтического творчества, фольклора советского времени. Что такое советский фольклор? В чем его отличие от традиционного фольклора? Каковы пути и особенности его развития? Вот вопросы, которые в той или иной мере освещаются в ряде статей сборника. Из работ посвященных советскому фольклору, наиболее интересной в теоретическом отношении представляется статья В. Е. Гусева «О критериях фольклорности современного народного творчества». В этой работе автор, характеризуя признаки советского фольклора, ставит перед собою цель определить: «остаются ли они теми же, что и для фольклора прошлых эпох или должны быть найдены новые признаки» (стр. 11). В результате рассмотрения значительной, в том числе и зарубежной, критической литературы, а также осмысления самого фольклорного материала автор приходит к выводу, что критерии фольклорности современных произведений в основном те же, что и в традиционном фольклоре: коллективность, устность, большое значение традиций и вариативность. Таким образом, современным фольклором,— заключает автор,— является исторически сложившийся и продолжающий существовать тип народного творчества, отличающийся особым комплексом признаков; это — коллективное художественное творчество в области словесных, словесно-музыкальных, словесно-музыкально-хореографических и драматических видов искусства, развивающее и обновляющее традиционные средства художественной изобразительности и существующее как исполнительское искусство, способное к импровизации и варьированию произведений» (стр. 22).

Это положение получает известное подкрепление в ряде статей сборника, выдвигающих и другие проблемы, среди которых важное место занимают вопросы о жанровом своеобразии советского фольклора, о традициях и новаторстве в нем и др.

Наиболее исследованными в сборнике оказались песенные жанры советского фольклора. В опубликованных статьях дается жанровая классификация советских песен, характеризуются условия их возникновения и пути распространения. Все исследователи в один голос говорят о том большом значении, которое имеют в советском песенном фольклоре различные переделки литературных песен. Н. С. Бялосинская же убедительно говорит о большой роли в художественной самодетальности литературных переделок фольклорных песен.

Однако в сборнике получили определенное освещение и другие жанры советского фольклора. Так, Н. Д. Комовская дает довольно полную жанровую характеристику фольклорных рассказов периода Великой Отечественной войны, раскрывает их конкретное идейно-тематическое содержание, останавливается на их связях с рассказами гражданской войны. В. А. Василенко и В. В. Митрофанова в своих статьях приводят интересные новые загадки и другие произведения детского фольклора.

Все жанры советского фольклора авторами неизменно рассматриваются в плане определения в них традиционного и нового. Например, статья Я. И. Гудошникова так и называется «Традиции и новаторство в советском песенном фольклоре».

В ряде статей сборника совершенно справедливо говорится о все усиливающемся влиянии литературы в советских условиях на различные жанры фольклора. Специально этому вопросу посвящена статья А. И. Кретьева «О влиянии литературы на развитие советской частушки».

Из сказанного вытекает, что в сборнике «Современный русский фольклор» поднимаются очень важные проблемы, освещаются интересные вопросы. Причем примечательно, что все эти проблемы и вопросы, как правило, решаются на основе анализа значительного фактического материала и поэтому различного рода соображения и выводы в большинстве случаев выглядят убедительно, представляются вполне доказанными.

Вместе с тем некоторые положения авторов, на наш взгляд, являются спорными, отдельные их высказывания вызывают замечания. Остановлюсь на самом главном.

Хорошо известно, что основное направление изменений традиционных песен в советских условиях идет не по линии их развития, а по линии угасания и разрушения. Поэтому представляется необоснованным, являющимся известной данью изжившей себя «теории шлифовки» заявление Т. Г. Леоновой о том, что будто бы традиционные песни, записанные в Омской области в 1963—1964 гг., «не уступают в полноте» их вариантам из ранних сборников. «Они, — как считает автор, — отражают некоторые стороны общего процесса творческой шлифовки фольклорных текстов» (стр. 35).

Мы полностью согласны с В. Е. Гусевым в том, что советскому фольклору, как и традиционному, присущи такие признаки, как коллективность, устность, традиционность и вариативность. Однако все эти признаки в советском фольклоре получили особые, очень специфические формы выражения. К сожалению, эта специфика не раскрыта в достаточной степени ни в статье В. Е. Гусева, ни в ряде других статей, касающихся советского фольклора.

Традиции действительно сыграли большую роль в становлении и развитии советского фольклора. Однако не следует видеть традиции там, где их нет. Не имеет, например, никакой почвы под собой утверждение Н. С. Полищук о том, что будто бы в 1920-е годы «новые песни обычно создавались в традициях протяжной народной песни с известным налетом жестокого романса» (стр. 49). Советскими учеными установлено, что в традициях протяжной песни новые песни почти перестают создаваться еще в конце XIX в. Представляется также натяжкой, когда Я. И. Гудошников указывает на связь литературной песни периода Великой Отечественной войны «День и ночь свистят меж нами пули быстрые» с традиционными народными песнями о разлуке любящих (стр. 105—106).

Недостаточно полно раскрыты в сборнике и новаторские черты советского фольклора. Специфика вариативности песен в советских условиях не определена ни в статье В. М. Потявина, посвященной этому вопросу, ни в других статьях, затрагивающих его. Соображения же Т. Г. Леоновой на этот счет представляются ошибочными, когда она пишет, что будто бы «процесс приспособления старых песен для отражения современных событий» начинается только с 1917 г. и характерен лишь для советского времени (стр. 37). Одним словом, вопрос о традициях и новаторстве в советском фольклоре в сборнике только поставлен, решение же его — дело будущего.

Заслуживает большего к себе внимания и вопрос взаимовлияния советского фольклора и литературы. А. И. Кретов, говоря о влиянии литературы на развитие советской частушки, и не пытается определить роль литературы в формировании художественных принципов, поэтики советской частушки, ошибочно полагая, что это — «тема для особого разговора» (стр. 152).

И, наконец, последнее. Содержанию сборника, как нам кажется, больше соответствовало бы название не «Современный русский фольклор», а «О современном состоянии фольклора» (традиционного и нового, современного).

Таковы наши замечания, большинство которых носит частный характер и никак не умаляет больших достоинств рецензируемого труда.

В заключение следует сказать, что Институт этнографии АН СССР подготовил и выпустил очень нужную и полезную книгу, в которой дается верное представление о современном состоянии традиционного и нового русского фольклора, на современном научном уровне решаются актуальные проблемы советской фольклористики.

С. Г. Лазутин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Народы Юго-Восточной Азии. Под редакцией А. А. Губера, Ю. В. Маретина, Л. Д. Тумаркина, Н. Н. Чебоксарова. М., 1966, 762 стр.

В конце 1966 г. Институт этнографии АН СССР изданием тома «Народы Юго-Восточной Азии» завершил свой многолетний труд по публикации серии «Народы мира» в 13 томах (18 книгах). Будучи последним, том «Народы Юго-Восточной Азии», более чем какой-либо другой, может считаться характерным для серии в целом, так как в нем воплощен опыт, накопленный коллективом этнографов за многие годы, — нап

ним, что первый том серии, «Народы Африки», увидел свет в 1955 году. (Кстати сказать, очевидно, именно по этой причине «Народы Африки» как раз наименее типичен для этой серии.)

Рассматриваемый том, как и вся серия в целом, отличается злободневностью, вниманием к вопросам текущего момента. В этом одно из его самых больших достоинств, но даже когда через ряд лет какие-то из сообщаемых в нем сведений станут уже достоянием прошлого, огромный объем других сведений, чисто этнографического, антропологического, археологического характера, сохранит свою ценность надолго, если не навсегда. Одно несомненно: серия «Народы мира» останется в истории не только нашей, но и всей мировой науки как своего рода памятник первого в таких масштабах предприятия — создания глубоко содержательной всемирной этнографической энциклопедии.

Пристальное внимание к вопросам современности особенно правомерно в рассматриваемом томе. Достаточно привести перечень охваченных им стран — Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Таиланд, Бирма, Малайзия, Индонезия, Филиппины, — и станет ясно, что в томе описан регион, более других находящийся в центре внимания современного мира, играющий исключительно важную роль в политической жизни наших дней.

Большим достоинством тома, выгодно отличающим его вместе с томом «Народы Восточной Азии» от некоторых других выпусков данной серии, посвященных зарубежным странам, служит то обстоятельство, что либо авторы, либо редакторы его важнейших разделов посетили описываемые ими страны в процессе подготовки тома, имели возможность проверить, уточнить и дополнить сообщаемые ими сведения, а в ряде случаев, например при описании некоторых народов Вьетнама и Бирмы, даже положить в основу текста собственный первоклассный полевой материал. Подавляющая часть иллюстраций в тексте — это либо публикация экспонатов Музея антропологии и этнографии в Ленинграде, либо фотографии, сделанные самими авторами, то есть тоже обширный новый материал, впервые вводимый в научный оборот.

Тем более досадно, что возможности насытить том свежим оригинальным полевым материалом были, как кажется, использованы авторами не полностью. В разделе «Народы Вьетнама», бесспорно, можно было бы шире использовать полевые материалы, собранные как самим автором, так и С. А. Арутюновым и А. Н. Дементьевой-Лекинен. Как позволяют судить даже краткие журнальные сообщения, собранный этими авторами в ДРВ материал обширнее того, который нашел отражение в томе. Надо полагать также, что и в разделе «Народы Индонезии» могли бы быть полнее использованы материалы наблюдений пяти членов авторского коллектива тома, выезжавших в эту страну.

Том обладает очень четкой внутренней структурой. Его главы как бы соответствуют последовательно разворачивающимся этническим пластам, от древнейшего населения Юго-Восточной Азии, выветов и мон-кхмеров, к тайским, бирманским и индонезийским народам. В то же время эти пласты пронизаны единой решеткой стержневых тем, последовательность которых довольно строго выдержана во всех главах. Каждая глава превращается историческим очерком, затем следует описание основных занятий, поселения и жилищ; пищи, одежды, общественных и семейных отношений, народных развлечений, религиозных воззрений и современной культурной жизни всех крупнейших народов, населяющих данную страну. В описании малых народов в более сжатой форме выдерживается та же схема.

Объем трудностей, вставших перед авторами при описании столь пестрого по этническому составу региона, бесспорно, был громаден, и справедливость требует признать, что в целом эти трудности были преодолены весьма успешно. Достаточно сказать, что сводный список только тех народов, по которым в томе приведены данные о численности, охватывает более трехсот этнонимов. Многие из входящих в это число народов распространены в нескольких странах Юго-Восточной Азии, например, малайцы, китайцы, мяо и яо, и между разными их группами при наличии многих общих черт имеются и существенные различия и, главное, различна та роль, которую они играют в общественной жизни той или иной страны. Вообще в этом регионе границы государств почти нигде не совпадают полностью с этническими. От авторов и особенно от редакторов потребовался колоссальный труд, чтобы изложить все существенное в столь сжатом объеме (70 учетно-издательских листов), избежав повторений и несоответствий. В большинстве случаев им это вполне удалось.

В принципе тома серии «Народы мира» представляют собой не строго научно-исследовательское, а скорее научно-популярное и информационно-справочное издание. Однако во всех них велик удельный вес подлинной научно-исследовательской работы, что полностью относится и к рассматриваемому тому. Он не только в ряде случаев вводит в науку новый фактический материал, но и изобилует новыми, интересными и плодотворными концепциями. Этот высокий научный уровень проявился прежде всего в святой святых всякой научной работы — в систематизации и классификации. Помимо устоявшейся и ставшей общепринятой в нашей науке этнолингвистической классификации народов, авторы проводят целый ряд других ценных систематизирующих принципов: деление всего региона на две зоны — островную и материковую, деление всех

местных языков, безотносительно к их генетическим связям, на языки древних равнинных цивилизаций и архантные языки горных народов, деление многонациональных общностей, подобных филиппинской, на основные народы и национальные меньшинства и т. д. С другой стороны, подвергаются убедительной критике и отбрасываются устаревшие, но обладающие большой инерцией традиции классификационные принципы, например, деление на протомайяцев и дейтеромайяцев.

Том предваряется обширным введением, состоящим из разделов, посвященных природе и населению, древней этнической истории, языкам и письменностям стран Юго-Восточной Азии. Особенно интересна глава «Первоначальное заселение и древнейшая этническая история». Здесь в краткой, насыщенной и доступной широкому читателю форме излагаются интереснейшие специальные вопросы. Так, вначале описываются условия жизни древнейших людей — питекантропов, соотношение их с загадочными мегантропами, орудия, которые они использовали. В последнем вопросе убедительно показывается несостоятельность концепции Мовпуса о разделении древнейшего человечества на западную провинцию ручных рубил и восточную провинцию чопперов. Очень интересны страницы, посвященные постепенной смене австралоидов в Юго-Восточной Азии монголоидами. Вообще столь подробный анализ возникновения, эволюции и современного распределения расовых типов в Юго-Восточной Азии дается в литературе впервые. Однако в анализе неолитических культур и их возможных этнических связей большую часть места занимает подробное рассмотрение гипотез Р. Гейне-Гельдерна, хотя, как указывает сам автор, они отнюдь не убедительны. Кстати, взгляды Гейне-Гельдерна подробно излагались и в томе «Народы Австралии и Океании», и в томе «Народы Восточной Азии», и может создаться впечатление, что после них в науке ничего существенного сказано не было. С другой стороны, очень важный симпозиум «Переселения малайополинезийцев», опубликованный в 1964 г., в журнале «Current anthropology», хотя и упомянут в библиографии, но в тексте почти не отражен.

К достоинствам этой главы надо отнести обоснование самобытности многих специфических явлений культуры народов Юго-Восточной Азии. Удачен анализ эпохи бронзы и раннего железа, а также особенностей путей развития классового общества в этом регионе. Проблемам хозяйственно-культурных типов уделено немного места по сравнению с томом «Народы Восточной Азии», где им посвящена отдельная глава, но изложенная здесь в сжатой форме классификация, в основу которой положена концепция Я. Аве, с разделением подсечных, мотыжных, мотыжно-заливных, загонных и плужных форм земледелия, очень оригинальна и интересна.

Две краткие главы, посвященные языкам и письменностям, дают четкую и логичную классификацию рассматриваемого материала и содержат ряд оригинальных идей о стадийных и структурных соотношениях языков Юго-Восточной Азии. Особенно интересен, хотя и спорен, тезис о том, что китайско-тибетские, аустразиатские и аустронезийские языки — ответвления единого тихоокеанского ствола на разных фазах его эволюции.

Описание конкретных народов начинается с населения Вьетнама. Хотя вызывает некоторое сожаление то, что отдельные народы лишь названы или упомянуты вскользь, без раскрытия их особенностей, тогда как, судя по таким же беглым упоминаниям в других частях текста, они представляют большой интерес (например, санти, сафанг и куйтау), тем не менее в целом можно сказать, что мировая литература еще не знала столь исчерпывающего и всеобъемлющего описания большинства народов многонационального Вьетнама.

С удовлетворением знакомится читатель и с описанием населения других стран Индокитайского полуострова. Материальная культура, занятия, обряды описаны красочно, живо, на редкость подробно и всесторонне. Но при чтении возникает ряд вопросов. Например, бросается в глаза сходство верований бирманцев и кхмеров — «харонова плата» во рту покойника, нечетное число ступенек в доме и др. Однако неизвестно, есть ли эти поверья в Таиланде и Лаосе — в соответствующих главах о них ничего не говорится. Вообще большое число элементов культуры, общих для разных стран — приемы возделывания риса, конструкция свайного жилища, паста из квашеной рыбы — описаны очень подробно в каждом случае, и каждый раз сообщается что-то новое, но иногда все же остается неясным, какие детали характерны только для данного народа, а какие — общие для всего региона.

Народам Индонезии в томе уделено 230 страниц, тогда как весь материковый Индокитай, со всем его колоссальным этническим многообразием, включая всю Малайзию и Сингапур, получил лишь на сто страниц больше. Это говорит о некоторой диспропорции между частями тома: более справедливое распределение площадей позволило бы подробнее охарактеризовать малоизвестные этнические группы Вьетнама, Лаоса и Бирмы, о которых в силу нехватки места сказано явно недостаточно. Конечно, в Индонезии тоже много народов: одним лишь крупным народам и основным группам мелких пришлось посвятить 28 отдельных глав, однако, все эти народы и генетически, и культурно близко родственны, и их можно было бы описать компактнее.

Впрочем, этим можно и ограничить критические замечания в адрес этнографического описания народов Индонезии. По существу же, т. е. по полноте сообщаемых сведений, стройности и логичности, а также живости и доходчивости изложения, благодаря которым этнические очерки читаются с захватывающим интересом, эта часть тома стоит на столь же высоком уровне, как и предыдущая.

Последний раздел тома, «Народы Филиппин», является, пожалуй, наиболее слабым. В этом отразилась, разумеется, слабая изученность народов Филиппин в советской этнографической науке, вызванная не только полным отсутствием доступа к новейшим полевым материалам, но и нехваткой литературы о Филиппинах в наших книгохранилищах.

И тем не менее нельзя не отметить, что многое в этом разделе могло бы быть изложено гораздо содержательнее. Довольно сбивчиво и беспомощно описаны общинная организация и семейные отношения у тагалов, не говоря уже о других народах. Какой резкий контраст представляют эти страницы с описанием тех же институтов у яванцев или минангкабау! Вообще описание основных («христианских») народов Филиппин в наименьшей степени способно удовлетворить интерес читателя, тогда как горные народы как Лусона, так и Минданао описаны в целом все же лучше.

Особо хочется остановиться на исторических очерках, открывающих каждую региональную главу. В том, что касается древней и средневековой истории, охватывающей основной период сложения этнического состава каждой страны, очерки должны быть высоко оценены. Но это не всегда можно сказать о разделах, посвященных описанию истории новейшего времени и характеристике современной политической жизни. Разумеется, трудно требовать от этнографа, чтобы он в деталях разбирался в тонкостях партийной и парламентской системы или рабочего движения изучаемой страны, да и не в этом основная задача книги. Но «Народы мира» были все же задуманы как комплексное издание, которое должно давать читателю представление о самых разных сторонах жизни описываемых народов. Может быть, следовало бы привлечь к написанию исторических очерков специалистов-историков. В данном томе это сделано только в отношении Филиппин. Но и очерк истории Филиппин дает довольно слабое представление о послевоенных событиях в этой стране. Между тем, описание современной политической обстановки необходимо, чтобы читатель мог понять факторы национального развития. Несколько схематична и лапидарна та часть очерка истории Таиланда, где говорится о послевоенном периоде. В общем те же упреки могут быть сделаны в адрес исторического очерка в разделе «Народы Бирмы». Здесь недостаточно подробно говорится о серьезных проблемах, которые стоят перед нынешним правительством Бирмы, в том числе о продолжающейся гражданской войне и сепаратистских движениях.

Напротив, исторические очерки по Вьетнаму, Лаосу и Индонезии свободны от отмеченных недостатков, в них хорошо отражен тот интерес к современности, под знаком которого создавалась вся серия «Народы мира». Особенно хочется в этом плане выделить превосходный исторический очерк в разделе «Народы Индонезии».

При всех изложенных выше критических замечаниях научная работа авторского и редакторского коллектива, без сомнения, в своей совокупности заслуживает самой высокой оценки. Жаль, что этого нельзя сказать об уровне оформления книги. Речь здесь не идет о таких внешних показателях, как качество печати, переплет, графическое оформление и так далее. В этом плане том выглядит как раз очень аккуратно и может считаться одним из лучших в серии. Речь идет о качестве издательско-корректорской работы над текстом. Дело не только в оставшихся незамеченными опечатках. В конце концов в большинстве случаев необходимую корректуру может внести и сам читатель. Но для того, чтобы читатель легко и плодотворно мог освоить весь огромный объем содержащейся в томе информации, ему совершенно необходим надежный вспомогательный аппарат. Между тем, приложения к тому — список иллюстраций, глоссарий, индекс — не всегда достаточно надежны. Глоссарий в данном виде вообще не сообщает никакой новой информации по сравнению с содержащейся в тексте; он, как правило, дает отсылку только на одну страницу и содержит слова, которые, помимо самого текста, читатель вряд ли откуда-либо сможет почерпнуть. Указатель иллюстраций сделан довольно небрежно — встречаются отсылки не на те страницы (стр. 417, 429 и др.), есть отсылки на несуществующие иллюстрации и заставки (стр. 390, 695), явно перепутаны подписи на стр. 599 и авторство иллюстрации на стр. 612. Перечень таких погрешностей можно было бы продолжить.

Рецензируемая книга имеет большую научно-познавательную ценность. Она могла бы служить надежным, богато документированным пособием как для специалистов — этнографов, археологов, антропологов, историков, географов, страноведов, искусствоведов, так и для студентов, преподавателей, журналистов, издательских работников и многих других очень широких категорий читателей. Такая книга должна была бы в течение ряда лет не исчезать из продажи, чтобы обслуживать новые поколения нашей учащейся молодежи. К сожалению, эти благие пожелания приходится высказывать в сослагательном наклонении, ибо крайне малый тираж для книги такого характера, всего 3000 экземпляров, делает практически невозможным ее доступ на книжные полки не только такого массового читателя, как студенты, но даже и большинства специалистов.

«Афганско-русский словарь». Составил М. Г. Асланов, М., 1966.

Афганский язык пушту является одним из двух государственных языков Афганистана. В Советском Союзе пушту начали изучать и преподавать в Московском институте востоковедения в 1939 г. Первым преподавателем этого языка стал теперь уже известный афганист М. Г. Асланов.

М. Г. Асланов начинал преподавание на «пустом месте». Не было ни учебников, ни учебных пособий. Все приходилось создавать самому. Особенно остро ощущалось отсутствие афганско-русского словаря. Эту трудоемкую, но очень нужную работу М. Г. Асланов начал в 1940 г. Долгие годы посвятил он работе, результатов которой с нетерпением ждали все советские афганисты.

В настоящее время в СССР число знающих пушту немалое и оно увеличивается с каждым годом. Изучение и преподавание языка пушту поставлено на прочной основе. Ученики М. Г. Асланова и ученики его учеников преподают пушту в различных учебных заведениях СССР, занимаются научной работой. Появились грамматики, учебники и учебные пособия. Написаны научные работы, защищаются диссертации.

В августе 1966 г. из печати вышел «Афганско-русский словарь» М. Г. Асланова. Выход в свет этого словаря еще раз свидетельствует о больших успехах в области изучения языка пушту в СССР.

До рецензируемого словаря в СССР напечатано четыре словаря: два русско-афганских и два афганско-русских. Но все они малы по объему и не могли в должной мере удовлетворить потребности переводчиков и специалистов по языку пушту.

«Афганско-русский словарь» М. Г. Асланова содержит пятьдесят тысяч слов. После каждого заглавного слова дается его произношение в транскрипции, основанной на русской графике. Эта транскрипция разработана автором словаря еще в первые годы его педагогической деятельности. Каждому афганскому слову дана грамматическая характеристика, указываются ударение и грамматические формы слова. В качестве примеров приводится много пословиц и поговорок, устойчивых словосочетаний и идиоматических выражений.

В состав лексики словаря вошли как слова западной ветви, так и восточной, а также некоторые областные (бытующие в пуштунских районах Пакистана). Географические названия даны не в виде приложения, а включены в корпус словаря. Это в какой-то степени облегчает пользование словарем, так как в афганских текстах не всегда можно понять, что определенное слово является географическим названием. К большим достоинствам словаря относятся хорошая разработка значений глаголов, употребление предлогов и послелогов. Например, словарная статья предлога «пъ» занимает более страницы. Очень хорошо и довольно полно даны значения и употребление таких слов, как лас «рука», стърга «глаз», пша «нога» и др.

В словаре широко представлены не только названия важнейших племен и родов пуштунов, но и других этнических групп Афганистана. Это, естественно, увеличивает его ценность и расширяет круг пользующихся им. Он принесет пользу и изучающим этнографию Афганистана.

Одной из положительных сторон словаря является наличие в нем собственных имен с указанием их произношения. Нужно сказать, что собственные имена для изучающих пушту представляют некоторую трудность. Теперь словарь поможет правильно ориентироваться в произношении собственных имен и названий племен.

Следует еще отметить тот труд автора словаря, который он вложил в расшифровку ботанических и зоологических терминов. Мы должны признать, что ботаническая и зоологическая терминология в изданных у нас словарях языка пушту и персидского языка была не на должном уровне. В словаре же М. Г. Асланова, помимо русского перевода, например, ботанического термина, дается и латинское его название.

Включение в словарь разнообразной лексики из многих отраслей знаний дает возможность пользоваться им при переводе общественно-политической, художественной и некоторой специальной литературы.

Жаль, что такому хорошему словарю предпослано не совсем удачное предисловие. Оно создает впечатление, что автор предисловия далек от афганского языка и плохо знаком с уже изданными словарями. Странно, как мог написать Н. А. Дворянков, который сам не раз бывал в Афганистане и должен быть знаком с языком пушту и со всеми словарями, такое предисловие, которое вводит в заблуждение читателей и создает неправильное представление о трудах советских и афганских авторов. Чтобы не быть голословным, обратимся к самому предисловию. В нем сказано: «К сожалению, все словари, вышедшие до сих пор, в том числе изданные в Афганистане и в СССР, помимо недостаточного охвата лексики, неполного или неточного ее перевода, страдают многими другими лексикографическими недочетами. В них (за исключением «Пахто синд») обычно не указывается ударение в словах, имеющее в пушту очень важное значение».

Каждый афганист, каждый студент, изучающий пушту, хорошо знаком со словарями, изданными в СССР. Тот, кто ими пользуется, знает, что во всех этих словарях (а их четыре) и даже во всех учебниках указано ударение в афганских словах. Спра-

ведливость нужно восстановить и относительно двухтомного словаря «Пашто камус», изданного в Афганистане. В нем также дается ударение в словах.

В предисловии написано, что на пушту «ведется делопроизводство». Всякий, кто побывал в Афганистане, кто связан с ним по своей практической деятельности, знает, что это не соответствует действительности.

Много неточностей допущено в указании расселения пуштунов: из 15 млн. пуштунов в самом Афганистане проживает 8 млн. Совсем не указано, что пуштуны живут в северных районах западного Пакистана.

Трудно также согласиться с автором предисловия, что жители Читрала и города Лахора говорят на языке пушту.

При характеристике языка пушту автор предисловия совсем не упомянул о такой характерной особенности синтаксиса пушту, как эргативная конструкция, которая является камнем преткновения для всех изучающих пушту.

Мы надеемся, что во втором издании это предисловие будет исправлено.

В заключение я хочу сказать, что «Афганско-русский словарь» М. Г. Асланова нужен не только переводчикам, преподавателям и студентам, изучающим пушту, он нужен и научным работникам. За последние годы экономические и культурные связи СССР и Афганистана расширяются и крепнут. В Афганистане находится много наших специалистов, а в СССР в различных учебных заведениях учатся студенты из Афганистана. Естественно, что этот словарь будет в какой-то степени помогать и нашим афганским друзьям в изучении русского языка. Он станет настольной книгой всех тех, кто в своей деятельности связан с пушту.

Советские афгановеды, советская научная общественность приветствуют выход в свет первого большого «Афганско-русского словаря» и выражают благодарность М. Г. Асланову за создание этого фундаментального труда, столь необходимого для практической и научной работы. Мы также признательны издательству за хорошее его оформление. Напечатан словарь на хорошей бумаге, хорошим удобочитаемым шрифтом.

К. А. Лебедев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

M. Barnet. *Biografía de un cimarrón*, La Habana, 1966, 229 стр.

В 1962 г., через несколько месяцев после образования на Кубе Института этнологии и фольклора, в планы молодого научного учреждения был включен сбор материалов о сохранившихся в некоторых провинциях остатках жилищ, где селились в прошлом столетии негры-рабы. В группу исследователей, руководимую директором Института Архелиерсом Леоном и Хуаном Пересом де ла Рива, входил двадцатидвухлетний Мигель Барнет, специализировавшийся на изучении культур африканского происхождения. Однако хотя ученым удалось довольно тщательно обследовать покинутые руины, сведения о жизни здесь рабов были более чем скудны.

На следующий год в печати появились упоминания, что в Лас-Вильяс до сих пор живы несколько мужчин и женщин преклонного возраста, свидетелей войны за независимость и периода рабства. Один из них, негр Эстебан Монтехо, которому незадолго до этого исполнилось 105 лет, беглый раб, мамби — участник освободительного движения на Кубе, сохранивший прекрасную память и колоритнейший язык, сразу же привлек внимание Барнета. Первые встречи и беседы длились почти по пять часов. Монтехо, серьезный и бодрый человек с совершенно седой головой, подробно отвечал на многочисленные вопросы своего собеседника.

Сначала речь шла об афрокубинских религиях, о жизни беглых рабов в лесах и о других вопросах. Через несколько недель Барнет смог представить себе широкую панораму впечатлений Эстебана, которые были настолько интересны, ярки и многообразны, что исследователя не оставляла мысль подробно в хронологическом порядке записать все рассказы и, быть может, напечатать их отдельной книгой. Эту идею поддержали сотрудники Института и известный мексиканский этнограф Рикардо Посас, автор подобного произведения о жизни индейцев.

После того как были намечены основные темы и вопросы для бесед, начались ежедневные встречи с Монтехо, продолжавшиеся в течение года. Сначала он не очень охотно делился своими воспоминаниями, а потом даже сам подкашивал некоторые моменты, о которых Барнет забывал спросить. Ученого прежде всего интересовали вопросы этнографического и фольклорного характера. Когда записей накопилось достаточно много, Барнет, стремясь запечатлеть все богатство языка своего собеседника, сохранить его обороты, его синтаксис, архаичные выражения и манеру изложения, решил использовать магнитофон.

Но, конечно, многочисленные сведения, полученные от рассказчика, нуждались в сравнении с другими историческими источниками. Барнет принялся за изучение произведений кубинских костюмбристов прошлого века, записок путешественников, трудов гидных современных историков Морено Фрахиалеса и Фернандо Ортиса, знатоков сбыта цветного населения страны. Исследователю пришлось познакомиться со многими справочными изданиями, историей округов Сьенфуэгос и Ремедиос. Вместе с тем, вопросы, аналогичные задаваемым Монтехо, задавались и другим жителям тех мест, и это позволяло уточнить детали и наметить новые темы для следующих интервью.

Материалы, записанные на магнитофонные ленты, постепенно и осторожно переносились на специальные карточки, систематизировались, и на их основании готовился окончательный текст. И вот через некоторое время, когда вся эта долгая и кропотливая работа была завершена, летом 1966 г., на прилавках книжных магазинов появилась книга, изданная Академией наук Кубы. Хотя тираж книги был 8 тысяч экземпляров, она была моментально раскуплена и, вызвав восторженный гул критики, уже через несколько дней стала библиографической редкостью.

Многие кубинские этнографы, литературоведы, историки считают книгу Мигеля Барнета «Биография беглого раба» одним из наиболее значительных достижений кубинской науки и литературы 1966 г. Умелый отбор сведений, деталей, биографических и социологических подробностей, сохранение оригинального языка создают законченный литературный образ свидетеля важной эпохи. В этом художественное достоинство книги, давшее повод критикам назвать ее истинным романом.

Книга, включающая три крупных раздела: «Рабство», «Отмена рабства» и «Война за независимость», написана составителем от первого лица, что придает ей большую непосредственность. С начальных страниц читатель знакомится с рассказчиком, узнает его мнение о природе и происхождении рабства. Затем следует обстоятельное повествование о рождении, первых годах жизни и продаже Монтехо в рабство, о начале работы на плантациях в Флоро-де-Сагуа, где трудилось более 200 рабов. Отчетливые воспоминания остались у собеседника Барнета о тогдашней технике труда на сахарном заводе, об эксплуатации малолетних негров (в девять лет они уже «работали как во-лы») и о жизни рабов в специальных бараках, интерес к которым и привел ученого к Монтехо. Такие деревянные, позже иногда каменные сооружения начали строиться на Кубе в 1830-х годах. Это были длинные побеленные сараи всего с одной дверью, которую управляющий запирали на ночь. На земляном полу в два ряда стояли нары. Здесь жили негры-рабы и китайцы, работавшие на сахарном заводе. Подробно описывается в книге быт обитателей барачных, их одежда, пища, верования, отношения между собой. Монтехо живо рассказывает о воскресных праздниках, играх, танцах, музыкальных инструментах. Когда речь заходит о религиях, Барнет получает в ответ на вопросы интересные сведения о двух африканских культах и об отношении соплеменников Эстебана к католическим священникам.

Хозяева и управляющие обращались со своей живой собственностью, как со скотом: заботились о потомстве сильных негров (их «породистые дети стоили около пяти-сот песо») и зверски наказывали за малейшую провинность. На два-три месяца на виновного надевали колодки, но чаще всего рабов просто били плетью. Отсутствие минимальных гигиенических условий вело к заболеваниям, от которых пытались спастись травами, отваром и разговором.

В леса бежали немногие. Люди боялись леса и страшились быть пойманными. Но Монтехо не выдержал жизни в бараке и, повздорив с управляющим, решил убежать. Он долго скрывался в лесу, опасаясь преследования хозяев, которые для поимки беглых держали специально выдрессированных собак, жил охотой, собирал травы, пчелиный мед, даже готовил себе табак и кофе. Затем полтора года он в одиночестве прожил в пещере Гуахабан близ Ремедиоса. Это обстоятельство заинтересовало президента Академии наук Кубы, известного спелеолога Антонио Нуньеса Хименеса, и Монтехо рассказал ему подробности своего пещерного существования. Большой знаток и любитель природы, Эстебан много бродил по лесу, прислушиваясь к пению птиц, наблюдая деревья, растения. Однажды он поднялся на холм недалеко от городка Тринидад, откуда впервые увидел море, представлявшееся ему до того огромной рекой. Своему собеседнику он поведал также о своих представлениях о душе, сердце и ангеле, сложившихся в ту пору.

Эстебан долго не верил доходившим до него слухам об отмене рабства после окончания десятилетней войны 1868—1878 гг. И все же вскоре он вышел из леса и принялся искать работу.

Во втором разделе повествуется о том, как Монтехо трудился на крупном сахарном заводе Пурио. Там, как и прежде, было много управляющих, но они уже не били негров. Почти все рабочие — негры, китайцы, филиппинцы — в прошлом были рабами и придерживались своих старых привычек. Они жили все в тех же бараках, которые, правда, теперь не запирались на ночь и были более приспособлены для жилья. Рассказчик вспоминает об обычаях окружавших его людей, об их праздниках, в особенности дне св. Хуана, отмечавшемся 24 июня, развлечениях, среди которых значительное место принадлежало петушным боям по воскресеньям. Монтехо просто и

безыскусственно говорит о социальных отношениях, положении женщины, денежной системе и т. д. По независимости своего характера он не смог долго прожить в Пурто. Бродил с одного сахарного завода на другой, наконец устроился на постоянную работу в Ариосе, рубил сахарный тростник. Из его рассказов можно почерпнуть много сведений по свадебным и погребальным обрядам, семейным отношениям рабочих, китайским общинам в Сагуа-ла-Гранде, технике производства, которую пытались усовершенствовать наезжавшие американские и английские специалисты. В памяти Монтехо сохранились предания о тогдашних разбойниках, в частности о самом популярном из них — Мануэле Гарсии. В заключении раздела снова говорится о религиях (Монтехо уважает всех богов, но африканских считает более сильными) и дается высокая оценка подвигам негров в войне за независимость Кубы.

В декабре 1895 г. Эстебан и несколько его товарищей, поняв, что «нужно было поднять голову», решили вступить в армию мамби. Скоро, уйдя с сахарного завода, с мачете в руках они присоединились к войскам Антонио Масео. С этого начинается последний, особенно важный раздел книги, Монтехо делится собственными впечатлениями о битве при Маль-Тиемпо, подчеркивает, что больше всего испанцы боялись мачете. Он принял участие также в сражениях при Ла-Олайта, Эль-Мамей, Арройо-Прието. Отрицательно характеризует он некоторых командиров — Тахо, «конокрада в форме освободителя», и полковника Кайито Альвареса. Оба оказались изменниками. Часто его оценка очень узка и субъективна, но иногда она вполне справедлива, например в характеристике генерала Масео и в восторженном рассказе о подвигах негра Кинтина Бандераса. Подробно описывается окончание войны и праздник в Гаване.

Рассказчику присуще резко отрицательное отношение к северо-американцам, после войны фактически превратившим страну в свою колонию. В этом он опирается на конкретные примеры — первое вооруженное столкновение жителей городка Сьенфуэгос с американскими солдатами в 1899 г., поводом для которого послужило дерзкое поведение последних.

После войны Эстебан Монтехо жил в Ремеднсе, работал вновь на сахарных заводах, перепробовал множество занятий и обошел почти все селения провинции Лас-Енльяс.

К тексту приложены примечания и небольшой словарь, объясняющий некоторые специфические слова и выражения, присущие Монтехо и сохраненные в повествовании.

Появление книги Барнета, далеко выходящей за рамки «Этнографического рассказа от первого лица», работа кубинских этнографов и фольклористов над подобными темами поистине симптоматичны. Кто до революции интересовался образом жизни негров, их отношением к тем или иным событиям, их формой мышления? Ценность книги прежде всего в ее документальности, это законченный рассказ о важных исторических событиях, принадлежащий человеку, который принял участие в них, представителю тогда униженного и угнетенного класса. Но Барнет не считает свою работу историческим сочинением. «История появляется в ней, поскольку это жизнь одного человека, проходящего сквозь нее», — говорит он в предисловии. Составитель не стремится досконально восстановить все детали конкретной эпохи во времени и пространстве. Его интересует техника обработки земли, церемонии, праздники, пища, об этом он получает объективные сведения, хотя не всегда с точным указанием лет. Вместе с тем книга отражает человеческие чувства, восприятие жизни свидетелем давних событий. Это взгляд одного человека, часто субъективный, но всегда естественный. Переживания Монтехо близки многим людям его национальности.

Очень ценны содержащиеся в книге сведения о социальной обстановке в бараках и о жизни беглого раба в лесах, о способах добывания огня, охоты. В научной литературе до сих пор не было достаточной информации об этом.

Работа определенно заинтересует лингвистов, ибо в ней сделана попытка восстановить форму разговорного языка, присущую части кубинского населения и во многом ушедшую в прошлое. Этнограф, социолог, историк, фольклорист найдут в книге много интересных материалов для анализа прошлого Кубы и его сопоставления с современной действительностью.

Мигель Барнет не считает начатую работу завершенной. Поэтому он не делает широких обобщений и решающих выводов. Предстоит собрать еще много данных, сравнить их с историческими источниками. В настоящее время молодой ученый, продолжая свой несомненно удавшийся эксперимент, записывает беседы с другим многолетним свидетелем прошлого — кубинкой, которая помнит войну за независимость, но рассматривает ее иначе, чем Эстебан Монтехо. Это одна из сторон большой и нужной работы, проводимой Институтом этнологии и фольклора Академии наук Кубы.

Б. В. Лукин

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Полвека советской этнографии	3
В. П. Алексеев (Москва). Изучение антропологического состава населения СССР за 50 лет	25
В. К. Соколова (Москва). Советская фольклористика к 50-летию Октября	44
И. С. Гурвич (Москва). Некоторые проблемы этнического развития народов СССР	62
И. С. Вдовин (Ленинград). Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти	78
Н. А. Кисляков (Ленинград). Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (По материалам Средней Азии и Казахстана)	92
С. А. Гонимонский (Москва). Великий Октябрь и народы Латинской Америки	105
М. С. Иванов (Москва). Современные национальные процессы в Иране	118
С. А. Токарев (Москва). О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран	133

Сообщения

Н. И. Игогин (Москва). Использование материалов аэрофотосъемки в этнографических исследованиях	143

Поиски, факты, гипотезы

В. А. Никонов (Москва). Личное имя — социальный знак	154

Научная жизнь

Я. С. Смирнова (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1966 г.	169

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Л. М. Сабурова (Ленинград). Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 гг.	173

Общая этнография

Ю. И. Семенов (Рязань). Новые американские издания «Древнего общества» Л. Г. Моргана	182

Народы СССР

Х. Аргынбаев, В. Я. Басин. (Алма-Ата). [Э. А. Масанов] Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР	186
Н. Н. Степанов, Д. А. Сергеев (Ленинград). Ч. М. Таксами. Нивхи (Современное хозяйство, культура, быт)	189
В. И. Васильев (Москва). Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки	192
С. Г. Лазутин (Воронеж). Современный русский фольклор	195

Народы зарубежной Азии

Г. Е. Комаровский (Москва). Народы Юго-Восточной Азии	198
К. А. Лебедев (Москва). М. Г. Асламов. Афганско-русский словарь	202

Народы Америки

Б. В. Лукин (Ленинград). <i>M. Barnet. Biografia de un cimarrón</i>	203

На первой странице обложки: В. И. Ленин. Резьба по дереву. Работа В. Буклея (УССР)

SOMMAIRE

A. I. Perchitz, N. N. Tcheboksarov (Moscou). Cinquante ans d'ethnographie soviétique	3
V. P. Alexéev (Moscou). Étude de la composition anthropologique de la population de l'U.R.S.S. pendant les cinquante années du pouvoir Soviétique	25
V. K. Sokolova (Moscou). Les réalisations des études folkloriques soviétiques pour le cinquantième anniversaire d'Octobre	44
I. S. Gourvitch (Moscou). Certains problèmes de l'évolution ethnique des peuples de l'U. R. S. S.	62
I. S. Vdovine (Léningrad). La voie socialiste du développement des petits peuples du Nord pendant les cinquante ans du pouvoir Soviétique	78
N. A. Kisliakov (Léningrad). Les problèmes de famille et des mariages dans les travaux des ethnographes soviétiques (d'après les données de l'Asie Centrale et du Kazakhstan)	92
S. A. Gonionski (Moscou). Le Grand Octobre et les peuples de l'Amérique Latine	105
M. S. Ivanov (Moscou). Processus nationaux actuels en Iran	118
S. A. Tokarev (Moscou). A propos de l'étude des problèmes ethnographiques des peuples des pays industrialisés	133

Communications

N. I. Igonine (Moscou). Utilisation dans les études ethnographiques des données de la photographie aérienne	143

Recherches, faits, hypothèses

V. A. Nikonov (Moscou). Nom propre en tant que signe social	154

La vie scientifique

Ya. S. Smirnova (Moscou). Session consacrée aux résultats des explorations ethnographiques et archéologiques effectuées sur le terrain en 1966	169

Critique et bibliographie

Articles et aperçus de critique

L. M. Sabourova (Léningrad). Ouvrages sur les fêtes et les rites nouveaux publiés entre 1963 et 1966	173

Ethnographie générale

Yu. I. Sémionov (Riazan). Les nouvelles éditions américaines de la «Société antique» de L. H. Morgan	182

Peuples de l'U. R. S. S.

K. Arghynbaev, V. Ja. Bassine. (Alma-Ata). <i>E. A. Massanov. Essais d'histoire de l'étude ethnographique du peuple kazakh en U. R. S. S.</i>	186
N. N. Stepanov, D. A. Sergueev. (Léningrad). <i>Tch. M. Taksami. Les Nivkhi (économie actuelle, culture, vie courante)</i>	189
V. I. Vassiliev (Moscou). <i>L. V. Khomitch. Les Nénets. Essais historiques et ethnographiques</i>	192
S. G. Lasoutine (Voronège). Le folklore russe de nos jours	195

Peuples de l'Asie étrangère

G. E. Komarovski (Moscou). Peuples de l'Asie du sud-est	198
K. A. Lébédév (Moscou). <i>M. G. Aslanov</i> . Le dictionnaire afghano-russe	202

Peuples de l'Amérique

B. V. Loukine (Léningrad). <i>M. Barnet</i> . Biografia de un cimarrón	203

Sur la couverture: V. I. Lénine. Sculpture sur bois. Oeuvre de V. Boukley (RSS d'Ukraine)

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова,
С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. главного редактора), В. Н. Чернецов

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Технический редактор *Е. И. Гришина*

Сдано в набор 21/VII-1967 г. Т-14770 Подписано к печати 31/X-1967 г. Тираж 1900 экз.
Зак. 6835. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2 Бум. л. 6¹/₂ Уч.-изд. листов 20,1

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10